МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Лёвкина Анастасия Олеговна

ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Специальности 09.00.01 – онтология и теория познания (философские науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант:
доктор философских наук,
профессор С.М. Халин

Тюмень

2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ……..…… 4

1. Устойчивое инновационное развитие общества как онто-гносеологическая проблема …….. 43

1.1 Сущность устойчивого развития общества…….…… 43
1.1.1 Основные категории философского осмысления инноваций..... 43
1.1.2 Подходы к пониманию и формированию устойчивого развития общества ……. 55
1.1.3 Объективные основания устойчивого развития общества …… 66
1.2 Альтернативные пути выхода из межцивилизационного периода ... 76
1.2.1 Предпосылки и перспективы развития общества знаний в современном социальном контексте ……..…….. 76
1.2.2 Ценности и принципы инновационного развития при социализме и капитализме ……..……... 88
1.2.3 Коннотации технократии в дискурсе о формах инновационного развития общества ……..…… 103

2. Онто-гносеологические аспекты проблем современного инновационного развития…… 122

2.1 Сущность инновационного развития …….. 122
2.1.1 Феномен и виды инноваций.……..…….. 122
2.1.2 Анализ современных подходов к инновационному развитию общества 138
2.1.3 Значение инноваций для устойчивого развития общества …… 153
2.2 Философские аспекты социально-экономических проблем и противоречий инновационного развития общества…….. 159
2.2.1 Логико-смысловой анализ основных понятий в инновационном развитии общества ……..…… 159
2.2.2 Фундаментальные противоречия и проблемы устойчивого инновационного развития общества ……..……... 178
2.2.3 Системные ограничения инновационного развития в онтогенезе устойчивого развития гуманистического общества …… 194
2.2.4 Онтологические аспекты инноваций во взаимосвязи с феноменом власти ……..…… 218
2.2.5 Феноменология свободы и творчества в инновационном развитии гуманистического общества ……..……..... 229
2.3 Проблема самоидентификации субъекта принятия решений в области инновационного развития …… 239
2.3.1 Онто-гносеологические противоречия в позициях изобретателя и предпринимателя в процессе инновационного развития …… 239

2.3.2 Приоритеты устойчивого инновационного развития в условиях онто-гносеологических противоречий в позициях власти, бизнеса и общества 248
2.3.3 Роль гуманистических ценностей в самоидентификации субъектов устойчивого инновационного развития 260

3. Философская основа принятия решений в области устойчивого инновационного развития общества 281

3.1. Философская концепция устойчивого инновационного развития общества..... 281
3.1.1 Ценности гуманизма как основа современного социального заказа на новый вид цивилизационной идентичности 281
3.1.2 Принципы устойчивого инновационного развития общества 289
3.1.3 Требования к социально-экономической системе, обеспечивающей целостность общественных усилий, направленных на устойчивое инновационное развитие 299
3.2. Философские основания выбора приоритетов и оценки эффективности устойчивого инновационного развития 312
3.2.1 Этика инновационного развития общества в современном социальном контексте 312
3.2.2 Логика применения философской концепции устойчивого инновационного развития общества 317
3.2.3 Методологические требования к осмыслению эффективности инновационных систем, направленных на устойчивое инновационное развитие общества 328
3.3. Применение философской концепции устойчивого инновационного развития к анализу актуальных феноменов инновационной сферы общества.... 334
3.3.1 Экономическое исследование эффективности инфраструктуры поддержки инноваций 334
3.3.2 Социально-политологическое исследование направленности гражданских инициатив 347
3.3.3 Психолого-экономическое исследование готовности людей трудиться без монетарного вознаграждения в условиях удовлетворенности базовых потребностей 358
3.3.4 Социально-философский анализ стратегических приоритетов инновационного развития Тюменского региона 370

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 380

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК..... 394

Введение

Актуальность исследования. С приходом промышленной революции, уже в начале XVIII века антропогенная преобразующая деятельность стала мощным фактором трансформации окружающей среды, социальных отношений, смыслов и поля общественного бытия. Однако, ни стремительное развитие индустриализации, ни последующее развитие и распространение высоких технологий во всех сферах жизни общества не решило основные проблемы человеческой цивилизации: голод, войны, увеличивающееся социальное неравенство, загрязнение окружающей среды.

Тем не менее, многие политические, научные и общественные деятели продолжают возлагать большие надежды на преодоление кризиса, решение глобальных проблем человечества с помощью познавательных возможностей информационного общества (М. Маклюэн, Й. Масуда, М. Кастельс) и развития общества за счет инновационной экономики (Д. Белл, Ф. Фукуяма, А. Тоффлер), сменяющих индустриальную эпоху. Инновационный тип экономики характеризуется непрерывным производством инноваций и значительной долей людей, занятой в инновационной деятельности. В то же время для обеспечения долгосрочной жизнеспособности общества имеет значение не столько фактор непрерывности или количества инноваций, сколько содержание и нацеленность инноваций на устойчивое развитие общества. Переход к инновационной экономике создает новые культурные и цивилизационные условия, большее разнообразие личной и общественной жизни, новые, более сложные сочетания движущих сил и условий разворачивания инновационной деятельности, но не гарантирует трансформации общества на новом более высоком уровне организации, детерминирующем динамическое равновесие (устойчивость) общества. Для такой трансформации необходима гносеологическая рефлексия качественных изменений структуры общественных отношений, способная обеспечить инновационное развитие общества.

Принципиальная нерешенность глобальных проблем при высоких темпах развития инноваций указывает на системный характер кризиса развития общества (К.Ф. Вайцзеккер, А. Вийкман), тесно связанного с состоянием базовых ценностей (Н.И. Лапин) и диалектических противоречий современного этапа развития социальной системы. Согласно законам диалектики, обострившиеся системные противоречия указывают на необходимость качественных преобразований (трансформаций) для обеспечения динамического равновесия системы в будущем. Применительно к перспективам гармоничного существования человека в биосфере, социосфере, ноосфере, это значит, что при переходе к новому уровню развития производительных сил в техногенной и информационной цивилизации диалектические законы развития систем обусловливают неизбежность «глубокой социальной трансформации» (Deep Social Transition [621]), преодолевающей фундаментальные причины современных социальных противоречий.

В терминах синергетики, это означает, что в текущий межцивилизационный период должна произойти «онто-гносеологическая настройка» общества на его потенциальное будущее состояние из спектра состояний, определяемых возможными структурами-аттракторами эволюции. Эта «настройка» осуществляется, прежде всего, через доминирование ценностного компонента культуры современного общества (С.М. Халин), прослеживается в ментальных структурах коммуникаций, в характере общественной деятельности и взаимоотношений.

Несмотря на то, что будущее состояние общества (как открытой системы) нельзя определить достоверно, целесообразно ожидать повышения потенциала его устойчивости, перспективной жизнеспособности за счёт осознанного выбора соответствующих ориентиров его развития. Попытки установить такие общие ориентиры были осуществлены, в частности, в 1987 году в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» [607], однако, несмотря на все усилия воплощения политики устойчивого развития в жизнь, до сих пор общество развивается в русле траектории, ведущей к

социальной и экологической катастрофе [604, 649]. По словам Д. Медоуз, одного из авторов глобальной модели развития человечества, «современная цивилизация по-прежнему полным ходом движется навстречу всеобщей катастрофе», а «политики все еще пытаются идти проторенной дорогой» [186]. Если общество намерено совершить качественный скачок к устойчивому развитию на другой фазе его филогенеза, очевидно, необходимы более глубокие системные трансформации (J. Schot, L. Kanger, E. van der Fleuten). Для осуществления таких системных социетальных трансформаций требуются, прежде всего, соответствующие гносеологические инструменты управления качественной стороной инновационного развития общества. Для понимания существующего и необходимого качества и направленности современного инновационного развития общества, требуется, в первую очередь, философская рефлексия ключевых онтологических и гносеологических аспектов инновационного развития с позиций существующего состояния общества и его возможного устойчивого состояния (динамического равновесия) на следующей фазе филогенеза.

Актуальность философского анализа качества инновационного развития общества и проблемы формирования философско-методологических оснований устойчивого инновационного развития общества ещё более усиливается по мере обострения глобальных проблем человечества. Системный характер данных проблем указывает на необходимость обращения к научно-философской методологии познания развития общества и, соответственно, к научно-философскому пониманию наличного и возможного инновационного развития в контексте долгосрочной жизнеспособности общества. Философское переосмысление результатов современного социально-технологического прогресса и методологических оснований осмысленного проектирования устойчивого инновационного развития имеет ключевое мировоззренческое значение для развития общества и, в первую очередь – развития науки и культуры, так как от качества (в том числе способов) решения проблемы восходящего,

прогрессивного развития человечества напрямую зависят ближайшие перспективы его выживания.

Однако, несмотря на необходимость рефлексии оснований устойчивого инновационного развития общества, сегодня исследовательские усилия концентрируются в основном на изучении «поверхностного слоя» трудностей инновационного развития общества. Общим лейтмотивом современных социально-гуманитарных исследований и философского дискурса в сфере инноваций и инновационного развития является, в основном, изучение онтологической специфики инноваций в существующем культурном контексте, в частности поиск оптимальных инструментов и конфигураций систем инновационного развития для целей повышения конкурентоспособности какой-либо общности в мировой экономике (E.Autio, B.-A. I. Lundvall, A.W. Bryan, Я. Корнаи). Исследования такого характера, безусловно, способствуют пониманию механизмов и процессов современного инновационного развития в существующей системе социально-эконмических отношений, но, в тоже время, не приближают к ответу на вопрос, какие характеристики должны быть присущи устойчивому инновационному развитию общества в контексте необходимости принципиального решения общих глобальных проблем современной цивилизации.

Объективная необходимость поиска онтологических и гносеологических оснований проектирования и развития социальной реальности для устойчивого развития общества обусловливает высокую актуальность проблемы формирования философского инструментария для обеспечения оснований устойчивого инновационного развития общества. К тому же, социально-экономическая и социально-политическая значимость данного вопроса еще более повышается в условиях межцивилизационного периода развития современного общества (А.В. Павлов). В данный период, когда общество пребывает в состоянии культуры между определенными устойчивыми формами, общественными соглашениями и принятыми нормами (З. Бауман), оно особенно пластично или формируемо, малейшее направленное воздействие способно существенным образом повлиять на

ход развития всей общественной системы (И. Пригожин, И. Стенгерс). В этот период разработки методологических оснований для инновационных решений, выборов, действий способны оказаться наиболее глубинным воздействующим фактором, определяющим направление дальнейшего социального развития.

Проблема. Инновационная деятельность играет важную роль в процессах преобразований, трансформации общества. Ее можно рассматривать как особый вид мета-деятельности по отношению к другим видам общественной деятельности, направленную на обеспечение качественных изменений в общественном «организме» (социетальных трансформаций). Однако было бы неоправданным расточительством времени ожидать, что возможности, достигаемые за счет технологий, сами по себе могут привнести гуманизм в социальную реальность, а технологический прогресс сам по себе приведет к устойчивому развитию общества.

Сегодня на первый план выходит не столько вопрос изучения общественных инноваций на основе современной рыночно-ориентированной объяснительной теоретической базы, сколько вопрос о том, *каким образом сейчас существует инновационное развитие общества и каким должно быть инновационное развитие, если мы нацелены на достижение устойчивого развития общества, обретения им качества перспективной жизнеспособности*. Поиск ответа на этот комплексный вопрос предполагает взаимодействие, синтез результатов ряда социально-гуманитарных наук: экономики, социологии, политологии, педагогики, психологии, а также многих других междисциплинарных социально-гуманитарных исследований.

В качестве общей теоретической и методологической основы данного поиска необходимы единые общенаучные и, что важнее, философские основания устойчивого инновационного развития общества, которые должны быть представлены в форме концепции устойчивого инновационного развития. Решение проблемы формирования такой концепции требует обоснованных ответов на целый ряд философских онтологических и эпистемологических вопросов, а именно: каковы характеристики современного инновационного развития

общества? Что является сущностью устойчивого инновационного развития? Что собой представляют объект и субъект устойчивого инновационного развития общества? Что является предметом и каковы смыслы инновационного развития общества в контексте достижения его долгосрочной жизнеспособности? Каковы качественные изменения, которые должны быть произведены в культуре, чтобы постулируемые гуманистические ценности и цели устойчивого развития действительно были реализованы? Как изучать инновационное развитие в соответствии с гуманистическими ценностями? Какими должны быть эффективные инновационные системы, и какого рода инновации необходимо реализовывать в первую очередь?

Поиск ответов на данные вопросы и должен будет привести к решению научной проблемы формирования концепции устойчивого инновационного развития в целом. Концепция устойчивого инновационного развития общества заключает в себе способ понимания закономерностей, механизмов, ценностей и результатов общественного развития через призму целей (смыслов) повышения степени гуманности и долгосрочной жизнеспособности общества.

Степень научной разработанности проблемы. Понятие инновации в экономическом контексте было определено Й. Шумпетером в 1911 г. в работе «Теория экономического развития». Шумпетерианский подход к инновации как к движущей силе прогресса экономической системы со временем редуцировался до понимания инновации как драйвера экономического роста на макроэкономическом уровне и как драйвера прибыли – на микроэкономическом уровне. Таким образом, с начала XX века и по сегодняшний день инновационное развитие рассматривается исследователями, в основном, в рамках теорий эндогенного или экзогенного экономического роста. Для теорий эндогенного экономического роста характерно рассмотрение интенсивных факторов роста (человеческого капитала и инноваций) в качестве внутреннего двигателя экономического роста (П. Друкер, С. Дж. Кляйн, Р. Розвелл, Н. Розенберг, П.Э. Самуэльсон, К. Фриман, Ф. Шерер, Й. Шумпетер). В отличие от моделей эндогенного экономического роста, основанных на связи роста

капитала и эффективности труда с активным инвестированием в исследования и разработки, в основе экзогенных моделей лежит зависимость производительности труда от его капиталовооруженности. При этом в экзогенном подходе капиталовооруженность зависит от технического прогресса, являющегося частью внешней среды, т.е. обособленным управляющим фактором (П.Х. Дуглас, Д. Касс, Ч. Кобб, Т.Ч. Кумпанс, Г. Мэнкью, Ф. Рамсей, Д. Ромер, Р. Солоу, Т. Сван и др.).

Несмотря на то, что эндогенный и экзогенный подходы присваивают инновациям кардинально разные роли (управляемого и управляющего фактора), для обоих подходов характерны одинаковые методологические фреймы: во-первых, определенные условия и способ хозяйствования (рыночный, капиталистический), во-вторых, представления об экономическом росте как об основном механизме поддержания стабильности капиталистического способа хозяйствования и, в-третьих, рассмотрение инновационного развития лишь как инструмента экономического роста.

Зарубежные философские исследования в сфере инновационного развития, выполненные в традиционных теоретических рамках, посвящены, как правило, исследованию лучших практик управления инновациями, прогнозированию инновационных трендов и будущей инновационной реальности в сложившихся социальных условиях (H.W. Chesbrough, D. J. Teece, T. Davila, M. Epstein, R. Shelton, F. Kodama, P. Trott). Для современной отечественной экономической литературы по инновациям, инновационному менеджменту также характерна опора на зарубежные теории экономического роста, сформированные в культуре рыночных отношений и ограниченных ими, как если бы не существовало других отношений, кроме рыночных (Р.А. Фатхутдинов, В.С. Власов, Л.Н. Темпан, В.А. Напёров). Таким образом, методологические рамки традиционной теоретической базы изучения инновационного развития сосредотачивают фокус исследователей на взаимосвязи инноваций с экономическим ростом в существующем культурном контексте, что позволило разработать широкий спектр методов активизации и коммерциализации инновационной активности инноваций,

управления коммерческим потенциалом инновационного развития. В то же время, такая методологическая призма не позволяет рассматривать инновационное развитие как механизм социокультурной трансформации и разрабатывать концептуально новые механизмы, инструменты и программы устойчивого инновационного развития, имеющие системные эффекты по обеспечению долгосрочной жизнеспособности общества. В частности, традиционные концепции инновационного развития не учитывают выявленные онтологические противоречия, обусловливающие принципиальную «неэкономичность» и деструктивность базовых механизмов рыночного хозяйства для целей устойчивого развития общества (С.Ф. Шарапов, К. Поланьи, Д.А. Акерлоф, Д.Ю. Стиглиц, Д. Булоу, Т. Веблен).

Следует отметить, что в отечественном философском дискурсе об инновационном развитии уделяется существенное внимание его глубинным основаниям – социальным, аксиологическим, культурным. Так, С.Г. Кара-Мурза, А.Н. Ильин, В.Ю Катасонов в своих работах анализируют социально-философские причины, лежащие в основе слабой социальной ориентированности инновационной деятельности. В отдельных современных социально-философских работах уделяется внимание глубокому философскому осмыслению фундаментальных трудностей современного инновационного развития. Так, в работах Н.И. Лапина (2015) уделяется большое внимание этическим, ценностным аспектам социального развития, выявлена прямая связь проблем технологического развития человеческой цивилизации с ослаблением роли фундаментальных ценностей в современном общественном развитии. В связи с этим, особое внимание в научном исследовании уделяется аксиологическому аспекту концепции устойчивого инновационного развития.

В работах В.Е. Лепского, В.В. Мантатова, В.Ю. Катасонова, С.Г. Кара-Мурзы выявлена неадекватность концептуального основания организации инновационного развития, доминирование рыночного подхода. Инновационному развитию современного общества присущи синдромы «бессубъектности»,

«увлеченности прибылью» (В.Е. Лепский), что осложняет выполнение его главной стратегической функции – реализации социокультурных инноваций для перехода к новым формам общественного бытия и структурам социальных взаимодействий, адекватным решению глобальных проблем человечества. Потенциал инновационного развития общества в достижении качественного нового динамического равновесия социальной системы сегодня ослаблен «неясностями и извращениями» идей устойчивого развития, которые «продолжают интерпретировать в терминах ныне господствующей неолиберальной идеологии – идеологии корпоративного капитализма» (Мантатов В.В., 2012). В данных гносеологических рамках концепция устойчивого развития принимается большинством стран в основном, либо как экологический императив, либо вообще только как политическое требование, что приводит к множественности различных трактовок целей устойчивого развития, способов их реализации и, в свою очередь, к отсутствию достаточно гармонизированных качественных изменений в мире в направлении повышения долгосрочной жизнеспособности человеческой цивилизации.

В.Г. Егоркин обращает внимание, что стремительный поток современного инновационного развития не успевает быть осмысленным, а без такого осмысления невозможно ни понимание актуального направления инновационного развития, ни осознанного управления инновационным развитием в контексте целей устойчивого развития общества [132]. Таким образом, современное инновационное развитие, набирающее обороты по количеству и скорости осуществления инноваций, однако не осмысленное в полной мере в контексте долгосрочной стратегии жизнеспособности человеческой цивилизации, логически малоэффективно для осознанного глубокого социетального перехода к устойчивому развитию, имеет адаптивный характер, способствующий консервации сложившейся противоречивой структуры социальных отношений.

Существенное влияние на развитие идей устойчивого развития оказала концепция ноосферы В.И. Вернадского и положение А. Бергсона о творческой

эволюции человечества, в которых разработаны смысловые и аксиологические аспекты прогрессивного развития общества. Работы В.И. Вернадского и его последователей (Э. Леруа, П.Т. де Шарден) не дают готовых ответах о способах реализации и о конкретных возможных формах будущего общества, но проблематизируют поиск новых форм социальной организации, основанных на новой экологической и гуманистической этике.

Истоки идей устойчивого развития общества также обнаруживаются в концепциях физически устойчивого общества, экологической экономики, экономики устойчивого состояния, развиваемых Г. Дэйли, Дж. Коббом, К. Таунсендом, Э.Ф. Шумахером, К. Боулдингом, Р. Констанцем, А.-М. Янссон, Ж.М. Алиером и др. Во второй половине XX века был проведен ряд исследований, доказывающих системный кризис устойчивости общественного развития. В частности, Н. Джоуржеску-Реген в 1971 г. в работе «Закон энтропии и экономический процесс» обосновал фундаментальный предел наличных социально-экономических процессов, а в 1972 г. Д. Медоуз, Д. Медоуз, Й. Рандерс и У. Беренс II опубликовали результаты сценарного моделирования развития человеческой цивилизации с учетом и без учета социальных и технологических инноваций в известном докладе «Пределы роста». Зарубежные исследователи внесли огромный вклад в обоснование и популяризацию идеи устойчивого развития общества: был подвергнут сомнению императив экономического роста, поставлен вопрос о новых этических нормах общественного развития, учитывающих социальную, экономическую и экологическую стороны. Тем не менее, в большинстве таких исследований проблема устойчивости понималась, по сути, как проблема адаптивных изменений или антикризисных мер в рамках капиталистического хозяйства и соответствующей им структуры социальных отношений. Долгое время широко не поднимался вопрос о возможности и необходимости преодоления системного кризиса посредством глубокой реорганизации социальной структуры. Предпосылки перехода к принципиально другой структуре социальных отношений, формируемой на основе

гуманистических ценностей и целей обеспечения долгосрочной жизнеспособности широко стали обсуждаться совсем недавно, с выпуском доклада Римскому клубу «Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet» в 2018 году [660]. В этом же докладе уделяется особое внимание социальным инновациям, уже сегодня меняющим социальные практики и отношения и являющимися, своего рода, «ростками будущего».

Тем не менее, в современной культуре инновационное развитие продолжает осуществляться в рамках традиционных социально-экономических концепций, подразумевающих необходимость: а) экономического роста (Т.Ю. Ковалёва, T. Davila, M. Epstein, R. Shelton), б) конкуренции и рыночной экономики (А. Фатхутдинов, S.J. Kline, N. Rosenberg, C. Edquist), в) центральной власти для определения политики инновационного развития общества (Дж. Агамбен). Данные теоретические основания зародились и были эффективны в историческом контексте индустриального общества, но утратили свою актуальность. Во-первых, сегодня на первый план вышли объективно необходимые приоритеты сбалансированного развития перед экономическим ростом (H.E. Daly, T. Jackson), кроме того, сегодняшний, по факту, не экономический, а хрематистический характер экономического роста объективно создает проблему увеличивающейся финансолизации мировой экономики (M. Hudson, G. Epstein). Во-вторых, известные представители совершенно разных научных направлений представили весомые доказательства большей эволюционной роли сотрудничества нежели конкуренции, а также существенное обоснование долгосрочной жизнеспособности «общества сотрудничества» наряду с отсутствием эволюционных перспектив у конкурентного (эгоистичного) общества: биологические, антропологические исследования П.А. Кропоткина; социально-психологические и антропологические исследования Э. Фромма; математические модели социально-экономического поведения на основе эволюционной теории игр М. Смита; математическая модель конкуренции на рынках с ассиметричной информацией нобелевских лауреатов Дж. Стиглица и Дж. Акерлофа, компьютерная модель эволюционной эффективности

альтруистического энергообмена Е. Иванко, экономические эксперименты Й.С. Гезелля, Б. Лиетара, психологические эксперименты в образовании Д.У. Джонсона и Р.Т. Джонсона и многие другие. В-третьих, в сетевом обществе утрачивают силу жесткие иерархичные структуры, феномен власти вытесняется процессами управления на основе компетенций (С.В. Котельников).

Отсутствие решения обостряющихся системных глобальных проблем угрожает глобальным экологическим, экономическим и социальным кризисом, которого ещё не знала история человечества. В современной ситуации системного кризиса остро стоит проблема анализа онто-гносеологических аспектов наличного инновационного развития, не ограниченного рамками традиционных теорий, а также проблема необходимости формирования комплексной философской методологической базы устойчивого инновационного развития общества как научно-обоснованной ориентировочной основы инновационной деятельности, ведущей общество к устойчивому развитию.

Объектом исследования диссертационной работы является устойчивое развитие общества.

Предметом исследования являются онто-гносеологические аспекты устойчивого инновационного развития общества.

Целью исследования является разработка концепции устойчивого инновационного развития общества.

Указанная цель исследования требует решения следующих **задач исследования:**

1. Провести феноменологический анализ понятий инноваций и инновационного развития общества с целью установления их инвариантных смысловых структур, выявления и фиксации сущности устойчивого инновационного развития на основе ценностного и логико-смыслового подходов, а также познавательной ингрессии.

2. С помощью типологического анализа выделить соответствующие виды инноваций в контексте устойчивого инновационного развития общества.

3. В рамках герменевтического подхода провести сравнительный анализ исторически сложившихся и современных трактовок инновационного развития общества с учётом формирующей (деятельностной) парадигмы, тектологии и гуманистического подхода с целью определения их соответствия этическим принципам устойчивого развития общества и гуманистическим ценностям и выявления последствий их использования в научных исследованиях в сфере инноваций.

4. С использованием средств логического и системного подходов проанализировать онто-гносеологические особенности социально-экономических проблем и противоречий современного инновационного развития общества на предмет выявления причин, затрудняющих достижение устойчивого инновационного развития общества.

5. Посредством дискурс-аналитического подхода выявить противоречия в позициях субъектов – участников процесса инновационного развития с целью выяснения фундаментальных причин трудностей устойчивого инновационного развития общества, существующих в сфере социальных отношений.

6. С позиций логико-смыслового подхода проанализировать современные теории и альтернативы инновационного развития общества на предмет соответствия этике устойчивого развития общества, гуманистическим ценностям и смыслам. Обоснованная критическая оценка перспектив их развития и реализации позволит сформулировать выводы о возможности и условиях их применения с целью устойчивого инновационного развития общества.

7. На базе системно-информационного и объективно-диалектического подходов сформулировать требования к социально-экономической системе, обеспечивающей интеграцию усилий всех основных социальных групп, направленных на устойчивое инновационное развитие общества и базовые условия такого развития.

8. С опорой на функциональную прагматику, разработать методологическую основу научных исследований и механизмов принятия решений в области

инновационного развития, позволяющую исследователям и практикам сфокусироваться на базовых аспектах устойчивости инновационной деятельности, сформулировать принципы устойчивого инновационного развития общества.

9. Охарактеризовать особенности применения философской концепции устойчивого инновационного развития общества с учетом различных общенаучных парадигм.

10. Обобщить результаты применения концепции устойчивого инновационного развития общества к анализу актуальных феноменов инновационного развития общества в различных социально-гуманитарных дисциплинах и сферах деятельности.

Этические предпосылки. Под *устойчивым инновационным развитием* нами понимается такое развитие общества, в результате которого за счет внедрения новых технологий гуманизируется социальная реальность – повышается качество и уровень жизни всех людей планеты, перспективная жизнеспособность всего человечества. При этом, технологическое развитие общества ведет к его восходящему развитию только в случае реальной опоры на гуманистические ценности при принятии решений (К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, Н.А. Бердяев, П.Т. де Шарден, И.А. Ефремов, С.Н. Некрасов и др.).

Устойчивые социальные и культурные инновации предполагают не только гуманизацию социальной реальности, но, прежде всего, гуманизацию самих ее субъектов – людей, что подразумевает рост осознанной субъектности человека, как творческого деятеля, осознающего последствия своих действий, в т.ч. (и в обязательном порядке), с позиций другого человека. Человек – субъект, который способен осознавать свою вину и брать на себя ответственность (И. Кант, Г. Гегель). Под «виной» здесь подразумевается осознание человеком себя как причины своих мыслей и действий и их оценка с позиций некоторого сформированного человеком во взаимодействии с социокультурной средой «морального императива» (А.В. Павлов).

Свобода воли является необходимым условием творческой деятельности субъекта (Н.А. Бердяев, В. Франкл), в т.ч. инновационной деятельности субъекта. Свобода воли неразрывно связана с самоценностью жизни, физической свободы человека, сверхдетерменированной духовностью и ответственностью [225], а также ростом уровня осознанности (понимания системных последствий собственных действий).

Социокультурные предпосылки. С позиций социокультурного подхода, *общество* может быть представлено как единство культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека (А.С. Ахиезер, М. Вебер, А.Я. Гуревич, Е.Г. Ефимов, Н.И. Лапин, П.А. Сорокин и др.) и как совокупность отношений между людьми в процессах их взаимодействий: как собственно социальных отношений, так и экономических, политических, идеологических, нравственных (Н.И. Лапин). Творческая преобразующая деятельность человека является необходимой основой его инновационного развития и развития культуры. Культура общества является как фактором, так и продуктом инновационного развития общества. Инновационное развитие общества, в свою очередь, предполагает качественные изменения в культуре, во всех ее компонентах. Приоритет аксиологического компонента культуры над технологическим и номологическим (С.М. Халин) обусловливает необходимость, прежде всего, ценностного осмысления сущности инновационного развития.

Возможность формирования гуманистического *общества* реализуется через взаимодействия людей в экзистенциальном интерсубъектном диалоге с опорой на гуманистические ценности. *Экзистенциальный диалог* – это «человеческий смысл, циркулирующий по каналам коммуникаций, выраженный в договоренностях или в их разрыве, в согласии или несогласии, во взаимопонимании» [278, С.97]. Более того, здесь, можно, думается, говорить о наличии во всяком обществе своеобразного «коллективного экзистенционального», по аналогии с «коллективным бессознательным» (Халин С.М.).

Эпистемологические предпосылки. В решении поставленной научной проблемы диссертант опиралась, прежде всего, на общефилософские положения: принципы тождества, причинности, субстанциональности, объективности, признание бытия и свободной воли субъекта, признание действительного бытия внешних объектов [227]. Критерии научности исследования включают в себя ценностный компонент, наука не должна служить абстрактному познанию, а должна служить развитию человека (М.В. Ломоносов, Л.Н. Толстой, М. Клайн).

Методологическая и теоретическая основа научного исследования.

Объект и предмет исследования предполагают опору на общие диалектические принципы развития, а также на закономерности развития сложных открытых систем, наиболее широко представленные в рамках синергетического подхода и тектологии. Именно развитие является центральной категорией диалектического подхода, что позволяет вести исследование с учётом целостности мира и человеческого разума, постигающего мир.

Диалектический подход в его объективном аспекте представлен в настоящем исследовании в качестве основного средства выбора исходных предпосылок изучения существующих и проектирования новых социальных конвенций, определяющих структуру культуры, а именно, утверждения объективной реальности произошедших существенных изменений в условиях жизни людей различных эпох.

Обращение к диалектическому подходу в его субъективном аспекте позволяет обратить внимание на важность четкого определения понятий, однозначно понимаемых в их связи с общественной жизнью на определенном этапе развития общества и поставить проблему введения новых категорий инноваций, адекватных наиболее актуальным жизненным проблемам человечества.

Концепция устойчивого инновационного развития опирается на корпус знаний диалектики, отраженный, в частности, в общенаучных концептах «системы», «развития» и «динамического равновесия», а также на философский категориальный статус понятий «системы», «развития» и «динамического

равновесия». Кроме того, она опирается на знание о концептуальных закономерностях нелинейного развития сложных открытых систем, сформулированных в рамках синергетического и тектологического подходов. С позиции тектологии А.А. Богданова перспективная жизнеспособность общества является системообразующим фактором и сопряжена с движением к динамическому равновесию системы. Диалектически понимаемое устойчивое инновационное развитие общества предусматривает качественное перерождение, превращение социально-экономических систем, накапливающих противоречия в более высокоорганизованные системы [52].

Направляющая роль аксиологического компонента в развитии общества описана в рамках общей теории ценностей М.С. Кагана, антропосоциетального подхода Н.И. Лапина, субъектно-ориентированного подхода В.Е. Лепского. Стремление к жизни как инвариантный аксиологический компонент, являющийся объективно-субъектным основанием деятельности и развития и, соответственно, стержнем «разворачивания» структуры всей системы гуманистических ценностей обоснован в формальной аксиологии Р.Ш. Хартмана, тектологии А.А. Богданова, ноосферном подходе Н.И. Вернадского. Система гуманистических ценностных ориентаций (ценность жизни, здоровья, личности человека, его право на свободу, счастливое существование, полноценное развитие и возможность проявления своих способностей) обсуждается достаточно давно в рамках гуманистического подхода (Н.А. Бердяев, Э.Фромм, В. Франкл, К. Роджерс, В.И. Болотов, Б.Т. Лихачев и др.), успешно используемого в педагогике и психологии, однако не применяемого системно к исследованию инновационного развития общества. Учитывая направляющую роль аксиологического компонента в развитии социальной системы, гуманистический подход применяется в настоящей работе в формировании концепции устойчивого инновационного развития общества в качестве системы принципов, устанавливающих общность гуманистических ценностей и их приоритет, как в научной, так и в практической человеческой деятельности.

На основании общих закономерностей развития социальной системы (раскрытых в диалектике, синергетике, тектологии) и с учетом диалектических аспектов развития аксиосферы, являющейся специфическим элементом развития человеческого общества (раскрытых в ноосферном и гуманистическом подходах, в общей теории ценностей), под философской категорией «устойчивое развитие общества» в данной работе понимается динамическое равновесие социальной системы, достигаемое за счет качественных изменений структуры социальных отношений, приводящих общество к более гармоничному, жизнеспособному и гуманистичному состоянию. А «устойчивое инновационное развитие общества» рассматривается как способ качественных изменений социоприродных структур в целях обеспечения восходящего материально-духовного самосовершенствования общества.

Трансформационная природа инновационной деятельности предопределила опору на принципы общенаучной формирующей парадигмы. Из ряда концепций: естественнонаучная, герменевтическая, формирующая – именно последняя более всего соответствует целям и задачам исследования феномена человеческого, социального развития, как процесса преобразующей мир деятельности. Методология деятельностной (формирующей) общенаучной парадигмы изложена в работах Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, Г.А. Ковалёва, Ф.Е. Василюка и др.

В фокусе внимания деятельностной парадигмы находится человек как субъект деятельности и культура как преобразуемые деятелем условия деятельности и формирования самого деятеля, что соответствует поставленной научной проблеме и предмету исследования. Исходя из деятельностной парадигмы, в данной работе человек рассматривается как причина своих действий, в центр внимания ставится его способность самоопределяться в действии – осмысливать свою деятельность, свои выборы, рефлексировать их этические основания и оценивать их последствия. В контексте социальных отношений в качестве субъекта деятельности рассматривается личность – социализированный

субъект поступка, непрерывно развивающийся (претерпевающий качественные изменения) и характеризующийся текущим уровнем психической зрелости (субъектности, целостности, произвольности, осмысленности, ответственности, созидательности).

Проблема субъектности инновационного развития обсуждалась в работах отдельных отечественных и зарубежных ученых, однако под субъектом инновационного развития, при этом, понимаются разные феномены. Так, в развиваемом В.Е. Лепским субъектно-ориентированном подходе к инновационному развитию отмечается проблема «бессубъектности населения», решение которой ученый предлагает искать в адекватной организации взаимодействия субъекта с саморазвивающейся полисубъектной средой [215, С. 49], при этом, открытыми остаются вопросы о «субъекте российского развития», «субъекте стратегического развития» в условиях множества социальных групп с противоречивыми интересами [215, С. 7]. Общество как субъект (действующие индивиды) и как объект (культура, социальность) инновационного развития раскрывается в рамках социокультурного подхода (М. Вебер, П.А. Сорокин, А.С. Ахиезер, Н.И. Лапин, Е.Г. Ефимов, А.Я. Гуревич и др.). Антропосоциетальный подход, развиваемый Н.И. Лапиным рассматривает общество как систему, которая представляет собой взаимосвязь трех компонентов: действующих индивидов, культуры и социальности. Данный подход позволяет сфокусироваться на активной деятельности индивидов как реальных акторов социальных трансформационных (инновационных) процессов. Субъектами активного социоконструирования общества в концепциях зарубежных социальных философов и, одновременно, выдающихся инженеров-практиков Р.Б. Фуллера и Ж. Фреско также являются индивиды, с одной стороны, обладающие необходимыми компетенциями для осуществления трансформаций общества, с другой – ограниченные социальным заказом (осознанной необходимостью) данных трансформаций.

Задачи осмысления сущности инновационного развития, его вне контекстуального смысла и определения сущности устойчивого инновационного

развития общества обусловили необходимость опоры научного исследования на феноменологический подход. В свою очередь, контекстуальная сущность наличного инновационного развития была осмыслена через концепт долгосрочной жизнеспособности общества и параметры социального прогресса, экономического развития и экологичности.

Выбор конкретных методов научного исследования был обусловлен спецификой конкретных задач. В частности, для категоризации и классификации инноваций, подходов к инновационному развитию применялся типологический анализ. В качестве инструмента анализа смысла основных понятий, фактов «подмены» смыслов, при определении сути социокультурных феноменов в сфере инновационного развития общества, в анализе и сравнении существующих подходов к инновационному развитию, ценностей и принципов инновационного развития в разных социально-экономических системах диссертантом использовался *логико-смысловой анализ* (А.В. Смирнов), *ценностный метод* (Ф.И. Ринтлен, Л.В. Баева), *метод познавательной ингрессии* (А.В. Богданов), которые позволили:

- охарактеризовать феноменологию наличной инновационной деятельности и социокультурных преобразований в контексте целей устойчивого развития;
- определить деструктивный и конструктивный потенциал и аксиологические взаимосвязи базовых понятий в контексте устойчивого инновационного развития гуманистического общества;
- критически пересмотреть и уточнить соотношение понятий и контекстуально подразумеваемых под ними феноменов посредством разрыва противоречивых связей «по умолчанию» и установление логически непротиворечивых связей.

С учетом специфики предмета исследования, использовались возможности дискурс-аналитического подхода в обнаружении фундаментальных проблем, связанных с идентификацией и самоидентификацией субъектов инновационной деятельности посредством выявления присущих существующему культурному

контексту ментальных конструкций в коммуникационном поле инновационной деятельности.

Основные дефиниции. *Общество* – форма взаимодействия людей, преобразующих окружающую среду и структуру социальных взаимодействий. Возможное в будущем *гуманистическое общество* понимается как система человеческих взаимодействий, основанных на гуманистических ценностях и способствующих долгосрочному процветанию и развитию человечества посредством роста уровня технологий, индивидуальной и коллективной осознанности. *Уровень осознанности* понимается как текущая степень реализации способности глубокого, системного и масштабного видения причин и последствий действий и взаимодействий, сущности и взаимосвязи социальных процессов и феноменов с позиций созидания. *Инновация* определяется классически как внедренное в широкую социальную практику изобретение. *Изобретение* понимается как новшество или совокупность новшеств – новых элементов, способов, технологий, технических решений и пр., направленных на решение определенных проблем, задач и поиск средств их решения (технологии, техники, метода, материала и пр.). *Инновационная деятельность* в данном научном исследовании определяется как вид совместной творческой, изобретательской деятельности людей для целей решения общественно значимых задач. Феномен *инновационного развития общества* рассматривается в настоящей работе как качественное изменение состояния, структуры, формата общественных отношений, институтов и практик посредством введения в широкую социальную практику новых технологий и изобретений. Под *устойчивым инновационным развитием общества* понимается способ качественных изменений социоприродной структуры (посредством введения в широкую социальную практику новых технологий, гуманизирующих социальную реальность и рационализирующих использование ресурсов), обеспечивающий достижение динамического равновесия на новом витке восходящего материально-духовного развития общества (достижение более гармоничного, жизнеспособного и

гуманистичного состояния общества). Данные определения соответствуют диалектическим принципам развития, деятельностной научной парадигме и логике социокультурного и антропосоциетального подходов.

Информационная база исследования. Основной информационной базой исследования послужили философские труды, научные монографии, методическая литература, научные периодические издания, материалы научных конференций, семинаров.

Для обоснования отдельных теоретических положений исследования и при проведении апробирующих экономических и социологических научных исследований были также использованы международные, национальные и региональные аналитические обзоры, справочные и информационные материалы, доклады и отчеты (доклады Римского клуба, доклады ООН, Living Planet Report, Global Challenge Foundation, Эколого-экономический индекс РФ и пр.), федеральные и региональные законы и программы, официальные статистические данные, а также инструктивные и методические материалы международных организаций (UN, Organisation for Economic Co-operation and Development), Федеральной службы государственной статистики, официальные корпоративные и государственные базы данных с доступом через интернет (в частности база общественных инициатив портала «Российская общественная инициатива»), фактические данные ряда коммерческих и некоммерческих организаций, тематических веб-порталов и другие материалы.

В рамках концепции устойчивого инновационного развития общества, применяемой в качестве методологической базы для проведения эмпирических и аналитических исследований в различных гуманитарных науках, были использованы: национальные и международные методики устойчивого развития территорий, бенчмаркинговые методики оценки эффективности инновационных систем, статистические, правовые базы, аналитические отчеты, данные интернет-портала «Российская общественная инициатива», медико-экологический атлас

ЯНАО и ряд других кабинетных источников статистической, методической и аналитической информации.

При проведении пилотажного организационно-психологического исследования о выявлении готовности к немонетарному труду в условиях удовлетворения базовых потребностей, разработанного на базе концепции устойчивого инновационного развития общества, были использованы первичные данные интернет-опроса.

Научная новизна:

1. На основе диалектических закономерностей устойчивого развития социального и духовного бытия и критического анализа онто-гносеологических аспектов инновационного развития были выявлены сущность, характеристики и принципы устойчивого инновационного развития общества. Сформулированы базовые требования к устойчивым инновациям и устойчивой инновационной деятельности: рациональности, гуманистичности и значимости.

2. На категориальном уровне раскрыто содержание понятия инноваций с высокой социальной значимостью, необходимое в сфере социопроектирования для решения существующих сегодня фундаментальных проблем и противоречий современного общества, в т.ч. и проблем самоидентификации субъектов инновационного развития.

3. На основании необходимости соответствия приоритетов инновационного развития общества направленности инноваций на решение значимых для всего общества глобальных проблем, разработана система базовых критериев типологизации инноваций и введены соответствующие им новые классификации инноваций:

– *степень обусловленности актуальным культурным контекстом* (формирующие и формируемые инновации);
– *направленность на приоритеты устойчивого развития общества* (экономические, экологические, социальные инновации и их комбинации);

– *уровень дальновидности инновационных решений* (стратегические, тактические, оперативные инновации).

Новая типология и классификация могут быть использованы в качестве инструмента анализа общего направления инновационного развития (по отношению к основной цели долгосрочной жизнеспособности гуманистического общества) и в качестве опоры для принятия решений в целях концептуальных конструктивных изменений социально-экономического устройства общества.

Кроме того, в гуманитарный дискурс введены соответствующие обнаруженным классам феноменов принципиально новые понятия – «формируемые инновации» и «формирующие инновации», позволяющие осмысливать потенциал инноваций для возможности радикального решения социально значимых (в значении – имеющих смысл, действительно актуальных для всего общества) проблем.

4. Разработана новая классификация современных подходов к анализу инновационного развития общества на основе герменевтического, этического и аксиологического анализа. Выделены субъектный, знаниевый, потребностный, коммерческий и автономный подходы. Сформулированы гносеологические условия применения каждого подхода в научных исследованиях в сфере устойчивого инновационного развития общества.

5. Охарактеризованы онтологические и гносеологические аспекты социально-экономических проблем и противоречий, выявлены и классифицированы фундаментальные причины трудностей устойчивого инновационного развития общества в контексте целей устойчивого развития общества.

6. Выявлено системное противоречие в позициях и самоидентификации субъектов – участников процесса инновационного развития, препятствующее реализации целей устойчивого развития общества.

7. Сформулированы основные онто-гносеологические аспекты формирования концепции устойчивого инновационного развития общества в

форме: 1) базовых принципов организации и реализации устойчивого инновационного развития общества, сообществ и организаций в нём и 2) объективных требований к социально-экономической системе, способной обеспечивать интеграцию общественных усилий, направленных на устойчивое инновационное развитие общества и базовые условия такого развития. Дополнительно сформулированы критерии гуманизации социально-экономической системы.

Концепция предложена в качестве методологических оснований исследований в сфере устойчивого инновационного развития и решений в сфере проектирования эффективных инновационных систем, направленных на восходящее и сбалансированное развитие гуманистического общества.

9. Намечены направления, способы и логика применения концепции устойчивого инновационного развития общества в русле разных общенаучных парадигм.

10. Обнаружены продуктивные возможности концепции устойчивого инновационного развития как методологической основы научных исследований и ориентировочной основы выбора инноваций и разработки управленческих решений в сфере инновационного развития. Приведены варианты применения автором концепции устойчивого инновационного развития общества к анализу актуальных феноменов инновационного развития общества в различных социально-гуманитарных дисциплинах и сферах деятельности.

Положения, выносимые на защиту:

Основные онто-гносеологические аспекты формирования концепции устойчивого инновационного развития раскрыты в следующих положениях:

1. Восходящее, прогрессивное развитие общества обусловливается не только диалектическими законами и синергетическими закономерностями развития сложных систем, но и согласованностью социальных взаимодействий с гуманистическими ценностями, инвариантом которых является эволюционно, биологически присущая людям потребность жить. Восходящее развитие общества

обеспечивается его устойчивым инновационным развитием. *Сущностью устойчивого инновационного развития общества* является процесс качественных изменений социальной реальности и окружающего её мира, обеспечивающих рост качества жизни всех людей и долгосрочную жизнеспособность общества. При этом, общество является одновременно и *субъектом* (сообщество деятелей), и *объектом* (система социальных отношений) инновационного развития. *Смыслом устойчивого инновационного развития общества* является реализация конструктивного человеческого потенциала посредством и с целью повышения уровня гуманистичности и долгосрочной жизнеспособности общества. *Объектом устойчивого инновационного развития* (как исследовательской и практической преобразующей деятельности) является культура, устройство общества, а *предметом* – структура общественных отношений.

2. Концепция устойчивого инновационного развития общества раскрывает способ понимания закономерностей, механизмов, ценностей и результатов общественного развития через призму целей (смыслов) повышения гуманистичности и долгосрочной жизнеспособности общества. Основой концепции является система базовых принципов (положений), раскрывающих основные онто-гносеологические аспекты устойчивого инновационного развития общества:

2.1. *Системно-смысловой аспект.* Приоритет смысла обеспечения долгосрочной жизнеспособности общества посредством инновационного развития общества (жизнеспособность как системообразующий фактор). В современном коммуникативном пространстве, в частности, реализация данного принципа требует однозначности в философском определении показателей эффективности человеческой деятельности и их разделения на *экономические* – полезные результаты, инновации, улучшения (соответствующие жизнеспособности, целям повышения качества жизни всех людей) и финансовые (*хрематистические*) – рентабельность, окупаемость, прибыль (соответствующие конкурентоспособности, целям усиления преимуществ одних групп над другими).

2.2. *Ценностно-этический аспект.* Устойчивое инновационное развитие осуществляется посредством гармонизации частных и общих потребностей, интересов и ценностей свободных субъектов на базе приоритета гуманистических ценностей.

2.3. *Структурно-технологический аспект.* Принципиальная осуществимость устойчивого инновационного развития общества достижима на базе механизмов сотрудничества, и не достижима на основе конкуренции.

2.4. *Логико-аксиологический аспект.* Устойчивое инновационное развитие общества предполагает соответствие выбора технологий и методик социальных и организационных изменений, а также смысла проводимых преобразований гуманистическим принципам и целям (соответствие целей и средств).

Как методологическая основа, концепция устойчивого инновационного развития позволяет исследователям и практикам сфокусироваться на трансформирующем гуманистическом смысле инновационной деятельности в достижении устойчивого развития общества, тем самым способствуя решению вопроса соотношения истины, ценности и практической эффективности знания в инновационной сфере. Данная концепция определяет способ понимания наличного инновационного развития и формирования возможного инновационного развития, способствующего долгосрочной жизнеспособности общества.

3. Формирование концепции устойчивого инновационного развития общества предполагает разработку и научное обоснование *критериев научной рациональности выбора и проектирования* устойчивых инноваций, методик, технологий оценки инновационных систем, инновационного развития, принятия инвестиционных решений с позиций их соответствия целям (смыслам) устойчивого развития общества:

3.1. *Рациональность инновации*. Предотвращение и преодоление системных противоречий и кризисов устойчивости развития возможно, если отдавать приоритет инновациям, позволяющим решать проблему максимально системно (дальновидно) и с приемлемыми затратами (в особенности – человеческого труда)

на производство и эксплуатацию новых технологий. На основании данного критерия в научной работе была введена новая классификация инноваций: стратегические (направленные на устранение причин социальных проблем), тактические (профилактирующие социальные проблемы-следствия, но не устраняющие их причину), оперативные (смягчающие последствия социальных проблем).

3.2. *Гуманистичность инновации*. Достижение смысла устойчивого развития общества возможно, если отдавать приоритет инновациям и инновационной деятельности, все этапы и процессы реализации которых соответствуют гуманистическим ценностям, основными из которых являются жизнь, свобода, возможности творческого развития всех людей.

3.3. *Значимость инновации*. Восходящее социальное развитие возможно, если отдавать приоритет *социально-значимым* инновациям – инновациям, нацеленным, в первую очередь, на решение наиболее важных для отдельного человека и максимального количества других людей задач, определяемых в соответствии с гуманистическими ценностями.

4. Формирование концепции устойчивого инновационного развития общества предполагает рефлексию взаимовлияния ценностей человека и культуры, в которую он включен (ценностей – на формирование культуры и приоритеты науки и прогресса, а культуры – на ценности, мировоззрение человека, его отражательные способности). Результаты такой рефлексии могут быть сформулированы в качестве *базовых требований* к социально-экономической системе, благоприятствующей устойчивому развитию общества, обеспечивающей целостность общественных усилий, направленных на устойчивое инновационное развитие:

4.1. Направленность целей общества на обеспечение его перспективной жизнеспособности и прогрессивного развития.

4.2. Высокая культура логического, системного, критического мышления, использование стратегического проблемно-ориентированного подхода в

социопроектировании, использование однозначно трактуемых понятий, отсутствие «подмены смысла понятий».

4.3. Отказ от «рыночного фундаментализма»: понимание того, что экономика является лишь частью социальных отношений, рыночные отношения не могут быть распространены на всю сферу социальных отношений.

4.4. Высокий уровень субъектности общества (общество является, прежде всего, субъектом своего развития, и только потом объектом, определяя приоритеты социально-значимых программ и стратегию развития в целом посредством согласования абсолютно всех разумных интересов и реализации свободы развития всех участников общества, нацеленных на общее благо).

4.5. В проектировании и управлении инновационным развитием ориентация, прежде всего, на базовые требования к инновациям: рациональность, гуманистичность, значимость и качественные критерии оценки эффективности инноваций (дальновидность и соответствие целям устойчивого развития общества).

4.6. Нацеленность социально экономической деятельности общества и инноваций на решение реальных проблем общества, в первую очередь – социально значимых (войны, голод, бедность, преступность, высокая смертность, низкая доступность качественных медицинских услуг, социальная несправедливость, эксплуатация человека человеком и т.д.).

4.7. Отсутствие структурной поддержки хрематистических целей (прибыль и власть) и хрематистических средств (ссудный процент, неполное банковское резервирование, фондовые биржи, система патентования, технологии запрограммированного устаревания производимых товаров, выпуск товаров с опасными для потребителя свойствами, распространение культа нерационального потребления и т.д.).

4.8. Прозрачность осуществления и мониторинга результатов (эффектов) социальных программ и проектов, которые определяются комплексом конкретных работ, ресурсов и планируемыми результатами.

4.9. Нацеленность системы образования на развитие осознанной, самосовершенствующейся, творящей личности, своим трудом повышающей значимость и качество жизней других людей.

4.10. Развитие естественных организаций, немонетарной мотивации к труду.

5. Перспективы решения обостряющихся глобальных проблем человечества в развивающейся техногенной цивилизации зависят от характера инновационного развития. Поскольку инновационная деятельность представляет собой особый тип процессов, которые формируют реальность и сами являются формируемой реальностью, в целях более глубокого понимания характера инновационного развития общества необходимо различать две категории анализа инноваций: *формирующие* и *формируемые*. Инновации следует понимать, как *формирующие*, если они направлены на устойчивое развитие общества, т.е. соответствуют базовым требованиям к проектированию инноваций (рациональности, этичности и значимости). *Формируемые* же инновации определяются, прежде всего, целями и ценностями развития общества (как правило, его отдельных частей) в актуальных культурных условиях. Для полноценной реализации потенциала устойчивого инновационного развития общества необходимы развитие и поддержка формирующих инноваций, нацеленных на решение причин современных социальных проблем и преодоление базовых противоречий (ограничений) современного бытия человека и социального развития.

6. Базовые онто-гносеологические противоречия современного бытия человека и социального развития, препятствующие устойчивому развитию общества, обнаруживаются между:

6.1. Гуманистическим и рационализирующим смыслом инновационной деятельности человека (с одной стороны) и формируемыми в актуальном социально-экономическом контексте коммерческими целями и приоритетами инновационной деятельности (с другой).

6.2. Гуманистическим смыслом творческой и оптимизирующей человеческой деятельности (с одной стороны) и доминирующими механизмами распоряжения ресурсами и критериями выбора инноваций (с другой).

6.3. Реальными социально значимыми проблемами общества (с одной стороны) и поддерживаемыми в современной культуре формами социально-экономических взаимодействий, потребностями и социализирующимися людьми (с другой).

Представленная научная работа является теоретическим исследованием онто-гносеологических аспектов формирования концепции устойчивого инновационного развития общества, соответствует формуле специальности 09.00.01 – «Онтология и теория познания». Полученные научные результаты соответствуют пунктам 14 – «Соотношение восходящих и нисходящих форм развития в мире, их различных направлений, внутренних законов, движущих факторов и внешних условий их реализации», 16 – «Перспективы развития техногенной и информационной цивилизации в поисках решений обостряющихся глобальных проблем человечества». Полученные научные результаты также частично соответствуют пунктам 17 – «Основные формы и законы детерминации в развитии систем; взаимоотношение причинной, структурной, системной, функциональной, информационной и других форм детерминации, динамических и вероятностно-статистических законов», 22 – «Социальная онтология человеческого бытия и общественного развития, ее соотношение со структурой, проблемами и достижениями в области социальной философии и теоретической социологии», 39- «Проблемы отбора объективно ценной и устаревающей информации, повышения информационной емкости теорий, последовательного обоснования и функционального обобщения их законов и принципов», 27 – «Социальная детерминация отражательных способностей человека, форм мышления и познания в исторической эволюции общества, а также под влиянием науки и прогресса информационно-технических систем», 30 – «Проблема бессознательного и подсознательного в отражении в соотношении с осознанным

мышлением, оперативной и потенциальной памятью, вербальными и невербальными формами мышления», 33 – «Научные критерии рациональности в оппозиции с нерациональными и иррационально-мистическими концепциями; историческая эволюция форм и реальности и их перспективы», 40 – «Специфика критериев истинности знания в естественных, гуманитарных и технических науках, соотношение истины, ценности и практической эффективности знания, правдоподобного, вероятного и достоверного объяснения сложных процессов и систем», 44 – «Специфика индивидуального, коллективного и социального познания и творчества в современную эпоху; изменение субъекта познания во взаимоотношении со все усложняющимися объектами и процессами».

Теоретическая значимость. Концепция устойчивого инновационного развития общества:

1. Позволяет обеспечить непротиворечивую онто-гносеологическую методологическую основу исследований в сфере инновационного развития общества в контексте целей устойчивого развития.

2. Обеспечивает возможность конструктивно-критического теоретического и праксиологического анализа применения существующей теоретической и методической базы в сфере инновационного развития и разработки нового инструментария исследования инноваций и управления инновационной деятельностью через призму достижения цели устойчивого развития.

3. Может выступать в качестве философского и логико-методологического основания для частнонаучных исследований в социальных и гуманитарных науках, для междисциплинарных исследований, а также в качестве ориентировочной смысловой основы развития естественно-технических наук в аспекте их социальной проблематики.

4. Может являться ориентировочной основой разработки, развития и выбора механизмов развития национальных инновационных систем, инфраструктуры поддержки инноваций, процедур разработки методик планирования стратегий

инновационного развития, анализа и оценки эффективности инновационного развития.

5. Определяет одно из направлений в области философского обоснования социально-гуманитарных исследований проектирования, реализации и оценки устойчивого инновационного развития общества.

Концепция устойчивого инновационного развития может быть использована в качестве методологической базы и смыслового вектора междисциплинарных исследований, определяющего непротиворечивый выбор и использование иных опорных подходов и теорий в зависимости от характера исследовательских задач в сфере инновационного развития. Логика применения данной концепции в конкретных социально-гуманитарных науках определяется избранной конкретным исследователем общенаучной парадигмой (формирующей, естественнонаучной и герменевтической).

Научно-практическая значимость. Концепция устойчивого инновационного развития общества позволяет:

1. Разработать методики оценки инновационной системы, позволяющие получить представление о базовом соответствии инновационной системы целям и приоритетам устойчивого инновационного развития общества и о резервах ее совершенствования в этом направлении.

2. Разработать методики развития инновационного мышления гуманистической личности, социальной поддержки инновационных процессов, эффективные механизмы внедрения социальных инноваций и другие методики и средства поддержки инноваций, способствующих устойчивому инновационному развитию общества.

3. Осуществить критический анализ инновационной политики и инновационной системы общества на предмет направленности на цели устойчивого развития общества, дальновидности поддерживаемых инновационных решений и адекватности социально-экономических системных рамок, обуславливающих инновационную деятельность.

4. Сформулировать приоритеты инновационной политики (мировой, национальной и региональной) в соответствии с гуманистическими ценностями и этикой устойчивого развития, сфокусировать системы инновационного развития на решении фундаментальных противоречий развития общества и причин социально значимых проблем.

5. Определить цели, задачи и разработать критерии эффективности развития инновационных систем различного уровня, направленных на устойчивое инновационное развитие общества. Предоставить методологическую базу для экспертной оценки отдельных инновационных проектов или их систем.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается:

- адекватностью формирующей (деятельностной) научной парадигмы исследования предмету исследования;
- соответствием методов исследования предмету, основным принципам, целям и задачам исследования;
- строгим соблюдением законов формальной логики при разработке методологии исследования, проведении исследования, анализе, формулировании выводов и интерпретации результатов;
- наличием необходимого и достаточного фактологического и логического обоснования основных положений, выносимых на защиту;
- согласованностью теоретических выводов с результатами анализа официальных фактических данных (региональных, национальных и международных статистических, аналитических отчетов и пр.);
- соответствием методологии и методики исследований (в сфере экономики, социологии, организационной психологии) на основе концепции устойчивого инновационного развития общества;
- соответствием конечного результата исследований заявленной проблеме и задачам исследования.

Результаты научного исследования, его основные положения, идеи и выводы нашли отражение в 49-ти научных работах, в т.ч., в 5-ти монографиях, 32-х статьях в научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ, из которых 15 статей опубликованы в журналах, аккредитованных по шифру 09.00.00 (Философия), а также в 7-ми статьях в журналах и сборниках конференций, входящих в базы Web of Science, Scopus и RSCI.

Конструктивные возможности применения концепции устойчивого инновационного развития были обнаружены:

1. *В экономической науке.* На базе концепции устойчивого инновационного развития общества диссертантом была разработана методика оценки качества реализации приоритетов инновационной системы, направленной на устойчивое развитие общества на основе типологического анализа по двум основным категориальным признакам: целевые функции и характер социально-экономических последствий инноваций [88, 93]. Полученная методика применима как к анализу инновационной системы в целом, так и ее структурно-функциональных элементов: науки, образования, инновационной инфраструктуры поддержки инноваций, социальных инноваций, инновационной политики, а также отдельных объектов и институтов инновационной системы. Посредством предложенной нами методики был проведен анализ деятельности Тюменского технопарка за период 2009-2015 гг., выявивший ориентацию данного объекта инновационной инфраструктуры на поддержку инноваций для добывающих отраслей, что соответствует структуре имеющейся на данный момент экономики Тюменского региона, актуальным приоритетам его инновационной политики, однако замедляет реальный переход региона к развитию инновационной системы, нацеленной на устойчивое развитие общества, на формирование гуманистического общества [93]. Данная методика получила свое дальнейшее развитие в последующих статьях, с ее помощью была отслежена динамика направленности политики поддержки инноваций Тюменской области на примере Тюменского

технопарка по данным за периоды 2009-2015 гг. и 2016-2017 гг. [563]. На основании анализа поддержанных инноваций с помощью данной методики был сделан вывод о недостаточной поддержке социально значимых стратегических инноваций, необходимых для глубоких качественных социокультурных преобразований региона в направлении устойчивого развития. Также были сформулированы рекомендации о принципах принятия решений о поддержке инноваций, основанные на концепции устойчивого инновационного развития [563].

2. *В социологической науке.* Исследован фокус социальной активности (на примере анализа социальных инициатив жителей ЯНАО на портале РОИ) с позиций соответствия приоритетам инновационного развития гуманистического общества. Выявлено преобладание инициатив, предлагающих решение социально-экономических проблем преимущественно на оперативном уровне (а не тактическом и, тем более, стратегическом), что говорит о фокусе социальной активности на решении текущих социальных проблем, в основном, посредством смягчения их явных последствий через социальную сферу и о необходимости активизации формирующих социальных инноваций [209]. В статье «Антропогенное воздействие в циркумполярной зоне: проблема восприятия» выявлено несоответствие субъективных представлений людей об экологических угрозах объективному росту экологической проблемы. Данное несоответствие обосновано в качестве значимого социально-психологического фактора риска дегуманизации социальной реальности. Рост экологически обусловленных заболеваний при возрастающей субъективной уверенности людей в улучшении экологической ситуации говорит о значимость роста уровня сознания общества. Логически, лучшее понимание и рефлексия объективно существующих проблем и их долгосрочных последствий для человека и жизнеспособности общества в целом служит необходимой предпосылкой проявления конструктивной субъектной позиции общества в процессах своего инновационного развития [96].

3. *В организационной психологии.* Критически переосмыслен вопрос о принципиальной готовности людей к труду и инновационной деятельности в

немонетарной системе в условиях высокого уровня автоматизации и технологизации всех сфер хозяйственной деятельности и удовлетворения базовых потребностей. Результаты исследования открывают новые возможности для более глубокого и разностороннего изучения факторов социального выбора и поведения человека, поиска путей совершенствования концепций устойчивого социально-экономического развития гуманистического общества. Также полученные выводы подтверждают принципиальную готовность людей трудится без монетарного вознаграждения при базовой обеспеченности, а, следовательно, перспективность исследований, экспериментов и реальных проектов в русле формирующей парадигмы социопроектирования гуманистического общества – развитие и формирование социально-экономических условий, способных раскрыть лучшие стороны личности и максимально эффективно реализовать конструктивный творческий и трудовой потенциал людей [95]. В более ранних статьях и в кандидатской диссертации проанализирован потенциал коуч-технологий, как инструмента, соответствующего гуманистическим принципам развития свободной и творческой личности [80-83].

4. *В социальной психологии и социальной философии.* В статье «Роль гуманистических ценностей в самоидентификации субъектов инновационного развития общества» рассматривается проблема самоидентификации субъекта, её прямая связь с возможностями инновационного развития общества и основных субъектов инновационного развития общества (изобретателя, инвестора и самого общества) в современном культурном контексте. Предложен ряд смысловых установок, позволяющих активизировать процесс становления корректной (соответствующей реальным условиям) самоидентификации современного человека. В статье «Ценности гуманизма как основа современного социального заказа на новый вид цивилизационной идентичности» посредством анализа роли ценностей в конституировании активного сознания, сформулирован социальный заказ на гуманную и просвещенную цивилизацию, на такую систему общественных отношений, при которой жизнь и свобода человека ценится выше прибыли, а люди

(их значительная часть) являются носителями активного и созидательного сознания [212].

В работе «Системные ограничения инновационного развития в онтогенезе гуманного общества» с позиций концепции устойчивого инновационного развития общества проанализированы системные ограничения инновационного развития в онтогенезе гуманистического общества в современном культурном контексте. Рассмотрены ограничения возможностей бытия человека, рассматриваемого, в основном в качестве «человека экономического» в капиталистической системе хозяйствования, проанализированы ограничения формата рыночных отношений и модели экономического роста. Сделан вывод о необходимости преодоления системных ограничений путем эволюционного изменения формы организации общества, в частности посредством внедрения стратегических гуманизирующих социальных инноваций [208].

5. *В образовании.* В совместном научном проекте «Смысл образования: развитие или оказание услуг?» с коллегами из института психологии и педагогики (В.Е. Лёвкиным, Е.Л. Доценко, Л.М. Волосниковой) оценена реальная острота проблемы интерпретации образования как услуги, выявлены концептуальные, смысловые подмены и соответствующие риски дегуманизации социальной реальности. В статье «Проблемы онтологии общества знаний» предложено осмысление ключевых ресурсов «общества знаний» с позиций концепции устойчивого инновационного развития и гуманистического подхода. Сформулирована основная проблема онтологии общества знаний – как проблема приведения в соответствие структуры общества (состава и связей системы социальных институтов и общественных соглашений) гуманистическим ценностям (жизни, свободы и развития человека в максимальной гармонии с другими людьми и окружающей природной средой).

6. *В экономической антропологии.* В контексте существующего социального заказа на новую цивилизационную идентичность, выявлена потребность в исследованиях социальных практик и механизмов социальных взаимодействий,

способствующих гуманизации социальной реальности – таких, как исследования П.А. Кропоткина, Э. Фромма, М. Салинса. Разработаны рекомендации по применению гуманистического подхода и концепции устойчивого инновационного развития общества в дизайне научных исследований по экономической антропологии. Определен наиболее актуальный в контексте сегодняшних глобальных проблем человечества фокус исследований в сфере экономической антропологии: анализ причин «социальных болезней» и резервов «исцеления»; социальные ресурсы долгосрочной жизнеспособности человечества (в отличие от социальных ресурсов жизнеспособности существующей хозяйственной системы); смыслы и ценности, определяющие конфигурацию социальной «операционной системы» в разных культурах и соответствующие конструктивные и деструктивные социальные и экологические последствия; поиск и прогноз последствий альтернативных форматов хозяйствования и социальных взаимоотношений [562].

7. *В правоведении.* В статье «Новые подходы к развитию российской Арктики: устойчивое инновационное развитие коллаборативных локальных экономик» оценены перспективы устойчивого инновационного развития локальных экономик Арктики, основанном на широком применении коллаборативных технологий [210]. Проанализированы правовые и экономические основания коллаборативных технологий, наиболее распространенных в России, обозначена их роль в инновационном развитии устойчивых локальных экономик Арктики. Выявлен недостаток правовых исследований и междисциплинарного анализа механизмов сотрудничества субъектов локальных экономик и применения коллаборативных инструментов хозяйствования (кооперативов, факторий, общественного самоуправления, коллаборативных финансовых инструментов и прочих) в целях выработки эффективной государственной политики по устойчивому инновационному развитию локальных экономик.

1. УСТОЙЧИВОЕ ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА КАК ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

1.1. Сущность устойчивого развития общества.

1.1.1. Основные категории философского осмысления общественного развития.

Несмотря на то, что общество понимается по-разному в различных философских, социологических и антропологических учениях, все же есть инвариантная составляющая определений, которая указывает на системообразующий принцип, а именно на то, что общество всегда больше простой суммы составляющих его людей, является формой коллективного, надындивидуального бытия людей. Данный системообразующий принцип отражён, например, в следующем определении общества: *«Общество* – это совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей» [367, С. 333]. *Формы совместной деятельности* (задаваемые *потребностями* и основными *смыслами* совместной жизни и деятельности, поддерживаемыми деятельностью *соглашениями, возможностями и способами познания, производства благ и пользования ими*) претерпевают изменения под действием внешних и внутренних по отношению к конкретному обществу факторов (как природных, так и культурных). При этом изменения могут быть как прогрессивными, так и регрессивными в различные периоды жизни общества, а сами формы совместной деятельности чрезвычайно многообразны и подвержены радикальным заданным в том числе изнутри самого общества трансформациям. Существенно различаются и результаты осмысления развития общества. В связи с этим особое значение приобретают те общие аспекты или ракурсы, через которые создаются различные модели процесса общественного развития (обычно циклические, поступательные или спиралевидные), которые возможно было бы заложить в основу осмысленного проектирования и формирования нового общественного бытия.

Выделим здесь основные категории, элементы модели осмысления общественного развития, инвариантные для дискурса о развитии общества, наличие которых де факто является атрибутом процесса философского осмысления социальной эволюции.

Хорошо изученная в истории философии цивилизационная часть общественного развития не мыслима вне *совершенствования орудийного оснащения деятельности человека* и его связи с изменениями структуры общества. В этом ключе философы обсуждают роль технологического развития в общем совершенствовании общественной жизни, спорят о развитии социальных институтов в доиндустриальной (аграрной), индустриальной и постиндустриальной стадиях общественного развития (Г. Спенсер, М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Арон, Д. Белл, У. Ростоу, А. Тоффлер), говорят о смене общественно-экономических формаций (К. Маркс, Ф. Энгельс), о смене цивилизационных и межцивилизационных периодов в развитии общества (А.В. Павлов). При этом развитие техники и технологий далеко не всегда означает повышение качества и уровня жизни людей, которые в большей степени, чем от технологий оказываются зависимыми от сложившихся социальных отношений, чрезвычайно различных в широком диапазоне – от реципрокности до рабства.

Впервые в истории философии орудийное оснащение жизнедеятельности человека получило развёрнутое описание в работах К. Маркса и его последователей. В качестве главной движущей силы развития общества в марксистской диалектике выделяются *общественные противоречия*, их разрешение посредством изменения *способа производства* (иначе говоря «технологического уклада») и *производственных отношений*, а к прогрессивным тенденциям развития общества традиционно относят [367, С. 334]:

– *усиление преобразующей роли и общественного характера деятельности людей*;

– *совершенствование общественных отношений*;

– *повышение степени организованности общества*;

– возрастание роли и значения общественного сознания.

Перечисленные выше категории описания и анализа общественного развития стали важной частью философского и в целом гуманитарного дискурса о развитии общества, однако у разных авторов они наполняются различным (порой диаметрально противоположным) содержанием, поскольку исследователи предлагают не совпадающие критерии оценки «совершенствования общественных отношений», разные толкования того, что считать высокой или низкой «организованностью общества» и других категорий.

Со времен работ К. Маркса и Ф. Энгельса никто всерьез не оспаривает значение орудийной опосредованности в деятельности и в развитии общества. Напротив, с начала XX века активно развиваются концепции показавшие принципиальное значение орудийной (в том числе знаковой) опосредованности и во «внутреннем» мире человека – в развитии и реализации психических функций (А.Ф. Лазурский, М.Я. Басов, Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, А.Р. Лурия и их последователи). Исследования связи психической и социальной сфер через деятельность обеспечили возможность изучения и формирования общества как единой системы субъективной активности и объективных условий, в процессе коммуникации.

Роль орудийной опосредованности значительно возросла благодаря современным исследованиям в области сращения биологических и технических систем, с целью расширения возможностей как биологических систем (например, мозговые импланты, стимулирующие кратковременную и рабочую память человека [520]), так и технических систем (например, биокомпьютеры внутри живой клетки [440]). Биокибернетика, бионика и робототехника показали принципиально новые перспективы развития человека и общества – от использования нейропротезов и внутриклеточных биокомпьютеров до обсуждения возможной смены формы бытия личности (например, полного переноса сознания личности в компьютерную систему).

Техническое развитие общества в пространстве общения представляет собой форму коммуникативного процесса, которая задаётся актуальными для людей (хотя и в разной степени осознаваемыми) смыслами и мотивами, а точнее – основанными на них действиями. Согласно Ю. Хабермасу, социальная эволюция представляет прежде всего коммуникативный процесс состоящий из коммуникативных действий, обеспечивающих *взаимопонимание и согласие* (необходимых уже для родовой общины), в ходе которого возрастают сложность системы и рациональность, *разумность* жизненного мира. Значительная роль в коммуникативном процессе принадлежит «социальным действиям» (включая невмешательство или терпеливое приятие), субъективно мотивированным, но *ориентированным на поведение других* (М. Вебер). Однако «терпеливое принятие» и «невмешательство» могут быть направлены на совершенно разные отношения между людьми и зависимы от содержания культуры, в которой разум (как бы он ни определялся) может играть бóльшую или меньшую, а порой едва заметную роль.

О повышении разумности как о факторе общественной эволюции размышляли многие мыслители древности, особенно много в Новое время. В частности О. Конт, утверждал, что общество в своем развитии проходит три стадии интеллектуальной эволюции: 1) *объяснение мира* сверхъестественными причинами (теологическая стадия, для которой характерно насилие); 2) объяснение мира отвлеченными от наблюдаемых фактов моделями (метафизическая стадия, для которой характерны революции); 3) объяснение мира логически непротиворечивыми и проверяемыми на практике теориями (научная стадия, в рамках которой прогнозируется *устранение агрессии*, достижение *самоорганизуемости общества*) [178].

На первой стадии (теологической) представления о возникновении, устройстве и совершенствовании общества развивались на основе мифологического мировоззрения. Мифологическая картина мира направлена на объяснение природных и социальных процессов и предопределения роли в них человека, исключая деятельность самого человека в качестве источника

общественного развития. В рамках данного мировоззрения существующий порядок и какие-либо качественные изменения в обществе объясняются принятой космологией, что с одной стороны, порождает глубокие сакральные смыслы единства с природой и другими людьми, значимости и взаимосвязи всего происходящего, основанные на данных смыслах законы нравственности, но с другой такая позиция существенно затрудняет процесс познания того, что выходит за рамки мировоззренческих схем мышления.

На второй стадии (метафизической) основания представлений о развитии общества транслировались преимущественно в религиозном мировоззрении: созданный образ мира и идеал (высшие ценности и ведущий к ним способ бытия) по существу неизменны и опираются также, как и миф, на не дифференцированное общественное сознание. Религиозная картина мира следуя за мифологической, опирается, в основном, на чувственное восприятие, а не на логическую мысленную работу. Как и миф, религиозные представления о мире используются для трактовки и поиска смысла в объективных природных и социальных феноменах, но в отличие от мифологических циклических представлений о развитии общества в религиозном сознании развитие общества начинает мыслиться линейно (от «града земного» к «граду божьему»), как имеющее начало, протяженность пути и его конец. Метафизическая стадия характерна для Средних веков, в течение которых объяснения общественной жизни опирались преимущественно на религиозные догматы. Наиболее выдающиеся философы этого периода – Аврелий Августин и Фома Аквинский – понимали человеческое общество как вид человеческого бытия, смысл которого предопределен Богом и которое развивается в соответствии с волей Бога. Привнесенная (патристиками и схоластиками) в теологическое мировоззрение философия кардинально не изменила догматическую «парадигму» мышления, так как использовалась, в основном, для обоснования, уяснения и систематизации религиозных догматов.

Религиозное мировоззрение предполагает некоторую идеальную структуру общественного бытия, общественных отношений, исходя из которой оцениваются

происходящие или консервируются необходимые социальные изменения. Идеальный образ будущего, более *гуманного общества*, является необходимой частью социопроектирования прогрессивных социальных изменений, поскольку без построения образа будущего невозможно целенаправленное движение. Тем не менее, субъект общественных изменений (индивид и общество в целом), не участвующий в осмыслении и создании этого идеального образа, логически не может быть полноценным творцом своего будущего.

В достаточно полной мере представления о гуманизме сложились в эпоху Возрождения, в которой человеку, можно сказать в полном соответствии с законом отрицания отрицания (Г.В.Ф. Гегеля), был возвращён статус творца. В эпоху Возрождения общество вновь обращается к античной культуре философского мышления, к идеям природосообразности и гуманизма, через которые транслируется отношение к человеку как к свободной личности, творцу. Такой культурный контекст задает соответствующие новые критерии оценки направления развития общественных институтов (независимость, светскость учреждений науки и искусства), и общества в целом (*гармоничность развития души и тела человека, развитие свободной, творческой, всесторонне развитой личности*).

Лишь на третьей (научной) стадии интеллектуального развития общества, разумности (как свойства личности и общества в целом) оказывается достаточно, чтобы «меньше домысливать и больше наблюдать», делать выводы основываясь на проверяемых фактах. Гуманизм на основе разумности и как выражение разумности предполагает способность предвидеть и учитывать последствия действий, где *высокое качество жизни* и *высокий уровень жизни* для всех людей – это основа *мирной жизни* на планете, защита от потрясений, неизбежных в условиях нищеты, голода, социального неравенства и эксплуатации человека человеком. От первой к третьей стадии интеллектуальной эволюции общество преодолевает свою «закрытость» (догматизм, авторитаризм, традиционализм), становясь все более

«открытым» обществом (по К. Попперу) – *способным к инновациям и самоопределению на основе разумного выбора*.

Несмотря на то, что О. Конт ошибочно связывал с научной стадией «солидарность классов под властью банкиров», которую считал достижимой, выделенные им стадии интеллектуальной эволюции вполне отражают реальную способность людей становиться более разумными (мыслящими всё менее предвзято и противоречиво, и всё более логично и просоциально). Впрочем, О. Конт сумел показать, что люди и в течение одной своей жизни могут становиться то более разумными, то существенно менее разумными, и даже несколько раз за свою жизнь. Однако, говоря обо всём обществе, прогрессивным можно счесть лишь то общественное развитие, в котором люди в целом становятся более, а не менее *осознанными* и *дальновидными*, т.е. разумными в широком смысле слова, а также то общество (в этом сходятся представители самых разных научных подходов), в котором *человек не эксплуатирует и не угнетает другого человека* – «общество процветания» [502].

Наряду с разумностью, начиная с Сократа и его последователей (в частности, Платона и Эпикура) с общественным развитием устойчиво связывают идеи *общественного блага* и *справедливости,* реализация которых ставилась в зависимость от того общественного (понимаемого чаще всего узко – как государственного) устройства, в котором люди получали свои права, обязанности и свободу. Многообразие форм государственного устройства, их положительные и отрицательные для человека стороны детально показал уже Аристотель. Он же утверждал, что *общественный договор* (или законы) должен быть таким, чтобы по возможности *исключать несправедливость* как в признании и награде, так и в отвержении и наказании. В частности, Аристотель видел несправедливость в монополиях (поскольку они приводили к неравному обмену) и ростовщичестве (поскольку последнее приводило к росту и концентрации денег без создания блага). В «Никомаховой этике» Аристотель относил ростовщичество к «позорным способам наживы», называл его «ремеслом недостойным свободных», наряду с

содержанием публичных домов [14, С. 126], а в «Политике» относил к «роду наживы, по преимуществу противному природе» [14, С. 395].

В марксизме и анархизме несправедливой признаётся, в первую очередь, эксплуатация, рождаемая классовым неравенством, в сущности которого лежит частная собственность на средства производства, прежде всего – на землю (Ж.-Ж. Руссо, П.-Ж. Прудон, М.А. Бакунин, К. Маркс и мн. др.). В истории философии, особенно в философии XX века, ещё более значимой и несправедливой признаётся монопольная собственность на производство средств обмена (т.е. монополия на производство денег) и, конечно, несправедливой трактуется «власть денег», а точнее власть собственников денег – людей, не производящих реальных благ, но имеющих возможность производить деньги (Аристотель, Й.С. Гезелль, К. Поланьи, Т. Веблен, Б. Лиетар и мн. др.). В настоящее время по всему миру частные коммерческие банки создают электронные деньги в форме процентов всякий раз, когда дают кому-то кредит. Ещё Аристотель писал по этому поводу: «как дети походят на своих родителей, так и проценты являются денежными знаками, происшедшими от денежных же знаков» [14, С. 395]. Несправедливость существующих социальных механизмов обмена подчеркнута К. Марксом в формулировке противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения результатов труда наемных работников владельцами средств производства. Эта несправедливость многократно усилена в XX веке тем, что труд остался общим, а деньги стали выпускаться частными банками без всякой связи с каким-либо естественным эквивалентом денег – созданным благом, который деньги предназначены представлять. А после того, как в 1971-1976 гг. был полностью отменен и искусственный эквивалент денег – золотой стандарт – цивилизация стала в полном смысле «денежной цивилизацией», по Т. Веблену. Таким образом был устранён, возможно, последний барьер на пути нарастающего социального неравенства, как формы социальной несправедливости. Действительно, сложно признать справедливым узаконенное право банкиров производить деньги без производства товаров или иных реальных благ.

Между тем, не только виды устройства государства, но и сам институт государства (как и другие *общественные институты*) рассматривались в истории философии как особенности той или иной *стадии развития общества*, которые при определенных условиях возникают и могут быть (или даже должны быть) преодолены другими, более совершенными формами общественного соглашения, построенного на других принципах, например, на принципах взаимной помощи без пирамиды властных отношений и связанной с нею эксплуатацией человека человеком (К. Маркс, П.А. Кропоткин, Э. Фромм, Ж. Фреско и др.). К примеру, если рассматривать научную стадию развития общества (по О. Конту), как общество без насилия, то это общество следует понимать и как общество без государства, как общественного института, обладающего монополией на легитимное применение насилия (М. Вебер, Дж. Агамбен).

Все больше в философском дискурсе о развитии следующей формы общества уделяется внимание необходимости увеличения субъектности, осознанности индивидов в формировании смыслов и определении приоритетов своего общественного развития. Так, В.Е. Лепскому удалось значительно развить субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию, ясно поставив проблему определения субъекта инновационного развития и проблему развития субъектности [217]. В его работах как в междисциплинарном содержательном, так и историческом аспектах, дано понимание философии субъекта инновационного развития как философии ответственности за свою деятельность, осознания последствий инновационных воздействий на социальную среду, утверждения этой философии в качестве исходной посылки построения базовых онтологий (методологических схем) адекватных любым новациям через представление их в системе определенных видов деятельности и коммуникаций их субъектов. В.Е. Лепский определил *рефлексию* как базовую характеристику социогуманитарной модели субъектов инновационного развития, описав также роль культуры, механизм и риски бессубъектности российского инновационного развития. В.Е. Лепский пишет: «Надо лечить главную болезнь России –

бессубъектность. Эта болезнь поразила в той или иной степени всех основных участников реформационного процесса (государство, общественные и политические сообщества, социальные институты). Главные ее симптомы: блокировка рефлексии; неспособность адекватно воспринять и оценить сложившуюся ситуацию, подняться над нею, самоопределиться и самоидентифицироваться; отсутствие смелых, хорошо обдуманных «прорывных» идей и готовности, умело взаимодействуя с другими субъектами, их реализовать. Указанные симптомы «грубо и зримо» проглядывают в образе мышления и действий всех основных субъектов современной России, в том числе и власти, что достаточно точно фиксируется аналитиками» [217, С.114-115].

В рамках социокультурного подхода дано методологическое обоснование смены социокультурной среды в процессе взаимной эволюции общественного и активного индивидуального сознания. В развиваемом Н.И. Лапиным антропосоциетальном подходе обосновывается общественное развитие на принципах активного сознания и поведения человека [197].

В то же время, растет осознание значимости сотрудничества, эффективности сетевых и матричных взаимодействий в новых условиях, обсуждаются формы сетевого общества (М. Кастельс, Д. Мартин, Я. Ван Дейк, В.Е. Лепский, Г.В. Тюрин), «сетевого индивидуализма» (Б. Веллмен).

На основе формального анализа системы субъектно-объектных отношений в обществе, М.С. Каган формулирует четыре необходимых и достаточных вычленяемых компонента системно-целостно понимаемой деятельности: 1) познание мира (отражение субъектом объективных связей и отношений); 2) ценностное осмысление мира (значение мира для себя как субъекта); 3) конструирование мира (создание несуществующего, но желанного, т.е. новых идеальных объектов, отвечающих потребностям субъекта); 4) межсубъектное отношение к миру (диалог субъектов). По М.С. Кагану, «форма деятельности, в которой синкретически сливаются, взаимно отождествляются все четыре исходные ее практические формы» – это художественная деятельность [153, С. 66]. Поэтому, именно художественные

произведения являются мощным инструментом в изменении общественного сознания по поводу развития общества посредством комплексных эстетических, образных, рефлексивных и коммуникативных переживаний.

Попытки сформировать адекватное направление общественного развития заставляли мыслителей создавать утопические и антиутопические образы будущего, позволявшие снять «шоры» наличной структуры культуры, смоделировать возможное будущее и как-то отнестись к нему, выработать позицию, позволяющую заниматься осмысленным социопроектированием. Если утопии призваны помочь понять *образы желаемого будущего* и, тем самым прояснить общие ценности, то антиутопии позволяют лучше осознать риски и угрозы, тем самым помогая выбирать более адекватные средства для социального развития. Причем, желательно, устойчивого (жизнеспособного в долгосрочной перспективе) социального развития. К наиболее известным утопиям относятся: «Государство» Платона, «Утопия» Т. Мора, «Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона, «Закон свободы» Дж. Уинстенли, «Современная Утопия» и «Люди как боги» Г. Уэллса, «Туманность Андромеды» И.А. Ефремова, «Полдень, XXII век» А. и Б. Стругацких, «Остров» О. Хаксли, и др. Из антиутопий широко известны: «Мы» Е.И. Замятина, «О дивный новый мир» О. Хаксли, «1984» Дж. Оруэлла, «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери, «Зияющие высоты» А.А. Зиновьева и другие.

Основные категории философского осмысления развития социальной онтологии можно классифицировать по трем группам: духовно-интеллектуальная сфера, материальная сфера, коммуникативная сфера. В рамках каждой из этих категорий существует и продолжает развиваться философский дискурс, посвященный вопросам определения феноменологии, содержания и соотношения с другими категориями. Тем не менее, в образах будущего, проектируемых разными философами и в критике современного состояния общества и структуры социальных взаимодействий можно проследить определенный общий вектор характеристик прогрессивного общественного развития (см. Таблицу 1.1.).

Таблица 1.1 – Основные категории философского осмысления прогрессивного развития общества.

Категории	**Характеристики прогрессивного общественного развития**
Духовно-интеллектуальная сфера	
Смыслы совместной жизни и деятельности	Сотворчество и со-развитие. Усиление преобразующей роли и общественного характера деятельности людей
Этика общественной жизни: Гуманизм Справедливость	Гуманность (приоритетная ценность человеческой жизни, свободы, развития). Снижение уровня эгоцентризма: действия, ориентированные на поведение других. Отсутствие насилия в любых формах: человек не эксплуатирует и не угнетает другого человека; устранение необходимости в агрессии; мирная жизнь.
Соотношение значимости материального и духовного	Гармоничность развития «души» и «тела» человека.
Соотношение личного и социального	Возрастание роли и значения общественного сознания при развитии свободной, творческой, всесторонне развитой личности.
Разумность	Осознанность как способность к логической оценке и осмыслению системных последствий собственных действий и выбора, а также к рефлексии оснований мышления. Дальновидность. Рациональность. Способность к инновациям и самоопределению на основе осознанного выбора.
Возможности и способы познания	Научный прогресс. Продвижения в научном объяснении макро- и микро-мира.
Материальная сфера	
Возможности и способы производства благ	Совершенствование орудийного оснащения деятельности
Возможности и способы пользования благами	Отсутствие бедности, дефицита. Обеспеченность базовых потребностей. Равные условия доступа к общественным благам.
Способ производства	Высокотехнологичный.
Благосостояние	Высокое качество жизни; высокий уровень жизни;
Общественное благо	Непрерывное образование. Знания. Здоровье. Долголетие. Время, которым человек может распоряжаться по своему усмотрению.
Коммуникативная сфера	
Основные соглашения, определяющие форму деятельности	Совершенствование общественных отношений с целью достижения взаимопонимания и согласия. Не иерархичные, сетевые взаимодействия.
Производственные отношения	Отсутствие эксплуатации. Отсутствие частной собственности на средства производства.
Общественный договор	Преодоление возникающих общественных противоречий.
Общественные институты	Повышение степени согласованности в организации общества, ведущей к гуманизации общества и росту его благосостояния. Самоорганизуемость общества.

Выделенные основные категории философского осмысления общественного развития онтологически являются также и основными категориями анализа условий инновационного развития как формируемой политики и последствий инновационного развития как движущей силы, трансформирующей общественную структуру. Характеристики прогрессивного развития общества, в свою очередь, могут служить целевыми и смысловыми ориентирами формирования требований к социально-экономической системе, обеспечивающей целостность общественных усилий, направленных на устойчивое инновационное развитие общества.

1.1.2. Подходы к пониманию и формированию устойчивого развития общества.

Идеи устойчивого развития общества зарождались в русле осмысления сущности развития общества в целом. Наиболее полно фундаментальные принципы развития природы, общества и мышления раскрыты в диалектике. Развитие в диалектике – центральная категория, означающая возникновение качественно новых необратимых изменений (нового состояния общества, новой формы отношений, нового способа мышления и пр.), обусловленных обостряющимися противоречиями. Диалектика как основное философское учение об общих принципах развития всех форм бытия является фундаментальной онто-гносеологической базой других философских и общенаучных подходов.

Можно выделить два наиболее известных и разработанных в исторической и философской науке подхода, применимых непосредственно к проблеме развития общества – формационный и цивилизационный.

Формационный подход классифицирует типы обществ в зависимости от экономического базиса – типа производственных отношений, детерминирующих развитие социальных надстроек (политика, образование, общественные институты и другие) [238]. Данный подход предлагает видеть развитие обществ как последовательное прохождение через разные формации (стадии), которое должно в конечном итоге привести к наиболее справедливой и гуманистичной форме

общественно-политического устройства. То есть, устойчивое развитие (достижение благоденствия для всех) мыслится как переход к некоторому конечному идеальному состоянию общества. Так, конечным пунктом социального развития по К. Марксу является коммунизм [238]. Согласно альтернативной теории Ф. Фукуяма, развиваемой в русле формационного подхода, таким пунктом является либеральная демократия [374]. Качественный переход общества к новой формации обусловливается накапливаемыми внутренними противоречиями развития социальной системы, неразрешимыми в рамках старого общественного устройства.

В цивилизационном подходе основным классификационным критерием являются культурные особенности (религия, мировоззрение, обычаи, традиции и пр.). В отличие от формационного подхода, цивилизационный предполагает, что государства развиваются в контексте определенных цивилизаций (локальных, особенных или современных), а развитие общества в целом подразумевает переход к новому состоянию общества, к новому типу цивилизации через смену типа культуры. В русле данного подхода развитие общества также рассматривается как переход из одного качественного состояния (типа цивилизации) в другое, согласованное на более высоком уровне сложности.

Таким образом, социальные противоречия возникают посредством деятельности человека, развиваются и разрешаются также в этой деятельности через смену общественного устройства (согласно формационному подходу) или типа культуры (согласно цивилизационному подходу).

Более детальное исследование проблем диалектического содержания понятия системы, организации и самоорганизации систем, динамического равновесия происходит в рамках синергетического (Г. Хакен, И. Пригожин, И. Стенгерс) и системного подходов (И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин), а также тектологии (А.А. Богданов). В терминах синергетики общество классифицируется как сложная открытая система в многомерном мире, обменивающаяся с окружающей средой энергией, информацией, веществом. Как открытая постоянно развивающаяся система, общество подвержено возрастанию

энтропии (рассеиванию энергии, нарастанию хаоса) в ситуациях накопления внутренних системных противоречий, что приводит его к точке бифуркации – критическому состоянию системы, «при котором система становится неустойчивой относительно флуктуаций и возникает неопределённость: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдёт на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности» [201]. При этом, при переходе на новый уровень организации, упорядоченности или динамического равновесия допустима совокупность разных состояний системы. Состояние общества изменяется в процессе преобразования его структуры в результате неоднозначных социальных процессов и изменений.

Таким образом, в синергетической картине мира развитие общества как системы, стремящейся к динамическому равновесию путем фазовых переходов к более сложным упорядоченным социальным структурам – нелинейно, многовариантно и альтернативно. Жизнеспособность системы в целом предполагает постоянное преодоление нарастающего хаоса внутренних диалектических противоречий путем качественных преобразований, ведущих (возможно, при разных эволюционных траекториях) к новому порядку или аттрактору как точке минимизации энтропии и реализации оптимального наиболее равновесного состояния общества.

В тектологии жизнеспособность системы как целого рассматривается как основной целевой и системообразующий фактор. С позиций диалектической логики синергетики и тектологии, жизнеспособность общества подразумевает сохранение его субстанциональной сущности синергетических взаимодействий и совместной деятельности индивидов, ведущих к долгосрочному выживанию человеческой цивилизации в целом. Форма общества, при этом, с необходимостью изменяется (прогрессивно развивается) через трансформацию структуры социальных взаимодействий. Без такого «прогрессивного изменения форм «сохранение» сводится к разрушению, хотя бы и незаметному по своей медленности для обычных способов восприятия и исследования» [52, С. 199].

Таким образом, исходя из диалектических законов развития и закономерностей развития сложных открытых систем, устойчивое развитие предполагает динамическое равновесие, достигаемое за счет качественных изменений формы и структуры системы.

Универсальные законы и смыслы развития сложных открытых систем на базе диалектических законов развития рассматриваются также в концепции эволюционной космологии (Н.Ф. Фёдоров, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский), универсального эволюционизма, получившие дальнейшее развитие в концепции универсальной истории (А.П. Назаретян, А.Д. Панов, Л.Е. Гринин, Э.С. Кульпин). Данные концепции подразумевают когерентную модель развития Вселенной от Большого взрыва до современности и осмысление будущего и смысла развития человеческой цивилизации в этой модели; человек рассматривается в контексте законов развития Вселенной. Появляется понятие сингулярности аналогичное синергетическому понятию точки бифуркации, ведущей к фазовому переходу системы в новое состояние. Причем, независимые расчеты Г.Д. Снукса и А.Д. Панова определили момент наступления сингулярности к 2030 г. После наступления сингулярности А.П. Назаретян видит три сценария развития цивилизации: распад человеческой цивилизации, консервация и, наиболее желательный – прорыв в принципиально новое состояние общества с новыми возможностями [253, 254].

В социально-философском дискурсе особое место занимает ноосферный подход, оформленный В.И. Вернадским и развиваемый его последователями (Э. Леруа, П.Т. де Шарден, А.Д. Урсул и др.). В.И. Вернадский исходил из видения человечества в качестве новой мощной «геологической силы», своей мыслью и трудом преобразующей планету. Соответственно, оно в целях своего сохранения должно будет взять на себя ответственность за развитие биосферы, превращающейся в ноосферу, а это потребует от него определённой социальной организации и новой, экологической и одновременно гуманистической этики. Гармоничное сосуществование природы и человека, по В.И. Вернадскому, имеет

два обязательных условия: развитие и применение знаний и развитие уровня сознания, духовных ценностей человека [68].

В социально-экономическом дискурсе термин устойчивое развитие трактуется, как правило узко, с позиций актуальных целей тактического уровня: конкурентоспособности бизнеса, удовлетворения потребностей человека, сохранения природы или некоторого сбалансированного комплекса целей.

В русле коммерческого подхода основной целью устойчивого развития систем (общества, организации) является бóльшая конкурентоспособность и прибыль. Устойчивость системы рассматривается как способность системы выжить и преуспеть в существующем культурном контексте. Закономерно, что при этом, фокус внимания смещается на успешность текущей адаптации системы – умение наилучшим образом приспособиться к среде, выбрать лучшие тактики преодоления внешних угроз [184, 393, 46] при повышении уровня доходов [46]. Таким образом, сторонники этого подхода фокусируют внимание на устойчивом развитии с микроэкономических позиций, с позиции компании, рисков и выгод развития бизнеса [487]. Кластерный подход к устойчивому развитию (М. Портер, А. Кэрролл, М. Креймер, и др.) развивается в едином методологическом русле с коммерческим подходом, в рамках рыночных моделей предпринимательства, предполагающих нацеленность развития организаций на прибыль и рост стоимости бизнеса в конкурентной среде. Единственным существенным отличием в кластерном подходе является понятие кластерного устойчивого развития – то есть совместного устойчивого развития «географически концентрированных групп взаимосвязанных компаний и связанных с их деятельностью организаций» [295]. По сути, в обеих концепциях под устойчивым развитием понимается ничто иное как устойчивость денежного потока и обеспечение конкурентоспособности организаций. Такой взгляд на устойчивость систем дает возможность детально разрабатывать инструменты и механизмы повышения уровня успешности функционирования предприятий в рыночной экономике, однако является «близоруким», а точнее, полностью неадекватным при попытке применить его к

рассмотрению устойчивости социальных систем в целом, где экономика является лишь одним из элементов.

Антропоцентрический подход в контексте устойчивого развития общества часто понимают совершенно по-разному. Закономерно, что в отсутствие рефлексии этих различий взаимопонимание не может состояться даже между специалистами в теме устойчивого развития. Раскроем здесь два преобладающих способа такого толкования. В первом случае антропоцентрический подход истолковывается как *гуманизм*. В основании гуманизма лежит констатация объективной потребности человека жить, и принципиальная для человека значимость возможности быть (поскольку всё прочее возможно для человека только если он живёт). Осознание факта человеческой смертности, смерти как предела бытия человека (что бы под смертью не подразумевалось), осознание противоречия между фактом смертности и желанием жить заставляет человека занять позицию, как-то отнестись к этому противоречию (например, вытеснять его из сферы осознания, стремиться к смерти, пассивно принять как неизбежное или активно искать пути преодоления смертности). Гуманизм, это способ, которым человек может осознанно отнестись к смертности – это выросшая из объективной потребности жить позиция ценить жизнь. Позиция «ценить жизнь человека» – это лишь начало развёртки, объективации в феноменальном мире смысла ценности жизни вообще. За реализацией ценности жизни человека неизбежно следует актуализация ценности жизни других живых существ. Но в этом начале объективации, на этой стадии реализации ценности жизни в бытии человека, именно человек оказывается в центре. В таком контексте антропоцентризм правильнее понимать не как гуманизм вообще, а, скорее, как начальную стадию гуманизма для реализации которой оказываются необходимы гуманистические цели развития общества: социальная справедливость, свобода, благополучие всех людей в обществе (К.Э. Циолковский, Н.В. Фёдоров, В.И. Вернадский, Э. Фромм, Б. Фуллер, Ж. Фреско и др.). Логически, антропоцентризм неизбежно присутствует в гуманизме, но обратное утверждение не будет верным. В русле гуманизма большое внимание уделяется

исследованию и поиску путей формирования таких социокультурных условий, которые способствовали бы максимальной реализации гуманистических ценностей [176]. Одним из самых ярких и разработанных проектов социопроектирования устойчивого развития гуманистического общества в русле антропоцентрического подхода является проект «Венера» Ж. Фреско [366].

Во втором случае антропоцентрический подход истолковывается как мировоззренческая позиция ключевым концептом которой является человек. Именно через этот концепт приводятся и выводятся суждения, осуществляется концептуализация – поиск, обоснование посылок и совершение следующих из них выводов. В таком антропоцентризме человек оказывается мерой всех вещей (Античность); вершиной творения (Средневековье); руководителем природы (Новое время). В «радикальном» антропоцентризме свойствами человека объясняется мироздание (антропный принцип, свойственный основным теологическим картинам мира), в «слабом» же антропоцентризме ясно читается рационализированный эгоцентризм – сознательная позиция, состоящая в стремлении людей использовать все доступные ресурсы для удовлетворения своих (человеческих) потребностей. В такой трактовке антропоцентризм и в дескриптивном, и в прескриптивном значениях противоречит гуманизму, поскольку в дескриптивном смысле ограничивает познавательные возможности человека его текущими свойствами (в то время, как гуманизм предполагает раскрытие человеческого потенциала, его непрерывное развитие), а в прескриптивном смысле антропоцентризм ограничивает ценности человека кругом человеческих потребностей (в то время, как гуманизм эксплицирует ценность жизни вообще). Закономерно, что антропоцентризм лежит в основе концепции «слабой» устойчивости, при которой природа воспринимается как запас ресурсов, который может быть компенсирован технологиями, а приоритетом в развитии является экономический рост [665].

В рамках биосфероцентрического (экоцентрического, природоохранного) подхода к устойчивому развитию общества основополагающими являются

вопросы экологии, внимание исследователей фокусируется на проблеме загрязнения окружающей среды и истощения природных ресурсов. Содержание понятий устойчивого развития в рамках данного подхода, как правило, сконцентрировано на установлении экологических ограничений/пределов в социально-экономическом развитии. Так, например, В.И. Данилов-Данильян определяет устойчивое развитие как «развитие, при котором воздействия на окружающую среду остаются в пределах хозяйственной емкости биосферы, так что не разрушается природная основа для воспроизводства жизни человека» [117]. Устойчивое развитие общества согласно А.Г. Гранбергу и В.И. Данилову-Данильяну – это «стабильное сбалансированное социально-экономическое развитие, не разрушающее окружающую природную среду и обеспечивающее непрерывный прогресс общества», при котором валовый экономический рост не должен выходить за пределы несущей способности систем жизнеобеспечения» [107]. В концепции физически устойчивого общества или «развития без роста» Г. Дейли и Р. Костанза устойчивое развитие понимается как «социально устойчивое развитие, при котором валовый экономический рост не должен выходить за пределы несущей способности систем жизнеобеспечения» [464]. В логике данного подхода антропогенное воздействие рассматривается в качестве основного негативного фактора современных экологических проблем, поэтому широко обсуждаются вопросы стабилизации численности населения и рационализации потребления. Более того, отдельные ранние концепции устойчивого развития под влиянием идей Мальтуса и Римского клуба являлись неприкрыто антигуманными, они «походили на врачебные рекомендации по продлению агонии обреченного пациента, причем акцент во многих версиях ставился на необходимости форсировано сократить население планеты» [255, С.193]. В то же время, многие современные ученые не считают рост численности и потребления основной проблемой: современные математические расчеты (А.В. Коротаев и А.С. Малков) доказывают эволюционные процессы стабилизации численности Земли, а ресурсные модели выявляют в качестве основного

негативного фактора нерациональность распределения благ и форм организации общественной деятельности в целом (Т. Веблен, К. Поланьи, Ж. Фреско).

Биосфероцентрический подход часто трактуется как «сильная» версия устойчивости, подразумевающая строгое подчинение экономической деятельности ограничениям в интересах сохранения природного капитала за счет ограничения потребления, ограничения или исключения экономического роста (К. Уильямс, Э. Миллингтон, Р. Тёрнер. Г. Аткинсон, Д. Пирс).

В отличие от ноосферного подхода, синергетики, тектологии, опирающихся, прежде всего на диалектические законы развития открытых систем, «сильные» и «слабые» модели устойчивого развития ограничены теоретическими рамками моделей рыночной экономики, экономического роста, поэтому концептуально не способны целиком отразить сущность понятия устойчивого развития общества. Дуализм «силы-слабости» устойчивого развития отражен в данных моделях лишь в степени ограничения экономического роста. Этот же дуализм в терминах диалектики означал бы степень соответствия качественных преобразований в процессах и структуре общества на текущем этапе развития целям его долгосрочной жизнеспособности.

В своей диссертации, посвященной потенциалу концепции устойчивого развития в решении противоречий между обществом и природой, П.В. Пивень выделяет среди трех вариантов концепции (диспропорциональный, уравнительный и сбалансированный) сбалансированный вариант, ориентированный на достижение динамического равновесия между обществом и природой как наиболее оптимальный и жизнеспособный [285]. Диспропорциональный (элитарный) тип устойчивого развития схож с биосфероцентрическим подходом к устойчивому развитию в аспекте концентрации на цели сохранения природы, однако характеризуется «социоистощительным» типом нерационального природопользования (снижением эксплуатации природных ресурсов за счет снижения потребления большей части населения). Уравнительный тип устойчивого развития П.В. Пивень сравнивает с

идеями утопического социализма и также, как и первый вариант (диспропорциональный), считает нежизнеспособным. Сбалансированный вариант предполагает рациональное природопользование, воспроизводство возобновимых природных ресурсов и обеспечение динамического равновесия общества как системы.

В русле сбалансированного подхода следует выделить триединую концепцию устойчивого развития, как наиболее известную и применяемую на практике. Данная концепция зародилась в рамках исследований Э. Барбье, выдвинувшего тезис о непротиворечивости и возможности взаимоусиления целей охраны окружающей среды и экономического развития [433]. В рамках этой концепции разрабатываются системы сбалансированных показателей в трех сферах: экология, экономика, социум. Хотя данная концепция и выходит за рамки рыночных теорий и моделей экономического роста, используя понятие экономического развития, непротиворечащее экологическому сознанию, однако, в явной форме не проясняет отличие экономического развития от экономического роста и не устанавливает базовые принципы, обеспечивающие непротиворечивость экологического сознания и экономического развития. Отсутствие однозначно понимаемых методологических оснований данной концепции приводит, по факту, к ее применению, в лучшем случае как «слабой» модели устойчивого развития, в худшем – к декларации устойчивого развития под «брендом» триединой концепции, применяемой лишь как набор разнородных по смыслу и нацеленности экологических, социальных и экономических показателей.

Таким образом, сегодня отсутствуют ясно определенные и согласованные приоритеты развития общества, по-разному трактуются и внедряются в практику концепции устойчивого развития, что не позволяет осознанно и целенаправленно осуществлять инновационное развитие в направлении устойчивого развития общества. Под маркой «устойчивого развития» в политическом дискурсе далеко не всегда подразумеваются первоочередные цели решения глобальных проблем человечества и общего процветания в гармонии с природой. В ситуации отсутствия

однозначно понимаемого теоретического понятийного аппарата и обоснованных методологических основ устойчивого развития, да ещё в условиях конфликта интересов множества сторон, трудно ожидать достижения устойчивого развития за счет инновационного развития общества. Поэтому некоторые современные философы считают создание целостной теории устойчивого развития самой фундаментальной задачей современной науки (Н.Н. Моисеев, В.А. Садовничий, А. Коршунов) [183]. В частности, В.В. Мантатов отмечает, что необходим новый подход к проблеме устойчивого развития, связанный с формированием новой стратегии цивилизационного развития на основе космоцентризма и с необходимостью перехода от общества потребления к ноосферному (духовно-знаниевому) обществу, опирающегося на эколого-гуманистические ценности [237].

Несмотря на актуальную проблему множественности подходов и концепций устойчивого развития общества, в рамках диалектического подхода, синергетики, тектологии и ноосферного подхода достаточно разработаны все необходимые методологические предпосылки для теоретического формирования концепции и воплощения на практике устойчивого инновационного развития общества. В частности, в рамках немецкой классической философии (И. Кант, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель) и материалистической диалектики (К. Маркс, Л.А. Фейербах) сформулированы основные законы развития сознания и материи, которые ещё не нашли применения при разработке концепций устойчивого инновационного развития общества. С развитием синергетики (И. Пригожин, Г. Хакен, И. Стенгерс) идеи устойчивого развития общества обогатились знаниями об организации моделей и структур сложных открытых систем, об особенностях их нелинейного развития и условий достижения устойчивых состояний. В тектологии А.А. Богданова был выделен ключевой системообразующий фактор развития организаций – жизнеспособность. Смысловые и аксиологические аспекты прогрессивного развития общества проработаны в рамках гуманистического подхода и концепции ноосферы В.И. Вернадского. Под устойчивым инновационным развитием в широком смысле подразумевается не только

непрерывный технологический прогресс, а такое инновационное развитие, в результате которого за счет внедрения новых технологий гуманизируется социальная реальность – повышается качество и уровень жизни всех людей планеты, перспективная жизнеспособность всего человечества, то есть в целом обеспечивается восходящее, прогрессивное развитие человечества. Технологическое развитие общества ведет к его восходящему развитию только в случае реальной опоры на гуманистические ценности при принятии решений (К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, Н.А. Бердяев, П.Т. де Шарден, И.А. Ефремов, С.Н. Некрасов и др.).

Необходимость формирования, развития и практического применения концепции устойчивого инновационного развития на основе вышеперечисленных методологических оснований согласуется с пониманием устойчивого развития, уже закрепленном на законодательном уровне. В актуальной «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» задан ориентир устойчивого развития общества: «Движение человечества к устойчивому развитию в конечном счете приведет к формированию предсказанной В.И. Вернадским сферы разума (ноосферы), когда мерилом национального и индивидуального богатства станут духовные ценности и знания человека, живущего в гармонии с окружающей средой» [179, С. 2]. В силу объективных оснований, достижение заданного ориентира невозможно без осмысления устойчивого инновационного развития с позиций универсальных законов устойчивого развития систем (диалектических, синергетических) и с позиций необходимости перехода к ноосферному обществу, ориентированному на духовные и эколого-гуманистические ценности.

1.1.3. Объективные основания устойчивого развития общества.

В диалектическом понимании общество – динамическая саморазвивающаяся сложноорганизованная система. Основные принципы диалектики, лежащие в основе философии общественного развития: принципы всеобщей связи и

всеобщего движения и развития. Согласно диалектическому закону единства и борьбы противоположностей, в современной социальной системе обнаруживаются противоречия, системные конфликты, не разрешимые без качественных преобразований и являющиеся их источником. Диалектическое отрицание в контексте рассуждений об устойчивом развитии общества подразумевает: деструкцию неконструктивных (конфликтных) форм социальных отношений, их преемственность и конструкцию (формирование) новых более устойчивых форм взаимодействий в обществе. Открытым вопросом в диалектике остается парадокс развития – как происходит качественно новая организация системы, откуда и как появляется ее добавочная сложность при переходе от низших уровней развития к высшим, от простого – к сложному? Немного приблизиться к ответу на этот вопрос удалось синергетике, изучающей феномен сложных самоорганизующихся систем, в частности, условия, при которых открытые диссипативные системы способны к совершению качественных скачков к усложнению [297, 298]. С позиций синергетики, общество относится к классу диссипативных систем, то есть его устойчивое развитие в неравновесной открытой среде предполагает периодические «качественные скачки» из одного состояние в другое, более сложное и равновесное в новых условиях внешней среды.

В русле объективной диалектики развитие общества рассматривается со стороны материального базиса общественной жизни. В русле субъективной диалектики – со стороны развития представлений об объективных процессах в мире и обществе в форме знания. Можно утверждать, что все исследователи в сфере проблем устойчивого развития общества так или иначе обращаются к категориальному аппарату объективной и субъективной диалектики и опираются на основные принципы диалектики. И. Валлерстайн пишет: «Я предложил решить древний спор о детерминизме и свободе воле следующим образом: существуют моменты детерминизма, и существуют также моменты свободы воли. Моменты детерминизма – это время стабильности системы, а периоды свободы воли – это время великих революций, таких как французская 1789 года или же русская 1917-

го. В эти исторические моменты все зависит от суммы действий множества свободных личностей. Возникает так называемый эффект бабочки, когда от малейшего колебания крылышек какой-то одной из них может изменится траектория общественной эволюции» [217, С.94].

Диалектически устойчивое (сбалансированное) социально-экономическое развитие общества требует решения системных противоречий – существующих глобальных проблем и предотвращения новых. При невозможности решить данные проблемы в рамках современного состояния общества (характеризуемое определенной социальной структурой и цивилизационной формой), устойчивое инновационное развитие предполагает осуществление системных социокультурных изменений, ведущих к трансформации социальной структуры на новом уровне развития общества. В соответствии с рассмотрением ценностей как базиса каждого исторического типа культуры и, согласно С.М. Халину, как основного рычага принципиального воздействия на культуру [382, 386], социокультурные трансформации берут свое начало в ценностных трансформациях.

М.С. Каган отмечает «приговоренность» человека к определенному не природой, и не богами, а его собственным социокультурным бытием «ценностному способу управления своим поведением, своей деятельностью» [153, С. 172], что принципиально отличает человеческое общество от сверхсложных рефлективных и самоуправляющихся физических и биологических систем. Следовательно, применение синергетики и системного подхода к развитию общества без учета ценностного самоуправления обрекает исследователя на позитивистскую редукцию [153, С. 181]. М.С. Каганом отмечается, что понимание познаваемых явлений в гуманитарных науках – проявление ценностного к ним отношения [153, С. 184]. Учитывая, что на переднем крае современной науки – уникальные, исторически развивающиеся системы, в центре исследований которых сам человек, экспликация ценностей выступает предпосылкой получения объективно-истинных знаний о мире [217, С.154]. Следовательно, концепция устойчивого инновационного развития, претендующая на роль методологической основы научных исследований

в сфере инновационного развития общества с необходимостью должна включать в себя *аксиологический компонент*, отводя ему ключевую роль в «настройке» понимания наличного и необходимого инновационного развития в контексте достижения долгосрочной жизнеспособности общества.

Какие именно ценности соответствуют долгосрочной жизнеспособности общества и могут ли они быть объективными (в смысле – инвариантными для людей разных культур)? В рамках субъектно-ориентированного подхода В.Е. Лепского философия субъекта инновационного развития определяется как «философия ответственности за свою деятельность, осознания последствий инновационных воздействий на социальную среду» [217, С. 170]. Согласно ноосферному подходу, ценностные трансформации (приоритеты нравственного разума, экогуманизм, знание, гармония человека, общества и природы, их безопасное и неопределенно долгое соразвитие) логически должны способствовать реализации новой цивилизационной модели [353]. Основатель формальной аксиологии Р.Ш. Хартман считал жизнь человека бесконечно бесценным даром и на этой основной аксиоме выстроил математически точное учение о ценностях «добра», среди которых выделял ценности истины, блага, красоты, совершенства, завершенности, простоты, утонченности и т.д. Согласно Р.Ш. Хартману, добро – это то, что сохраняет человеческую жизнь как бесценный дар. Формальная аксиология выделяет внутренне (человеческое) и внешнее (объективное, трансгуманистическое) измерение ценностей. Трансгуманистическое измерение А. Маслоу называет трансперсональной природой ценностей, имеющей дело с запредельными переживаниями и запредельными ценностями. Обращая внимание на надперсональный аспект аксиосферы человека, трансперсональный подход, вместе с тем, не утверждает существование сверхчеловеческой, мифической природы ценностей. Данная позиция согласуется с общей теорией ценностей, где отмечается, что «достижение единства человечества возможно не на религиозной, а на нравственной основе — именно потому, что нравственное сознание утверждает ценность человека как человека, то есть соотносит его не с какой-либо

сверхчеловеческой мифической силой, а с реальнейшей историей человеческого рода» [153, С.103]. Также и в субъектно-ориентированном подходе В.Е. Лепского отмечается необходимость трансформации ценностной основы мировоззрения для перехода к устойчивому развитию. «Гигантские горизонты и потенциальные угрозы инновационного развития обосновывают крайне высокую актуальность формирования философии его субъектов – создания инновационного мировоззрения, ориентированного на гармонизацию и развитие человечества <…> на преодоление эгоизма, насилия и других негативных качеств, присущих субъектам современных социально-экономических и политических отношений» [217, С.161].

А.Г. Теслинов видит объективные причины необходимости роста уровня сознания в связи с усложняющейся реальностью, создающей новые глобальные вызовы людям и требующей порождения адекватных им форм взаимодействий и видов деятельности. «Эта логика побуждает образование заниматься изобретением способов повышения качества смыслорождения людей» [341, С.186]. Для решения этой задачи особая роль отводится образованию как средству культурогенеза, обеспечивающего развитие мышления и подъем субъектности людей [340].

Обобщая ценностные ориентиры, данные в рамках ноосферного подхода, субъектно-ориентированного, трансперсонального подхода и общей теории ценностей, можно утверждать, что именно в стремлении к реализации универсальных трансперсональных (неэгоистичных, надперсональных) и гуманистических ценностей обнаруживаются перспективы совершенствования человеческой цивилизации, ее движения к устойчивой жизнеспособности.

Гуманистические ценности и гуманистический подход как система гуманистических ценностных ориентаций (ценность жизни, здоровья, личности человека, его право на свободу, счастливое существование, полноценное развитие и возможность проявления своих способностей) обсуждаются достаточно давно. Гуманистический подход (Н.А. Бердяев, В. Франкл, К. Роджерс, В.И. Болотов, Б.Т. Лихачев и др.) успешно используется в педагогике и психологии, однако *не*

применяется системно к исследованию инновационного развития общества, имеющего ключевое значение в вопросах выживания человечества, качества жизни, счастья, свободы и развития человека. Можно привести лишь отдельные примеры исследователей-изобретателей (Н. Тесла, Ж. Фреско, К.Э. Циолковского), осуществивших осознанную попытку рассмотреть инновационное развитие общества исходя из логики гуманизма и необходимости стратегических решений фундаментальных причин глобальных проблем.

Таким образом, для достижения долгосрочной жизнеспособности общества устойчивое инновационное развитие должно обеспечивать наиболее оптимальное и дальновидное решение глобальных проблем и задач в порядке приоритета их значимости для развития и блага всех людей. Инновационное развитие может быть таковым, если опирается на гуманистические ценности, утверждающие универсальное значение человеческого бытия как в целом, так и в частности (для отдельной личности). Признание гуманистических ценностей в качестве объективного основания устойчивого развития общества может выглядеть субъективным онто-гносеологическим аспектом с формальной точки зрения.

Однако, если под сущностью понимать источник содержания и формы, выступающий для них в роли закона, то трансперсональные ценности красоты, истины, гармонии, а также гуманистические ценности – явление сущности, в роли которой выступают объективные законы устойчивого развития общества как сложной открытой системы. Если мы рассмотрим природосообразные объективные законы развития сложных открытых систем в пространстве культуры, то они явятся нам, в конечном итоге, в форме гуманистических ценностей. Так, выступая субъективным ориентиром, гуманистические ценности отражают объективные законы устойчивого развития общества.

В философском дискурсе о ценностях существует точка зрения, что, говоря о конкретных ценностях, невозможно выделить среди них инварианты, так как конкретные ценности формируются в конкретных ситуациях; также никакие концептуальные ценности не могут претендовать на роль исходных (объективных),

так как имеют разное содержание в интерпретации разных субъектов [281]. Однако, данный тезис не противоречит объективному существованию природосообразных законов прогрессивного развития сложной открытой социальной системы, в основе которой лежит базовая, системообразующая потребность, а затем ценность – жить. Не жить каким-то определенным образом, а в принципе жить. Действительно, инварианты не могут быть обнаружены в конкретных ценностях, поскольку их конкретность задана культурной спецификой, также инвариант – не в видах понимания хорошей или правильной жизни.

Таким образом, если инвариантом общечеловеческих ценностей является потребность жить, то, осмысленная как ценность, эта объективная потребность становится сущностью гуманистических ценностей. "Потребность жить" (а не жить каким-то определенным образом, что отличает одну культуру от другой) присуща людям всех культур, а, следовательно, вырастающие на этой потребностной базе концепты гуманистических ценностей способны обеспечить реальный диалог культур и даже образование общечеловеческой "метакультуры".

При этом, ценность жизни может быть объективно развернута в иерархию гуманистических ценностей на основании структуры базовых факторов обеспечения жизни человека и жизнеспособности общества в целом. Жить для человека – не значит просто биологически существовать, но и иметь возможности развиваться, делать выбор, мыслить. Для жизнеспособности человеческого общества как биологической системы жить также значит и наличие свободного пространства для жизнедеятельности и иметь возможность свободно двигаться, действовать и т.д. (вспомним эксперимент «Вселенная-25» Джона Кэлхуна, который показал крайне негативные последствия стесненности и скученности популяции для жизни животных – в тесном пространстве у них развиваются девиантные формы поведения и в конечном итоге они вымирают). Таким образом, объективным ценностным основанием "общечеловеческой культуры" устойчивого развития могут стать только гуманистические ценности, поскольку только они отражают потребность всех людей в том, чтобы жить. Противоположные

гуманистическим ценностям ценности элитаризма – это те же ценности жизни, но только для отдельной группы людей, обладающих властью. А частный случай (стремление группы лиц жить) лишь подтверждает общее правило (всем людям присуща потребность жить). В этом ракурсе элитаризм (эксплуатацию человека человеком) можно рассматривать как одну из ступеней развития культуры в попытке общества реализовать потребность в том, чтобы жить. Элитаризм – это такая фаза концептуализации потребности в жизни, в которой жить дозволено лишь избранным, остальные же могут только мечтать об этом, существуя в роли средства жизнедеятельности элиты. Данную фазу, согласно законам диалектики, должна отрицать следующая фаза развития общества, в которой потребность жить распространена на все общество как целостный «организм».

Что же является препятствием для выбора данных ценностей и социокультурной трансформации общества в нужном направлении его устойчивого развития?

Выбор ценностей человеком требует необходимого условия свободной воли, в качестве философско-психологических предпосылок предполагающей, прежде всего, рефлексивное мышление – рефлексию экзистенциональных смыслов деятельности, ее аксиологических аспектов, гносеологических оснований рассуждений (В.А. Лефевр, В.Е. Лепский). Следовательно, для осуществления необходимых (для устойчивого развития общества) социокультурных (в своей основе – ценностных) трансформаций необходим, прежде всего, рост уровня сознания, предполагающий обретение свободы воли, достаточной для осознанного выбора ценностей.

Наличие свободы воли субъекта в выборе ценностей является необходимым условием воздействия на культуру, однако культура также воздействует на формирование ценностей субъекта, причем до обретения личностью достаточной свободы воли влияние культуры оказывается определяющим. Соответственно, для успешности осуществления ценностных социокультурных преобразований, необходим также и соответствующий благоприятный социально-экономический

контекст или, согласно, А. Маслоу, создание «хороших условий», «хорошего общества», благоприятствующего наиболее полному раскрытию возможностей человека и его человечности [571]. Соответственно, онто-гносеологические аспекты инновационного развития должны включать в себя требования к социально-экономической системе, благоприятствующей устойчивому развитию общества, обеспечивающей целостность общественных усилий, направленных на устойчивое инновационное развитие.

В культуре в целом и в каждой ее подсистеме, элементе в частности необходимо различать три основных компонента: 1) знания (номологический компонент), 2) навыки, умения, технологии в широком смысле (технологический компонент), 3) различные значимости чего-либо для человека (ценностный компонент) [380, С.58]. Триггером качественных изменений во всех сферах совместной деятельности людей, приводящих к непрерывному существенному совершенствованию и долгосрочной жизнеспособности гуманного общества в максимальной гармонии с окружающей средой является праксиологическое утверждение гуманистических ценностей через содержание *стратегических приоритетов общественного инновационного развития* и через соответствующие им *критерии оценки значимости инноваций*.

Сегодняшняя инновационная политика стран нацелена на повышение их конкурентоспособности в мировой экономике и получение коммерческой выгоды. Налицо фундаментальный конфликт целей текущего инновационного развития и целей устойчивого социально-экономического развития общества, который подчеркивается современными исследователями [630, 532], состоящий, по сути, *в отсутствии непротиворечивой единой ориентировочной основы развития общества*. К сожалению, наблюдается тенденция решения данного противоречия не с помощью лучшего понимания философской основы устойчивого инновационного развития и реальной трансформации общественных отношений в соответствии с гуманистическими ценностями, а путем подмены основных смыслов концепции устойчивого развития на смыслы, «вписывающиеся» в формат

рыночных отношений. Так, например, на практике, программы устойчивого развития стран нацелены на решение социальных и экологических проблем за счет экономического роста, по сути – финансового роста (см., например, мировую концепцию устойчивого развития «Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable development» или национальную концепцию устойчивого развития РФ до 2020 года). Тогда как рост финансовых показателей ВВП совсем не означает рост благосостояния всего общества, более рационального расходования ресурсов, больших возможностей для конструктивного личностного и общественного развития.

Опора на диалектические, синергетические законы развития сложных открытых систем вместе с признанием гуманистических ценностей в качестве сущностной основы долгосрочной жизнеспособности общества являются достаточными методологическими основаниями для формирования концепции устойчивого развития. Такая концепция позволит направить научные и практические усилия в сфере инноваций на устранение фундаментальных причин социально-экономических и экологических проблем современной цивилизации, заключенных в современной культуре. Экологический, социальный и духовный кризис сегодняшнего «индивидуализированного общества» (З. Бауман), «общества потребления» (Ж. Бодрийяр; Дж. Агамбен, А.Н. Ильин) – закономерный итог развития культуры, детерминируемой современной мировой социально-экономической системой хозяйствования, смыслом деятельности в которой оказывается бóльшая прибыль и лучшие условия, достигаемые в конкурентной борьбе, а не совместное развитие и повышение общего благосостояния [290, 635, 431].

Современные исследования и решения в сфере инноваций, осуществляющиеся в рамках концепций, обосновывающих сложившийся культурно обусловленный формат инновационного развития, логически не способны разрешить системные проблемы современного общества, требующие его глубокой социальной трансформации. В этих условиях актуальными становятся усилия в направлении критического осмысления существующих философских

подходов к инновационному развитию, диалектических противоречий развития современного общества и определения общих онто-гносеологические оснований устойчивого инновационного развития, позволяющих осуществлять проактивную и осмысленную трансформацию социальной системы на новом витке ее динамического равновесия.

Ключевыми онто-гносеологическими аспектами, необходимыми для формирования концепции устойчивого инновационного развития являются: основные принципы и сущность устойчивого инновационного развития, приоритеты инновационного развития, критерии оценки инноваций, требования к условиям устойчивого инновационного развития, в частности, к социально-экономической системе, обеспечивающей целостность общественных усилий в направлении гуманизации общества.

1.2. Альтернативные пути выхода из межцивилизационного периода.

1.2.1. Предпосылки и перспективы развития общества знаний в современном социальном контексте.

С социально-философской точки зрения, изменение форм общественного сознания может быть представлено в виде смены доминант идей, охватывающих большую часть совокупной общественной потребности [195] или нового инновационного скачка, стимулируемого новыми потребностями общества [154]. В соответствии с изменением потребностей преобразуются и формы общественного сознания, обслуживающие эти потребности. С позиций материалистического диалектического понимания эволюции культуры, последовательная смена общественно-экономических формаций обусловливается противоречием между новыми, развившимися производительными силами и устаревшими производственными отношениями, которые на определенной ступени превращаются из форм развития в лимиты развития производительных сил [238]. В социально-экономическом аспекте смена общественных формаций

выражается в росте технологического и концептуального влияния соответствующих отраслей и секторов народного хозяйства на остальные отрасли и в целом на глобальные социальные, политические и экономические процессы. В сегодняшнем мире научно-технический прогресс, развитие информационного общества привели к высокой степени автоматизации труда и к «виртуализации» большей части хозяйственных операций, доминирующая ценность информации в индустриальном обществе сменяется доминирующей экономической и ресурсной ценностью знания [399, С. 186].

Для мировой экономики характерна неравномерность распределения типов общества и их одновременное сосуществование во всех географических и структурных областях общества. Обоснованно считается невозможным провести четкие границы между разными социально-экономическими формациями [527, 531, 537]. Тем не менее, «общество знаний» в контексте приоритета целей устойчивого развития общества можно понимать, как новую социальную реальность, которой присущи принципиальные отличительные черты, такие как рост значения фундаментальной науки в качестве непосредственной производительной силы, возрастание роли знания как основания индивидуальных и коллективных действий, появление «экономики знания» [636].

Базовой предпосылкой развития «общества знаний», созданной на индустриальном этапе развития общества является автоматизация ручного труда. В настоящее время даже интеллектуальный труд становится все более автоматизированным: большинство аналитических операций в поддержке решений стратегических и тактических задач в социально-экономической сфере автоматизировано с помощью информационных систем класса Business Intelligence (BI), а управление и оценка эффективности организационных процессов поддерживается с помощью специализированных предметных информационных технологий бизнес-моделирования, интегрированных с корпоративными системами управления и технологиями Big Data. Таким образом, в настоящий момент решена задача автоматизации не только процессов сбора и анализа

информации, но и большинства интеллектуальных операций в процессах проектирования, исследований, анализа и принятия решений. Информационные системы и технологии, включающие потребителя в процессы организационного развития, решают большинство интеллектуальных маркетинговых задач, однако требуют большей гибкости и скорости адекватного реагирования от организации.

Вместе с тем, актуальным условием развития современного мира является *перенасыщение информацией* [477, 489, 526, 610], сокращение времени на эффективное реагирование [30, 121], постоянное ускорение процессов [434, 537], а именно – процессов технического, технологического, информационного, коммуникационного, проектного усложнения социально-технической организации общества.

Информация – уже не редкий ресурс, являющийся фактором конкурентоспособности для предприятий и человека, т.к. ее объемы, доступность и прозрачность растут в геометрической прогрессии [513]. Способность эффективно работать с информацией, использовать IT технологии для оптимизации всех видов деятельности стали необходимостью и неотъемлемым базовым требованием к работнику и к организации в целом [434]. Кроме того, вместе с объемом потенциально конструктивной и полезной информации увеличилось и количество дезинформации, деструктивной информации, возрастает копируемая и «самогенерируемая» доля информации, в целом наблюдается беспрецедентный рост объема информации в мире при низкой доле анализируемой информации[1], что порождает проблемы «информационного хаоса» и «информационного мусора».

Таким образом, информация, интеллектуальный аналитический труд (в отличие от интеллектуального творческого труда) на сегодняшний день уже не является ключевым фактором, определяющим предельную способность общества и отдельных организаций успешно развиваться в новых условиях. Другими словами,

[1] По результатам исследования Big Data, Bigger Digital Shadows and Biggest Growth in the Far East, проведенного IDC при поддержке компании EMC – в 2012 только 0.5% информации анализируется, каждые два года количество информации удваивается [578].

за последние 20-30 лет, с развитием интернет и информационных технологий, появились новые доминирующие потребности и лимитирующие факторы развития общества, что указывает на необходимость перехода к следующему типу социально-экономического общества, условно называемого пост-информационным. Э. Тоффлер сравнивает новую смену доминант с «промышленным переворотом», когда изменения в современном мире порождают новую экономическую систему или новую цивилизацию [346].

Потребность в знаниях определяется в качестве ключевой одними исследователями – при переходе к информационному обществу, обществу знаний [103, 138, 387, 506, 516, 572]; другими – к следующему – креативному, сетевому формату общества [162, 244, 541]; третьими – к очередному этапу развития индустриального общества [143, 356, 404]; четвертыми – к психонетическому, осознанному обществу, предполагающему активизацию недостаточно используемых и проектируемых новых психических функций активного сознания в любом взаимодействии между людьми [36, 151, 154].

Потребность в знаниях является присущей человеческой личности вне зависимости от социально-экономического формата общества и необходимым условием для дальнейшего общественного развития. Стремление, внутренняя мотивация человека улучшать свою жизнь посредством создания, получения и применения новых знаний, а также желание постичь тайны и законы мироздания – постоянны. Однако, потребность в знаниях в контексте капиталистического информационного общества обусловлена, скорее, не внутренними, а внешними факторами: увеличение количества информации, развитие средств ее передачи, хранения и обработки вкупе с «погоней за прибылью» и конкурентными преимуществами предприятий и организаций приводит ко все большему ускорению смены технологий, моделей товаров, развитию новых методов привлечения и удержания потребителей (в частности, посредством технологий обработки больших данных).

В капиталистическом информационном обществе знание является, с одной стороны, ключевым ресурсом конкурентоспособности субъектов рыночной экономики. При этом, учитывая современную динамику информационных потоков и развития технологий, главным конкурентным преимуществом является постоянное обучение и развитие, внедрение новых технологий, инноваций (формируемых), знание о потребителях (мотивация, предпочтения, эффективные способы воздействия).

С другой стороны, знание является лимитирующим фактором развития данной системы хозяйствования, поскольку накладывает специфические требования к субъекту хозяйственной деятельности:

- в условиях доступности и перенасыщенности информации, большого разнообразия методов и технологий ее обработки, ее трансформация в полезные знания ограничена психологическими ресурсами личности;
- для использования существующих знаний в реальных условиях личности как правило недостаёт логического, системного, стратегического мышления, способности прогнозировать исходы спроектированных решений.

Понятие «знания» является комплексным, системным, поэтому его применение без специальных уточнений существенно затрудняет выявление и формулирование базовых факторов жизнеспособности социально-экономических систем в пост-информационном обществе. Знания являются продуктом переработки информации в виде формулировок основных закономерностей предметной области, позволяющие человеку решать производственные, научные и другие общественно значимые задачи. Логико-смысловой анализ основных свойств знаний – структурируемость, интерпретируемость, связность и активность позволяет выделить психологическую составляющую, в обозримой перспективе не подлежащую автоматизации. Данную составляющую в целом можно сформулировать как степень осознанности или «уровень сознания» личности принимающей решения, определяющийся ценностными установками индивида и уровнем логического мышления [206].

Соответственно, в современных условиях необходимым фактором перехода общества к новому формату – к развитому обществу знания или пост-информационному обществу оказывается развитие психологических ресурсов личности [36, 53, 202], повышение уровня осознанности, ответственности и самомотивации в социальных системах [27, 95].

Обобщая классические [6, 79, 222, 242, 306, 309, 363, 413, 449] и современные исследования [8, 18, 111, 247, 268, 352, 360] в области психологии личности следует заключить, что высокий уровень сознания («психологическая зрелость») человека определяется [205]:

- осознанием себя в качестве субъекта активности;
- умением прогнозировать, схватывать абстрактный принцип;
- умением мыслить логически, непредвзято, свободно от предрассудков;
- умением управлять своими психическими функциями – восприятием, вниманием, волей, рефлексией;
- внутренним «локусом контроля» (самостоятельностью), ответственностью;
- способностью к поступкам (выбору в условиях конфликта ценностей).
- способностью выходить из «зоны комфорта»;
- способностью к постоянному самосовершенствованию;
- способностью различать описание и оценку, факт и мнение, субъективные реальности;
- способностью помогать другим в развитии;
- умением решать проблемы в контексте стремления к гармонии и к новым возможностям;
- активной жизненной позицией (делать себя и мир лучше);
- стремлением создавать новое, творить доброе;
- отсутствием эгоцентризма, жажды власти и наживы, потребительства, зависимости от желаний и поиска удовольствий.

Высокий уровень осознанности является ключевым фактором в определении вектора познания, мотивации, позволяет преодолеть негативное влияние

переизбытка информации и позволяет сохранить высокую скорость ее фильтрации и осмысления при любых темпах нарастания. Кроме того, высокая осознанность, предполагающая развитую субъектность, рефлексию и высокий морально-этический уровень личности, обеспечивает возможность разрешения фундаментальных противоречий и проблем инновационного развития общества. В условиях пока не меняющейся глобальной социально-экономической парадигмы развития общества (аграрный капитализм – индустриальный капитализм – информационный капитализм – знаниевый капитализм) и при неизменных «общесистемных надстройках» общества (иерархической системы власти и ростовщической монетарной системы) продуцирование и внедрение новых научных знаний может приводить как к позитивным, так и к негативным глобальным последствиям для человеческой цивилизации. Таким образом, переход к обществу знаний, обеспечивающий долгосрочную жизнеспособность общества возможен только в рамках социально-экономической системы, приоритеты и механизмы развития которой находятся в соответствии с гуманистическими ценностями.

Предпосылки перехода к обществу знаний. В итоге развития информационного общества были созданы следующие социально-экономические предпосылки перехода к обществу знаний:

1) Увеличение возможностей влияния творческого потенциала отдельного работника на развитие организации в целом [347, 541].

2) Рост креативной сферы экономики (рост занятости, объема ВВП и экспорта согласно статистическим данным [467, 468].

3) Развитие и глобальное распространение сети интернет, способствующей разрушению информационных барьеров на пути развития личности, творчества, самообразования, самоопределения посредством интенсификации использования различных web-приложений, сервисов и ресурсов. Быстрыми темпами развиваются новые дистанционные и проектные формы найма, возможности ведения большей части бизнеса через интернет, что предоставляет практически безграничные

возможности творческой и профессиональной самореализации на мировом рынке труда и в социальных некоммерческих проектах.

4) Дигитизация экономики. Сегодняшнюю экономику называют «цифровой», т.к. большая часть процессов, транзакции и информации представлена и обрабатывается в цифровой форме. Под цифровой экономикой понимают так называемый «нейронный слой» физической экономики. Дигитизация экономики и автоматизация большинства бизнес-процессов приводит к снижению потребности в специалистах, что в монетарной экономике не может не сказаться негативно на социальной сфере. Развитие информационных технологий создает для человечества новое экономическое пространство. Однако, как общество будет развиваться в этом пространстве, зависит от самого человечества, в первую очередь от того, будет ли роль человечества в данном пространстве конструктивно формирующей или формируемой.

5) На текущем этапе информационного общества созданы предпосылки для высвобождения человеческого ресурса для стратегической и творческой активности личности на уровне социума [608]. Научно-технический прогресс и прогресс информационных технологий обеспечил значительную автоматизацию ручного труда и большинства аналитических информационных процессов и быстрыми темпами растет сегодня в сфере «интернета вещей» [481]. Тем не менее, в области креативных и инновационных решений, личностный ресурс творчества остается по-прежнему незаменимым.

6) Мотивами социального действия субъектов в различных областях общественной жизни всё в большей степени становятся не столько финансовые и материальные блага, сколько мотивы достижения свободы, признания и уважения, возможности самореализации, самоопределения и развития [552], что соответствует видению проблемы субъекта и его генезиса с точки зрения этического подхода в современной социологической теории [20, 45, 120, 191].

С психологической точки зрения, творчество, как личностный ресурс активного волевого начала не зависит от количества информации или скорости

информационных процессов, а зависит от уровня владения личностью своими психическими процессами, от уровня сознания [37]. С философской точки зрения, количество информации и даже совершенствование средств ее обработки является лишь частью объективного, проявленного мира. Внутренний мир человека является формируемым «изнутри» – посредством субъективного интроспективного опыта, трансперсональных и экзистенциальных переживаний, намерений и решений [306, 352, 361, 558]. Нарастающее количество информации, совершенствование средств ее обработки и средств коммуникации, с одной стороны, формирует социальную потребность в новых знаниях и творчестве, которая не может быть удовлетворена лишь за счет развития количественных и качественных процессов информатизации и требует большей осознанности от субъекта работающего с информацией, с другой стороны – создает благоприятные предпосылки для развития осознанности, необходимой для активизации креативности и качественно новых осмыслений и знаний.

В условиях отсутствия социальной структуры и механизмов поддерживающих гуманистичную направленность функций социальных институтов и отдельных человеческих поступков, психологический ресурс осознанности – единственный, который позволяет личности конструктивно использовать все достижения информационного общества и преодолеть его негативные социально-психологические последствия в существующей культуре (стресс, депрессия, психосоматические реакции и заболевания), поскольку именно субъект определяет направленность действий в использовании всё более могущественных технологий. При этом, личностный ресурс осознанности обоснованно можно считать лимитирующим фактором дальнейшего развития информационного общества, а необходимость в высоком уровне осознанности следует признать новой социальной доминантой. Недооценка развития данного ресурса при современном уровне развития информационно-коммуникационных технологий может привести к крайне негативным последствиям, в особенности в «межцивилизационный» период, т.к. рост инструментальной оснащённости

повышает возможности каждого влиять на окружающий мир при недостаточном понимании происходящего и рефлексии собственных действий» [187]. Следовательно, психологический ресурс личности выражаемый понятием «уровень осознанности» следует считать критическим при развитии гуманистического общества знаний.

В докладе ЮНЕСКО справедливо было отмечено, что декларируемое сегодня международными организациями «общество знаний» [77] не может осуществиться в реальности без «формирования новой этики, в соответствии с которой будет происходить становление обществ знания, – этики свободы и ответственности» [289]. Однако, попытки развивать «общество знаний» без кардинальных трансформаций в общественном сознании, без социопроектирования социально-экономической системы на базе разумного и ответственного подхода к совместному хозяйствованию и инновационному развитию, либо обречены на бесплодность, либо могут являться лишь «красивым слоганом» для действительного формирования «общества незнания». Т.к. целями современной мировой хозяйственной системы по-прежнему остается рост и концентрация капитала и власти, максимально возможный результат развития общества знаний в такой системе – «квалифицированный потребитель» с ограниченным «пулом знаний» и уровнем сознания [147], необходимых для поддержания «общества потребления» и элитаристской системы [2, 55, 134].

Инновации в актуальном контексте общества знаний. Роль, отведенная инновациям в актуальном социально-экономическом контексте развития общества знаний может быть сформулирована в нижеследующих тезисах:

1) Инновации служат целям постоянного увеличения капитала за счет роста потребления и, в современном культурном контексте, стоят в одном ряду с арсеналом многообразных манипулятивных и антигуманистичных методов расширения и создания новых рынков сбыта, методов вынужденного и искусственного создания потребностей («инициирование войн», «продвижение через медиаторов-лоббистов», «мнимый выбор», «создание информационных

волн», «быстрое устаревание товаров», снижение качества продукции и др.) [147, 218, 307, 447].

2) Инновации являются, скорее инструментом формирования платежеспособного спроса, нежели удовлетворения общественных потребностей. Современные инновационные процессы сопровождаются активным формированием новых потребностей и спроса. Например, в японской модели инновационного процесса сразу за этапом «инновационная идея» следует этап «формулирование перспективного спроса», а вслед за этапом «производство» – этап «формирование спроса» [550].

3) Сегодняшние инновационные системы нацелены на «фильтр» инноваций по критериям прибыльности для компании, а не по критериям доступности и эффективности решения проблем улучшения качества жизни общества в целом. В современных моделях инновационной деятельности, типичных для современного общества, инновации определяются как «прибыльная реализация творческой стратегии», инновация-прорыв или революционная инновация определяются не по признаку значимости данной инновации в улучшении безопасности или благосостояния общества, а по значительному увеличению доходов и чистой прибыли фирмы [115, 126].

Формирующие инновации для гуманистического развития общества знаний. Попытка реализации гуманистического инновационного развития сегодня проявляется в качестве идеи «устойчивого развития общества». Хотя данная идея является реальным шансом человечества на прогрессивное сбалансированное развитие, однако, рискует быть, по сути, лишь декларируемой и превратиться в очередной «апгрейд» современного капитализма при преобладании формируемой инновационной деятельности в практике реализации данной концепции. Для осуществления стратегических преобразований форм и механизмов социально-экономических отношений в обществе в соответствии с концепцией устойчивого развития необходима реализация инновационной политики, продвигающей и поддерживающей формирующие инновации, и в первую очередь – социальные.

В контексте «комфортной современности», предполагающей преимущественно поиск оптимума приспособления вместо творческой деятельности, направленной на реализацию идеалов [280, С. 95] усилия общества по реализации формирующих инноваций недостаточно эффективны для решения текущих обостряющихся социально-экономических и экологических противоречий. Существующая ориентированная на прибыль социально-экономическая система, «общество потребления» [54, 55] продолжают генерировать принципиально неразрешимые в собственном культурном контексте глобальные проблемы и, консервирующие систему, формируемые (а не формирующие) инновации.

Несмотря на высокую логическую востребованность формирующих инноваций, процесс доведения изобретения или открытия до воплощения часто испытывает непреодолимые трудности, развиваясь не «в русле», а «вопреки» сложившимся социально-экономическим взаимодействиям, т.к. критерий финансовой выгоды не является определяющим для формирующих инноваций, но является определяющим для поддерживаемой инновационной деятельности в существующей мировой системе хозяйственных отношений. Поэтому внедрение новшеств на пути реального развития человека и общества требует, прежде всего, расширения поля зрения до целостной картины кризиса сегодняшней социально-экономической системы, осмысления глубинных препятствий для гуманистического инновационного развития общества знаний.

На практике необходимо усиление формирующего инновационного воздействия, в первую очередь, необходима активизация общественной инновационной деятельности, опирающейся на гуманистические ценности с целью реализации социальных формирующих инноваций, способных заменить доминирующие механизмы социально-экономических систем хозяйствования и инновационного развития на более адекватные современным проблемам и технологическим возможностям человечества.

1.2.2. Ценности и принципы инновационного развития общества при капитализме и социализме.

В зарубежной и отечественной литературе капиталистический и социалистический форматы хозяйствования часто анализируются в русле противопоставления их основных отличительных признаков. Если же речь идет о каких-либо «гибридных системах», то неизбежно один из этих форматов организации социально-экономического порядка, его базовые механизмы и принципы оказываются ведущими, а механизмы другого варианта используются как «сглаживающие», дополнительные. Так, капитализм «с человеческим лицом», социалистический капитализм, рыночный социализм [15, 614], концепции «параллельного развития», сближения, сглаживания и заимствования двух индустриальных систем – капитализма и социализма – сильных сторон и черт друг друга [49, 325] в своей основе опираются на капиталистические рыночные принципы организации хозяйствования, сглаженные в той или иной степени социальной функцией государства. Тем не менее, нарастание масштабов экономического, экологического и социального кризисов в мире вынуждает нас предположить существование цивилизационного кризиса, в частности, кризиса базовых механизмов, исторически сложившихся и практикуемых в настоящее время форматов хозяйствования. В частности, ведущими зарубежными учеными сегодня широко обсуждается глобальный системный кризис капитализма и его разрушительные последствия [530, 660]. Однако, является ли социализм лучшей альтернативой, и, по смыслу, является ли альтернативой или не существенно отличается от капитализма с точки зрения перспектив долгосрочной жизнеспособности общества и реализации гуманистических ценностей?

Актуальность проблемы поиска нового формата хозяйствования напрямую связана с масштабом и системным характером сегодняшних глобальных проблем человечества, общей аксиологической компонентой которых является ослабление фундаментальных гуманистических ценностей в современной цивилизации [54, 134, 199, 275]. Анализ базовых аспектов онтологии инновационного развития в

условиях капитализма и социализма с позиций гуманистического подхода и концепции устойчивого инновационного развития общества позволит переосмыслить общие ценностные противоречия двух ведущих форматов хозяйствования XX века и выявить существенные общекультурные факторы, определяющие перспективы развития гуманистического общества.

С позиций гуманистического и сравнительно-исторического подходов анализируются и сравниваются не абстрактные идеи капитализма и социализма, а общекультурные свойства, принципы и лежащие в их основе ценности сформировавшихся практик хозяйствования в рамках данных форматов. Анализ результатов общественного развития учитывает актуальные исторические условия и онтологическую специфику становления и развития этих форматов в социальном бытии. Так, смыслы капиталистического и социалистического форматов хозяйствования не имели практики «развертываться» вне понятий «государства», «политики», что предполагает возможность их изучения как форматов хозяйствования, принятых на территориях отдельных государств с соответствующей государственной политикой, т.е. как госкапитализма и госсоциализма.

Общей основой данного анализа является философия диалектического материализма, предполагающая исследование возможностей и ограничений развития гуманистического общества в конкретных форматах хозяйствования – капиталистического и социалистического. При этом учитываются изменения исторических условий хозяйствования и самих проблем, стоящих перед человечеством.

Применение концепции устойчивого инновационного развития и гуманистического подхода к вопросу об онтологическом сродстве капитализма и госсоциализма позволяет сфокусироваться именно на гуманистическом характере человеческой деятельности, осуществить анализ соответствия средств, целей и фактических результатов развития общества приоритетам гуманистических ценностей и целям долгосрочной жизнеспособности общества. Под

гуманистическими ценностями подразумеваются, «прежде всего, сохранение дара жизни, которому подчинена вся иерархия более частных ценностей, расположенных по уровням в соответствии с их ролью в поддержании основной ценности – ценности здоровья, развития, свободы человека и др.» [381, С. 74].

Базовые принципы и механизмы развития капитализма. Процесс развития капитализма тесно связан с развитием «европейского духа свободы», основанного на индивидуализации, субъективизации и рационализации. Капитализм можно определить, как общественный строй, «характеризуемый рыночной экономикой, частной собственностью и хозяйственным индивидуализмом (индивидуальная максимизация дохода и пользы в качестве цели хозяйствования)» [172, С. 10].

1. *Конкуренция – один из незыблемых принципов развития капиталистического общества, основанного на частной собственности* [260, 357, 377, 412]. *Конкуренция* (от лат. *concurrere* «сталкиваться», «соперничать») – это борьба, соперничество в какой-либо области с целью получения какой-либо выгоды. Основные аргументы, приводимые ученым и деловым сообществом в пользу конкуренции, исходят из представлений об объективной и закономерной природе эволюционной борьбы или соперничества [188]. А также из представления о соперничестве как о неизбежной реальности социальной жизни [41]. В то же время, имеющиеся антропологические исследования убедительно опровергают тезис об «изначально присущей социальным отношениям конкуренции». Так, проведенный Э.З. Фроммом в 1968-1973-х гг. на основе антропологических исследований Р. Бенедикт, М. Мид, Дж. Мердока и К. Тёрнбала анализ указывает на существование более гармоничных и конструктивных социальных отношений, построенных на механизмах сотрудничества [369]. Основываясь на обширном анализе биологических и антропологических наблюдений, П.А. Кропоткин показывает, что «взаимная помощь – такой же естественный закон, как и взаимная борьба; но для прогрессивного развития вида первая несравненно важнее второй [192]. В. Дамье характеризует конкуренцию как благодатную «питательную среду»

для индивидуализации, элитаризации и атомизации общества, которые, в конечном итоге, ведут к социальной пассивности, снижению способности людей к совместной, синергетической творческой деятельности и эффективному решению общих социальных проблем [113].

2. *Разделение законов и этики социальной и хозяйственной жизни общества, «автономизация хозяйства»* [172]. При капитализме, развивающимся в рыночной среде, фокус ценностей всё более смещается на рыночный аспект всех социальных отношений. Известный американский социальный философ и футуролог Д. Рифкин отмечает, что рыночная экономика стремится к полному детерминированию социальной жизни и развития личности [609, С. 11]. Такая ситуация логично приводит к подмене гуманистических ценностей рыночными во всех сферах жизни человека: клиентоориентированность вместо ориентированности на людей и решения общих социально значимых проблем; ценность прибыли вместо ценности жизни и здоровья; конкуренция вместо сотрудничества. Изменяется ситуация вокруг ценности самого человека и его творческой деятельности: развитие «человеческих ресурсов» или «человеческого капитала» вместо развития человека, свободной, ответственной личности; обеспокоенность состоянием «рынка труда» вместо развития проектного сотрудничества, направленного на решение проблем и задач выживания человечества и повышения качества жизни всех людей; определение «рейтинга профессии» по уровню ее востребованности на рынке, по уровню зарплаты, а не по социальной полезности.

3. *Саморегулируемость рыночной экономики* (за исключением частичного государственного регулирования сфер «фиаско рынка»). Основное средство координации взаимодействий хозяйствующих субъектов – рыночно-ценовой механизм. Из данного принципа вытекает принцип саморегулируемости общественного развития: технологического и социального. Технологическое развитие основано на стремлении инвесторов к прибыли и конкуренции между производителями. Производители вынуждены вести постоянную «борьбу за

потребителя», снижая цены посредством внедрения новых технологий, автоматизации, и, соответственно, борьбу за ресурсы и лучшие условия. В конечном счёте, это ведет не только, и не столько к технологическому прогрессу и развитию так называемой инновационной экономики, сколько к росту и культу потребления [55, 147], беспрецедентной концентрации капитала [611] и повышению уровня социального неравенства в мире [334], т.е. к социальному регрессу. Кроме того, в современных условиях глобализации капиталистической экономики, по факту, рынок не является саморегулируемым [166].

4. *Частная собственность, в том числе, и прежде всего, на землю и средства производства.* С социально-экономической точки зрения, объективная необходимость замены устаревшей формы собственности (общинной) и объективная возможность появления частной собственности появились в результате разделения труда и роста его производительности. Однако институт частной собственности, прежде всего, на землю и средства производства способствовал не только быстрому росту производительных сил в условиях фактической легитимации экономической эксплуатации, но и быстрому развитию классовой иерархии, элитаристского общества. При этом, верхушкой элиты на данном историческом этапе развития «финансового капитализма» [534, 569] являются даже не собственники средств производства («праздный класс» по Т. Веблену), а владельцы, так называемых, «финансовых ресурсов», что соответствует сегодняшней проблеме финансолизации экономики [594, 606]. С социально-психологической точки зрения Т. Веблен рассматривает институт частной собственности в образе мышления людей как превосходство в силе и считает, что в этом смысле, в своем развитии общество ушло недалеко от варварства, демонстрируя стремление накапливать собственность как трофеи в результате хищнических набегов [67, С. 40].

5. *Максимизация прибыли – основная мотивация хозяйствующих субъектов, движущая сила экономики капитализма.* Данный мотив способствует появлению таких антигуманистичных характеристик современной культуры общества, как «общество потребления» [55], «зомби-культура» [134], экономическое

самопринуждение как новый тип рабства [290, 312, 345]. Некоторые исследовали капитализма и рыночной экономики определяют в качестве основного мотиватора бизнеса «максимизацию дохода и полезности», однако стремление к максимизации полезности производимых товаров и услуг в условиях рыночной экономики логически опровергнуто. В рамках теории рынков с асимметричной информацией, разработчики которой награждены Нобелевской премией в 2001 г. (Майкл Спенс, Джозеф Стиглиц и Джордж Акерлоф) доказывается, что потребители в итоге развития рыночной экономики получают плохой товар по завышенной цене [425, 637]. Т.е. *торговцы некачественной продукцией получают больше прибыли и вытесняют более честных продавцов*. Современными отечественными исследователями также неоднократно отмечалось, что в условиях рыночной экономики качество товаров неуклонно падает [110, 307]. Данный процесс, в частности поддерживается технологией «планируемого устаревания», предполагающей создание товара с неоправданно коротким сроком эксплуатации с целью вынудить потребителя делать повторные покупки [410, 447]. Таким образом, не существует однозначной позитивной связи между материальными аспектами качества жизни (качеством товаров и услуг), с одной стороны, и конкуренцией, максимизацией прибыли, как основных мотиваторов оптимизации хозяйственной деятельности – с другой.

Базовые принципы и механизмы развития социализма. Социалистические идеи справедливости, свободы, братства и равенства, в отличие от капиталистического духа «индивидуализма и свободы», уходят корнями в опыт общинной жизни, в которых осуждается индивидуализм как противопоставление интересов отдельного человека интересам других людей. При этом идея личного счастья рассматривается, скорее, не в качестве субъективной цели, а как общее состояние полноты и осмысленности жизни в любви к ближним, сотрудничестве, гармоничной семье, труде на благо общества, которого нельзя достичь в одиночестве или за счет несчастья других людей. Ничем не ограниченный индивидуализм ведёт к формированию антагонистического характера развития личности и общества в

целом, тогда как общинность предопределяет более гармоничную позицию в развитии индивидуальности.

Идея общинности (трансформированная при госсоциализме в товарищество, коллективизм) предполагает объективистские идеалы справедливого общества и экономики в отличие от субъективистских идеалов справедливости при капитализме.

1. *Сотрудничество. Кооперация.* В социалистической традиции идея сотрудничества занимает центральное место. Однако в условиях административно-командной системы ее гуманистический смысл искажается до своей противоположности – разобщенности и соперничества. В СССР широко практиковалось принудительное сотрудничество посредством коллективизации, осуществляемой репрессивным аппаратом и насаждаемой сверху идеологией так называемой солидарности трудящихся. После свертывания НЭПа государство «превратилось в подлинного Левиафана, в практически законченную систему административно-командного управления, подчинившую себе всё и вся в стране, и не только в экономике, но и во всех других сферах жизни общества вообще» [384, С.33]. В сущности, сама идея государства и идея разобщенности, отчуждения индивидов тесно взаимосвязаны [2, 3]. В итоге, «взаимное враждебное отчуждение индивидов обусловливает появление отчужденного от общества государства, делает государство инструментом классового насилия и становится основой для появления государственно-монополистического капитализма» [276, С. 113]. Насаждаемое сотрудничество или насильственная кооперация являются оксюморонами, подчеркивающими принципиальные различия в онтологических основаниях сотрудничества (феномена взаимной помощи) и доминирования (власти, как феномена подавления).

2. *Общность законов социальной и хозяйственной жизни общества.* С позиций социализма, экономика служит целям социума, реализации идей социального равенства и справедливости, равенства возможностей развития, труда и образования, социальной полезности индивидуального трудового вклада. Таким

образом, «ядром» проектирования социально-экономической системы хозяйствования является социальный аспект, что приводит к развитию программно-целевого подхода, плановой экономики. Такие методы оказываются достаточно эффективными инструментами для развития социальной сферы (бесплатные и доступные медицина и образование), фундаментальной науки и научно-технических достижений государственного и мирового масштаба, но не эффективными для целей повышения качества жизни людей других сферах (свободы мысли, слова, самоопределения, передвижения, выбора места труда и т.д.).

3. *Демократия, понимаемая как власть трудящихся*. В условиях госсоциализма развитие механизмов реализации власти трудящихся ведёт к господству новой бюрократии, партократии, командно-административной системе, с присущими ей признаками диктаторского режима.

4. *Общенародная собственность на ресурсы и средства производства.* В условиях госсоциализма формируется и легитимируется институт государственно-партийного распоряжения собственностью, в котором отдельный (не являющийся представителем партийной власти) гражданин не обладает правом распоряжаться землёй или средствами производства. В СССР переход к такому институту осуществлялся за счет принудительной коллективизации вместо добровольной кооперации и сотрудничества.

5. *Максимизация общественной полезности труда как основной мотиватор деятельности и критерий оценки значимости результатов труда.* Данный гуманистический по своей сути драйвер и ценностный регулятор творческой человеческой деятельности и труда в условиях идеологизированного и забюрократизированного общества оборачивается тем, что критерии социальной значимости определяются не обществом, как субъектом собственного инновационного развития, а властью, низводящей общество на позицию объекта инновационного развития. Приоритеты государственного развития и соответствующие критерии значимости труда в разных сферах деятельности определяются исключительно «сверху», а принцип максимизации общественной

полезности превращается по факту в принцип максимизации плановых показателей и их выполняемости, где отчетность постепенно вытесняет полезность, формируя «вторую реальность» – «на бумаге», ради сохранения социальных статусов и защиты от репрессий.

Сходство смыслов дегуманизации общества при капитализме и госсоциализме. Можно утверждать, что и социализм, и капитализм «стремятся» разными способами к трём основным «благим» целям, фактически дегуманизируя социальную реальность:

1) *Справедливость.* При госсоциализме, в условиях планово-административной экономики принцип социальной справедливости редуцировался до слогана «каждому – по потребностям, от каждого – по возможностям». При капитализме предполагается, что принцип справедливости реализуется, в основном, «сам по себе» в условиях свободной рыночной экономики. В обеих системах реализация принципа справедливости терпит крах. В итоге, ценность справедливости оказывается нереализуемой в системах, стремящихся к элитарным режимам (корпоратократии или партократии)

2) *Свобода.* При социализме принцип «свободы трудящихся» внедряется через декларируемую власть рабочих и крестьян и через провозглашенный общественный (по факту – партийный) контроль над собственностью и природными ресурсами. При капитализме свобода связана со свободой рынка, конкуренции и принципом неприкосновенности частной собственности. В условиях исторически имевшего место социализма цена социалистической «свободы» – отказ от любого инакомыслия, «сотрудничество» с партией в обязательном и плановом порядке, обязательность думать и действовать как все, быть «послушным», коммуналистски «стандартизированным». При капитализме культивируется «свобода» быть «хищником» – соперничать, конкурировать, бороться за лучшие средства к существованию, за лучшие условия производства, за больший капитал или «свобода» быть «жертвой» – инфантилизируемым «потребителем». Ни один из данных общественных форматов не предполагает

действительную свободу воли, гармоничного развития – индивидуального и социального, свободу от дефицита и от навязывания культуры потребительства, свободу от экономического самопринуждения и необходимости выживать, действительную свободу выбора социально значимой деятельности и реализации социальных потребностей в сотрудничестве и сотворчестве с другими людьми.

3) *Материальное благосостояние, качество жизни.* Разные механизмы социально–экономического развития при социализме (посредством плановой экономики, государственного финансирования образования, медицины, науки, искусства и пр.) и капитализме (посредством рыночной экономики и государственно-частного финансирования социально значимых сфер) не нацелены непосредственно на рост качества жизни людей.

В обоих форматах развития общества фактическим приоритетом технологического развития также не является реализация гуманистических ценностей. В капиталистическом товарном хозяйстве, в основном, поддерживаются те инновации, которые способны принести прибыль и увеличить потребление, а на государственном уровне – такие нововведения, которые могут помочь защитить накопленный капитал и завоевать новые ресурсы [94]. При госсоциализме основной упор делается на инновациях стратегического значения (энергетика, космос, ВПК) за счет сдерживания развития сферы потребления (качества и разнообразия жизненно необходимых товаров и услуг).

Приоритет жизни, здоровья и развития человека. Базовой ценностью капиталистического формата является «прибыль», а человек – частью производительных сил, в современной экономической литературе называемой ресурсом (товаром, человеческим капиталом), который можно купить, продать, т.е. реализовать на рынке труда. При госсоциализме декларируемой ценностью является определенная догматизированная идеология гуманизма, однако объективно являющаяся инструментом поддержания элитарной партийной и командно-административной системы. Человек при этом выступает в качестве

средства поддержания сложившейся системы, ресурсом, только не на рынке труда, а в распределительной системе.

В обоих форматах человек, его нужды материального и духовного развития не являются приоритетными. Более того, обеим системам присуща деформированная идеологизация общества, имеющая целью воспитание популистского патриотизма как приверженности абстрактным идеям служения стране вообще (а точнее, капиталистической или социалистической элите страны) и абстрактному «народу»[2], тогда как сама ценность человеческой жизни и свободы оставалась лишь декларацией. Лозунг «цель оправдывает средства», подчинение личности обществу, свойственные всякому тоталитаристскому режиму, были характерны не только для социалистических стран, но и для капиталистических стран, что наглядно подтверждается практикой развязывания войн с целью смены режимов или установления «демократии» в других странах [127, 448, 589, 592].

Всесторонность, целостность в достижении цели развития активной, сознательной, свободной личности, гуманистического общества не свойственна ни капиталистической, ни социалистической системе. Как «общество потребления», так и «общество победившего социализма» характеризуется репрессивным отношением к индивиду [240]. «С точки зрения капиталиста формирование всесторонне развитого человека представляет огромную политическую опасность: оно грозит гибелью всей системы, построенной на наемном рабстве и эксплуатации человека человеком» [12, С. 11]. Система госсоциализма также не способствует формированию свободно мыслящей личности и свободного общества, т.к. общество является объектом управления и развития, а не субъектом самоуправления и саморазвития. Приоритеты стратегического развития

[2] Яркой иллюстрацией к такой ситуации является опыт известного изобретателя, футуролога Ж. Фреско, который предлагал социалистическому и коммунистическому движениям в США создать техническое подразделение, чтобы заранее предупредить проблемы обеспечения благосостояния населения и предотвратить коррупцию. Как выяснилось в дискуссии, благосостояние людей не интересовало данные движения, главной была – идеологическая «чистота», приверженность учению; его предложения посчитали «отклонением» от учения К. Маркса, ему было предложено выйти из партии [366].

спускаются «сверху», а представляются как выражение всей «народной воли», что не соответствует действительности.

Подобие мета-условий онтологии капитализма и госсоциализма:

1) Власть. Любой формат общества, основанного на принципах публичной власти, ведет к развитию элитаристской системы, поддерживаемой либо за счет рыночных механизмов концентрации производственных и (в особенности) финансовых ресурсов, либо за счет командно-административных механизмов концентрации полномочий, обеспеченных аппаратом насилия. Публичная власть, как при социализме, так и при капитализме опирается на силу и реализуется посредством политики, т.е. через деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающих общественный строй и экономическую структуру общества (т.е. прежде всего интересы политической и финансово-промышленной элиты). В рамках социологического подхода в политологии общество рассматривается как «структура, состоящая из разнообразных групп, обладающих собственными интересами и потребностями, главным рычагом реализации которых является власть. Политика в таком случае рассматривается как отношения, направления и способы деятельности социальных групп в отстаивании своих интересов и удовлетворении своих потребностей с помощью разнообразных средств, среди которых главную роль играет власть» [56].

Государственная власть в действительности представлена конкретными людьми, входящими в определенные социальные, экономические и иные группы и имеющие свои собственные интересы, ценности и мировоззрение. Понятно, что решения, законы, принимаемые властью, политический курс и инновационная политика будут соответствовать, прежде всего, интересам ее представителей или, как минимум, им не противоречить.

Элитаристские системы корпоратократии при капитализме или партийной «комчванской» бюрократии при социализме стимулируют активную борьбу за ресурс власти, дающей значительное конкурентное преимущество, доступ к привилегиям и, в целом, элитному статусу. Т.е. мотивация людей, активно

стремящихся к власти, согласно психологическим исследованиям, часто обусловлена отнюдь не радением об общественных интересах [6, 363, 369, 392]. Желание человека властвовать (в отличие от переживания необходимости взять руководство на себя) закономерно связано с неспособностью или нежеланием индивида устанавливать равноправные отношения с другими людьми. При этом другие люди воспринимаются им как объекты для реализации собственных потребностей, а не как равноправные субъекты. Неспособность устанавливать равноправные отношения является следствием «детского отношения к миру» – эгоцентризма. Нежелание устанавливать равноправные отношения является следствием «личностно незрелого отношения к миру» – эгоизма. Эгоцентризм биологически естественен для детства и юношества, однако не является адекватным отношением к миру уже для людей возраста ранней зрелости (20-25 лет, по Э. Эриксону). Отсутствие ощущения общности интересов на фоне не преодоленного природного эгоцентризма поддерживает эгоистическое стремление к доминированию, неизбежно приводящее в обществе психически не зрелых людей к элитаризму.

2) *Монетарная система с централизованной эмиссией и без демереджа* является базовой предпосылкой доминирования финансовых показателей в ущерб социально-экономическим показателям, что обусловливает «монетизацию» смысла эффективности и значимости любой организационной и инновационной деятельности. В элитарном (корпоратократическом или партократическом) обществе монетарная система, в особенности ростовщическая, так или иначе, служит инструментом создания и усугубления социальной несправедливости, средством социального разделения, усиления разобщенности и эксплуатации людей. Ценности деятельности в элитарной монетарной системе, как правило, противоречат гуманистическим ценностям, вытесняя гуманизм из сферы ясного сознания субъектов деятельности на периферию и постепенно заменяя его неким этическим суррогатом, минимально необходимыми этическими и нравственными нормами (часто искаженными и подмененными по смыслу, формально

декларируемыми) ради поддержания существующего личного статуса и, как следствие, общественного строя.

Кроме того, в монетарной системе продвижение к власти и возможности нахождения у власти жестко связаны с финансовыми возможностями и конкурентными преимуществами (в первую очередь – это «защита бизнеса» и «государственные заказы»), что создает дополнительные стимулы для роста мотивации к власти и желания властвовать. Поэтому в современной культуре редки случаи, когда человек находится у власти не по собственному желанию, а по желанию общества, поскольку объективно является наиболее компетентным специалистом в области решения тех или иных общественных проблем.

Таким образом, концепции капиталистического товарного хозяйства и реализованного в СССР социалистического народного хозяйства только на первый взгляд могут показаться диаметрально противоположными (по ценностям, целям, основополагающим принципам и законам). В обеих системах присутствуют близкие по своему качеству своеобразные «надстройки» – централизованная монетарная система и власть, а, следовательно, политизированность и ущербная идеологизация общества. В итоге, развитие общества в рамках обеих систем без существенных изменений мета-условий хозяйствования и концептуальных изменений формата развития, приводит к одинаковому результату – элитаризму (игнорированию базовых потребностей большинства людей в угоду властвующему меньшинству), декларативности гуманистических ценностей и целей, социально-экономической нестабильности, общей деструктивной направленности хода вещей. Обе системы, заключенные в рамки культурных «мета-условий», сводятся к пустой декларации гуманистических ценностей и нацелены на поддержание структурных условий, позволяющих малочисленной элите эксплуатировать всю остальную часть общества и определять стратегию развития общества.

Цели эксплуатации маскируются в капитализме и социализме целями реализации сверхидеи свободы и равных возможностей, а достигаются путём фактического порабощения, или как минимум подавления волеизъявления

большей части людей. При капитализме, в основном, посредством «финансовой кабалы» – резкого социального расслоения, фактического снижения уровня социальной защищенности и возможностей самообеспечения [167]. При госсоциализме – посредством авторитарного политического режима, фундированного институтом партийной власти и репрессивного аппарата.

Различные теории конвергенции капиталистического и социалистического форматов развития общества, так называемые гибридные системы (социалистический капитализм, капитализм с высокой долей государственного участия и общественной собственности и другие) нацелены на тактические решения социально-экономических проблем [601]. Но они не предполагают решения фундаментальных противоречий: эволюционных изменений мета-условий развития общества, в том числе базовых механизмов его хозяйствования, приведения их в соответствие с принципами гуманистического общества.

Современное общество характеризуется достаточно высоким уровнем развития производительных сил. Однако, научно-технический прогресс, роботизация различных сфер производства имеют двойственное воздействие на социальную сферу: с одной стороны, обеспечивают гигантское повышение производительности труда, а с другой — ведут к беспрецедентному сокращению занятости [666]. Данная проблема является системной и неразрешима ни в рамках капиталистического формата развития общества, ни в рамках госсоциализма, т.к. для элитаристских режимов характерно рассматривать людей как средство, как лишь объект управления. В этом контексте незанятые люди автоматически становятся для элиты «лишними», «проблемными», создающими высокий риск социальной нестабильности. Вследствие принципиальной невозможности решить широкий круг глобальных проблем человечества и выйти на новый уровень развития гуманистического общества в рамках известных форматов общественного развития, необходим поиск новых принципов и механизмов хозяйствования, которые обеспечивали бы рациональное использование существующих достижений НТП и эффективное (бережливое, экологичное, проблемно-

ориентированное) управление ресурсами в целях роста общего благосостояния всех людей.

В настоящее время в научной среде отмечается повышенное внимание к обнаруживаемым в наличной социально-экономической реальности «зачаткам нового будущего», к основным принципам и механизмам социально-экономических систем, на основе которых возможно развитие гуманистического общества: Creative commons (Д. Риффкин), проект Венера (Ж. Фреско), Движение Дух времени (П. Джозеф) и др. Здесь следует обратить особое внимание на проблему гуманизации труда и современного общества в целом. Именно «естественное становление и развитие коллективных форм труда представляет собой одно из главных направлений процесса гуманизации — т.е. очеловечивания труда уже с позиций современного уровня развития цивилизации и культуры» [384, С. 37].

Необходимо сформировать социальный заказ на подлинное освобождение человека. «Все предшествующие современной стадии развития производства, трудовой деятельности основаны, так или иначе, на сведении человека преимущественно к фактору производства. Современная же его стадия объективно предполагает, требует все более и более гармоничного (для начала — разнообразного, разностороннего) развития человека» [384, С. 38]. Поэтому, учитывая особенности современного многоаспектного кризисного состояния человеческой цивилизации, тема осознанного социопроектирования, поиска альтернативных социально-экономических механизмов, обеспечивающих устойчивое инновационное развитие гуманистического общества должна стать одной из самых приоритетных в научном социально-гуманитарном дискурсе.

1.2.3. Коннотации технократии в дискурсе о формах инновационного развития общества.

Отмечая многочисленные негативные последствия сложившихся форм хозяйствования, философская и экономическая мысль не ограничивалась рамками

изучения уже существующих социально-экономических систем. Альтернативные концепции разумного, рационального управления обществом в целях материального благосостояния и духовного развития всех его граждан занимали умы многих известных философов, социологов и экономистов.

Одна из наиболее популярных концепций конструктивного и справедливого развития общества – технократическая концепция, впервые упоминающаяся ещё в трудах Платона [287]. «Технократия» дословно означает «власть мастерства» от греч. techno – ремесло, мастерство и kratos – власть. Центральной идей в технократических течениях является идея использования научных компетенций и технологий в управлении обществом. Сегодня понятие «технократия» имеет шесть распространенных толкований в общественных науках:

1) *Концепция власти*, основанной не на идеологии, а на научно-техническом знании или «власти мастерства» (Г. Грант, Х. Скотт, Дж. К. Гэлбрейт, Д. Белл).

2) *Направление общественной мысли*, утверждающее, что общество может целиком регулироваться принципами научно-технической рациональности, а власть в таком обществе должна принадлежать техническим специалистам – технократам (Т. Веблен, Дж. Бернхайм).

3) *Концепция управления обществом* с помощью методов управления техникой и технологией (Ж. Фреско).

4) *Формат общества* – тип социально-политического устройства общества, практически реализующий принципы управления на основе мастерства или компетентности.

5) *Класс людей* – социальный слой носителей научно-технического знания, выполняющих функции управления.

6) *Общественное движение*, зародившееся в США в 30-х гг. XX в., ставившее целью достижение всеобщего благосостояния с помощью индустриального развития на основе научного планирования производства в национальных масштабах (лидеры – Г. Лоэб, Х. Скотт).

Отношение к технократии в обществе варьируется от техноцентристского, предполагающего, что развитие техники и рост доступности материальных благ безусловно благотворно влияет на общество, до антитехницистского (антитехнократического), при котором техника рассматривается как средство нивелировки и подавления человеческой личности. Критика идей технократии сводится, в основном, к двум направлениям:

1) Возможные негативные социально-психологические последствия чрезмерной «технократизации» социальной сферы, предполагаемого в связи с этим снижения значимости духовной сферы развития [7, 239, 391, 411], перенос профессионального мышления и ценностей из сферы научной и/или инженерной деятельности на все остальное многообразие отношений [248].

2) Риск возникновения авторитарной системы управления при технологизированной бюрократии [7, 376], подмены научного подхода идеологизированной и политизированной наукой [78].

Чтобы предотвратить неадекватный перенос технического способа решения материальных проблем на всю социальную, психическую жизнь человека, необходимо соблюдать логическое соответствие между предметом и способами деятельности. Использование техники и достижений НТП сегодня крайне необходимо для устранения и предупреждения уже в полной мере проявившихся негативных последствий индустриального и информационного капитализма – войн, экологических катастроф, голода, нищеты и пр. Рациональное использование ресурсов и техники является также необходимым инструментом высвобождения ресурса времени для творческого и профессионального развития человека для полноценной гармоничной реализации многообразия отношений, но само по себе не является целью или основой социальных отношений или личностного развития.

Опасения возникновения авторитарной системы основаны на рассмотрении системы управления в традиционном формате – при наличии власти, бюрократии, идеологии. Наличие антигуманистичного смысла «власти» в понятии

«технократия» приводит к обоснованным прогнозам развития очередного этапа элитаризма, тоталитаризма, идеологизации и бюрократии.

Тем не менее, ускоряющаяся технологизация всех социальных сфер человеческой жизни – объективная реальность, и основной вопрос состоит не в том, допустимо ли воплощение идеи технократии, а в какой форме будут развиваться технократические тенденции в организации процессов управления обществом: содействующей его гуманистическому развитию или замещающему такое развитие. С каждым годом увеличиваются возможности информационных технологий в сфере принятия интеллектуальных решений, следовательно, увеличиваются также и возможности объективизации управленческих решений по управлению ресурсами развития общества с помощью информационных технологий, в частности, посредством систем искусственного интеллекта в сочетании с общественным контролем приоритетов направлений общественного развития и соответствия принимаемых решений гуманистическим ценностям.

Развитие технологий само по себе не ведет ни к централизации власти, ни к ее децентрализации, ни к гуманизации общества, ни к его дегуманизации. Это инструмент, потенциальная возможность воплотить новую реальность общественного бытия в зависимости от приоритетов развития общества. Так, уже сегодня можно увидеть потенциальные возможности децентрализации управления на примере самоорганизующихся и высокоэффективных естественных организаций. По сравнению с традиционными управленческими структурами данные организации основаны на гуманистических принципах добровольного сотрудничества для разработки продуктов и технологий на общее благо и представляют собой более жизнеспособные системы. Примерами таких децентрализованных самоуправляемых организаций являются сетевые сообщества, в которых ответственность и область задач участника определяется его компетенциями (разработка open source и free software, волонтерские и общественные движения).

Анализ перспектив технократии, как социально-политического устройства общества также затруднен большим разнообразием идей и течений, объединяемых под одним названием. Далеко не все из них ставят на первое место гуманистические ценности. Неоднозначность отношения к «технократии» логически предопределена неоднозначностью самого термина (как инструмента мышления), в котором слиты противоречащие друг другу смыслы «мастерства» (techno) и «власти» (kratos).

Чтобы не попадать в «ловушку» из-за неосознанного нарушения логического «закона тождества», необходимо разделить понятия «мастерства» и «власти» и не смешивать их в одном термине, с помощью которого осуществляется та или иная попытка описать прогрессивный формат общества будущего.

Мастерство – высокое искусство в какой-нибудь области, умение, владение профессией, трудовыми навыками [264]. В этом смысле мастерство всегда конструктивно и направлено на удовлетворение человеческих потребностей и обеспечение свобод человека. Напротив, власть означает доминирование одного человека над другим человеком или группой людей, подавление их воли и искусственное ограничение свобод [331]. Примеры естественного ограничения свобод: родительское доминирование над ребенком в процессе его воспитания; ограничения по здоровью, по способностям, по знаниям, по доступности каких-либо ресурсов и технологий. Власть же обеспечивается искусственным ограничением свобод эксплуатируемой личности посредством владения и соответствующего управления эксплуатирующей личностью каким-либо ресурсом. Таким образом, феномен власти имеет, по своей предельной сути, негативный смысл в отношении совершенствования взрослого человека и развития свободного ответственного общества. Соответственно, использование термина «власть» в обозначении прогрессивного общества будущего является концептуальной методологической ошибкой.

Распространена точка зрения, утверждающая, что власть имеет биосоциальную природу, а общество, по аналогии с животным миром, нуждается в

«вожаке». Тем не менее, несмотря на схожесть биологического устройства, психическое развитие уже трёхлетнего ребенка имеет кардинальные качественные различия от психики высших животных, что было доказано в психологических экспериментах Ф. Бойтендайка [230]. Кроме способности мыслить абстрактно (улавливать неявную сущность вещей и событий), активность человека, в отличие от активности животного, управляема с помощью ценностей и свободной (при должной самодисциплине) от витальных потребностей воли. Поэтому логически неверно осуществлять прямой перенос биологических «моделей власти» на человеческое общество.

Необходимость приоритета мастерства, компетентности в решении соответствующих вопросов материального благосостояния общества, рационального использования и возобновления ресурсов, экологических и других вопросов, требующих специальных знаний и компетенций, является бесспорной. Тогда как власть всегда носит субъективный и антигуманистичный характер, приоритет мастерства основан на реальных знаниях, результатах деятельности, эффективности. Объективный статус «мастера» в определенной сфере деятельности логически не должен обусловливать аналогичный статус в других областях деятельности или допускать единоличное вмешательство на мета-уровне общественного самоуправления. Например, отличный архитектор не обязан быть социологом или биологом, хотя квалификация в этих областях, без сомнения, сделала бы его еще более эффективным и в архитектуре. Кроме того, архитектурные решения мастера ограничиваются рамками общечеловеческих ценностей и должны соответствовать экологическим и эстетическим ценностям и нормам гуманистического общества.

Идея технократии, в целом, основана на корректной логике соответствия ответственности, компетенций и полномочий специалистов в решении социально-значимых задач общества. Однако, по причине деструктивного потенциала самого феномена «власти» (отраженного как часть слова, в составе понятия «технократия») термин технократия, а следом и соответствующая концепция

управления, вызывает негативную реакцию или настороженное отношение со стороны общества. Власть, как доминирование, закономерно приводит к идеологизации, элитаризму и манипуляциям с ценностями [2, 65, 287]. Первая же часть понятия технократия («techno») соответствует объективной необходимости в настоящих условиях приоритета техники, технологий, компетентности и мастерства в разумном решении проблем материального обеспечения общества, экологии и дальнейшего научно-технического прогресса. Поэтому дальнейший анализ технократических концепций целесообразно проводить, полностью разделяя конструктивный смысл эффективного применения технологий для процветания человечества, научно-обоснованных социально-экономических решений и деструктивный смысл власти для прогрессивного и устойчивого развития свободного общества.

Технократические идеи в истории инновационного развития общества.

Идеи общества, управляемого носителями знания для общего блага, впервые были описаны в диалогах Платона «Политик» и «Государство» [287, 288] и в трактатах Аристотеля: «Политика», «Экономика», «Никомахова этика» [14], развивались далее в трудах Ф. Бэкона «Новая Атлантида» [62], Т. Кампанеллы «Город солнца» [156] и Т. Мора «Утопия» [249]. Одним из первых идеологов технократии является А. Сен-Симон, который ввёл понятие «промышленно-научная система» и считал, что правление обществом должно строиться на научных, рациональных методах, политика при этом рассматривалась лишь как дополнение к наукам о человеке [320].

С. Хабер и Д. Стабил рассматривали технократическую концепцию, как возможное решение противоречия, с которым столкнулись инженеры в условиях капиталистического предпринимательства конца XIX столетия в США – между физической эффективностью и эффективностью стоимости [515, 634]. Критерий прибыльности и субъективные взгляды менеджеров на потребности рынка уже в то время являлись серьезным ограничением на необходимые для развития предприятия проекты, не говоря уже о проектах, полезных для общества;

усугублялось положение инженера невозможностью точных финансовых расчетов по проекту, т.к. цены всего сырья изменялись рыночными силами.

В начале XX в. сформировались три основных идеологических течения, в разной степени развивающих принципы научного управления и технократии:

1. *Тейлоризм*, под влиянием которого сформировались принципы научного менеджмента, яркими представителями которого являются Ф. У. Тейлор, Г. Гант, М. Кук, К. Еарт, Ф. Гилберт и Л. Гилбрет. Это направление в негативном смысле часто трактуется, как механизация социальных процессов, порождение эксплуататорской системы на ее индустриальной стадии развития, «потогонная система», что было вызвано, в основном, идеями хронометража, применениями различных научных методов увеличения скорости работы, вызывающими негативную реакцию со стороны рабочих. Однако, работа Ф. У. Тейлора «Принципы научного менеджмента» охватывает гораздо более широкий круг вопросов. В качестве основ научной организации труда, он выделял науку вместо традиционных навыков; гармонию вместо противоречия; сотрудничество вместо индивидуальной работы; максимальную производительность вместо ограниченной производительности; развитие каждого отдельного работника до максимально доступной ему производительности и максимального благосостояния [338].

Научная организация труда, несомненно, один из наиболее эффективных инструментов социально-экономического развития, т.к. лежащие в ее основе научные рационалистические принципы минимизируют субъективность в производственных отношениях, максимизируют эффективность производства. Однако, на практике применение принципов научной организации труда происходит в рамках поддержания конкретного социально-экономического формата в соответствии с выгодами распорядителей ресурсов. Тэйлоризм в рамках капиталистического товарного хозяйства разрешает наиболее острые текущие противоречия: а) между увеличивающейся сложностью производственных, конструкторских и управленческих процессов и неспособностью традиционных систем управления и организации труда обеспечить эффективное управление организацией, ее высокую

производительность и инновационное развитие; б) между стремлениями работников к большему благосостоянию, повышению уровня объективности оценки их труда и потребностью собственников капитала в обеспечении финансовой эффективности и конкурентоспособности предприятия. Так, схожесть в применении тейлоризма в социалистическом и в капиталистическом формате развития общества наблюдается в основном в поисках выгод от применения научного менеджмента для максимизации производительности человеческого труда.

2. *Социал-тейлоризм*, как вариант социально ориентированной доктрины тейлоризма, реализовывался на базе социалистического формата развития общества. В условиях упраздненного института частной собственности на средства производства тейлоризм мог применяться не только в качестве инструмента повышения производительности человеческого труда, но и как способ разрешения противоречий технических потребностей общества и социальных институтов распределения ресурсов. Таким образом социал-тейлоризм обретает форму идеологии ускорения процессов НТП, механизации и автоматизации хозяйства. Социал-тейлоризм активно реализовывался в СССР в форме пятилетних планов, стахановских движений (с целью увеличения производительности труда), проектных методов при осуществлении крупномасштабных преобразований (с применением научных методов управления проектом). Применение принципов научного менеджмента во многом способствовало тому, что СССР за короткий срок достиг значительных успехов в научно-техническом и экономическом развитии. Необходимо отметить, что социал-тейлоризм имел большие перспективы развития при коммунизме, в котором, как в концепциях технократических обществ, планировалось эффективное использование высокого уровня производительных сил для блага общества, отмена денежного обращения, деполитизация общества, безграничные возможности для развития и высокий уровень сознания людей (осознания необходимости трудиться для общего блага). Однако уже на ранних стадиях развития социализма установилась власть партийной элиты, произошло

разрастание бюрократического аппарата, интересы и возможности которых противоречили дальнейшему переходу к концепции коммунистического общества.

3. *Технологический детерминизм,* представителями которого являются У. Смит, Т. Веблен, П. Грант, Ф. Содди, Х. Скотт, начал развиваться на базе ранней концепции индустриальной демократии, которая была ограничена участием инженеров в руководстве предприятий. Технологический детерминизм может быть определен, как теоретико-методологическая установка в философских и социологических концепциях, исходящая из решающей роли техники и технологии в развитии социально-экономических структур [67, 190, 625]. При этом под технологией подразумеваются не только машины и инструменты, но и научные представления о мире в целом. На основе технологического детерминизма далее развивалось технократическое движение.

Тогда как тейлоризм и социал-тейлоризм нашли реальное практическое применение в рамках капиталистической и социалистической систем, идеи технократии, основанные на технологическом детерминизме, не были воплощены в социуме как целостная идеология. В то же время развитие технократических идей позволяет решить некоторые важные проблемы индустриального и постиндустриального общества – экономической эффективности, внедрения рационализирующих инноваций, объективизации оценки труда.

Гуманистические и антигуманистические смыслы технократии. Основной заслугой технократов является продвижение идеи *о соответствии компетенций специалиста области принимаемых управленческих решений*, в том числе и в общественной сфере. Т. Веблен в труде «Инженеры и Ценовая Система» (1921 г.) и других произведениях неоднократно указывал, что в технократическом обществе решающая роль не только в развитии экономики, но и в принятии управленческих решений в области политики должна принадлежать специалистам [656]. Также технократы во многом способствовали критическому пересмотру применения денежной системы при прогрессивном социально-экономическом развитии. Так, Ф. Содди в своей работе «Богатство, виртуальное богатство и долг»

критиковал концентрацию на финансовых потоках в экономике, утверждая, что «реальное» богатство было получено при использовании энергии для преобразования материалов в готовые товары и услуги [631]. Основатель социокибернетики Ж. Фреско с помощью имитационных моделей (проект «Венера») на основе своих социально-философских трудов и практических инженерных моделей доказывает несоизмеримо большую эффективность социально-экономического развития технократического общества без монетарной системы и политической власти (на базе системы объективизированного технологичного управления ресурсами) [364]. Необходимость в переходе на подобные системы, построенные на абсолютно новых принципах, освобождающих индивида за счет использования «позитивных потенций техники» и, при этом, не подчиняющих индивида «логике технической системы» или через власть обосновывается в философии Ж. Эллюля [411, С. 150].

Идеи служения науки, техники и технологий материальному и духовному развитию человека, в целом, соответствует гуманистическим ценностям, однако, реализуясь на практике, «обслуживают» цели существующих антигуманистичных социально-экономических систем.

Так, центральная идея использования научных компетенций в управлении обществом и организациями в концепциях научного менеджмента и социал-тейлоризма не противоречит гуманистическим ценностям. Их различие определяется лишь заданным форматом социально-экономического развития общества. Концепция научного менеджмента формировалась в ценностных рамках капиталистического товарного хозяйства (где цель – прибыль, наращение капитала), а вторая была ориентирована на развитие научно-технического потенциала и материально-технической базы СССР в целях поддержания жизнеспособности и обеспечения мировой конкурентоспособности социалистической системы (идеологические цели).

Технократические концепции, допускающие идеи власти технократов, саморазвивающегося технического прогресса, приоритет ценностей

технологического прогресса над остальными, по сути, опираются на антигуманистические ценности, что делает их непригодными для устойчивого развития гуманистического общества. В частности, неотехнократизм рассматривается как новейший вариант западного технократизма, отражен в концепциях информационного и компьютерного общества и предполагает достижение гармонии общих и частных интересов на базе развития общественного самоуправления и представительной демократии, а также строгого социального контроля за экономическими и технологическими решениями, принимаемыми техническими экспертами [256, 572]. Неотехнократизм, тем не менее, предполагает гармонизацию общества в рамках установленного формата товарно-денежных отношений и механизма социально-контролируемой власти технических экспертов.

Концепции технократии (в т.ч. неотехнократизм), базирующиеся на механизмах власти и монетарной экономике по умолчанию противоречат гуманистическим ценностям и поэтому при попытках их внедрения обязательно будут иметь крайне отрицательные последствия. Как показывает проведенный нами анализ, наиболее логичными и перспективными являются модели общества, в основе которых лежат гуманистические ценности и эффективное использование техники и технологий в целях социально-экономического и духовного развития человека (например, проект «Венера» Ж. Фреско). Такие модели, скорее, соответствуют концепции «ноосферы» [68] или «общества осознанности» [87], чем к технократической концепции, т.к. они ориентированы не на «власть мастерства» – подчинение технократам остальной части общества, а на «служение мастерства» в целях устойчивого инновационного развития общества.

Обсуждение и развитие более гуманистических форм организации общественной жизни и устойчивого инновационного развития общества является крайне важным сегодня в контексте глобальных проблем современности, неразрешимых в рамках установившегося формата хозяйствования и управления общественным развитием. Однако, в дискурсе о формах инновационного развития

концепция технократии имеет множество коннотаций вследствие как различных толкований термина, так и смещения основного фокуса внимания на те или иные технократические идеи и принципы. В этом случае, анализ потенциала технократических идей с позиций гуманистического подхода позволяет сконцентрироваться на приоритете гуманистических ценностей и может являться источником конструктивных идей совершенствования социально-экономического формата отношений, являющихся базисом для реализации устойчивого инновационного развития общества.

Основные результаты логико-смыслового анализа концепции технократии с позиций концепции устойчивого инновационного развития общества:

1) Анализ потенциала технократических концепций для инновационного развития общества целесообразно проводить, полностью разделяя конструктивный смысл эффективного применения технологий для процветания человечества, научно-обоснованных социально-экономических решений и деструктивный смысл власти для прогрессивного и сбалансированного развития свободного общества.

2) Технократические идеи об экономической (но не хрематистической) эффективности и рациональности использования ресурсов, объективизации оценки труда, соответствии компетенций специалиста области принимаемых управленческих решений соответствуют гуманистическим ценностям и могут лежать в основе новых цивилизационных форм инновационного развития.

3) В целях устойчивого инновационного развития общества наиболее логичными и перспективными являются такие социально-экономические модели, в основе которых лежат механизмы управления ресурсами и общественным развитием, не противоречащие гуманистическим ценностям и обеспечивающие эффективное использование техники и технологий в целях достижения общего благосостояния, личностного и духовного развития каждого человека: сотрудничество, ориентация на экономическую рациональность использования ресурсов (а не на прибыль и рост потребления), экологическая ответственность, приоритеты реализации социально значимых инноваций, решающих причины (а не

симптомы) глобальных проблем современности и обеспечивающих общее процветание.

4) Переход к новым более гуманистичным социально-экономическим системам требует пересмотра базовых предпосылок и ценностей, лежащих в основе современного устройства общества или, выражаясь словами Ж. Эллюля, психологической, идеологической, нравственной «мутации» человечества [411, С.152].

Выводы по Разделу 1

1. Основными категориями, элементами модели осмысления общественного развития, инвариантными для дискурса о развитии общества являются:

Духовно-интеллектуальная сфера. Смыслы совместной жизни и деятельности, Этика общественной жизни (Гуманизм, Справедливость), Соотношение значимости материального и духовного, Соотношение личного и социального, Разумность, Возможности и способы познания.

Материальная сфера. Возможности и способы производства благ. Возможности и способы пользования благами. Способ производства. Благосостояние. Общественное благо.

Коммуникативная сфера. Основные соглашения, определяющие форму деятельности. Производственные отношения. Общественный договор. Общественные институты.

2. Жизнеспособность общества подразумевает сохранение его субстанциональной сущности синергетических взаимодействий и совместной деятельности индивидов, ведущих к долгосрочному выживанию человеческой цивилизации в целом. Форма общества, при этом, с необходимостью прогрессивно развивается через трансформацию структуры социальных взаимодействий. Без такого прогрессивного изменения форм «сохранение» сводится к разрушению.

3. На сегодня отсутствуют ясно определенные и согласованные приоритеты развития общества, по-разному трактуются и внедряются в практику концепции устойчивого развития, что не позволяет осознанно и целенаправленно

осуществлять инновационное развитие в направлении устойчивого развития общества. Под маркой «устойчивого развития» в политическом дискурсе далеко не всегда подразумеваются первоочередные цели решения глобальных проблем человечества и общего процветания в гармонии с природой.

4. Концепция устойчивого инновационного развития, претендующая на роль методологической основы научных исследований в сфере инновационного развития общества с необходимостью должна включать в себя *аксиологический компонент*, отводя ему ключевую роль в «настройке» понимания наличного и необходимого инновационного развития в контексте достижения долгосрочной жизнеспособности общества.

5. Инвариантом общечеловеческих ценностей является потребность жить. Осмысленная как ценность, эта объективная потребность становится сущностью гуманистических ценностей. "Потребность жить" (а не жить каким-то определенным образом, что отличает одну культуру от другой) присуща людям всех культур, а, следовательно, вырастающие на этой потребностной базе концепты гуманистических ценностей способны обеспечить реальный диалог культур и даже образование общечеловеческой "метакультуры". объективным ценностным основанием "общечеловеческой культуры" устойчивого развития могут стать только гуманистические ценности, поскольку только они отражают потребность всех людей в том, чтобы жить. Противоположные гуманистическим ценностям ценности элитаризма – это те же ценности жизни, но только для отдельной группы людей, обладающих властью. В этом ракурсе элитаризм (эксплуатацию человека человеком) можно рассматривать как частный случай (стремление группы лиц жить) общего правила (всем людям присуща потребность жить) и как одну из ступеней развития культуры в попытке общества реализовать потребность в том, чтобы жить. Прогрессивным можно считать лишь то общественное развитие, в котором люди в целом становятся более, а не менее осознанными и дальновидными, т.е. разумными в широком смысле слова, а также то общество, в котором человек живет дольше и качественнее, не эксплуатирует и

не угнетает другого человека – гуманистическое общество, «общество процветания».

6. Гуманистический подход *не применяется системно к исследованию инновационного развития общества*, имеющего ключевое значение в вопросах выживания человечества, качества жизни, счастья, свободы и развития человека. Между тем, если под сущностью понимать источник содержания и формы, выступающий для них в роли закона, то трансперсональные ценности красоты, истины, гармонии, а также гуманистические ценности – явление сущности, в роли которой выступают объективные законы устойчивого развития общества как сложной открытой системы. В пространстве культуры природосообразные объективные законы развития сложных открытых систем проявляются в форме гуманистических ценностей. Выступая субъективным ориентиром, гуманистические ценности отражают объективные законы устойчивого развития общества. В основании гуманизма лежит констатация объективной потребности человека жить, и принципиальная для человека значимость возможности быть (поскольку всё прочее возможно для человека только если он живёт). Гуманизм, это способ, которым человек может осознанно отнестись к смертности – это выросшая из объективной потребности жить позиция ценить жизнь.

7. Сегодняшняя инновационная политика стран нацелена на повышение их конкурентоспособности в мировой экономике и получение коммерческой выгоды. Налицо фундаментальный конфликт целей текущего инновационного развития и целей устойчивого социально-экономического развития общества, состоящий, по сути, *в отсутствии непротиворечивой единой ориентировочной основы развития общества*.

8. Системы, накапливающие комплексные противоречия, которые препятствуют их прогрессивному развитию, имеют два основных пути качественных изменений: либо к деградации и, соответственно, уничтожению, либо к перерождению в более высокоорганизованную систему. Последняя имеет более стройное или «гармоничное» сочетание элементов, исключающее

противоречия и конфликты, накопленные предыдущей системой. Перерождение кризисной социальной системы в более высокоорганизованную предполагает решение фундаментальных противоречий, делающих невозможным дальнейшее прогрессивное и устойчивое развитие общества. Такая трансформация начинается с выбора подхода к инновационному развитию, обеспечивающего разумность, целостность и непротиворечивость общественного развития и содействию инновациям, нацеленным на системное решение причин общечеловеческих проблем.

9. Абсурдная ситуация обостряющихся проблем общественного развития: антропогенных экологических катастроф, экономических кризисов, до сих пор неразрешенные проблемы голода, нищеты, роста социального неравенства, непрекращающихся военных конфликтов и нерационального расходования ресурсов при высоких достижениях НТП и наличия инноваций, способных устранить экономические причины данных проблем говорит о необходимости совершенствования механизмов хозяйствования с опорой на повышение уровня осознанности как новую доминанту социального развития. Устойчивое инновационное развитие общества является необходимой формой социально-экономической системы, обеспечивающей разрешение обостряющихся фундаментальных противоречий.

10. На стадии зрелого информационного общества и в нарождающемся пост-информационном обществе информация перестает быть ключевой общественной потребностью и доминантой социально-экономического развития общества, этими функциями наделяется знание. Однако в условиях пока не меняющейся глобальной социально-экономической парадигмы развития общества (аграрный капитализм – индустриальный капитализм – информационный капитализм – знаниевый капитализм) и при неизменных «общесистемных надстройках» общества (власти и монетарной системы) продуцирование и внедрение новых научных знаний приводит как к позитивным, так и к негативным глобальным последствиям для человеческой цивилизации.

11. Высокий уровень осознанности личности, предполагающий высокий морально-этический уровень личности, развитости логического и системного мышления, является ключевым фактором в определении вектора познания, приоритетов инновационного развития; обеспечивает возможность разрешения фундаментальных противоречий и проблем устойчивого инновационного развития общества. Кроме того, высокий уровень осознанности позволяет преодолеть негативное влияние переизбытка информации и позволяет сохранить высокую скорость ее фильтрации и осмысления при любых известных темпах нарастания. Это основной ресурс, который позволяет человеку конструктивно использовать все достижения информационного общества и преодолеть его негативные социально-психологические последствия в существующей культуре (стресс, депрессия, психосоматические реакции и заболевания), поскольку именно субъект определяет направленность действий в использовании всё более могущественных технологий. Соответственно, уровень осознанности (психологическая характеристика личности, отражающая способность человека быть независимым, активным, творческим и ответственным источником действий и событий) является лимитирующим фактором устойчивого инновационного развития общества и новой доминантой общественного развития.

12. Логико-смысловой и ценностный анализ основных исторических альтернатив инновационного развития общества (капиталистического и социалистического форматов развития общества) и технократической концепции выявил, что они нацелены на тактические решения социально-экономических проблем, но не предполагают решения фундаментальных противоречий развития общества. Более существенной в формировании проблем сегодняшнего общества является роль их общих системных «надстроек» – централизованной монетарной системы и власти, вкупе позволяющих практически неограниченно распоряжаться жизнями и судьбами людей, что, в конечном, итоге, приводит к одинаковому результату – элитаризму, декларативности гуманистических ценностей и целей, социально-экономическим кризисам, росту деструктивных направлений

применения инноваций. Устойчивое инновационное развитие общества требует новых принципов социально-экономического хозяйствования, соответствующих гуманистическим ценностям, целям долгосрочной жизнеспособности общества и сегодняшнему уровню глобальных задач выживания и развития человеческого общества.

13. Для повышения уровня осознанности и осуществления необходимых стратегических преобразований механизмов инновационного развития общества необходимы соответствующие стратегические социальные инновации и тактические меры. Так, совершенствование механизмов внедрения конструктивных стратегических социальных инноваций способствует росту социальной ответственности, улучшению условий для развития свободной творческой личности, продвижению формирующих инноваций, существенно повышающих уровень свободы и качество жизни людей.

2. ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

2.1. Сущность инновационного развития.

2.1.1. Феномен и виды инноваций.

Термин «инновация» был введен в широкий оборот относительно недавно, в начале XX века. Феномен инновации неразрывно связан с феноменами изобретения и новшества. *Новшество*, в широком смысле этого слова, указывает на сам факт новизны и обозначает конкретные формы и элементы новизны (новый способ, уклад, порядок, материал). Понятие новшества шире, чем изобретения, это может быть новое явление, новый обычай, новый метод или изобретение [264]. Феномен новшества отражает, в первую очередь, проявление способности индивида мыслить творчески, дивергентно, но не обязательно несет в себе смысл решения конкретно поставленной задачи. *Изобретение* же нацелено на решение конкретной задачи, оно заключает в себе совокупность новшеств (новых элементов, способов, технологий, технических решений и пр.) и само, в целом, является новшеством. Изобретение – результат новаторской, творческой деятельности изобретателя, направленной на решение определенных проблем, задач и поиск средств их решения (технологии, техники, метода, материала и пр.). С.Л. Рубинштейн явно выделил специфику изобретательского творчества, отличающую его от других форм творческой интеллектуальной деятельности – в результате такого творчества должны быть созданы «вещь, реальный предмет, механизм или приём, который разрешает определенную проблему» [309, С. 575]. Основным условием «превращения» изобретения в *инновацию* является его усвоение в общественной деятельности, интеграция или «социализация». Феномен *инновационного развития общества* можно рассматривать как качественное изменение состояния, структуры, формата общественных отношений, институтов и практик посредством инноваций.

Потенциальные возможности «превращения» изобретения в инновацию и условия проектирования инноваций определяются группой факторов, которые в общем виде делятся на два типа: природные и культурные. Если рассматривать инновации только в контексте человеческой деятельности и вне какого-либо социально-экономического и исторического контекста, то направления инновационной деятельности обусловливаются объективными *природными факторами не антропогенной природы* – такими, как климатические и географические условия выживания в окружающей среде. *Культурные факторы* зависят от определенной исторической эпохи и социальных достижений, это: ценности, идеалы человеческой деятельности, приоритеты стратегического развития конкретного этноса, государства в рамках конкретной исторической эпохи, механизмы производства и распределения ресурсов, определяющие тип социально-экономической и политической систем, присущие конкретному цивилизационному (или межцивилизационному) периоду глобальные геополитические, экономические, социальные процессы и многие другие.

Введение в широкую социальную практику тех или иных инноваций во-многом обусловлено текущим культурным контекстом, в рамках которого формируются приоритеты инновационной политики общества. В свою очередь, сегодняшний культурный контекст хозяйствования во многом сформирован и формируется ценностями и принципами рыночной экономики, с одной стороны, с другой – идеями устойчивого развития, возникшими в ответ на неразрешимые (в сложившейся системе управления ресурсами и производительными силами) экономические, социальные и экологические проблемы.

Устойчивое социально-экономическое развитие общества предполагает качественные изменения во всех сферах совместной деятельности людей, приводящие к непрерывному существенному совершенствованию и долгосрочной жизнеспособности гуманистического общества в максимальной гармонии со средой. Выполнение данной масштабной задачи логически должно определять содержание стратегических приоритетов и являться *главным критерием оценки значимости*

инноваций. В системе рыночных отношений инновационная политика и инновационная система стран в целом нацелена на повышение их конкурентоспособности в мировой экономике и получение коммерческой выгоды [89], тогда как целью устойчивого развития является решение проблем выживания и процветания всего общества.

Налицо *фундаментальный конфликт* целей текущего инновационного развития отдельных стран и компаний и целей устойчивого социально-экономического развития всего общества, который отмечается зарубежными и отечественными исследователями [148, 532, 630, 660] и требует разработки *непротиворечивой единой ориентировочной основы устойчивого инновационного развития общества*. К сожалению, наблюдается тенденция решения данного противоречия не с помощью формирующей силы инноваций, реализующих приоритеты устойчивого развития общества и реально трансформирующих общественные отношения в соответствии с гуманистическими ценностями, а путем подмены основных смыслов концепции устойчивого развития на смыслы, «вписывающиеся» в формат текущих рыночных отношений. Так, например, на практике, трансформационные программы устойчивого развития стран нацелены на решение социальных и экологических проблем за счет экономического роста, увеличения ВВП (см. концепцию устойчивого развития «Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable development», национальную концепцию устойчивого развития РФ до 2020 года). Тогда как рост финансовых показателей ВВП совсем не означает рост благосостояния, более рационального расходования ресурсов, улучшения экологии, больших возможностей для конструктивного личностного и общественного развития.

Изучение инновационного развития общества без опоры на гуманистические ценности приводит к имплицитной опоре исследователей на рыночные ценности и, соответственно, к получению результатов, значимых для выживания общества лишь в текущем социокультурном контексте, но не для долгосрочной жизнеспособности и благосостояния общества. С позиций гуманизма развитие

личности, общества как совокупности свободных личностей, является активным творческим процессом, следовательно, должно проектироваться исходя из стратегических целей обеспечения долгосрочной жизнеспособности и развития гуманистического общества, а не исходя из общепринятых практик и форм хозяйствования. Акт творчества, лежащий в основе инновационной деятельности рассматривается в гуманистической философии как акт свободной личности, «выходящий из детерминированного ряда» [43, p. 138]. Однако ценности определенного социально-культурного контекста и цели развития определенных социально-экономических систем могут находиться в противоречии с гуманистическими ценностями и целями долгосрочной жизнеспособности человеческой цивилизации в целом, способствуя генерации неразрешимых глобальных проблем. В таком случае актуальный социокультурный контекст может изменяться посредством такого развития общества, в основе которого лежат принципы гуманизма, рационализации использования ресурсов (экологизации) и постоянного социо-культурного совершенствования самой структуры общественных отношений, т. е. посредством устойчивого инновационного развития общества.

Направление инновационного развития общества как открытой системы подвержено влиянию, но не является детерминированным культурными факторами. Тем не менее, при низком уровне «общественной ценностной рефлексии» инновационной деятельности в современной цивилизации введение в широкую социальную практику тех или иных инноваций во многом обусловлено текущим культурным контекстом, в рамках которого формируются приоритеты инновационной политики общества. С одной стороны, сегодняшний культурный контекст хозяйствования во многом сформирован и формируется ценностями и принципами рыночной экономики, а, с другой – идеями сбалансированного развития[3], возникшими в ответ на неразрешимые в сложившейся системе

[3] Под «сбалансированным» развитием общества понимается улучшение качества жизни, образования и расширение возможностей развития людей в материальной и духовной сферах в гармонии с окружающей средой. Часто в литературе под «сбалансированным» развитием подразумевается также концепция устойчивого развития общества и наоборот.

управления ресурсами и производительными силами глобальные экономические, социальные и экологические проблемы.

Устойчивое (сбалансированное) социально-экономическое развитие общества, нацеленное на решение существующих глобальных проблем и предотвращение новых, по сути, предполагает восходящее инновационное развитие гуманистического общества. Такой тип развития подразумевает качественные изменения во всех сферах совместной деятельности людей, приводящие к непрерывному существенному совершенствованию, гуманизации общества и повышение его долгосрочной жизнеспособности в максимальной гармонии со средой. Ценностные трансформации «приоритеты нравственного разума, экогуманизм, знание, гармония человека, общества и природы, их безопасное и неопределенно долгое соразвитие» [353, С. 136] логически должны способствовать реализации новой цивилизационной модели, определять содержание стратегических приоритетов общественного развития и являться *главным критерием оценки значимости инноваций*. Однако, на практике, в системе рыночных отношений, инновационная политика стран нацелена на повышение их конкурентоспособности в мировой экономике и получение коммерческой выгоды.

Решение глобальных проблем логично осуществлять в русле проблемно-ориентированного подхода и нацеленности инновационного развития, прежде всего, на устранение фундаментальных причин социально-экономических и экологических проблем. Эти причины заключены, по сути, в самом формате рыночных отношений [290], изначально «запрограммированных» на системный кризис капиталистических отношений [267, 524], стимулировании культуры потребления и элитаризма [2, 55], подмене экономики хрематистикой в современном мире [167, 484], приведших мир к парализующей дальнейшее прогрессивное развитие глобальной финансолизации экономики [493, 590] и беспрецедентной концентрации капитала [658]. Для устранения данных причин необходимо, прежде всего, установить соответствующие приоритеты в целях и средствах инновационного развития общества.

Устойчивое инновационное развитие общества должно обеспечивать, в первую очередь, разрешение системных противоречий, т. е. наиболее оптимальное и дальновидное решение глобальных проблем и задач в порядке приоритета их значимости для долгосрочной жизнеспособности общества. Жизнеспособность как приоритет и как системообразующий фактор подразумевает опору на базовую гуманистическую ценность, утверждающую универсальное значение человеческого бытия как в целом, так и в частности (для отдельной личности) и, соответственно, на всю логически взаимосвязанную систему гуманистических ценностей.

Гуманистический подход как система гуманистических ценностных ориентаций (ценность жизни, здоровья, личности человека, его право на свободу, счастливое существование, полноценное развитие и возможность проявления своих способностей) известен достаточно давно (см. работы Н.А. Бердяева, В. Франкла, К. Роджерса, В.И. Болотова, Б.Т. Лихачева и т.д.) и успешно используется в педагогике и психологии. Однако ни гуманистический подход, ни концепция устойчивого развития общества *не применяются системно к исследованию и проектированию инновационного развития общества*, имеющего ключевое значение в вопросах его выживания, качества жизни, счастья, свободы и развития. Можно привести лишь отдельные примеры исследователей-изобретателей (Н. Тесла, Ж. Фреско, К.Э. Циолковского), осуществивших осознанную попытку рассмотреть инновационное развитие общества исходя из логики гуманизма и необходимости стратегических решений фундаментальных причин глобальных проблем.

Изучение инновационного развития общества без опоры на гуманистические ценности приводит к имплицитной опоре исследователей на рыночные ценности и, соответственно, к получению результатов, значимых, в лучшем случае, для облегчения симптомов «глобальных болезней» общества в текущем социокультурном контексте, но не для действительного «излечения» от причин глобальных проблем и обеспечения долгосрочной жизнеспособности и

благосостояния общества. С позиций тектологии и гуманизма инновационное развитие общества как совокупности личностей, является активным творческим процессом, следовательно, должно проектироваться исходя из стратегических целей и приоритета решения, в первую очередь, наиболее острых глобальных проблем современности, угрожающих выживанию всего человечества, а не исходя из общепринятых практик и форм хозяйствования и критерия востребованности инноваций бизнесом и властью.

Анализ современных классификаций инноваций. Логико-смысловой и ценностный анализ процессов категоризации феномена инноваций (фундаментальной составляющей восприятия и познания) и классификации (процесса осмысления значения, природы феномена, предполагающего его разделение на виды на основе значимых для познания и логически однозначных признаков) позволит дать ответ на вопрос: каковы современные смысловые и коммуникативные основы и фундамент принятия инновационных решений? Соответствуют ли они гуманистическим ценностям? Какими должны быть основные критерии категоризации, основные категории в контексте гуманистического подхода, тектологии, целей устойчивого развития? Каковы соответствующие им классификации инноваций?

В зависимости от целей и позиций исследователя, современные классификации инноваций направлены на выявление определенных аспектов инноваций, значимых в современной культуре. Так, например, выделяют четыре вида инноваций по критерию их наиболее различимых механизмов: 1) новые решения, развивающиеся на базе небольших технологических улучшений; 2) радикальные новые технологии, развиваемые посредством инновационного процесса; 3) новые технологии, появляющиеся вследствие частичного обновления или структурного улучшения; 4) появление новых технологий, основывающих новые отрасли и существенно преобразующих традиционные отрасли [445, С. 163-164]. В отечественной литературе по степени радикальности (значимости)

используется деление инноваций на три типа: базисные, улучшающие и псевдоинновации (рационализирующие изменения) [4].

В зарубежной и отечественной литературе многократно описаны классификации инноваций, которые в той или иной степени учитывают критерии уровня и масштаба новизны, значимости, распространенности, места в производственном цикле, охвата доли рынка, характера (направленности результатов) и сферы внедрения инновации [106, 126, 136, 296, 330, 394]. Популярны дихотомические классификации инноваций: прорывные и постепенные инновация [650]; автономные и системные [455]; эволюционные и эксплуатационные [540]; радикальные и модифицирующие [198].

Результаты анализа и систематизации существующих классификаций инноваций [284, 460] позволяют сделать вывод о том, что под упоминаемыми в современных классификациях критериями значимости, масштаба и направленности результатов инноваций, по сути, имеется ввиду критерий степени радикальности заключающейся в них новизны с технологической точки зрения или критерий масштаба и степени влияния инновации на рынок. Так, например, под определением «радикальной» инновации подразумевается потенциал инновации к созданию целой новой отрасли и замещению старых отраслей [141]; потенциал же данной инновации для возможности радикального решения социально значимых (в значении – имеющих смысл, действительно актуальных для всего общества) проблем остается за рамками существующих на сегодня критериев классификаций инноваций.

Таким образом, *на сегодняшний день процессы категоризации и классификации инноваций не опираются на гуманистические ценности и не учитывают первоочередной критерий нацеленности инноваций на преодоление системных причин значимых для всего общества глобальных проблем*.

С позиций приоритета решения глобальных проблем современности и устойчивого инновационного развития общества следует различать три главных требования к проектированию инноваций:

- *Рациональность инновации*. Инновация должна позволять решать проблему максимально эффективно и системно при минимальных затратах (в особенности – человеческого труда) на производство и эксплуатацию изобретения.
- *Гуманистичность инновации*. Все этапы и процессы инновационной деятельности должны соответствовать гуманистическим ценностям, основными из которых являются жизнь, свобода, возможности творческого развития.
- *Значимость инновации*. Инновационная деятельность должна быть нацелена, в первую очередь, на системное решение наиболее важных для отдельного человека и максимального количества других людей задач, определяемых в соответствии с гуманистическими ценностями.

Классификация инноваций с позиций устойчивого инновационного развития. Для выявления характера инновационного развития в контексте приоритетов устойчивого инновационного развития необходимо выявить их потенциал для решения глобальных проблем общества. Следуя общей логике, потенциал инновации определяется тем, соответствует ли она основным требованиям к проектированию более гуманистической социально-экономической системы или инерционным требованиям существующей социально-экономической системы, приоритетам развития жизнеспособного в долгосрочной перспективе гуманистического общества или целям поддержания сложившейся системы хозяйствования, направлена ли на решение глубинных причин фундаментальных проблем общества или их симптомов.

Следовательно, необходимо определить *виды инноваций*, различая их по основным классификационным категориям:

- степени обусловленности актуальным культурным контекстом;
- нацеленности на приоритеты устойчивого развития общества;
- уровню дальновидности (стратегичности) инновационных решений.

Степень обусловленности инноваций актуальным культурным контекстом. Формирующие и формируемые инновации. Инновационная деятельность представляет собой особый тип процессов. С одной стороны, это процессы, которые формируют реальность, а, с другой стороны, это процессы, которые сами являются формируемой реальностью. При этом сами инновации следует понимать, как *формирующие*, если они опираются на базовые требования к проектированию инноваций (рациональности, гуманистичности и значимости), т.е., в целом, направлены на устойчивое развитие гуманистического общества, системно и конструктивно воздействуют на культуру. *Формируемые* же инновации определяются, прежде всего, целями и ценностями развития общества в актуальных культурных условиях, которые сегодня представлены в виде «общества потребления» [55].

Так, изобретения в сфере совершенствования двигателей, работающих на углеводородном топливе или создания нового «эффективного» оружия следует отнести к формируемым инновациям, которые обусловлены текущим культурным контекстом и потребностями развития действующих социально-экономических систем. Тогда как изобретения в области «свободной энергии» (например, создание независимых локальных генераторов электроэнергии), «свободных денег» (эксперименты Й.С. Гезелля), создающие предпосылки к кардинальным изменениям механизмов перераспределения экономических благ в обществе и устранению причин большинства геополитических конфликтов в сегодняшней цивилизации (борьба элит за власть и ресурсы)[4], следует отнести к формирующим инновациям.

Нацеленность инноваций на приоритеты устойчивого развития общества. Экологические, социальные, экономические инновации. Устойчивое

[4] Отечественные и зарубежные исследователи – экономисты, политологи наглядно доказывают с помощью документальных подтверждений «нефтяную подоплеку» всех крупных геополитических конфликтов: от национальных революций до международных войн [133, 462, 492, 591]. В целом, ситуация хорошо описана словами одного из авторов: «Вся современная политика вращается вокруг нефтяной трубы. Если понимать, что борьба за контроль над углеводородами является главным лейтмотивом политических игр, многие вопросы становятся ясными и понятными. "Свобода слова", "честные выборы", "борьба с диктатурой" являются не более, чем способами достижения контроля над нефтяными месторождениями» [133].

инновационное развитие общества подразумевает, прежде всего, качественные изменения во всех сферах совместной деятельности людей, приводящие к непрерывному существенному совершенствованию и долгосрочной жизнеспособности гуманистического общества в максимальной гармонии со средой. С точки зрения приоритетов устойчивого инновационного развития крайне важно различать – чему служат инновации – конкурентоспособности (групп, организаций) или жизнеспособности (общества в целом). *Жизнеспособность* – это способность существовать и развиваться, приспособленность к изменяющимся условиям жизни в целом, тогда как *конкурентоспособность* – это способность отвечать основным интересам и приоритетам существующей разобщающей социально-экономической системы [86, С. 3459]. Абсурдно говорить о конкурентоспособности всего общества (по крайней мере, до тех пор, пока нет явной конкурентной борьбы за ресурсы с представителями иных планет), а вот о жизнеспособности говорить не только можно, но и необходимо уже сейчас.

Замысел реализации развития жизнеспособного общества был сформулирован в рамках концепции устойчивого развития общества. Основные приоритеты (целевые функции) развития общества, в соответствии с триединой концепцией устойчивого (сбалансированного) социально-экономического развития [668], определяются исходя из ее экономической, экологической и социальной составляющих.

Экологический аспект (целевая функция «Экология») подразумевает обеспечение здоровой целостности биологических и физических природных экосистем (включая среду обитания человека), а именно, их способности к самовосстановлению и долгосрочной жизнеспособности.

Социальный аспект (целевая функция «Человек») указывает на личностное и социальное развитие человека, повышение конструктивного влияния индивида на развитие общества, формирование гуманистического общества. Также данный аспект предполагает обеспечение социальной справедливости, отсутствие разрушительных конфликтов между людьми.

Экономический аспект (целевая функция «Благосостояние») подразумевает оптимальное использование ресурсов, развитие и использование экологичных – природо-, энерго-, и материало-сберегающих технологий, создание экологически приемлемой продукции, минимизацию, переработку и уничтожение отходов.

Таким образом, инновации могут быть отнесены к экономическим, экологическим или социальным по критерию нацеленности на основные приоритеты устойчивого развития общества. В контексте устойчивого развития, объединяющую целевую и системообразующую мета-функцию общества можно охарактеризовать как достижение долгосрочной жизнеспособности человеческого общества («Жизнеспособность») [52, 94].

Уровень дальновидности инновационных решений. Стратегические, тактические и оперативные инновации. Качество реализации приоритетов инновационной системы[5], направленной на сбалансированное развитие общества следует оценивать *по интегративному критерию дальновидности и масштаба социально-экономических последствий инноваций.* Инновации, таким образом, могут работать на решение проблем жизнеспособности человеческой цивилизации в краткосрочном (*оперативные* инновации), среднесрочном (*тактические* инновации) или долгосрочном периоде (*стратегические* инновации).

Стратегические инновации абсолютно соответствуют принципам и целям устойчивого развития общества, если они нацелены на реализацию гуманистических ценностей. Результаты внедрения таких инноваций увеличивают комплексное эколого-экономическое и социальное благополучие всего населения в долгосрочной перспективе. Стратегические инновации всегда являются формирующими (но не обязательно гуманистическими) и способствуют существенным изменениям социокультурной среды, в частности самих принципов социально-экономического устройства общественного хозяйства. Процессы разработки и внедрения

[5] Инновационная деятельность общества поддерживается государством посредством развития инновационной системы. *Инновационная система* – это совокупность субъектов и объектов инновационной деятельности, взаимодействующих в процессе создания и реализации инновационной продукции и осуществляющих свою деятельность в рамках проводимой государством политики в области развития инновационной системы [270].

стратегических инноваций не обусловливаются инерционными силами, консервирующими текущее состояние социально-экономического устройства общества. Стратегические инновации в гуманистическом обществе формируются исходя из «социального заказа» на решение наиболее актуальных и значимых для общества проблем и в соответствии с требованиями рациональности, этичности и значимости. Приоритетность стратегических инноваций может зависеть от природных факторов (например, проблема отопления имеет объективно большую значимость для жителей северных поселений, а для жителей южных – проблема водоснабжения). Также стратегические инновации нацелены на решение фундаментальных причин проблем современного общества и на социокультурные-преобразования, реорганизующие структуру общественных взаимодействий на качественно другом уровне.

Гуманистические стратегические инновации соответствуют трем главным требованиям проектирования инноваций (рациональность, гуманистичность, значимость). Данные инновации нацелены на решение фундаментальных причин общественных проблем и конструктивно преобразуют культурный контекст. С позиций тектологии можно утверждать, что гуманистические стратегические инновации «отвечают» за решение системных противоречий и перевод системы (общества) в более высокоорганизованную форму.

Примерами гуманистических стратегических инноваций в естественнонаучных и технических сферах общества могут быть инновации в области альтернативных безопасных экологичных источников энергии и технологий производства товаров и услуг, доступной и качественной медицины, безопасного транспорта и пр.. В гуманитарной сфере – социальные инновации, изменяющие принципы и механизмы производства и распределения благ в обществе. Например, образовательные инновации, направленные на глубокое понимание смысла опоры на гуманистические ценности в межличностных и межгрупповых отношениях, в ситуации принятия решений, а также культурные инновации, способствующие развитию стратегически и системно мыслящего творческого человека. В экономической сфере – расширение

практики введения «свободных денег» (без ссудного процента, обеспеченных натуральным продуктом, планомерно обесценивающихся со временем) апробированной в России в с. Шаймуратово, с. Колионово и способствующих выходу хозяйств и территорий из кризисной экономической ситуации и их процветанию. В мировой практике эксперименты с безусловным основным доходом также обнаруживают множество положительных синергетических социально-экономических эффектов и разрушают представления об отсутствии мотивации к труду без необходимости обеспечивать свои базовые потребности [444, 498].

Не противоречащие гуманистическим ценностям *тактические инновации* носят предупредительный, профилактический характер, предполагают новые технологии существенного снижения напряженности отдельных социальных, экологических, экономических проблем в среднесрочном периоде. Тактические инновации не влияют на базовые принципы и механизмы существующей социально-экономической системы; они инициируются и внедряются «в рамках» текущего культурного контекста, являются формируемыми. Если стратегические инновации – это средство развития, обновления общества, смены социокультурной формы, то тактические инновации можно охарактеризовать как средство обновления формы, развития текущей социально-экономической системы без изменения фундаментальных принципов ее устройства и культурного контекста общества. Тактические инновации нацелены не на устранение фундаментальных противоречий в текущих социально-экономических системах, а на совершенствование вспомогательных механизмов и процессов их функционирования. Это означает, что такие инновации ориентированы на максимизацию жизнеспособности существующей социально-экономической системы, уже имеющихся базовых принципов социокультурного устройства общества. Даже значительные конструктивные тактические преобразования являются, тем не менее, «временными решениями», не решающими фундаментальные причины проблем общества. В качестве примера конструктивных тактических инноваций можно привести инновационные

технологии безотходного производства, новые ресурсосберегающие технологии, инноваций, предотвращающие загрязнение окружающей среды и экологические угрозы, создаваемых в углеводородной отрасли.

Не противоречащие гуманистическим ценностям *оперативные инновации* инициируются и внедряются в режиме устранения последствий проблем, возникающих в актуальном культурном контексте общественного развития. Такие инновации являются формируемыми, реактивными. В отличие от стратегических и тактических инноваций, они не влияют ни на основные, ни на вспомогательные механизмы актуального социокультурного устройства общества. Примером конструктивных оперативных инноваций являются новые технические и технологические решения, уменьшающие уже имеющиеся последствия ухудшающейся экологической обстановки, загрязнений окружающей среды или реактивные программы социальной поддержки, разрабатываемые в ответ на новые возникающие социально-экономические проблемы.

Таким образом, исходя из потребности оценки соответствия приоритетов инновационного развития общества и целей устойчивого развития гуманистического общества нами выделены классификации инноваций по:

- *степени обусловленности актуальным культурным контекстом* (формирующие и формируемые);
- *нацеленности на приоритеты устойчивого развития общества* (экономические, экологические, социальные и их комбинации);
- *уровню дальновидности (стратегичности) инновационных решений* (стратегические, тактические, оперативные).

Данные классификации инноваций разработаны нами для того, чтобы служить в качестве инструмента анализа общего направления инновационного развития (по отношению к основной цели долгосрочной жизнеспособности общества) и в качестве опоры для принятия решений в целях концептуальных конструктивных изменений социально-экономического устройства общества.

Обоснованные с позиций концепции устойчивого инновационного развития общества основные требования к проектированию инноваций (рациональность, гуманистичность, значимость) могут служить основой разработки других классификаций инноваций, критериев и методов оценки эффективности инновационной деятельности, для решения специфичных задач.

Данные требования также являются опорой эффективного международного сотрудничества в сфере инноваций. *Повышение уровня социальной рефлексии ценностной основы творческой деятельности человека, нацеленности инновационного развития на преодоление системных причин значимых для всего общества глобальных проблем является необходимым условием естественного хода общественного инновационного развития и международного сотрудничества*. Современный же процесс глобализации, начатый с надеждой на сближение стран и регионов для решения общемировых проблем на основе широкого международного сотрудничества, в реальности происходит скорее как насаждение безответственной, потребительской идеологии, обезличенной массовой культуры и продвижение интересов ТНК [129, С. 22-23]. Без опоры на гуманистические ценности, глобальное технологическое преобразование мира оказывается чуждым природе и естественному пути развития и еще больше усугубляет международные конфликты и глобальные проблемы.

Современные существующие классификации инноваций развиваются в рамках реалий и задач актуального социально-экономического устройства общества и потому они недостаточны для решения исследовательских задач в контексте приоритетов устойчивого инновационного развития. Несмотря на то, что существующие классификации могут продуктивно использоваться в качестве *дополнительных* инструментов анализа в научных исследованиях, автор выражает надежду на то, что предложенные в настоящей работе классификации окажутся востребованными в качестве одного из *основных* инструментов, как в исследовательской, так и в практической деятельности, поскольку они изначально

спроектированы для целей решения проблем устойчивого инновационного развития общества.

2.1.2. Анализ современных подходов к инновационному развитию общества.

Сущность и фундаментальные принципы инновационного развития современного общества раскрываются через ряд онтологических аспектов (вопросов): «как возникают инновации?», «каким образом они внедряются?», «каковы общие принципы инновационной деятельности в сегодняшнем культурном контексте?», «каковы цели инноваций в современной культуре?» во взаимосвязи с эпистемологическими аспектами (вопросами): «каковы современные инструменты познания инновационного развития: научные подходы, теории, концепции, модели?».

Актуальные теории и модели управления инновациями – как зарубежные (П. Друкер, Р. Слоу, Р. Росвелл, К. Фримен, А. Хорсли, А. Джервис, Д. Таунсенд, Д. Мовери, Н. Розенберг), так и отечественные (С. Ю. Глазьев, С. В. Яковцев, С.В. Ткачева, Е.О. Науменко, Р.А. Фатхутдинов) принципиально схожи в понимании инноваций как драйвера экономических циклов за счет увеличения инвестиций в производство и ключевого источника роста компании (за счет увеличения прибыли и капитала), который, в конечном итоге, реализуется за счет роста объема потребления [126, 250, 342, 500, 549, 616].

Современные научные исследования в сфере инновационного развития общества, как правило, опираются на общепринятую эндогенную теорию инноваций и носят объяснительно-рефлексирующий характер функционирования инновационной деятельности в рамках актуальной социально-экономической системы. Истоки современных теорий инновационного развития, в основе которых инновации рассматриваются как основной фактор экономического роста, берут свое начало в идеях Й. Шумпетера, М.И. Туган-Барановского, Н.Д. Кондратьева, разработанных еще в начале XX века. За последние сто лет принципиальный фокус на взаимосвязи «инновации – экономический рост» не изменился, хотя *логической*

целью инновационной деятельности является экономическое развитие, тогда как экономический рост – лишь одно из возможных средств достижения данной цели, характерных для рыночной экономики. *Экономический рост* – это увеличение объёма стоимости произведённых товаров и услуг в национальной экономике за определённый период времени (как правило, за год) [265], тогда как *экономическое развитие* – это процесс улучшения качества всех человеческих жизней и возможностей повышения уровня жизни, самоуважения и свободы [343].

Однако, в последние десятилетия человечеству приходится иметь дело с переоценкой пользы и рисков модели экономического роста, основанной на постулате необходимости постоянного роста потребления и приводящей к истощению ресурсов и экологическим проблемам [91, 165, 576], а также переоценкой приемлемости рыночной модели экономики в целом, основанной на обособленных от социальной сферы рыночных законах и механизмах [290], неестественной мотивации получать безграничную прибыль в форме денег [14, 165, 290] и транслирующей фиктивные ценности [54, 290]. В результате поиска альтернативных путей социально-экономического развития, более конструктивных для достижения целей долгосрочного выживания человечества, в рамках 7исследований Римского клуба и программ ООН была разработана триединая концепция устойчивого развития общества [607], которая на сегодня считается общепринятой международными организациями, регулирующими отношения между странами и решение мировых экологических и социальных проблем (ЮНЕСКО, ООН, Международная комиссия по окружающей среде и развитию, Международный союз охраны природы, Всемирный фонд дикой природы и др.). Базовые ориентиры и ценности, заложенные в основу данной концепции (экономическое развитие вместо экономического роста, приоритеты жизни и развития человека в гармонии с природой, реализация принципов сотрудничества вместо конкуренции), в целом соответствуют гуманистическим ценностям, однако существует риск ее декларативного, а не реального внедрения в условиях

экономической системы, законы и механизмы функционирования которой не способствуют реализации целей и приоритетов устойчивого развития общества.

Ядром социально-экономического развития общества является инновационное развитие. Направленность инновационной деятельности напрямую связана с актуальными приоритетами и задачами развития общества. При этом остается открытым вопрос: кто или что определяет приоритеты инновационного развития современного общества и соответствуют ли создаваемые смыслы инновационной деятельности гуманистическим ценностям? В целях понимания текущего состояния научного поиска ответа на данный вопрос в современной экономической науке нами проведены анализ и классификация современных объяснительных теорий и когнитивных подходов к инновационному развитию по критерию базовых допущений, определяющих происхождение, потенциал и вектор инновационного развития.

Инновационное развитие может быть представлено, как основной механизм социально-экономического развития общества. Инновационная деятельность «является творческой и создает новые качества в различных сферах их жизни. Она занимает высший методологический статус метадеятельности: ее объектом являются другие виды деятельности, которые сформировались в предшествующий период и приобрели репродуктивный характер, а их средства (способы, приемы) стали рутинными для данного сообщества людей. <…> главная функция инновационной деятельности – изменение, развитие способов, механизмов их функционирования во всех сферах жизнедеятельности общества» [198, С. 45]. Другими словами, *инновационная деятельность* – это метадеятельность по развитию цивилизации как формы культуры.

Научные подходы к анализу инновационного развития общества в зависимости от используемых ими базовых предпосылок (допущений), определяющих происхождение, потенциал и вектор инновационного развития, следует разделить на пять категорий:

1) *субъектные* (определяющая роль в инновационном развитии принадлежит изобретателю).
2) *знаниевые* (определяющая роль в инновационном развитии отводится науке).
3) *потребностные* (инновации рассматриваются как функция объективных общественных потребностей).
4) *коммерческие* (инновации рассматриваются как функция потребностей бизнеса).
5) *автономные* (инновационное развитие предполагается как происходящее «само по себе» посредством конвергенции технологий).

В первом случае изобретателю отводится роль гения, инициатора и производителя инновации [624, 639]. *Субъектный подход* развивается в русле личностно-ориентированной (герменевтической, субъектной) парадигмы. Индивидуальная духовная, творческая, научная активность рассматривается как причина и источник развития новых идей и познания. Исследования в русле данной парадигмы могут дать ответы на важные вопросы о роли личности изобретателя в общественном развитии, понимание самой личности изобретателя (персонализм), а также понимание и развитие психики, выявление предельных способностей человека к творчеству, инновациям (трансперсонализм). Тем не менее, фокусирование на роли и на субъективном опыте отдельных изобретателей не приближает нас к пониманию сущности инновационного развития и смысла инновационных процессов в современном «сетевом» обществе.

В рамках *знаниевого подхода* основополагающим условием развития техногенной цивилизации является «особый статус научной рациональности в системе ценностей, особая значимость научно-технического взгляда на мир», являющегося основанием для его преобразования [333]. Основная роль двигателя прогресса как синергической суммы знаний о мире и человеке, средств и технологий познания, обеспечивающих появление инноваций также отводится науке. При этом существуют разные трактовки понятия науки и смысла научной деятельности и, соответственно, критерия научности [204]. С позиций

гуманистических ценностей, деятельной и социальной природы инноваций, мы остановимся на понимании науки как целенаправленной совместной интеллектуальной деятельности людей для решения общественно значимых задач долгосрочной жизнеспособности, духовного и материального развития общества в гармонии с природой. Данный подход, на наш взгляд, с одной стороны, адекватно отражает, сегодняшние реалии преобладания совместной проектной и сетевой работы над научными проектами, с другой стороны, при опоре на гуманистические ценности, отвечает требованиям и целям устойчивого инновационного развития общества.

В *потребностном подходе* инновации рассматриваются как функция объективных общественных потребностей. Данная традиция уходит корнями в философские взгляды Платона, считавшего необходимость «матерью» инноваций [287]. С.К. Гилфиллан в аргументации данного подхода опирался на множественные случаи аналогичных независимых открытий (как, например, паруса для судов), возникающих параллельно в разных точках планеты вследствие объективной необходимости [507]. Примером применения данного подхода может служить исследование датского экономиста Э. Босерапа «Условия роста аграрного сектора: влияние демографических изменений на экономику аграрных изменений» [442]. В современной отечественной науке потребностный подход к инновационному развитию отражен в инноватике Н.И. Лапина, где в качестве объективной основы нововведений указываются «новые потребности, которые формируются в тех или иных областях жизнедеятельности индивидов, общества» [198].

Рассмотрение феномена инноваций с точки зрения первых трех подходов (деятельности изобретателя или совместной деятельности людей для решения общественно значимых задач, направленных на удовлетворение реально существующих потребностей людей) соответствует логике устойчивого инновационного развития.

Коммерческий подход предполагает взгляд на инновацию как на функцию экономических потребностей и экономического роста [424, 485, 576, 620].

Исследования, осуществляемые в рамках данного подхода, по сути, опираются на понимание инноваций как основного средства экономического роста, необходимого для поддержания жизнеспособности сегодняшней системы капиталистического товарного хозяйства. Инновационное развитие рассматривается как необходимое для создания более эффективных механизмов, продуктов, бизнес моделей. При этом, эффективность в существующем социально-экономическом контексте рассматривается, прежде всего, в таких финансовых категориях, как прибыльность, отдача на вложенный капитал, рост стоимости компании. Данный подход к инновационному развитию сформирован и ограничен рамками определенных социально-экономических условий – монетарной рыночной экономики и капиталистического товарного хозяйства, являясь наиболее популярной методологией, на основе которой разрабатываются современные многочисленные методики и инструменты управления инновациями. Однако, он не позволяет учитывать внесистемные (сущностные) критерии эффективности инноваций, определяемые целью достижения долгосрочной жизнеспособности общества.

Рыночные механизмы, монетарная экономика являются историческими социальными условиями инновационных процессов, которые определяют ограничения выбора инноваций, присущие данному типу хозяйства (критерий прибыльности и окупаемости, возможность защитить авторские права, обеспечение конкурентных преимуществ). Тем не менее, изменение контекстных условий не влияет на сущностные причинно-следственные связи. Причиной инновации на стадии изобретения является творческая активность и деятельность человека или группы людей с целью решить актуальные общественные проблемы и задачи. В рамках концепции устойчивого инновационного развития общества, оценка значимости инновации объективируется на основе критериев дальновидности решения (масштабов, системности и стратегичности следствий), нацеленности на причины реально существующих социально значимых проблем, а также способности удовлетворения разумных конструктивных потребностей людей максимально качественно при минимально возможных ресурсных затратах. Тогда

как востребованность инновации на рынке является субъективной оценкой, ожиданием от данной инновации способности решить те или иные актуальные проблемы людей или вовсе может быть формируемой в целях стимулирования роста потребления.

Распространенной семантической ошибкой является восприятие срочности, оперативного характера социальных проблем-следствий как критерия высокой актуальности, приоритетности их решений. Отсутствие приоритета социально значимых инноваций, решающих фундаментальные причины глобальных проблем, приводит к очередному нарастанию «кома» оперативных проблем (проблем-следствий), что способствует еще большему росту социальной напряженности, потребности в срочном смягчении их последствий. Данная ситуация приводит к высокой потребности в инновациях, использование которых эффективно в краткосрочном периоде (в качестве «болеутоляющего» для социума) или, в лучшем случае, в среднесрочном (в качестве «лечения» причин-следствий и временной профилактики «болезней социума»). В контексте коммерческого подхода оперативные инновации являются наиболее привлекательными по двум основным причинам: 1) востребованность в них постоянно растет при неразрешенности системных противоречий (обеспечивая возможности экономический роста); 2) такие инновации, как правило, имеют высокую доходность, короткий срок окупаемости и малый период внедрения.

Кроме того, логично, что целью собственников капитала в рыночной экономике является его увеличение, концентрация, а одним из основных инструментов – создание и продажа большего количества новых прибыльных продуктов, услуг с большей окупаемостью. При этом, производство инноваций, способствующих долгосрочной жизнеспособности и повышению реального (экономического, социального и экологического) благосостояния общества не является реальным приоритетом в инвестиционных решениях, т.к. не соответствует базовым механизмам выживания бизнеса в условиях рыночной экономики.

Коммерческий подход в качестве «причины» инноваций предполагает экономические потребности. Если бы экономические потребности и реальные потребности общества совпадали, то потребностный и коммерческий подходы составляли бы единое целое. Однако, во-первых, сегодняшнее «общество потребления», во-первых, является объектом формирования потребностей, а не субъектом: «потребности общества», по сути, являются «потребностями, навязанными обществу». Во-вторых, понятие «экономические потребности» часто маскирует потребности бизнеса в конкретных инновациях.

С начала 1990-х годов можно отметить рост популярности темы социальной ответственности бизнеса, тесно связанной с темой устойчивого развития общества – концепции, принятой по результатам международной конференции по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Тем не менее, тенденции социализации бизнеса не меняют принципиально определенные коммерческие «правила игры» в рыночной экономике и утверждение о приоритетной необходимости инноваций отвечать потребностям экономики (т.е. запросам бизнеса) остается основополагающей идеей коммерческого подхода. Соответственно, исследования, методологически опирающиеся, в основном, на данный подход предполагают изучение формируемых инноваций. В рамках коммерческого подхода допустимо исследование формирующего влияния социально значимых инноваций на внешнюю среду и на условия ведения бизнеса, при этом инновационная деятельность, связанная с некоммерческим производством и внедрением социально значимых инноваций будет являться эндогенным фактором.

Коммерческий подход к инновационному развитию общества пользуется большой популярностью в последнее время, в том числе и в отечественной науке. Причина такой популярности, возможно, кроется в неявном и, безусловно, ошибочном базовом допущении, что потребности, формируемые в современной социально-экономической системе, всегда соответствуют реальным потребностям общества (потребителей). Суть коммерческого подхода полностью отвечает сложившейся на сегодня системе взаимоотношений в условиях

капиталистического хозяйства, что способствует формированию «имплицитной установки» необходимости применения данного подхода в научных исследованиях, как единственно адекватного инновационному развитию современного общества. Подход, сформированный в рамках рыночной капиталистической экономики и, соответственно, «работающий» на продление функционирования сложившейся структуры социально-экономических взаимоотношений в обществе эффективен до тех пор, пока исследователь не сталкивается с неразрешимостью фундаментальных противоречий существующей системы и отсутствием инструментов для их решения в рамках коммерческого подхода.

С позиций *автономного подхода*, инновации рассматриваются как результат постоянной комбинации и эволюции комплиментарных технологий, которые сами являются результатом такого же процесса [445]. Для данного подхода характерно понимание сущности инновационного развития, как живого саморазвивающегося организма, который, тем не менее, нуждается в людях, как в агентах (которые репродуцируются, потребляют энергию и пр.), т.е. транслируется идея первичности влияния саморазвивающихся технологий на культуру и сознание человека. Благосостояние людей – продолжительность жизни, здоровье, материальный достаток также рассматривается через призму автономного подхода как функция развития технологий [613].

Актуальность взглядов на инновации как на результат комбинации и эволюции комплиментарных технологий обосновывается в теории эволюции технологий А. Брайана развитием интенсивного обмена знаниями и технологиями посредством глобальных информационно-телекоммуникационных технологий. В своей книге «Природа технологий: Что это? И как они появляются?» А. Брайан опирается на постулат всеобщности механизма формирования новых технологий из комбинации старых и на концепцию аутопоэза, предполагающей саморазвитие технологий по аналогии с отдельными нейрофизиологическими и биологическими процессами [445].

Автономный подход интересен своим потенциалом в изучении синергетических процессов и эффектов совместной инновационной деятельности, а также систем непрерывного инновационного развития. Однако, применение данного подхода как основополагающего в исследованиях в сфере инновационного развития общества было бы ошибочным и с точки зрения формальной логики (корректности установления причинно-следственных связей между субъектом и объектом инновационной деятельности), и с точки зрения реализации гуманистических ценностей. Так, например, технологии в теориях в рамках данного подхода отождествляются с саморазвивающимся организмом и наделяются «самостоятельностью» в развитии, а, кроме того, определяющей ролью в развитии человеческого самосознания – т.е. субъектностью по отношению к человеку (как к объекту инновационного развития). Такие идеи могут быть основаны либо на некорректно установленных причинно-следственных связях, либо их автор исходит из явных антигуманистических позиций.

В первом случае иллюзия активного саморазвития технологий могла возникнуть исходя из современных тенденций минимизации времени и творческого человеческого ресурса на производство инноваций во всех сферах общественной жизни в условиях роста доступности и открытости знаний, развитости научно-технологических средств, а также исходя из тенденций непрерывного инновационного развития в современной экономике, создающего впечатление непрерывного автономного производства инноваций.

Во втором случае, если исходить из осознанного принятия имплицитных предпосылок идеи автономии инновационного развития, общество должно рассматриваться как пассивная биомасса с минимальными психическими реакциями, необходимыми для адаптации и выживания, сознание которой зависит от саморазвивающихся технологий, обладающих гораздо бóльшим самостоятельным потенциалом воздействия. Такая позиция фактически отрицает свободу воли человека, его личностного, творческого и духовного развития и

субъектности общества в определении приоритетов своего инновационного развития.

В рамках *коммерческого* и *автономного* подходов сущность (в значении – смысл) инноваций уходит на второй план. На первый план выходят, по сути, условия инновационной деятельности в современной социально-экономической системе, которые определяют судьбу новшества (станет ли оно инновацией?) не всегда и не обязательно по критериям большей социальной значимости и рациональности. Несоответствие данных подходов гуманистическим ценностям проявляется, прежде всего в том, что человек рассматривается не как причина и творец инновации, а как пассивная функция или средство: в коммерческом подходе как функция формируемого процесса потребления инноваций в целях поддержания экономического роста и стабильности существующей социально-экономической системы, а в автономном подходе – как функция потребления, и как одно из вспомогательных средств (возможно, только временно необходимых?) в процессе самовоспроизводства инноваций.

В работах А.В. Павлова убедительно показана смысловая разница между культурой, как «способом изменчивости общественного организма» и цивилизацией – «причиной и формой устойчивости общественного организма», материальным выражением культуры [275, С. 21]. При этом, цивилизация определяется как общими объективными элементами, такими, как язык, история, религия, обычаи, общественные институты, так и субъективной самоидентификацией людей [535]. Однако, в рамках автономного подхода, в частности, в теории эволюции технологий Б. Артура, цивилизация представлена в виде совокупности саморазвивающихся технологий, полностью определяющей культуру, бытие и сознание человека [445], что противоречит общей логике соотношения сущности и формы проявления вещей.

Представители Московского методологического кружка (ММК), С.В. Котельников и М.В. Рац, рассматривая мир, исходя из деятельностной парадигмы, выдвигают тезис об «устройстве» мира в значительной мере сообразно

нашим представлениям о нем: бытие определяет сознание в отсутствие мышления, наличие же последнего влияет и на бытие, и на сознание [187]. Если же в рамках автономного подхода, смысл сегодняшней человеческой деятельности определяется цивилизацией как совокупностью саморазвивающихся технологий, то можно прийти к логическому выводу о допущении замены основного актора инновационной деятельности и творца культурных перемен – «мыслящего[6] человека» на «средство для машины по производству саморазвивающихся инноваций» в рамках автономного подхода.

Кроме того, роль жюри в инновационном развитии общества, с позиций автономного подхода, отводится рынку и принимается за непреложное истинное основание выбора инноваций. В таком случае, необходимо называть такое развитие инновационным развитием рыночной экономики, которое не равно по смыслу инновационному развитию общества. Учитывая, что опора на концепцию рыночной экономики соответствует сегодняшним реалиям лишь отчасти, поскольку в современных условиях глобализации капиталистической экономики свободного рынка не существует [166, 658], роль жюри в мировом инновационном развитии в рамках автономного подхода отдается, по факту, нескольким крупным финансово-промышленным группам [461].

Интегративным подходом к анализу инновационного развития можно назвать комбинацию субъектного, знаниевого, потребностного и коммерческого подходов, в нем учитывается комплексное влияние роли личности изобретателя, рыночных запросов, социально-экономических условий и возрастающей роли информации и знаний на фоне исторически развивающихся и изменяющихся потребностей людей [580, 617].

В исторической перспективе подходы развивались от потребностного (от базовых идей Платона о первичности объективно существующей потребности людей как причины появления инноваций) до набирающей сегодня опасную

[6] В данном случае имеет значение наличие у человека логического, критического мышления, способности мыслить системно, выявлять глубинные причинно-следственные связи, делать дальновидные и масштабные прогнозы, формировать новые смыслы и осознанно выбирать ценностную позицию при анализе информации и принятии решений.

популярность идеи саморазвития инноваций в современный период. Рост популярности идей «антропоморфизации» технологического прогресса, саморазвития инноваций указывает на негативную тенденцию дегуманизации взглядов на инновационное развитие: роль человеческой деятельности, человеческих потребностей, формирующих смыслы инновационного развития, уходит на второй план. Однако, логически, технологии, сами по себе не могут привнести гуманизм в социальную реальность.

Реализация обществом прогрессивного и устойчивого развития требует пересмотра фундаментальных оснований инновационного развития общества и обоснованного ответа на вопросы через призму гуманистических ценностей и целей долгосрочной жизнеспособности общества. Если *целью устойчивого инновационного развития общества* является долгосрочное благополучие всех людей, то *приоритетами устойчивой инновационной деятельности* должны становиться формирующие инновации, способные создавать принципиально новую онтологию общества. Другими словами, необходимы инновации, способные «перепрограммировать» не просто отдельные социальные объекты или схемы взаимодействий между ними, а создающие такую новую «операционную систему» общества, которая бы принципиально исключала причины образования сегодняшних глобальных проблем человечества. Данным приоритетам соответствуют такие *критерии поддержки и масштабного внедрения инноваций* как значимость общественной выгоды, экономическая (а не только финансовая) эффективность, бережное расходование ресурсов, соответствие ценностям жизни и развития человека. *Объектом устойчивого инновационного развития* (как исследовательской и практической преобразующей деятельности) является культура, устройство общества. *Предметом устойчивого инновационного развития* общества является структура общественных отношений, а *смыслом устойчивого инновационного развития общества* – реализация конструктивного человеческого потенциала посредством и с целью повышения уровня гуманистичности и долгосрочной жизнеспособности общества. При этом, общество является

одновременно и *субъектом* (сообщество деятелей), и *объектом* (система социальных отношений) инновационного развития.

Исходя из гуманистического смысла научной и инновационной деятельности, заключающегося в поиске наиболее оптимальных решений причин человеческих проблем и удовлетворении конструктивных потребностей людей, исследовательский фокус в сфере устойчивого инновационного развития следует переместить в русло формирующей, или деятельностной, парадигмы при опоре на гуманистические ценности и критерий долгосрочной жизнеспособности общества. Бóльшая часть социально-экономических исследований в сфере инновационного развития и современная инновационная практика априори опирается на коммерческий подход, фокусирующийся на соответствии инноваций базовым критериям прибыльности и окупаемости. Это приводит к преобладанию предлагаемых в науке и технологиях решений проблем общества на оперативном или тактическом уровне. Пока недостаточно предпринимаемых стратегических усилий, несмотря на наметившийся рост публикаций, посвященных причинам глобальных проблем человечества, в частности пересмотру базовых механизмов современной социально-экономической системы, опирающихся на псевдоценности или антиценности прибыли и консьюмеризма [547, 660]. Тогда как об объективной необходимости смены приоритетов и направленности не только научных исследований, но и практик управления инновационным развитием говорят масштабы сегодняшних угроз выживания человеческой цивилизации в целом: экологических, политических, экономических. Решение задач обеспечения долгосрочной жизнеспособности человеческого общества требует применения научных подходов к устойчивому инновационному развитию, предполагающим формирующее гуманизирующее воздействие человека на культуру, активизацию механизмов сотрудничества (в противовес конкуренции).

Результаты и формы «социализации» широко внедряемых сегодня моделей устойчивого развития в конечном итоге будут зависеть от опоры на гуманистические ценности не только в теории, но и в практике человеческой

деятельности, и, в первую очередь, в управлении инновационной деятельностью. Устойчивое инновационное развитие общества направлено на решение причин общих проблем человечества соответствующими гуманистическими средствами. Несоответствие логики используемых средств декларируемым целям общего благополучия или логическая подмена реальных целей декларируемыми приводит к ситуации дегуманизации общества под эгидой «хороших намерений». В частности, сохраняющийся преимущественный ориентир на максимизацию прибыли от инновационной деятельности вместо логичных, с точки зрения смыслового подхода, критериев рационального использования ресурсов и максимизации эффективности решения проблемы (удовлетворения конструктивной потребности) логически приводит к «формируемости» инновационной деятельности не значимыми общественными потребностями, а, в сущности, потребностями владельцев капитала – основных инвесторов инновационных проектов. Также подмена целей финансового роста[7] декларируемыми целями общего экономического благополучия приводит к выхолащиванию гуманистического смысла из программ устойчивого развития территорий в попытке реализовать данную идею методами и средствами текущей формы социальной реальности без принципиальных долгосрочных изменений в ее устройстве и без переосознания ее основополагающих принципов.

Масштаб культурных проблем и судьбоносных изменений межцивилизационной эпохи обязывает к соответствующей концентрации внимания на аксиологической компоненте методологических оснований социально-экономических научных исследований и практик управления инновационной деятельностью. Аксиологический аспект концепции устойчивого инновационного развития предполагает опору на гуманистический подход, обеспечивающий основополагающий вектор внимания на гармонизированные созидательные

[7] Автор использует здесь термин «финансовый рост» вместо общепринятого термина «экономический рост», т.к. сегодняшнее хозяйственное развитие все более приобретает характер хремастического, а не экономического, что проявляется в неестественном «раздутии» финансового сектора, в котором прибыльность становится больше, чем в реальном секторе экономики [493, 534, 590].

ценности и может претендовать на роль универсального смыслового вектора междисциплинарных исследований, определяющего непротиворечивый выбор и использование других опорных подходов и теорий в зависимости от характера исследовательских задач в сфере инновационного развития.

2.1.3. Значение инноваций для устойчивого развития общества.

Необходимо отметить, что вопросам смысла инноваций, значения инноваций для общественного развития не было оказано должного внимания с самого начала развития современных научных представлений об инновациях. Культурный контекст XIX и XX вв. способствовал развитию объяснительных теорий роли инноваций и научно-технического прогресса в экономике общества, а именно, непосредственно для экономического роста.

Роль инноваций в преодолении промышленно-капиталистических циклов еще в начале XX века отметил М.И. Туган-Барановский, обосновавший положение о решающей роли колебаний инвестиций в новые технологии при смене фаз промышленного цикла [349]. Его ученик Н.Д. Кондратьев, продолжая развивать идеи учителя, выдвинул тезис о том, что перед началом повышательной волны каждого большого цикла происходили глубокие изменения в технике (технологии) производства на основе появления кардинальных изобретений и открытий, радикальных нововведений [177]. Идеи и положения волновой теории Н.Д. Кондратьева были отмечены и развивались далее американским экономистом Й. Шумпетером в его теории «деловых циклов» [624]. Исследуя экономические изменения в факторах производства, Й. Шумпетер установил, что толчок развитию дают не только внешние факторы, но и внутренние, которые изнутри «взрывают» равновесие рыночной системы. Этими внутренними факторами становятся новые комбинации факторов производства – «инновации», которые и определяют динамические изменения в экономике. Таким образом, традиционно, в рыночной экономике инновация рассматривается как средство преодоления экономических

кризисов, которое позволяет реализовать новый конкурентный прием, отличный от прежних ценовых форм конкуренции – «эффективную конкуренцию» [408].

Концепции инноваций как основного фактора экономического роста начали проявляться с развитием НТП, оформившись со временем в теорию эндогенного экономического роста, для которой характерно рассмотрение интенсивных факторов роста (человеческого капитала и инноваций) в качестве внутреннего двигателя экономического роста [126, 313, 408, 629]. В рамках данной модели инновации считаются ключевым источником увеличения стоимости компании (капитала). Возможность роста капитала за счет инноваций реализуется в условиях сокращения жизненного цикла товаров и роста потребления [126, 250, 342, 358, 500, 549, 616], что не соответствует этике устойчивого развития общества. На базе теории эндогенного экономического роста разработаны соответствующие модели экономического роста:

- модель Эрроу-Ромера, предполагающая устойчивый экономический рост на основе технического прогресса, который является следствием результата обучения работников в процессе деятельности [429, 612];
- модель Узавы-Лукаса, в которой экономический рост обеспечивает накопление человеческого капитала в секторе образования [228, 652];
- модель Барро, в которой деятельность правительства является одним из основных источников эндогенного экономического роста [29].

В отличие от моделей эндогенного экономического роста, основанных на связи роста капитала и параметра эффективности труда с сектором исследований и разработок, в основе экзогенных моделей используется неоклассическая производственная функция зависимости производительности труда от его капиталовооруженности с учётом экзогенного нейтрального технического прогресса как фактора экономического роста. Перечислим основные модели, построенные на базе такой производственной функции, известной как функция Кобба-Дугласа [459]:

- модель Солоу-Свэна, учитывающая экзогенный нейтральный технический прогресс как фактор экономического роста наравне с такими факторами производства, как труд и капитал [632, 638];
- модель Рамсея-Касса-Купманса, предполагающая постоянно растущий темп эффективности труда [452, 553, 603];
- модель Мэнкью-Ромера-Уэйла, учитывающая экономический рост при убывающей отдаче капитала и при экзогенном темпе прироста технологии, а также эндогенную модель экономического роста при отсутствии НТП [567].

Основная критика экзогенных моделей заключается в их неспособности объяснить фундаментальные причины мирового экономического роста, которым дают объяснение эндогенные модели, предполагающие преимущественное влияние инновационной деятельности на экономический рост. Тем не менее модели эндогенного экономического роста также критикуются за недостаточную эмпирическую обоснованность [543, 554].

И те, и другие модели обладают сомнительной полезностью для устойчивого инновационного развития гуманистического общества, т.к. изначально рассматривают инновационную деятельность в качестве одного из механизмов поддержания стабильности существующей социально-экономической системы, инструмента постоянного роста капитала, мимикрирующего под формулировкой «экономического роста».

Важно, что ответы на вопросы о значении инноваций для общественного развития логически не могут быть даны в рамках каких-либо теорий и моделей экономического роста. В целом, теории экзогенного и эндогенного экономического роста находятся в рамках одной платформы и исследовательской программы, где главным фактором экономического роста является технический прогресс [273]. Соответственно, фокус исследователей, опирающихся на эндогенные или экзогенные теории и модели экономического роста одинаково сосредоточен на исследовании «зависимости экономического роста от экономической деятельности человека» в существующем культурном контексте [400, С. 77-78]. Вопросы

зависимости качества (направленности) инновационной деятельности и результатов общественного развития остаются за рамками таких исследований.

Сегодняшний эволюционно-исторический поворот в цивилизационном развитии обусловил необходимость сдвига научного интереса с проблемы констатации особенностей текущей формы бытия общества к проблеме его становления и, далее, к проблеме сохранения [253], что обусловливает необходимость обеспечения определенности ценностных ориентиров социально-экономического развития, его смысловой направленности и приоритетов.

Развитие концепции устойчивого развития – сегодняшняя попытка научного сообщества оказать формирующее воздействие на социально-экономическую систему. Философия данной концепции, в целом, опирается на цели долгосрочной жизнеспособности гуманистического общества и предлагает соответствующие механизмы достижения этой цели: экономическое развитие (вместо экономического роста), совместный социальный прогресс и сотрудничество (вместо конкуренции и усиления социального неравенства), повышение уровня ответственности за окружающую среду (вместо ориентации исключительно на прибыль). Однако любая концепция на практике трактуется и реализуется по-разному в зависимости от фокусировки на целях разного уровня дальновидности: стратегических, тактических, оперативных.

Так, при фокусировке на целях устойчивого развития, формулируемых на оперативном уровне, реализация концепции устойчивого развития, оказывается «в ловушке» текущих базовых принципов хозяйствования, что подтверждается эмпирическими фактами. Например, в сегодняшних условиях монетарной капиталистической рыночной экономики уровень «экономического развития» измеряется, в основном, через показатели «экономического роста», «конкурентоспособности экономики», «человеческого капитала» и пр., а основными единицами измерения являются денежные единицы [618]. Фокусировка же на стратегических целях устойчивого развития общества стимулирует появление показателей, нехарактерных для «финансово- и капитало- ориентированной системы

координат» сегодняшнего общества – таких, как уровень биопотенциала страны [560] и эколого-экономический индекс регионов[8]. Такие показатели характеризуют проявление формирующих новшеств в управлении «благосостоянием» общества, способных существенно изменить контекстные условия инновационной деятельности при реальной увязке данных показателей с инновационной политикой и стратегическими целями развития общества.

Будет ли концепция устойчивого развития реализована как попытка лишь смягчить разрушительные последствия неэффективных систем хозяйствования человечества и максимально продлить сроки их существования или будет инструментом глубокой позитивной перестройки существующей социально-экономической системы зависит от преобладания либо формируемых инноваций, либо формирующих.

Исходя из этого, эффективность внедрения концепции устойчивого развития общества во многом будет определяться:

- степенью поддержки государством формирующей инновационной деятельности, направленной на решение причин социально значимых проблем наиболее эффективным и ресурсосберегающим способом;
- эффективностью отбора и внедрения формирующих социальных инноваций;
- активностью инициирования формирующих социальных инноваций и эффективностью общественного контроля их внедрения.

К примеру, если гуманистические ценности не просто декларация, а основания для выбора, то первоочередной интерес и поддержку общества должны вызывать инновации в области ресурсосберегающих технологий, доступной медицины, экологичной и безопасной энергии, а государство обязано изыскивать средства и возможности поддержки данных проектов на всех стадиях, включая стадию внедрения в различные общественные сферы деятельности – образование,

[8] Индекс скорректированных чистых накоплений (ИСЧН), в % к валовому региональному продукту (ВРП). Методика разработана совместно специалистами РИА Новости и WWF России. В качестве основы методологии и методического обеспечения были использованы теория и практика разработки индикаторов устойчивого развития и их агрегирования (интегрирования) [51].

производство, сельское хозяйство, ЖКХ. Приоритетными, при этом, логично рассматривать системные социальные инновации, направленные на развитие здорового, развитого и разумного человека. Формирующие инноваторы, жизненно необходимые сегодняшнему обществу, не должны «продираться» сквозь бюрократические преграды, доказывать прибыльность и отдачу инвестору на вложенный капитал, т.к. в данном случае социальная роль формирующего инноватора совсем иная – не генерация прибыли, а максимально эффективное и ресурсосберегающее решение социально значимых проблем общества. Со стороны общества и государства необходима реальная социально-экономическая поддержка формирующих инноваций на всех этапах инновационной деятельности (инициирования, обеспечения ресурсами, установления технологических связей, интеграции в систему общественного производства благ и пр.), повышение ясности целей общественного инновационного развития, прозрачности процессов и результатов инновационной деятельности. По факту же, в сегодняшнем социально-экономическом контексте, изобретатель, как правило, находится в положении человека, вынужденного «подстраиваться» под приоритеты «формируемых» инновационных процессов.

При устойчивом инновационном развитии инновации непосредственно направлены на решение актуальных социальных проблем. Необходимо учитывать, что значимые социальные проблемы порождаются в контексте существующей социально-экономической системы, вырастают из ее фундаментальных противоречий [94]. Для их решения необходимы «метасистемные» решения, реализуемые посредством формирующих социальных инноваций. *Формирующие социальные инновации* нацелены на устранение причин социально-экономических проблем (существенно реорганизуют ключевые принципы и механизмы актуальной социально-экономической системы). *Формируемые* же *социальные инновации (соответствующие гуманистической этике)* нацелены на смягчение последствий социально-экономических проблем или реализацию тактических мер по их временному решению (реализуются в рамках актуальных принципов и механизмов

социально-экономической системы). Таким образом, формируемые социальные инновации способствуют устойчивости системы общественных взаимодействий только в среднесрочном периоде, решая актуальные задачи на тактическом уровне, тогда как формирующие социальные инновации являются стратегическим инструментом прогрессивного развития гуманистического общества и обеспечивают повышение его жизнеспособности в долгосрочной перспективе, способствуя необходимым для этого изменениям фундаментальных принципов общественного устройства.

2.2. Философские аспекты социально-экономических проблем и противоречий инновационного развития общества.

2.2.1. Логико-смысловой анализ основных понятий в инновационном развитии общества.

Коммуникационным фундаментом совместного решения проблемы поиска и разработки механизмов и инструментов конструктивного инновационного развития является логичная и семантически непротиворечивая база основных понятий, таких как организация, конкуренция, конкурентоспособность, сотрудничество, жизнеспособность, развитие общества, экономика, качество жизни, общество знаний. Подмена смыслов основных понятий в социально-экономическом дискурсе и искажение представлений об их взаимосвязях де факто поддерживают неконструктивные социально-психологические установки и механизмы развития общества в современной культуре. Использование однозначно трактуемых понятий, согласованных между собой аксиологически является необходимым условием развития концепции устойчивого инновационного развития.

Инновация – внедренное в широкую социальную практику изобретение. *Инновационная деятельность* – вид совместной творческой, изобретательской деятельности людей для целей решения общественно значимых задач.

Общество – форма взаимодействия людей, преобразующих окружающую среду, структуру социальных взаимодействий и развивающих субъектность друг друга в экзистенциальном диалоге. С позиций гуманистического подхода сформулировано видение общества (сообщества деятелей) как субъекта инновационного развития, при этом, общественные отношения, институты и практики рассматриваются как объект инновационного развития.

Организация (от позднелат. organizo – сообщаю стройный вид, устраиваю), как свойство объекта, подразумевает внутреннюю упорядоченность, согласованность взаимодействия более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленную его строением. Организация как структурно-процессный феномен – это совокупность процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого. В социально-экономической сфере организация означает объединение людей, совместно реализующих некоторую программу или цель и действующих на основе определённых договоренностей, процедур и правил.

На сегодняшний день организации рассматриваются в двух основных формах: искусственная и естественная. *Естественные организации* возникают и развиваются на основе общих ценностей и социально значимых потребностей личности и общества и на базе сотрудничества, для них характерна высокая адаптивность, гибкость за счет естественного и свободного установления связей и договоренностей и, в то же время, гармоничная сплоченность общих усилий по достижению целей организации. В *искусственных организациях* в условиях рыночной экономики ресурсы объединяются, как правило, с целями, присущими актуальному социально-экономическому формату общества: прибыли, власти, достижения конкурентных преимуществ. При этом, человек рассматривается не как субъект установления связей и договоренностей на основе свободного выбора при ориентации на внутренние ценности и осознанной ответственности, а как ресурс, имеющий цену и вступающий в договорные отношения, имеющие юридическую силу. В монетарной экономике человек вынужден совершать

«ограниченный выбор» вступления в искусственную организацию с целью материального обеспечения своего существования, выбор, преимущественно определяемый его навыками, квалификацией, базовыми потребностями и тенденциями развития рынка, а не его внутренним стремлением к реализации творческого и деятельного потенциала в совершенствовании хозяйственной деятельности общества. Таким образом, искусственной организации не свойственна гармония с гуманистическими ценностям свободы воли и творчества человека на благо общества в отличие от «естественной организации», не вступающей в противоречие с данными ценностями.

Основой *естественной организации* является механизм *сотрудничества*, без которого была бы невозможна конструктивная целенаправленная совместная деятельность. *Сотрудничество* представляет собой позитивное взаимодействие, в котором цели и интересы участников совпадают, либо достижение целей одними участниками возможно только через обеспечение интересов и устремлений других его участников [185]. Сотрудничество как синтез различных человеческих сил, способно порождать новые знания, вещи и организационные структуры (естественные организации). Как феномен, сотрудничество является и конструктивной реакцией на ситуации необходимости (например, необходимость труда в общинном хозяйстве до периода развития орудий производства и разделения труда), и естественной социальной потребностью в синергии, совместном творчестве [6]. Сотрудничество представляется естественным инструментом гармоничного инновационного развития сообщества, однако, в современной социально-экономической системе и в искусственных организациях является «чуждым» и проявляется как социальный феномен «вопреки» основному движущему механизму современной культуры – *конкуренции*. Социальные институты, которые в свое время объединяли людей, следили за порядком и стабильностью в обществе – такие, как школы, больницы, семьи, суды, органы правопорядка, профсоюзы, – сегодня сами переживают кризис [347], теряя свою «естественность» по мере институциализации.

Конкуренция (от лат. *concurrere* «сталкиваться», «соперничать») – борьба, соперничество в какой-либо области с получением какой-либо выгоды. В современной культуре конкуренция априори рассматривается как один из незыблемых принципов прогрессивного развития экономики общества, «необходимое зло», стимулирующее участников рынка к достижению лучшего результата [260, 377, 357, 412]. Основные аргументы, приводимые ученым и деловым сообществом в пользу конкуренции, исходят из представлений об объективной и закономерной природе эволюционной борьбы за выживание [188] и из представления о конкуренции как о неизбежной реальности социальной жизни [41].

Однако, идеи о природном характере стремления к соперничеству, конкуренции опираются, в основном, на трактовки «дарвинистов», а не на оригинальную теорию эволюции и «естественного отбора» Ч.Р. Дарвина. По Ч.Р. Дарвину, одним из самых обычных способов, которыми действует естественный отбор является приспособление некоторых особей данного вида к несколько отличному образу жизни, вследствие чего они могут захватить ещё не освоенные места в природе [118], что не означает главенство механизма соперничества, а, напротив, позволяет его избегнуть [192]. Основываясь на обширном анализе биологических и антропологических наблюдений, П.А. Кропоткин приходит к выводу о том, что «взаимная помощь – такой же естественный закон, как и взаимная борьба; но для прогрессивного развития вида первая несравненно важнее второй. В животном мире огромнейшее большинство видов живет сообществами и в общительности они находят лучшее оружие для борьбы за существование» [192. С. 19]. При этом дарвиновский термин «борьба за существование» П.А. Кропоткин не редуцирует до «борьбы за прямые средства к существованию», а использует в его изначальном широком «дарвиновском» смысле – как «борьбу против всех естественных условий, неблагоприятных для вида» [192]. Адекватность взглядов П.А. Кропоткина и его понимания дарвиновской теории подтверждается результатами его обширных

исследовательских экспедиций, в которых он не встречает ожесточенной борьбы за средства существования среди животных, принадлежащих к одному и тому же виду ни в условиях изобилия видов и особей, ни в условиях «скудости жизни».

То, что конкуренция также не является «встроенным по умолчанию» обязательным элементом социальной природы человека, доказывает и социально-психологический анализ жизни тридцати первобытных племен, проведенный Э.З. Фроммом в 1968-1973 гг. на основе антропологических исследований Р. Бенедикт, М. Мид, Дж. Мердока и К. Тёрнбала [369]. Из 30-ти племен восемь (индейцы зуни, горные арапеши и батонги, аранды, семанги, тоды, эскимосы Севера и племена мбуту) были выделены исследователем в группу с неагрессивной конструктивной культурой как «жизнеутверждающие». В межличностных отношениях в этих племенах в целом преобладают надежность, доверие и обязательность (также и в отношении к природе). При этом, преобладает хорошее настроение, депрессивные состояния составляют редкое исключение. В «жизнеутверждающих» обществах почти не обнаруживаются зависть, тщеславие и жадность; не заметен индивидуализм, нет соперничества, зато очень заметны черты кооперации (коллективности). Отмечено, что в подобных обществах материальные вещи сравнительно низко ценятся, «главной ценностью в обществе считается сама жизнь и все живое, а отнюдь не вещи и не обладание собственностью» [369].

Таким образом, в рамках социальной антропологии доказано, что феномен конкуренции не свойственен социальной природе человека изначально. Конкуренция проявляется в социальном взаимодействии индивидов лишь в определенных культурах. В частности, проявление конкуренции как базового механизма социальных взаимодействий Э.З. Фромм обнаружил только в обществах с культурой, характеризующейся сильной агрессивностью и деструктивностью (антигуманистичных). Э.З. Фромм пишет: «У обществ этого типа весьма характерные особенности. Они отмечены агрессивностью, жестокостью, разрушительными наклонностями своих членов (как внутри племени, так и по отношению к другим племенам). В обществе царит воинственный дух,

враждебность и страх; широко распространены коварство и предательство. Большую роль в целом играет частная собственность (если не на материальные ценности, то хотя бы на символы), потому в значительной степени развито соперничество (конкуренция)» [369, С. 62]. Описывая одно из таких племен – добуанцев, Э.З. Фромм отмечает, что «две главные обуревающие добуанцев страсти – это богатство и секс» [369, С. 109]. Необходимо отметить, что все вышеописанные характеристики антигуманистичных первобытных культур поразительно характерны для современной культуры «общества потребления» [55], где превалируют ценности гедонистического индивидуализма и эгоизма [31, 476]. При этом, Э.З. Фромм отмечает, что «теория о врожденной агрессивности очень легко превращается в идеологию, которая смягчает страх перед тем, что может случиться, и помогает рационализировать чувство беспомощности… Она успокаивает нас и заявляет, что даже если все мы должны погибнуть, то мы по меньшей мере можем утешать себя тем, что судьба наша обусловлена самой «природой» человека и что все идет именно так, как и должно было идти» [369. С. 14].

Часто в научной литературе проводится аналогия между понятием «конкуренция», которая предполагает цель участников в виде получения выгод и преимуществ и понятием «соревнование», участники которого имеют цель и мотив достижения лучшего результата. Смешение данных понятий приводит приравниванию цели «лучшего результата» к цели получения «выгоды», «преимущества», отсекается характер конструктивной направленности цели соревнования – самосовершенствования, стимулирование партнеров на достижение лучших результатов и маскируется деструктивный характер цели конкуренции, фокусирующей мотивацию индивида на достижении личных выгод и увеличении собственных преимуществ, в том числе и за счет снижения конкурентных возможностей соперников.

Отечественные словари также указывают на основное отличие соревнования от конкуренции, которое состоит в том, что партнер по соревнованию рассматривается не в качестве потенциальной угрозы, а лишь в качестве внешнего

стимула, повышающего эффективность общей деятельности и направленного на достижение *общей выгоды* [13, 355]. В этимологическом аспекте слово «соревнование» также несет положительный гуманистический смысл. Корень «ревность» в старорусском языке означает «усердие, рвение», а «ревностный» – «поборник добра, справедливости» [264], тогда как «конкуренция» имеет в основе лат. глагол concurrere, обозначающий «сталкиваться», «соперничать», предполагающий смысл приобретения личной выгоды в конфликтной борьбе с соперником. Тогда как конкуренция и сотрудничество являются, по смыслу, диаметрально противоположными понятиями, соревнование (совместное рвение к наилучшему результату) не противоречит развитию сотрудничества.

Одно из наиболее точных и ёмких определений конкуренции в социально-экономическом контексте – это широко известное определение К. Маркса, который характеризовал ее как «свойственную капиталистическому товарному производству антагонистическую борьбу за более выгодные условия производства и сбыта товаров» [238]. Конкуренция настраивает ценностные ориентиры общества на цель «быть сильнейшим», на выживание за счет интересов других, а не вместе с ними, т.е. способствует ослаблению гуманистических ценностей. Таким образом, социально-экономическая система, функционирующая на принципах конкуренции, по определению, способствует культивированию эгоистической мотивации и развитию деструктивных методов получения личных выгод и не способствует достижению эффективности общей деятельности и общего блага в долгосрочной перспективе.

Однако, в современной экономике смысл конкуренции часто «облагораживается» приписыванием ей целей и гуманистического характера соревнования: конкуренция трактуется как *борьба* между производителями, предприятиями, фирмами *за наиболее выгодные условия* производства и сбыта в целях достижения *лучших результатов* своей предпринимательской деятельности. В данном определении имеет место подмена цели соревнования «достижение лучших результатов» реальными целями конкуренции «получения личной выгоды,

преимуществ над другими». В условиях конкуренции в капиталистическом обществе причиной и целью коммерческой предпринимательской деятельности является личная выгода владельца капитала, достигаемая посредством прибыли и, в долгосрочной перспективе – посредством стоимости компании. «Лучшее качество», «лучшая цена», «лучший сервис», полезность – лишь одни из *возможных средств* привлечения клиентов, требующие дополнительных вложений инвестиций (т.е. отказа владельца капитала от части прибыли), а потому не однозначно выгодные для него с точки зрения максимизации прибыли, необходимой для усиления конкурентных позиций. Антисоциальный характер феномена конкуренции повсеместно подтверждается на практике фактами применения конкурирующими сторонами разрушительных приемов конкурентной борьбы, снижающих благосостояние общества.

Так, уже в начале XX века развивается технология «планируемого устаревания» – создание товара с неоправданно коротким сроком эксплуатации с целью вынудить потребителя делать повторные покупки [447]. Исследователями отмечено, что в условиях развития рыночной экономики качество товаров неуклонно падает [110, 307, 447], что подтверждает явное отсутствие прямой позитивной связи между качеством товаров, услуг, вообще качеством жизни и конкуренцией. В рамках теории рынков с асимметричной информацией, разработчики которой награждены Нобелевской премией в 2001 г. (Майкл Спенс, Джозеф Стиглиц и Джордж Акерлоф) также доказывается, что потребители в итоге развития рыночной экономики получают плохой товар по завышенной цене [425, 637]. Торговцы некачественной продукцией получают больше прибыли и вытесняют более честных продавцов. Попытки потребителей бороться за качество, передавая информацию друг другу о хороших и плохих торговцах не решают сути проблемы: реальный выбор качества за счет рыночных механизмов подменяется фиктивным, при этом, не исключена возможность «покупки» отзывов потребителей и представителей СМИ.

Выход видится лишь в формировании эффективного рынка на принципах реального доверия. Однако, главный парадокс состоит в том, что для эффективной работы рынка, базирующегося на принципах реального доверия, нужны неэгоцентричные люди, принимающие решения исходя из приоритетов вечных ценностей, но механизм конкуренции, присущий рыночной экономике опирается именно на эгоистические свойства личности, способствуя их «нормализации» в современной культуре и общественном сознании.

Другой распространенный аргумент, приводящийся в пользу механизма конкуренции – обеспечение *ценовых выгод потребителя* за счет взаимного ценового соперничества экономических субъектов. Тем не менее, известно, что в условиях совершенной или высокой конкуренции прибыль фирм стремится к нулю [407], сами же субъекты экономической деятельности в рыночной экономике объективно заинтересованы в прибыли, а значит не столько в снижении цены, сколько в снижении уровня конкуренции. Поэтому в долгосрочной перспективе механизм конкуренции (стяжательства производителями лучших условий для получения прибыли и наращения капитала) приводит к сращиванию финансовой и политической элиты, монополизации рынка, укрупнению капитала, трансформации капитализма во возможные деструктивные формы – империализм, тоталитаризм и им подобные (А.В. Бузгалин, М.И. Воейков, А.И. Колганов, О.Ю. Мамедов, Р.С. Дзарасов, Э.Н. Рудык, Ю.Н., Попов, А.А. Пороховский, Дж. К. Гэлбрейта, Дж. Бернхэм, Дж. Стиглиц, Л. Туроу).

Недавние эмпирические исследования показывают существование уже сейчас крайне высокого уровня концентрации мирового капитала всего в нескольких компаниях [658], что влечет последствия отсутствия хоть сколько-нибудь здоровой конкурентной среды в мировом масштабе. Теория возрастающей доходности наглядно демонстрирует, что компании уже имеющие крупный вес на рынке, гораздо легче усиливают свои позиции и завоевывают все новые его части, такая закономерность неизбежно ведет к монополии одной или двух компаний [445]. Примеры из экономической практики подтверждают, что антитрестовое,

антимонопольное законодательство не способно остановить процесс монополизации, определяемый законами развития рыночной экономики, а монополизация, в свою очередь, создает большие риски для стабильного функционирования экономики в интересах общества [175]. Таким образом, общество уже давно перешагнуло за черту исторической полосы, где механизм конкуренции еще мог приносить хотя бы опосредованные и относительные социально-экономические выгоды для потребителей.

Еще один популярный довод в пользу конкуренции состоит в том, что высокий уровень конкуренции побуждает производителей инвестировать в научные исследования и внедрять изобретения и инновации, что способствует *инновационному развитию общества*. В установившейся системе капиталистического хозяйствования принято считать, что чем выше уровень конкуренции на рынке, тем лучше удовлетворяются потребности людей и лучше развиваются инновации. Тем не менее, необходимо признать, что первичной целью и мотивом инвестирования владельца капитала является прибыль, а не удовлетворение действительных нужд общества или его отдельных групп индивидов. Налицо подмена причинно-следственных связей: высокий уровень конкуренции далеко не всегда влечет за собой лучшие условия для развития социально-значимых инноваций и лучшего удовлетворения потребностей людей. Механизм конкуренции обеспечивает лишь активность инновационной деятельности и ее коммерциализацию – нацеленность на прибыль, ради защиты которой инвесторы, напротив, могут отказываться от прогрессивных инноваций, нацеленных на развитие гуманистического общества. В конечном итоге, механизм конкуренции «работает» на создание «мира неравных возможностей», социальной несправедливости и социального неравенства, наличие и непрерывный рост которых в современном обществе полностью подтверждается экономистами, социологами и политологами по всему миру [168, 334, 611].

Наличие масштабных международных программ, направленных на решение проблемы социального неравенства может привести к поспешным выводам о

гуманистических ценностях, лежащих в основе данных программ. Известным экономистом Д. Стиглицем было точно подмечено, что единственной логичной причиной, по которой проблема неравенства действительно заботит «1%» богатых людей является «осознание ими невозможности продолжения экономического роста, от которого зависит их процветание, в условиях, когда большинство граждан не увеличивает свои доходы» [334].

В данной ситуации ключевой вопрос должен быть сформулирован следующим образом: Логично ли в принципе решать проблему социального неравенства в целях укрепления и дальнейшего усиления социального неравенства, порождаемого самой системой? Можно ли избавиться от социального неравенства, если это не сама проблема, а лишь признак проблемы? Социальное неравенство, по сути, является следствием существующей конкурентной (эгоистической) системы установившихся отношений между людьми. Конструктивно проблему социального неравенства нужно мыслить, как проблему создания общества процветания для всех людей Земли.

Учитывая вышеприведенный анализ свойств феномена и понятия «конкуренции», следует отметить, что «созидательная сила конкуренции», отмечаемая в неоклассицизме направлена, в первую очередь, на создание и концентрацию капитала за счет увеличения количества товаров и потребностей, а не на созидание лучшего качества жизни для всего общества. Капиталистическая рыночная экономика, имеющая в основе механизм конкуренции (приводящей, в итоге, к ее фактическому отсутствию в мировом масштабе) и ориентированная на экономический рост, формирует определенную, необходимую для выживания системы культурную среду – «общество потребления» [55, 147]. Формируемые социальные инновации в данной культурной среде являются лишь инструментами поддержания и развития культуры элитаризма.

Так, конструируемое на фундаменте консьюмеризма *«Общество знаний»* на практике направлено, в первую очередь, на формирование большего числа «квалифицированных потребителей» для обеспечения растущего рынка сбыта

цифровой экономики соответствующим объемом спроса на продукцию и услуги. Целью сферы образования в таком обществе является производство специалистов, умеющих потреблять/использовать существующие инновации, продавать товары и производить новые формируемые инновации, еще более увеличивающие потребление [147]. При проектировании такого «общества знаний» роль гуманитарных наук закономерно сводится к «обоснованию» инновационных продуктов с «заданными свойствами» вместо определения инновационных приоритетов для гармоничного и сбалансированного развития общества. Научный поиск в сегодняшнем «обществе знаний» предполагает ориентированность на нормы проектной деятельности исходя из заказа на конкурентоспособные продукты, технологии, бизнес-модели [224, 409]. Таким образом, концепция «общества знаний», развиваемая в контексте существующего «общества потребления», склонна поддерживать формируемые инновации, не направлена на устойчивое инновационное развитие общества.

Концепция устойчивого инновационного развития общества предполагает использование научного подхода для решения причин социально-экономических проблем и реализацию, в первую очередь, социально значимых, формирующих инноваций. Гуманитарным дисциплинам в таком случае отводится основополагающая роль в определении направлений и приоритетов инновационного развития общества, а также в последующем ценностном и логико-смысловом анализе результатов развития. Другими словами, в рамках гуманитарных наук формулируются такие стратегические вопросы, как: «Что является проблемой для прогрессивно развивающегося общества, нацеленного на долгосрочную жизнеспособность?», «Какие проблемы нужно решать в первую очередь?», «Соответствуют ли способы решения проблем гуманистическим критериям?», «Каковы результаты развития общества с точки зрения реализации гуманистических ценностей?», «Каковы фундаментальные причины системных проблем общества и как необходимо трансформировать общественные взаимодействия для устранения данных причин?». Тогда как прерогатива

технических наук с позиций концепции устойчивого инновационного развития общества – поиск оптимальных способов решения социально значимых проблем, в первую очередь, проблем обеспечения людей любого рода необходимыми ресурсами для устойчивого инновационного развития гуманистического общества. «Общество знаний», реализуемое в соответствии с концепцией устойчивого инновационного развития направлено на совершенствование научного познания и максимизацию пользы знаний в целях обеспечения долгосрочного процветания всего общества.

Развитие – необратимое, направленное, закономерное, качественное изменение материальных и идеальных объектов. Синтетическая теория эволюции в биологии, анализ истории культуры и социальных движений XX века демонстрируют разнонаправленность процессов социально-экономического развития. Крупные линии развития (например, как органическая эволюция) демонстрируют диалектическое взаимодействие разнонаправленных процессов: общая линия прогрессивного развития переплетается с изменениями, которые образуют так называемые тупиковые ходы эволюции или даже направленные в сторону регресса. Если «общественный организм» препятствует своему устойчивому инновационному развитию, рефлексии достоверного знания, пытается «законсервировать» свою структуру путем лечения лишь «симптомов» своей болезни, то вектор его развития будет однозначно регрессивным.

В современной экономической науке, ограниченной в своем развитии идеологией современного общества, с ее традиционным комплиментарным отношением к механизму конкуренции произошло ошибочное сращение понятий развития и конкурентоспособности организации, развития общества и развития капитализма. Данные методологические ошибки накладывают отпечаток и на создаваемые сегодня программы общественного развития в мировом и региональном масштабе с заголовками: «sustainable development and competitiveness» [устойчивое развитие и конкурентоспособность], «responsible competitiveness» [ответственная конкурентоспособность], «устойчивое развитие и экономический

рост», а также ведут к идеологизации науки: вместо устойчивого развития общества широко обсуждается «устойчивое развитие капитализма» [286]. Инновации и знания декларируются в качестве основного фактора устойчивого развития, но по факту являются фактором устойчивого роста и повышения конкурентоспособности отдельных хозяйствующих субъектов при неизменности базовых механизмов существующего социально-экономического устройства общества.

Механизмы рыночной экономики, исторически возникнувшие на основе развития товарного хозяйства, института частной собственности, монетарной системы, как, впрочем, и механизмы не рыночной, плановой экономики в СССР обеспечили быстрый рост уровня производительных сил. На начальных стадиях развития рынка конкуренция как борьба за потребителя внесла свою лепту в обеспечение большей доступности и расширения ассортимента товаров и услуг, рационализацию технологий производства, развитие транспортной инфраструктуры, коммуникаций, совершенствование материально-технической базы хозяйствования в целом. Однако, конкуренция в «развитой» рыночной экономике предполагает уже не борьбу *за потребителя*, а борьбу потребителя *за выживание* в условиях монополизации, сращения финансовых и политических структур, их неизбежного стремления к управлению фактором потребления (за счет определения содержания и стимулирования непрерывного роста потребностей). Логично, что после достижения определенной «критической точки» концентрации капитала происходит уже не развитие научно-технического прогресса, а его сдерживание. В том смысле, что инновационное развитие направляется не на нужды потребителя, а на его использование в качестве «донора» экономического роста посредством манипулирования и формирования потребностной сферы людей в «прибыльном» направлении.

Масштабность сегодняшних глобальных проблем говорит о давно назревшей необходимости совершенствования формата хозяйствования, приведение социально-экономической системы в соответствие целям устойчивого развития общества. Капиталистическое товарное хозяйство сегодня находится в системном

кризисе [524, 581, 660] и, следовательно, согласно диалектическим законам развития систем, в стадии «перерождения» в другой формат с другими законами и механизмами развития. Новая стадия может вести, как к регрессивному, так и к прогрессивному развитию общества. В случае инертного развития имеющейся социально-экономической системы, в основе которой заложено стремление к концентрации капитала, общество закономерно придет к империализму, элитаризму и еще большему ослаблению гуманистических ценностей. Глубокие конструктивные преобразования социально-экономического устройства могут привести к развитию новых социально-производственных отношений, новой социально-экономической системе, обеспечивающих «общество изобилия, процветания», способную обеспечивать эффективное и рациональное использование накопленного технического, технологического и материального капитала для решения социально-экономических и экологических проблем, доставшихся «в наследство» от «общества потребления» [364, 517, 609].

Кроме различия понятий регрессивного и прогрессивного развития, которые зачастую не уточняются в социально-экономических исследованиях, имеет значение также различие понятий *социально-экономического развития общества* и *развития социально-экономической системы общества.* Первое понятие – шире и подразумевает возможность изменения социально-экономической системы общества в соответствии с приоритетами развития общества. Уравнивание этих двух понятий приводит к соответствующему смешению (не различению) феноменов развития общества и развития социально-экономической системы, к редуцированию смысла социально-экономического развития общества до смысла его развития только в контексте текущей социально-экономической системы, что снижает уровень «надсистемной» рефлексии результатов развития общества.

Смешение понятий экономики и хрематистики в современном обществе. История развития человеческого общества в условиях рыночной экономики привела в рамках экономического дискурса к смешению понятий *экономики*

(рациональное использование ресурсов ради развития человека и общества) и *хрематистики*[9] (использование ресурсов ради прибыли).

Экономика (от древнегреч. οἶκος – *дом, хозяйство, хозяйствование* и νόμος – ном, территория управления хозяйствованием и *правило, закон*, буквально «правила ведения хозяйства дома» [301]) возникла как «естественная наука» (Ксенофонт, Аристотель). Экономика определялась, как мастерство управления хозяйством, смысл которого в удовлетворении насущных потребностей и в создании средств, необходимых для поддержания и совершенствования хозяйства. Деньги в экономике служат исключительно для обеспечения удобства обмена. Аристотель противопоставлял экономике *хрематистику* – отрасль деятельности человека, направленную на извлечение выгоды. Деньги в хрематистике выступают в качестве богатства и цели, теряя своё предназначение средства обмена. С развитием банковской системы, основанной не на обеспеченных реальным продуктом деньгах, а на системе частичного резервирования (неполных банковских обязательств) и ссудном проценте, появились беспрецедентные возможности слияния финансового и производственного сектора, перераспределения капитала в мире, влияния на политику стран (лоббирование).

С развитием монетарной ростовщической системы, увеличением возможностей спекулятивных финансовых операций на мировом финансовом рынке хрематистика постепенно подменила собой экономику и как деятельность, и как науку. Сегодняшняя «экономическая» наука, изучающая виды, средства, способы получения прибыли и весь способствующий или сопутствующий этому главному процессу инструментарий на макро- и микроуровне по своему изначальному смыслу и соответствующему «аристотелевскому» определению, есть хрематистика. Современное «хрематистическое инновационное развитие» способствует неестественному «раздутию» финансового сектора, в котором

[9] Хрематистика *(от др.-греч. χρηματιστική – обогащение)* – термин, которым Аристотель обозначал науку об обогащении, искусство накапливать деньги и имущество, образ жизни, при котором богатство рассматривается как самоцель, как сверхзадача, а жизнь человека превращается в поклонение прибыли [14].

прибыльность значительно выше, чем в реальном секторе экономики[10]; данный феномен сегодня широко обсуждается как «финансолизация экономики» [435, 470, 493] или «финансовый капитализм» [534, 569, 594, 606].

Основой решения глубинных проблем «финансолизации» экономики является, прежде всего, диалог, а значит необходим ясный и неамбивалентный понятийный аппарат, что предполагает необходимость разделения понятий экономики и хрематистики, а также осознание антагонизма конструктивного смысла экономики (совершенствование хозяйственной деятельности, рост благосостояния всего общества) и деструктивного смысла хрематистической деятельности (обогащение как самоцель, сверхзадача).

Так, с помощью скорректированного понятийного аппарата становится возможной достоверная оценка значимости современных социально-экономических научных исследований, весомая часть которых направлена на совершенствование хрематистической системы хозяйствования и механизмов хрематистики вместо решения актуальных экономических задач. Разделение смысла экономики и хрематистики необходимо для прояснения фундаментальных причин парадоксальной ситуации нерешенности значимых социальных проблем, неудовлетворенности базовых потребностей общества (в здоровой пище, жилище и безопасности) при стремительном росте достижений научно-технического прогресса.

Прогрессивное и устойчивое инновационное развитие общества реализуемо в экономической сфере и невозможно в хрематистической, т.к. экономическая деятельность, по своей сути, ориентирована на качественное удовлетворение конструктивных потребностей людей, разумное потребление и рациональное использование ресурсов. В основе рационального использования ресурсов для достижения общих целей лежат механизмы сотрудничества, объединения усилий, а не конкуренции и разобщенности.

---

[10] Значительная часть ВВП США сегодня представляет собой «пену». Лишь чуть более 1/5 части ВВП – продукт реального сектора экономики. Остальное – услуги финансового сектора, различных посредников и консультантов [165].

Смысл инноваций в экономике – наилучшее удовлетворение конструктивных потребностей людей при наиболее рациональном использовании ресурсов, а в стратегической перспективе – обеспечение долгосрочного процветания общества, его стратегической жизнеспособности.

Жизнеспособность – способность существовать, развиваться, приспособленность к жизни [264]. Понятие «жизнеспособность общества», как и жизнеспособность организма, характеризует такое взаимодействие живой системы со средой, которое обеспечивает способность жить и развиваться. Как отдельный человек не может обеспечивать свою жизнеспособность, если он разрушает свой организм, так и общество – если оно разрушает свою среду обитания. Жизнеспособность является необходимым условием долгосрочного выживания всего общества и предполагает нацеленность на прогрессивное сбалансированное инновационное развитие. Понятие жизнеспособности логически соответствует гуманистическому подходу к инновационному развитию общества и в рамках данного подхода, на наш взгляд, должно заменить в дискурсе популярное сегодня понятие «конкурентоспособности». Конкурентоспособность как способность определённого объекта или субъекта превзойти соперников в заданных условиях в существующей социально-экономической системе часто по смыслу приравнивается к «жизнеспособности». Однако, в отличие от жизнеспособности, стремление к конкурентоспособности стимулирует эгоцентризм, паразитическое отношение к среде обитания и другим людям, что, в итоге, способствует истощению ресурсов и ослаблению гуманистических ценностей, а, следовательно, к снижению жизнеспособности общества.

При определении *конкурентоспособности* используются в основном четыре методологических подхода: системно-диалектический, конструктивистский, объективистский и комбинированный. Из них только системно-диалектический подход дает универсальное определение конкурентоспособности применительно к любым экономическим объектам. Согласно данному подходу, конкурентоспособность хозяйствующего субъекта в условиях рынка – это его

способность превзойти аналогичные субъекты в генерировании прибыли и концентрации капитала. Конкурентоспособность характеризуется как свойство практически любых экономических объектов независимо от их физической природы и выполняемых функций (изделия, производственные системы, их изготовляющие и использующие) [25].

При этом, интересы потребителей изделий, рассчитывающих на его высокое качество и доступность и интересы производственных систем, изготавливающих изделия (прибыль и рост капитала), не образуют гармоничную целостность в сегодняшней экономической реальности. Предприятие, производящее качественный продукт по доступной цене может оказаться банкротом, тогда как компании, экономящие на качестве продукции и применяющие недобросовестные маркетинговые практики для искусственного повышения цен и объемов продаж, могут значительно повысить свою конкурентоспособность. Кроме того, на сегодняшней стадии развития капиталистического товарного хозяйства, в условиях слияния интересов крупных банков и транснациональных холдингов [658], и по факту – отсутствия реальной конкуренции между независимыми экономическими субъектами, происходит трансформация целей концентрации капитала в цели защиты сверхконцентрированного капитала различными средствами удержания и сохранения сложившегося экономического порядка и мировой финансовой системы [167, 437, 484].

В отличие от конкурентоспособности, *жизнеспособность* экономического субъекта определяется не столько его адаптивными свойствами, сколько его способностью активно изменять принципы и механизмы хозяйствования, если они не нацелены на долгосрочное процветание всех членов организации, общества. Уровень жизнеспособности является индикатором способности некоторой системы, например, общества к сбалансированному развитию.

Решение любой проблемы начинается с корректной диагностики ее симптомов и идентификации причин. Понятия, используемые при этом должны быть ясными, однозначными и применяться в соответствии с заложенным в них

смыслом. Подмена смыслов, амбивалентность ключевых понятий в социально-экономическом дискурсе чревата отвлечением усилий на постоянный поиск разнообразных, не объединенных единым подходом и пониманием средств и инструментов для «лечения симптомов» болезней общества, тогда как причины остаются без должного внимания исследователей. Подмена смысла ключевых понятий может привести к замене логических взаимосвязей между ключевыми понятиями, к ложным имплицитным допущениям, причинно-следственным связям, основанным на краткосрочных корреляциях и неполном учете действительно значимых факторов.

Из вышеприведенного логического анализа ключевых феноменов и отражающих их понятий следует, что основными категориями в концепции устойчивого инновационного развития общества являются такие взаимосвязанные понятия как «экономика», «устойчивое развитие общества», «сотрудничество», «жизнеспособность», «формирующие инновации», тогда как понятия «конкуренция», «конкурентоспособность», «капитал», «устойчивое развитие капитализма», «формируемые инновации» относящиеся к текущему культурному контексту, воплощают, в первую очередь, смыслы феноменов хрематистической деятельности.

2.2.2. Фундаментальные противоречия и проблемы устойчивого инновационного развития общества.

Инновационное развитие общества в актуальном социально-экономическом контексте характеризуется рядом фундаментальных противоречий, указывающих на несоответствие стратегического замысла и целей, содержания и формы, целей и средств текущего инновационного развития.

1. Первым охарактеризуем противоречие между *гуманистическим и рационализирующим смыслом инновационной деятельности человека (с одной стороны) и формируемыми в актуальном социально-экономическом контексте коммерческими целями и приоритетами инновационной деятельности (с другой).*

Гуманистический (т.е. *ради человека*) смысл инноваций предполагает исследование объективных причин жизненно важных человеческих проблем, их решение, открытие и создание новых возможностей, повышающих качество и уровень жизни всех людей на планете (с сохранением здоровой экосистемы). В текущих условиях сложившейся доминирующей формы хозяйствования общества – капиталистического товарного хозяйства основной целью собственников является рост капитала, достигаемый в условиях роста потребления и его концентрация, следствием которой является рост социального неравенства. В условиях такой социально-экономической системы цель инноваций состоит в создании все новых потребляемых продуктов и услуг, сокращении расходов, создании новых возможностей для сбыта, в том числе в формировании новых потребностей. В конечном итоге, смысл инновационной деятельности в капиталистическом товарном хозяйстве закономерно редуцируется к *прибыли и потреблению,* что противоречит общему смыслу инновационной деятельности человека – *поиск решения, получение результата, максимально полезного для людей*. Данное противоречие пронизывает все сферы человеческой деятельности: производятся автомобили, но не для того, чтобы люди на них безопасно и свободно перемещались, а для того, чтобы получать прибыль; производятся продукты питания, но не для того, чтобы люди питались (росли и были здоровы), а для того, чтобы получить деньги от их продажи на рынке; оказывать медицинскую или психологическую помощь, но не для того, чтобы помочь человеку, а для того, чтобы заработать и иметь возможность кормить семью. Такое противоречие подводит каждого к моральному выбору: «лечить или исцелять?», «производить продукт, который хорошо продается и часто обновляется или производить продукт, оптимально решающий проблему?» и т.п. Компании и работающие в них сотрудники, по факту, вынуждены искать пути к удовлетворению и формированию потребностей потребителей не ради их благополучия и развития, а ради прибыли компании, в лучшем случае связанной со стабильностью их рабочих мест и уровнем их заработка, необходимыми для выживания в монетарной системе

общественных взаимоотношений. Противоречие усугубляется тем, что в данных корпорациях работают не роботы, а живые люди, также нуждающиеся в повышение качества и уровня своей жизни, жизней своих детей и неработающих родителей.

И крупные, и малые предприятия сталкиваются с проблемой выбора такого инструментария организационного развития, который бы обеспечивал сегодня выживаемость компании на рынке и рост ее стоимости. Как поиск, так и внедрение такого инструментария наталкивается на ряд трудностей (отсутствие готовности к изменениям, низкая мотивация к совершенствованию организационных процессов, отсутствие достаточного числа ответственных и инициативных специалистов, разобщенность целей субъектов деятельности и пр.), корни которых, в конечном итоге, уходят в фундаментальные противоречия инновационного развития общества. Эффективная деятельность по инновационному развитию общества и его отдельных организаций должна быть основана на непротиворечивых смыслах, принципах и механизмах развития. В сегодняшнем социально-экономическом контексте такую деятельность в полной мере могут себе позволить пока только некоторые общественные организации, действующие на принципах сотрудничества и нацеленные не на прибыль, а на общественно значимый результат. Такие организации сегодня существуют только в общественном некоммерческом секторе за счет добровольных вкладов ресурсов людей (денежных, временных, интеллектуальных, материальных), заинтересованных в решении социально значимых проблем. Однако, в условиях «выживания» и углубляющегося социального расслоения [334] возможности людей вкладываться в развитие действительно независимых общественных организаций существенно ограничены.

Ориентация на прибыль разобщает людей – не позволяет в полной мере доверять людям при организации совместных проектов, поскольку люди – вторичны, первична прибыль. Подмена смыслов деятельности всегда вызывает мотивационное напряжение, является причиной постоянного экзистенциального стресса человека [499] и создаёт благоприятные условия для психических

деформаций и психических расстройств. Например, руководство компании, производящей продукты питания, вынуждено выбирать – использовать консерванты для сокращения издержек или изобретать для этой цели другие средства, чтобы не вредить здоровью детей и взрослых вредными добавками. Руководство компании, производящей бытовые приборы, вынуждено решать вопрос о планируемом устаревании техники – делать технику качественной или так, чтобы через приемлемое время люди купили новую и обеспечили прибыль? Руководство фармацевтической компании вынуждено решать – производить нужное лекарство или лекарство, приносящее больше прибыли.

Один из показательных примеров – решение вопроса о финансовой эффективности производства сыворотки для лечения от вируса Эбола. Ни одна из крупных фармакологических компаний не вложила деньги в разработку вакцины против вируса Эбола, т.к. подобная вакцина потенциально имеет очень ограниченный рынок сбыта и не сулит больших прибылей [573]. Кроме того, болезнь не передается воздушно-капельным путем и ее настоящие причины – нищета, голод и антисанитарные антигуманистичные условия жизни, «нулевой» уровень информированности и образованности в «очагах заражения». Незсложный логический анализ показывает, что существующая социально-экономическая система не только не продуцирует фундаментальных решений подобных социальных проблем, но и ведет к их усугублению.

Попытки решить глобальные проблемы человечества традиционными инструментами в рамках существующей мировой системы хозяйствования не приводят к результату [649]. Так, невозможно принципиально решить проблемы нищеты и социального неравенства стран путем развития благотворительности или социальных реформ, призванных облегчить лишь следствия проблем. ТНК, глубоко проникшие в экономику многих развивающихся стран, навязывают развивающимся государствам монопольные цены, которые отклоняются вниз при закупке и вверх – при продаже от преобладающих общемировых цен [226], что способствует увеличению зависимости развивающихся стран от международных

долгов (которые большей частью оседают в виде доходов их коррупционных правительств) и, как следствие, еще большей отсталости таких стран в развитии факторов производства и качестве жизни населения. Антигуманистичный характер существующей социально-экономической системы хозяйствования закономерно ведет к росту уровня социальной напряженности, непрекращающимся войнам, создает благоприятные условия для появления националистических и террористических группировок.

Вопрос «человек или прибыль?» вынуждены решать на всех уровнях социально-экономических отношений – от отдельного индивида до государств. В виду логического противопоставления ценностей «человека» и «прибыли», вариант «и человек, и прибыль» следует признать логически невозможным. Отдельные инновации претендуют на статус «и ради человека, и ради прибыли», но лишь в силу того, что прибыль с их помощью достигается без непосредственного ущерба для человека от данного решения, однако общей ситуации такие частные инновации не меняют – прибыль для компаний всё равно остаётся важнее человека.

Логически, с точки зрения интересов «капитала», инновации делятся на способствующие наращению капитала и не способствующие, в частности, обесценивающие уже вложенный капитал. Логично, что в существующей системе, например, прорывная технология недорогого экологичного автономного источника энергии или дешевого и доступного лекарства от рака является не просто не выгодной для инвесторов, но и будет являться масштабной угрозой для уже осуществленных капиталовложений во многие отрасли.

Вследствие противоречия между гуманистическим формирующим смыслом инноваций и, преимущественно, формируемым инновационным развитием в актуальном культурном контексте, возникает «альтернативное поле» инноваций, удовлетворяющее естественную потребность человека в знаниях, в повышении качества и уровня жизни. Примеры альтернативного инновационно-технологического развития: бесплатная операционная система Linux, свободные

веб-сервер Apache, браузер Mozilla Firefox, инициативные исследования и веб-ресурсы в области «свободной» электрической энергии (Global Wave). Данная «альтернативная» инновационная экономика находится в смысловом противостоянии с целями увеличения прибыли и капитала корпораций и идеей централизованного управления социально-экономическими процессами.

2. В инновационном развитии общества также проявляется *противоречие между гуманистическим смыслом творческой и оптимизирующей человеческой деятельности (с одной стороны) и доминирующими механизмами распоряжения ресурсами и критериями выбора инноваций (с другой)*. Цели инновационного развития общества, миссия организации, как правило, формулируются гуманистически, как определенный полезный для всего общества результат, что соответствует гуманистическому смыслу творческой и оптимизирующей человеческой деятельности. Тем не менее, реальные стратегические цели любой организации в капиталистическом товарном хозяйстве всегда объективно связаны с ростом капитала. Операционально, для отдельной организации, функционирующей в текущем культурном контексте – это либо реальное противоречие между миссией (как сверхцелью) и средствами деятельности, либо сверхцель используется как привлекательная для членов сообщества декларация, имеющая лишь имиджевый характер. Данное противоречие обнаруживается в существующих теориях и моделях управления инновациями. Так, например, в модели Э. Дандон принцип ориентирования инновации на потребителя декларирует, что фирмы-сторонники инноваций нацелены на интересы и нужды потребителей своей продукции, при этом, реальным критерием инвестиций в инновации остается фильтр «прибыльности» [115].

Согласно логике развития фирмы в рамках существующей социально-экономической системы, собственники бизнеса заинтересованы, в первую очередь, в росте потребления своей продукции, следовательно, инновации для компании – инструмент поиска данных возможностей (например, частый выпуск новых моделей с несущественными изменениями, увеличивающиеся вложения в рекламу,

брендинг, ребрендинг и др.). Т.е., по сути, интересы и нужды потребителей являются не ориентиром инноваций, а, скорее, привлекательной для корпораций областью воздействия и управления, что в частности, обуславливает высокий рост креативной и информационной сферы бизнеса в последние десятилетия (маркетинг, брэндинг, консалтинговые и аналитические агентства, бизнес-консалтинг, реклама, рост инвестиций в социальный интернет-маркетинг и системы анализа больших данных о потребителях).

Рассматриваемое противоречие проявляется, в частности, и в *несоответствии реально необходимых и декларируемых целей государственных и международных политических институтов, и используемых ими средств для достижения данных целей*. Например, программа ЮНЕСКО развития «общества знаний» претендует на смыслы повышения уровня и качества знаний и, соответственно, уровня сознания людей, но содержание действий, совершаемых под эгидой программы (воспитание квалифицированного потребителя для обеспечения дальнейшего стимулирования и роста потребностей), противоречит действительному смыслу «общества знаний» и гуманистическому смыслу инновационной деятельности [77, 289]. Со слов бывшего (с 2004 по 2012 годы) министра образования и науки А.А. Фурсенко, задача современной системы образования состоит в том, чтобы «создать квалифицированного потребителя» [147, С. 51]. Данная установка противоречит гуманистическому смыслу «общества знаний» и является крайне опасной с точки зрения перспектив устойчивого инновационного развития общества. Система образования должна помогать детям, немощным и эгоцентричным, превращаться в могущественных и разумных творцов с активной жизненной позицией, способных ответственно создавать новое, улучшая мир вокруг, а не в пассивных потребителей, бессмысленными жизнями которых можно манипулировать и пренебрегать. Профессор Московского гуманитарно-экономического института, доктор юридических наук, В.И. Сергеев дает следующую характеристику результатам современных реформ образования в России: «….отупение и обыдливание российского общества. Народ всё больше и больше погружается в пучину

беспроглядной темноты и невежества, всё явственнее и явственнее становится послушным правящему классу буржуазии, биомассой рабов и люмпенов», «необразованная Россия нужна нынешней буржуазии и чиновничеству, образованная Россия требуется русскому народу» [321].

Другой пример, наглядно демонстрирующий несоответствие смысла деятельности средствам данной деятельности – попытки установления мира средствами вооруженных сил. Само словосочетание «миротворческие войска» – образцовый оксюморон современного общества. Более того, многие сегодняшние технологии установления «мира» и «демократии» посредством социальных, политических, финансовых технологий, провоцируют и поддерживают военные и межнациональные конфликты и политические перевороты [127]. Этот пример также демонстрирует *противоречие между потребностью в сотрудничестве для решения глобальных проблем и основополагающими в сегодняшней культуре механизмами конкуренции, лежащими в основе разработки средств решения проблем.*

На уровне развития мировых, национальных и региональных инновационных систем данное противоречие выливается в *несоответствие механизмов их организации, контроля, управления и критериев оценки их эффективности целям устойчивого инновационного развития*. Так, при декларируемых сегодня целях устойчивого развития общества, оценочные системы эффективности национальных инновационных систем опираются, преимущественно, на модель экономического роста и финансовые результаты [89]. На оперативном уровне возможности принятия корректных управленческих решений в инновационной сфере обеспечиваются наличием соответствующей методической и информационной базы в виде показателей, позволяющих судить о степени влияния инновационной деятельности на достижение целей развития общества.

Общепринятой международной методикой сбора и анализа данных об инновациях, в том числе и используемой в РФ, является «Руководство Осло» [310]. Рекомендованные в данном руководстве показатели были нами логически проанализированы на предмет их информативной ценности и возможности

применения для выработки решений в контексте устойчивого развития общества. В результате было выявлено, что актуальная методическая и информационная база для оценки и анализа инновационной деятельности не соответствует целям устойчивого развития общества, а нацелена на стимулирование роста финансовых показателей, что уже в среднесрочной перспективе является противоположной целью [91].

Эффективное управление инновационной системой общества на стратегическом уровне зависит, прежде всего, от соответствия приоритетов и целей инновационной политики приоритетам развития общества и, в целом, смыслу инновационной деятельности человека. Сегодня общедекларируемыми являются приоритеты устойчивого развития общества, что, в целом, соответствует реальным потребностям в улучшении актуального состояния социально-экономической и экологической реальности, а также гуманистическому смыслу творческой и оптимизирующей деятельности человека. Однако механизмы управления национальными инновационными системами не соответствуют данным приоритетам.

3. *Противоречие между реальными социально значимыми проблемами общества (с одной стороны) и поддерживаемыми в современной культуре формами социально-экономических взаимодействий, потребностями и социализирующимися людьми (с другой)*.

Сегодня в обществе, в котором экономический рост и конкуренция поддерживаются за счет непрерывного инновационного развития, с одной стороны, есть высокая необходимость в «творцах» (высококвалифицированных интеллектуальных людях с активной жизненной позицией, нешаблонным мышлением), с другой же стороны, сегодняшний социокультурный контекст, по большому счету, нацелен на продуцирование «потребителей», т.е. людей, не формирующих свои потребности самостоятельно и критически не оценивающих предлагаемых им «альтернатив», по сути – желающих и покупающих то, что им предлагают, регулярно использующих услуги, постоянно обновляющих свой парк

техники, гардероб и т.д. Система образования и образ жизни «творцов» и «потребителей» принципиально различны.

«Творцы» нужны не столько для развития текущей социально-экономической системы, сколько для прогрессивного развития общества. Недостаток активных творческих сил в социуме аналогичен иммунодефициту в организме – пониженной способности идентифицировать угрозы выживания и бороться с ними или отсутствию разумной активной воли, с помощью которой человек способен осознавать долгосрочные последствия «вредных привычек» и осознанно отказываться от них, стремится к полноценной осмысленной жизни, ставить приоритеты личностного развития и здоровья выше сиюминутных недальновидных удовольствий. Для выживания общества в долгосрочной перспективе жизненно необходимы разумные созидательные силы, преобразующие культуру и социальность, основанные на гуманистических ценностях; творческая, оптимизаторская деятельность и социальная активность, как минимум, части индивидов и их осознанная социальная поддержка необходимой долей остальных индивидов.

Основные потоки социально-экономических взаимодействий в сегодняшней культуре осуществляются посредством формализованных институтов и процедур. Формализованная структура искусственной организации предполагает реализацию принципов власти, т.е. подчинения воли одного человека другим человеком. Организационная власть сегодня проявляется в «мягких» формах – через регламентацию деятельности, трудовые контракты, системы финансового стимулирования и пр., но от этого ее суть не меняется. В то же время, по данным научных исследований в сфере мотивации, основным условием творчества, изобретательства является внутренняя свобода воли субъекта, нематериальная мотивация (мотивация, основанная на глубоких внутренних ценностях)[11].

[11] Исследования по мотивации Массачусетского технологического Университета, Университета Чикаго и Карнеги Меллон доказывают неэффективность типичных монетарных мотивационных схем при решении интеллектуальных, творческих задач и подтвердили стремление человека к автономии, совершенствованию, познанию и реальному вкладу в общее дело [595].

Результат творчества связан с совершенствованием, с оптимальным решением каких-либо нестандартных задач, а не с показателями прибыли, что затрудняет развитие творческих процессов в формальных организациях. Также не способствует совместному продуктивному творчеству людей механизм конкуренции, пронизывающий все уровни социальных отношений и разрушительно сказывающийся на межличностных отношениях. Данный механизм лежит в основе социально-экономических взаимодействий в коммерческих организациях и, в целом, в текущей социально-экономической системе.

В то время как сотрудничество является благоприятной атмосферой для совместного творчества. Интенсивное развитие, глобализация и доступность информационно-коммуникационных технологий обеспечили новую среду для развития естественных организаций, основанных на творческом сотрудничестве, которые действуют «вне системы» капиталистического товарного хозяйства и монетарной экономики и, при этом, проявляют как высокую жизнеспособность и результативность. Результатами деятельности естественных организаций является:

- качественный продукт, максимально гибкий, открытый и удовлетворяющий требованиям пользователя;
- удовлетворенность процессом сотворчества и результатами совместного труда;
- предельная сфокусированность на полезности товара для удовлетворения естественных человеческих потребностей или решения реальных проблем обеспечения жизни и личностного совершенствования людей, которые не могут быть решены в рамках формальных организаций.

Результаты деятельности естественных организаций способствуют максимальному росту всего спектра показателей уровня и качества жизни и соответствуют смыслу социально-экономического развития общества и целям прогрессивного и устойчивого инновационного развития общества.

Основные характеристики естественных организаций, которые позволяют таким организациям добиваться высоких результатов совместного развития и производства максимально полезной и качественной услуги (продукта):

- максимальная заинтересованность всех участников в целях совместных действий, настрой на сотрудничество, отсутствие конкуренции, тщеславия, стремления к авторству;
- добровольное объединение и неформальное принятие этического кодекса сотрудничества, основанного на общечеловеческих ценностях и принципах этики совместной деятельности;
- минимизация правил и регламентов взаимодействия (необходимый общепризнанный минимум – это международные правила профессиональной этики общения, общий алгоритм разработки продукта, обусловленный его технической, коммуникативной и прочей реальной спецификой);
- направленность организации взаимодействия на обеспечение удобной инфраструктуры и инструментов взаимодействия (системы коммуникаций, систематизации знаний, результатов работ и их совместной экспертной оценки, обмена знаниями). При этом традиционная функция контроля, присущая искусственным образованиям заменяется естественной системой обратной связи (отзывы, предложения прямых пользователей, экспертные оценки и пр.);
- упразднение управленческих функций организации, минимально необходимое модерирование, справедливость которого регулируется всем сообществом;
- отсутствие необходимости в маркетинговом подходе, т.к. на первом плане – реальные потребности людей, а не субъектов рынка, осуществляется прямая связь с конечным пользователем продукта (услуги), а чаще всего имеет место совместная работа пользователей и производителей услуги (продукта);
- отсутствие фильтра «прибыли»: в качестве основания для решений в инновационной деятельности имеют место только базовые критерии этичности, рациональности и значимости;
- целью организации является удовлетворение реальных потребностей людей, гармоничная польза для отдельных личностей и общества в целом,

отсутствие цели сохранения и развития организации в прежнем виде после достижения целей, гибкая трансформация, быстрая переориентация участников на другие цели, другие форматы сотрудничества. Конкурентоспособность, выживание, рост организации не является самоцелью, как в случае искусственных образований, «ядром» возникновения и изменения естественной организации являются внутренние со-потребности личности и общества и их естественное развитие;

- максимальная открытость системы: принимать участие в оценке и разработке как инноваций, так и самой организации, обмениваться информацией и знаниями могут абсолютно все, единственные, возникающие естественным образом «ограничения» в случае производства технически сложного продукта – собственные компетенции в данной профессиональной сфере, которые, дают стимул для личностного и профессионального роста, вхождение для новых участников – не ограничено, также, как и выход из организации;
- нацеленность на реальный результат и высокую эффективность: отсутствуют существенные противоречия в понимании и измерении эффективности, в средствах и целях организации, в интересах личности, организации и общества, что способствует высокой мотивации к творчеству и обеспечивает естественное регулирование способов оптимизации всех процессов.

Интегральной характеристикой эффективных естественных организаций является *естественная мотивация к совместной деятельности* и *децентрация управления* – проявляется в самоорганизации групп для временной консолидации ресурсов и максимально эффективной реализации отдельных проектов и подпроектов. Децентрация возможна при условии достаточно высокого уровня мотивации, ответственности, компетентности и нацеленности на результат на фоне минимизации регламентаций, поддерживающих власть отдельных личностей и усиления регламентаций, поддерживающих регулирующую роль общих договоренностей.

В современном динамичном информационном мире становится очевидным, что невозможно обеспечить необходимую гибкость организационной активности при формальной регламентации всех процессов, не приспособленных для оперативных согласованных действий и удовлетворения потребности в общении, помощи, поддержке, бескорыстном обмене результатами творчества.

Кажется, на поверхности лежит вывод о том, что стоит искусственному образованию приобрести черты естественного, как сразу проблемы эффективного развития и устойчивой конкурентоспособности будут решены за счет устранения противоречий организационного развития. Поэтому огромную популярность набирают «гибриды» – искусственные компромиссные формы сотрудничества (например, корпоративное волонтерство, благотворительность, наличие свободного дня в рабочей неделе для творческих проектов и пр.). Однако, данные методы схожи с лечением симптомов вместо устранения причин болезни, они действительно ведут к некоторому искусственному подъёму активности и эффективности (также как естественное состояние покоя может быть подменено транквилизаторами или подъем активности – допингом), создавая обманчивое впечатление решенной проблемы и впечатление «развития». Общая психосоциальная атмосфера имеет ясно обозначившуюся тенденцию к ухудшению – международные исследования показывают увеличение уровня и распространенности рабочего стресса [577] и психосоматических расстройств [322], что является следствием преобладающего антигуманистичного характера современной структуры общественных отношений. Несмотря на существование и развитие естественных организаций в современной культуре, они поддерживаются не актуальной системой хозяйствования, а отдельными людьми вопреки правилам данной системы.

Сформулированные выше противоречия инновационного развития общества носят фундаментальный характер, отражаются на всём обществе и не могут быть решены отдельным предприятием или даже группой отраслей. Присущие текущему социально-экономическому устройству общества противоречия

обусловливают неразрешимость и дальнейшее усугубление основных глобальных социально-экономических проблем сегодняшнего общества:

1) Голод, нищета [293, 523, 659] на почве разобщенности общества и искусственно поддерживаемого дефицита ресурсов [63, 312, 364].

2) Войны, революции, международные конфликты, вынужденная миграция, рост числа беженцев, число которых на сегодня приблизилось уже к 66 млн. людей [497, 651].

3) Деградация физического и психического здоровья людей: повышение распространенности экзистенциональных стрессов, эмоционального выгорания[12] [231], рост психосоматических заболеваний на фоне хронических психоэмоциональных стрессов[13] [97, 392], рост потребления наркотиков [76].

4) Рост преступности, в том числе масштабов организованной преступности [494], значительное увеличение количества заключенных в мире [663].

5) Неэффективное, нерациональное, неэкологичное использование ресурсов [364, 561]. Как классики политэкономии [238, 596], так и современные экономисты, социологи и социокибернетики [366, 608] неоднократно указывали на то, что в актуальной системе хозяйствования уровень жизни людей искусственно сдерживается на уровне борьбы за выживание (потребности в пище, доме, безопасности и т.п.), при этом, ресурсы и технологические достижения используются крайне неэффективно [525]. «Все устроено так, чтобы ты работал, не

[12] Цитируя А. Лэнгле «Синдром выгорания неслучайно является сегодня модной темой – в нем описывается типичный феномен нашего времени. Это время характеризуется не только спешкой, разнообразием возможностей для деятельностей и нацеленностью на достижения, но также и отсутствием отношений, и необязательностью, это прагматическое время, наполненное духом потребления, в котором все служит достижению максимальной производительности. Поэтому синдром выгорания можно рассматривать как счёт, предъявляемый нам за отчужденную, удалённую от нашей человеческой (экзистенциальной) действительности жизнь в угоду требования своего времени» [231, p. 16].

[13] Хронический психоэмоциональный стресс, ставший неотъемлемой частью техногенной цивилизации, приводит к росту сердечно-сосудистых нарушений, появлению «синдрома хронической усталости», к широкому распространению психоневрологических и психосоматических заболеваний. При этом, эмоциональные нарушения тесно связаны с культом успеха и достижений, культом силы и конкурентности, культом рациональности и сдержанности, характерными для нашей культуры, наблюдается эффект обратного действия сверхценной установки: культ успеха и достижений при его сверхценной значимости ведет к депрессивной пассивности, культ силы – к тревожному избеганию и ощущению беспомощности, культ рацио – к накоплению эмоций и разрастанию их физиологического компонента [97, 389, 392].

разгибаясь, и покупал, покупал, покупал… Какая-то неэкономная экономика лежит в основе развитого капитализма» [110, С. 151].

6) Борьба за выживание, напряженный труд, с одной стороны, с другой – увеличение безработицы и нерациональной занятости [241, 600]. Ограниченность, затрудненность творчества и саморазвития при достаточно высокой развитости технологий, способных освободить людей от рутинной работы [608].

7) Низкое качество производимой продукции и услуг [110, 425, 447, 637].

8) Торможение гуманистического научно-технического прогресса. Необоснованность научных приоритетов, высокая степень обусловленности развития науки критериями финансовой выгоды и поддержания культуры общества потребления [171, 390].

9) Повышение уровня социального неравенства [123, 334]. В 2016 г. богатство 1% населения Земли увеличилось до 50% [510]. Высокий уровень социального неравенства обусловливает высокий уровень социальной напряжённости в обществе и низкий уровень социального доверия [269, 465, 643].

10) Ухудшение качества, нивелирование экзистенционального, формирующего смысла образования, роли логического и критического мышления в формировании ответственной, свободно мыслящей и творческой личности [112, 137, 223, 321].

11) Анимализация человека [2, 54, 116, 426] и продвижение социально-экономического каннибализма в обществе [318, 437, 530]. В новой форме реставрируются взгляды Дж. Таунсенда, Т. Мальтуса и Г. Спенсера о закономерном выживании наиболее приспособленных[14] [528].

---

[14] Так, Герберт Спенсер (1820 – 1903) был убежден, что долг экономически сильного – изгнать экономически слабого из жизни, что всякие спасительные социальные меры вредны, ибо они только затягивают и распространяют человеческие мучения, увеличивая население, обреченное в конце концов на голодную смерть [326]. Джозеф Таунсенд (1739 – 1816) в своей работе «Исследование законов о бедных доброжелателем человечества» (1786) целенаправленно проводит идею о том, что «по велению природы слабые должны погибнуть. А законы о бедных, по которым общество должно содержать пауперов, не только спасают бедных от вымирания, но способствуют увеличению их числа» [646]. Эти идеи нашли широкий отклик у западных исследователей. Так, Ричард Дж. Хернштейн и Чарльз Мюррей в книге «Колоколообразная кривая. Интеллект и классовая структура в американской жизни» (1994) утверждают, что люди, находящиеся на дне экономической системы, оказались там в силу своих личных недостатков и поэтому вполне заслуживают своей участи. Помогать им невозможно и ненужно [528].

С точки зрения общей логики и общей теории организаций – тектологии [52], системы, накапливающие системные противоречия, склонны либо к потере устойчивости, что ведет к деградации и уничтожению, либо к перерождению в более высокоорганизованную систему. Последняя имеет более стройное или «гармоничное» сочетание элементов, исключающее противоречия и конфликты, накопленные предыдущей системой. Данная точка зрения разделяется и синергетикой: в переходный период существующий порядок системы размывается многочисленными дезорганизующими процессами и явлениями, «но в то же самое время она находит некие внутренние ресурсы, которые позволяют ей воспроизводить свою целостность и регулятивные возможности» [416, С. 95]. Процесс установления порядка в системе происходит за счет самоорганизации – процесса структурирования системы, управляющего изнутри этой системой [297]. «Самоорганизация означает переход от неорганизованной системы к организованной либо переход от низкого уровня организованности системы к высокому» [416, С. 95].

Перерождение кризисной системы социума в более высокоорганизованную предполагает решение перечисленных фундаментальных противоречий, мешающих дальнейшему устойчивому развитию общества. Такое решение начинается с выбора концепции инновационного развития, обеспечивающей разумность, целостность и непротиворечивость общественного развития и содействие конструктивным формирующим социальным и техническим инновациям.

2.2.3. Системные ограничения инновационного развития в онтогенезе устойчивого развития гуманистического общества.

Через призму деятельностной парадигмы *общество* можно охарактеризовать как форму взаимодействия людей, преобразующих окружающую среду и структуру социальных взаимодействий. Под *гуманистическим обществом* мы понимаем систему человеческих взаимодействий, цели и качество которого

основаны на гуманистических ценностях и способствуют долгосрочному процветанию и развитию человечества посредством роста уровня индивидуальной и коллективной осознанности. *Уровень осознанности* понимается как текущая степень реализации способности глубокого, системного и масштабного видения причин и последствий действий и взаимодействий, сущности и взаимосвязи социальных процессов и феноменов с позиций созидания. Процесс зарождения и последующие стадии становления гуманистического общества в настоящей работе предлагается определить, как *онтогенез гуманистического общества*.

С одной стороны, в настоящее время гуманистическое общество в полной мере нигде не представлено, в то же время, нельзя сказать, что его нет, поскольку существуют отношения между людьми, которые выстраиваются на основе гуманистических ценностей (жизни, здоровья, свободы без ущерба свободе выбора и действиям других, гармоничного со-развития, реализации творческого потенциала и потребностей в познании на благо общества и в гармонии со средой обитания). В настоящее время распространение гуманистических принципов в организации жизни реальных сообществ может рассматриваться как начальная «эмбриональная» стадия онтогенеза гуманистического общества. «Эмбрион» гуманистического общества может развиваться в более или менее благоприятных условиях или может погибнуть. Инновационное развитие, цели, средства и результаты которого соответствуют гуманистическим ценностям является частью процессов, обеспечивающих онтогенез гуманистического общества (наряду с неосознаваемыми процессами в культуре).

Гуманистические ценности и цели развития общества (на сегодня отражаемые в постулируемых приоритетах устойчивого развития общества) не совпадают с фактическими целями и средствами развития общества, обусловленными устройством современной культуры, из-за чего целостность инновационного развития общества в текущем формате культуры оказывается невозможной. Целостность инновационного развития общества – термин для обозначения интегрального свойства (характеристики) процесса качественных

изменений в обществе, отражающий степень соответствия основных ценностей, целей и средств преобразующей деятельности людей.

С позиций концепции устойчивого инновационного развития, направление инновационного развития общества формируется под влиянием определенного культурного контекста, но может быть изменено или скорректировано в результате целенаправленной активности людей. Значительная часть инноваций формируется в рамках современной культуры, в полном соответствии с целями и приоритетами, оформленными существующей системой хозяйствования (прибыль, конкурентоспособность, власть), фактически «консервируя» сложившийся уклад. Вместе с тем существуют и инновации, направленные на решение фундаментальных проблем человечества, такие инновации трансформируют существующую культуру и способствуют преодолению ее ограничений для прогрессивного и устойчивого инновационного развития гуманистического общества. При этом, на первый план по значимости выходят социальные (гуманитарные) инновации (в образовании, науке, организации экономических и других отношений между людьми), изменяющие культурный контекст, во многом определяющий «судьбу» технических инноваций: какие инновации распространятся, а какие останутся невостребованными, будут ли новейшие технологии использованы во зло или во благо всего человечества.

Стратегическая эффективность социальных инноваций обеспечивается их направленностью на устранение фундаментальных причин (а не последствий) социально значимых проблем, продуцируемых в рамках современной системы хозяйствования. Для определения данных причин необходимо проанализировать *системные ограничения современной культуры*, под которыми понимаются границы возможностей бытия человека, определяемые доминирующими базовыми ценностями, установившимися способами отношений между людьми, структурированными в форму действующих социальных институтов.

1. **Ограничения капиталистической системы хозяйствования.** На сегодня доминирующей социально-экономической системой в мире является капитализм –

форма хозяйствования, реализуемая в условиях рыночной экономики, где основным фактором экономических решений является стремление к прибыли и умножению капитала. Главный элемент производства при капитализме – рабочая сила – является товаром.

Условно, в зависимости от степени регуляции (государством, партией, обществом) рыночных отношений, различают капиталистическую и социалистическую рыночную экономики. О «социалистической рыночной экономике» можно говорить, пока, пожалуй, только применительно к Китаю, где сохраняется руководящая роль коммунистической партии Китая в регулировании интересов разных социальных слоев при проведении рыночных реформ, в регулировании экономики значительную роль играет государство. В последнее время в России также нарастает роль государства в экономике, возможно, ведущее к становлению «социалистической рыночной экономики». В частности, известный американский экономист, политик и философ Л. Ларуш видит в становлении такого особого уклада хозяйствования намерение России и Китая идти «в сторону технологического, научного прогресса и развития физически продуктивного общества», в отличие от актуальных социально-экономических систем стран Европы и США [514].

Сегодня научное общество в России активно подключается к поиску практических моделей реализации варианта «мягкой» смены общественной формации. Так, в диссертационном исследовании В.О. Евсеева на основе анализа общественно-экономических формаций и результатов эконометрических и семантических моделей, были получены параметры новой оптимальной общественной экономической формации, в которой 12 производственных фондов закреплены за государством, 22 – за частным сектором, 66 – принадлежат народу. При этом весь объём ВВП с 66 основных фондов, минуя бюджет, идёт на развитие социальной сферы [131]. Данная модель, по мнению автора, обеспечивает новые принципы самоуправления и самофинансирования, снижает коррупцию, повышает жизнеспособность общества.

Основным механизмом капиталистической рыночной экономики является конкуренция. На практике в рыночной экономике существует лишь несовершенная конкуренция, поскольку совершенная конкуренция – идеализированное состояние рынка, тип рыночной структуры, где рыночное поведение продавцов и покупателей заключается в приспособлении к равновесному состоянию рыночных условий, а экономическая прибыль каждого продавца сводится к нулю. Т.к. целью и причиной активности продавца на рыке является прибыль, то владельцы ресурсов, конкурируя за лучшие условия, закономерно стремятся повысить уровень «несовершенства» конкуренции, наращивая финансово-политический капитал и уровень «несвободы» рынка, что сегодня полностью подтверждает беспрецедентный уровень концентрации капитала в мире [658].

Как правило, в учебных пособиях по инновационному менеджменту в качестве базового условия для внедрения инновации в рыночной экономике указывается эффективность инвестиций, другими словами – способность генерировать прибыль с учетом изменения стоимости денег во времени [358, 473, 647]. Дополнительная прибыль наращивает капитал инвестора, улучшая его конкурентные позиции на рынке. Однако, учитывая степень концентрации мировых финансово-производственных ресурсов, *главным критерием отбора инноваций оказывается не просто прибыльность одной инновации, но ее способность увеличивать прибыльность всего "инвестиционного портфеля" основных владельцев капитала*. Данное условие фактически накладывает запрет на действительно «прорывные», стратегические инновации, способные «закрывать» целые холдинги или даже отрасли хозяйствования, а также значительно повышать степень автономности жизнеобеспечения потенциального потребителя, и потому, способных резко снижать прибыльность широкого спектра инновационных проектов, решающих проблемы лишь на тактическом уровне.

Процесс глобализации рынка способствует не только еще большей концентрации капитала и расширению сфер влияния глобальных корпораций [461, 658], но и захвату контроля над жизненно важными ресурсами, в частности – водой

[509]. Концентрация капитала и расширение сфер его влияния усиливает управляемость процессом формирования прибыли как по всей экономической «вертикали» (от управления ценами на ресурсы до управления ценами на конечные продукты), так и по «социальной вертикали» (от формирования человеческих потребностей до управления человеческими возможностями). «Конфигурирование» социально-экономической жизни 99% членов общества интересами 1% [334] объективно препятствует появлению и внедрению «прорывных» технологических инноваций, нацеленных на реальное долгосрочное благосостояние всего общества. Кроме того, экстерриториальный характер современного капитала приводит к тому, что в расчетах «эффективности» инвестиций не учитываются затраты на борьбу с негативными экологическими последствиями производства [32].

Основатели экономической антропологии К. Поланьи и М. Салинс приходят к трактовке капитализма, как более совершенной форме рабства, проявившейся через развитие исторических форм принуждения к труду: от внешнего принуждения (внешнего рабства) как начальной формы эксплуатации до современного экономического самопринуждения (внутреннего рабства) в современной цивилизации [290, 312, 164]. Современный исследователь идеологии капитализма и мировой финансовой системы, доктор экономических наук, профессор В.Ю. Катасонов обозначает капитализм, как «денежную цивилизацию, создавшую новую систему рабства, более эффективную, чем традиционный рабовладельческий строй» [65]. Термин рабство используется, поскольку в настоящей культуре остается неизменной сущность рабовладельческого строя – власть над жизнью, здоровьем и свободой человека (любой может быть принудительно мобилизован на войну, остаться без необходимой медицинской помощи при отсутствии требуемого документа, оказаться в заключении из-за несогласия с действующей властью, при этом, вынужден работать на «хозяев» средств производства, земли и финансовых ресурсов).

2. **Ограничения модели экономического роста.** Приблизительно последние 60 лет мировая экономика демонстрировала высокие темпы экономического роста

[568]. Однако, последние сценарные прогнозы показывают мировой экономический спад с 2014 по 2064 гг. по показателю GDP (CAGR) на 1,7% [568], несмотря на рост капиталовложений в инновации с 400 млрд. дол. в 2005 г. до более 600 млрд. дол. в 2014 г. [642].

Впервые проблема ограниченности традиционной модели технико-экономического роста и необходимость ее смены на модель устойчивого развития была доказана на основе компьютерной модели системной динамики мира «World 3» [574], а достоверность ее результатов была полностью подтверждена на основе сопоставления прогнозных и исторических данных за последующие 30 лет [575]. Актуализированные прогнозы на основе новой компьютерной системной модели оказались еще более негативными вследствие игнорирования основных проблем выживания и развития общества [649]. По словам самого Д. Медоуз, автора глобальной модели развития человечества, «современная цивилизация по-прежнему полным ходом движется навстречу всеобщей катастрофе», а «политики все еще пытаются идти проторенной дорогой» [186].

Альтернативами общепринятой сегодня социально-экономической системе, основанной на механизме конкуренции и нацеленной на экономический, а точнее, финансовый рост (с учетом тенденций финансолизации экономики) являются: «экономика устойчивого состояния» Г. Дэйли [471], интерактивная модель стабильной экономики без роста А. Петера [593], концепция процветания без роста и переход к устойчивой экономике [539], ресурсо-ориентированная экономика Ж. Фреско [365] и другие.

На сегодня, наиболее согласована с мировой институциональной системой модель устойчивого развития общества. В основе ее сбалансированного варианта [285] лежит концепция физически устойчивого общества – термин, сформулированный Г. Дэйли, обозначающий общество, способное существовать в течение жизни многих поколений, достаточно дальновидное, гибкое и мудрое, чтобы не разрушать поддерживающие его физические системы, в совокупности образующие окружающую среду [471]. Согласно Г. Дэйли, обеспечение

благополучия в длительной перспективе возможно лишь с учетом базовых условий потребления сырья и энергии в физически устойчивом обществе:

1) темпы потребления возобновимых ресурсов не должны превышать темпов их восстановления;

2) темпы потребления невозобновимых ресурсов не должны превышать темпов разработки их устойчивой возобновимой замены;

3) интенсивность выбросов загрязняющих веществ не должна превышать возможности окружающей среды поглощать их.

Обществу, нацеленному на устойчивое развитие, требуется привести приоритеты своего инновационного развития в соответствие с гуманистическими ценностями и принципом экологичности. При этом, первоочередная необходимость возникает в развитии и внедрении социально-значимых инноваций, способных решить общественные проблемы с позиций оптимального расходования ресурсов и удовлетворения рациональных потребностей людей, а не с позиций максимизации денежного потока. Под оптимальным понимается расходование ресурсов на решение проблем в соответствии с приоритетами их социальной значимости (устранение войн, болезней, предотвращение катастроф и пр.), используя технологии, соответствующие принципам «физически устойчивого общества». Рациональные потребности людей – базовые потребности и осознанные конструктивные потребности в развитии, познании, творчестве, удовлетворяемые наиболее ресурсосберегающим способом (нерациональны – потребление сверх меры, удовлетворение потребностей за счет неэкологичных способов производства, технологии «планируемого устаревания» товаров, элитные товары, товары и услуги, приносящие вред психическому и физическому здоровью людей или окружающей среде).

Соответственно, первостепенное значение в такой системе имеют эколого-экономические, а не финансовые критерии эффективности внедряемых инноваций, долгосрочная жизнеспособность общества, а не конкурентоспособность. Конкурентоспособность определяет степень приспособленности субъекта для целей выживания лишь в актуальной социально-экономической системе, тогда как

жизнеспособность является необходимым стратегическим условием устойчивого инновационного развития общества, фактором формирования новых социально-экономических реалий.

3. **Ограничения мировой финансовой системы и монетарной экономики.** Культурология, этнография и антропология однозначно указывают на то, что человеческие общности в начале своего развития не знали понятия прибыли, денег и эксплуатации труда других людей, возникших довольно поздно в истории мировой культуры.

Логические этапы возникновения и развития монетарной системы.

1) С начала своего основания главные школы в исследовании первобытных культур – французская социологическая (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, О. Конт и др.) и английская антропологическая (Э.Б. Тайлор, Дж. Дж. Фрэзер) сходятся в том, что с ростом численности населения необходимо разделялись функции между людьми (охотники, ремесленники, земледельцы, целители, воины, ученые и т.д.) [130, 178, 337, 370].

2) Разделение функций между людьми привело к формированию новых отношений между ними (например, в виде спора о «стоимости» в самых первых ситуациях обмена). Стоимость – это, по генезису, социальное отношение (отношение между конкретными людьми), результат разделения функций между ними [64, 202, 238].

3) Для целей сохранения и быстрого (в момент необходимости) получения ресурсов (продуктов питания, материалов и т.д.) был создан эквивалент стоимости – деньги (временная универсальная форма стоимости). Деньги стали инновацией, поскольку качественно улучшили процессы обмена, освободив людей от многоходовых стратегий обмена, от получения в обмен ненужных вещей и от заботы о сохранности продуктов питания, полученных сверх требуемого в настоящий момент.

Деньги тесно связаны с институтом частной собственности [102]. С социально-психологической точки зрения, деньги воплощают разделённость

(разобщенность) людей посредством спора о преимуществах производимых товаров, услуг, характерного для рыночной экономики. В современном типе хозяйства монетарные отношения приводят к принципиальным деформациям, искажениям социально-экономических отношений как в сфере производства и потребления, так и в сфере культуры, науки, искусства, образования, медицины. А в установившемся сегодня капиталистическом товарном хозяйстве *денежная прибыль естественным образом ценится выше реального результата деятельности*, полезного для себя и других.

Возможность накапливать деньги как богатство, культура общества потребления при массовой социальной незащищенности вынуждает людей стремиться к прибыли и концентрации финансовых ресурсов вместо того, чтобы создавать полезный для жизни результат. Производится огромное количество некачественных товаров, создаются искусственные потребности, производится гигантский объем продуктов питания с использованием вредных для здоровья химических добавок, одноразовой упаковки, отравляется планета [54, 307]. В итоге, снижается уровень общего благосостояния и безопасности.

Эксперты всемирного фонда дикой природы подсчитали, что на 2011 г. для выживания человечества требовалось 1,5 планеты Земля[15] [669], что говорит о крайне нерациональной и недальновидной общемировой системе хозяйствования, ведущей к экологической катастрофе. В современной культуре понимание национального и мирового богатства редуцировано до финансовых показателей, выраженных в деньгах – абстрактных символов богатства [510], что подменяет собой понимание богатства, благосостояния общества в широком смысле (здоровье, доступность и качество образования, медицины, ресурсосберегающие технологии, отсутствие экологических проблем, войн, преступности, рост возможностей реализации потенциала каждого индивида на благо общества, биоразнообразие в природе). Тогда как значительная часть продукции в рыночной экономике предназначена не для

[15] Количество необходимых планет Земля (по странам). Рассчитывается, как отношение показателя экологического следа человека (в среднем на человека по стране) к биоемкости Земли в целом (в среднем на человека в мире) [669].

удовлетворения жизненно важных потребностей, а для удовлетворения нерациональных (сформированных ради прибыли) потребностей; такая продукция не может включаться в состав богатства общества [165].

Исторически, для разных традиционных форматов общественного социально-экономического развития монетарная система является общей мета-системой. В экономике общества, опирающейся на ростовщическую финансовую систему, устанавливается доминирование финансовых показателей успешности в ущерб социально-экономическим показателям благополучия, что обусловливает подмену смысла эффективности и престижности любой организационной деятельности. Монетарная система, в которой деньги являются товаром и средством накопления богатства, по факту, служит инструментом создания и усугубления социальной несправедливости, средством разделения людей, усиления разобщенности между ними [102, 401]. Ценности субъектов деятельности в современной финансовой системе противоречат гуманистическим ценностям, вытесняя последние на периферию и постепенно заменяя их минимально необходимыми этическими и нравственными нормами (часто искаженными) для поддержания существующего общественного строя.

Современная финансовая система прошла через целую цепочку духовных, политических и финансовых трансформаций: легализация ростовщической деятельности; возведение в ранг нормы «частичного банковского резервирования»; создание банков как ключевых институтов «денежной цивилизации»; организация фондовых и валютных бирж; введение (а затем упразднение) «золотого стандарта»; «изобретение» различных «финансовых инструментов»; создание банковских офшоров и прочее [165]. Хрематистика, с развитием монетарной ростовщической системы, постепенно подменила собой экономику и как деятельность, и как науку. Стало намного выгоднее производить деньги «из ничего», чем вкладывать их в реальное производство.

Ряд ученых нацеленных на «исправление» существующей монетарной системы, стремясь вернуть деньгам их изначальные социальные функции (обмена,

коммуникации, повышения уровня деловой активности общества, консолидации ресурсов для решения общих значимых проблем) предлагают широкий ввод локальных валют с демереджем, перевод всех взаиморасчетов на общую сетевую блокчейн платформу [220, 559, 631]. Однако, заглядывая далеко в будущее, опережающие свое время мыслители XIX, XX и XXI веков предвидят невозможность преодоления экономических и финансовых кризисов в принципе в рамках «денежной цивилизации» и говорят о необходимости возврата к проектированию экономической системы исходя из почти забытых гуманистических ценностей [102, 165, 238, 290, 364].

Такой социально-экономический контекст подменяет ценностную основу процессов, которые, по сути, должны привносить гуманизм в социальную реальность – инновационного развития, развития торговли, обмена, гуманитарной помощи, культурного обмена, социального предпринимательства, ослабления экономических и политических границ между странами. Учитывая беспрецедентную концентрацию капитала в мире [658], данные процессы в контексте существующей культуры так или иначе направлены на поддержку элитаристского мирового порядка. Так, современные процессы глобализации являются частью конструирования социальной реальности, «в результате которой нежелательные для Нового мирового порядка субъекты должны быть нейтрализованы и вытеснены из международной жизни» [129, С. 21] и носят отнюдь не гуманистический характер. Инновации в данной культурной среде, являющейся по сути финансовым гетто для 99% населения планеты [334], также используются, в основном, как инструменты поддержания и развития культуры элитаризма и «общества потребления» [148, 615].

В сегодняшней геополитической ситуации реализация идей немонетарной экономики многими экономистами и философами пока видится утопичной, однако «очищение» денежной системы от ссудного процента и лишение денег функции накопления (с помощью налога на деньги) уже способно преобразить

общественные отношения в намного более здоровые и конструктивные и этому имеются, кроме логических, практические доказательства.

Один из таких примеров – свободные деньги (нем. *Freigeld*), введённые немецким экономистом С.Й. Гезеллем – деньги, «свободные от процентов» и используемые только как мера стоимости и средство обмена. «Свободные деньги» воплощают идею о «правильных» деньгах, которые служат только инструментом обмена. Согласно С.Й. Гезеллю, современные формы денег неэффективны, служат инструментом мошенничества и ростовщичества. Первое практическое применение идей С. Гезелля состоялось в 1931 году в баварской деревне Шваненкирхен (нем. *Schwanenkirchen*). Для возрождения местной промышленности (экономика деревни зависела от угольной шахты) ввели в оборот частную валюту под названием вара (wära). Эта валюта планомерно обесценивалась, для поддержания платёжеспособности наличности держатели были обязаны платить сбор. Таким образом была ограничена возможность использования локальной валюты для накоплений и тем самым стимулировался активный товарообмен. Эксперимент полностью оправдал все позитивные ожидания, однако, был вскоре запрещен Министерством финансов Германии указом Брюнинга от 30 октября 1931.

Вторым практическим применением взглядов С. Гезелля был эксперимент в 1932 г. в небольшом австрийском городе Вёргль. В результате эксперимента в городе был построен мост, улучшено состояние дорог, увеличились капиталовложения в общественные службы. Именно в это время, когда многие страны Европы вынуждены были бороться с растущей безработицей, уровень безработицы в Вёргле снизился за год на 25 %. Когда более 300 общин в Австрии заинтересовались данной моделью, Национальный банк Австрии усмотрел в этом угрозу своей монополии и запретил печатание свободных местных денег.

Швейцарский WIR (нем. Wirtschaftsring-Genossenschaft), хозяйственно-рыночный кооператив был основан в 1934 г. как механизм преодоления платежного кризиса, сложившегося под влиянием великой депрессии. Данный проект

существует до сих пор, возможно потому, что, в отличие от многих инициатив по внедрению альтернативных денег, встречающих сопротивление со стороны властей, был легализован на самых первых этапах его реализации [167], а также потому, что проект деградировал – с 1952 г. отказались от «налога Гезелля», а позже ввели и ссудный процент (хотя и лишь только для внешних должников).

В России, основанный на теории С. Гезелля оборот товарных талонов («шаймуратиков») производился в деревне Шаймуратово Кармаскалинского района республики Башкортостан с 2010 – 2011 гг. Причиной эксперимента являлись закредитованность и отсутствие денежной ликвидности у фермерского предприятия ООО «Шаймуратово» после финансового кризиса 2008 г. и засухи 2010 г., что привело к многомесячной задолженности по зарплате и грозило предприятию банкротством. Кроме того, назрела необходимость упростить оплату труда в натуральной форме и избавиться от ведения «долговых тетрадей» в сельских магазинах. Каждые 28 дней номинал талона уменьшался на 2 % от изначального номинала (по сути – это плата за пользование талонами, демередж, «плата за простой»). На каждом талоне указаны даты (расписание) его поэтапного обесценивания. Обесценивание товарных талонов стимулирует его держателей к реализации талонов, что увеличивает местный товарооборот («перезапускает местную экономику»). Верховный суд Республики Башкортостан в 2012 г. наложил запрет на выпуск свободных денег, но в феврале 2013 г. башкирская деревня Шаймуратово через суд восстановила в правах свою локальную валюту.

Автор идеи Р. Давлетбаев оценивает итоги эксперимента как «удивительные»: во время спада и кризиса Российской экономики, товарные талоны компенсировали падение рубля на 20%, сделали общий кризис «незаметным» для работников, поддержали платежеспособный спрос, несмотря на сезонность доходности агропромышленного хозяйства [39, 180].

Подобный эксперимент в еще большем масштабе осуществил бывший банкир, фермер села Колионово М. Шляпников, выпустивший собственные денежные единицы для расчета с соседями и односельчанами. Представители

власти также сочли, что суррогатные денежные единицы колионы[16] «представляют угрозу для единства платежной системы РФ» и «дезориентируют население в условиях экономического кризиса», против фермера было возбуждено уголовное дело [17], после чего в 2014 г. колионы стали выпускаться только в виде токенов – криптоколионов, функционирующих на основе блокчейн технологии[17]. М. Шляпникову удалось привлечь в развитие хозяйства существенные инвестиции, всего за счет ICO была собрана немалая сумма – более 500 тыс. долларов. При этом, М. Шляпников инвестирует в развитие социальных проектов, инфраструктуры, запущен новый проект негосударственного пенсионного обеспечения[18].

Таким образом, все реальные попытки применить на практике теорию свободных денег продемонстрировали неоспоримые позитивные результаты: в рамках обеспеченной локальной валюты отсутствуют инфляционные процессы, быстро и существенно снижается безработица, значительно повышаются товарооборот, деловая, инвестиционная активность и социальная активность. Следует считать доказанным, что отмена ссудного процента и превращение денег в средство обмена (с помощью введения запланированного обесценивания денежных знаков – т.н. налог Гезелля), обеспеченное реальным продуктом позволяет исцелить экономику, приводит к возрождению и развитию реального сектора экономики.

Существуют успешные примеры и полной отмены денежной системы. Несмотря на широко распространённый критицизм коммунистической идеи о полной отмене денег и распределению благ по потребностям, подкрепленный

---

[16] Билеты по названию деревни Колионово, находящейся восточнее Егорьевска (Московская область), где расположено хозяйство фермера. Колионы напечатаны на фотографической бумаге, они односторонние, без специальной защиты от подделки. Номинал — 1, 3, 5, 10, 25 и 50 колионов. Деньги разноцветные, на них изображены деревья, по левому краю – надпись: «Билет является собственностью казны Колионово. Не подлежит инфляции, девальвации, стагнации и прочей фальсификации. Не является средством обогащения и спекуляции. Обеспечен собственными ресурсами Колионово. За подделку можно и того…»

[17] М. Шляпников выпустив в рамках краудфандинговой кампании ICO «Экосистема Колионово» токены под названием «колионы» (обеспеченные будущими сельскохозяйственными продуктами) села Колионово за один месяц собрал инвестиций на развитие сельского хозяйства на сумму более 500 тыс. долларов (URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1500485630021495&id=100001802183805). Летом 2017-го, спустя всего лишь два месяца с момента завершения ICO, «Колионово» уже выплатило первые дивиденды по криптотокенам (URL: https://www.if24.ru/kolionovo-vyplatilo-dividendy/).

[18] По материалам личных страниц М. Шляпникова в соц. сетях (Facebook, VK).

развалом СССР, в истории известен факт успешности ее реализации. В 1936–1939 годах в Испании в одной из аграрных провинций, Арагоне, были поддержаны и реализованы на практике идеи либертарного коммунизма и анархизма. Необходимо отметить, что территории Арагона отменили не только деньги, но и власть. Каждый делал работу «по способностям» и по своим физическим возможностям и получал на общественных складах ровно столько, сколько ему требовалось. Наемный труд и деньги были запрещены, землей распоряжались те, кто ее обрабатывал, структуры власти отсутствовали, советы осуществляли функцию перераспределения излишков продукции между коммунами, а также обмена товарами с соседними регионами. При этом не было лимитов на потребление, и не было потребления сверх меры. Функцию валюты выполнял общественный договор. Эксперимент был успешным, длился около двух лет, в нем участвовало, по разным оценкам, от 500 до 800 тыс. человек.

В отличие от большевиков, анархо-синдикалисты стремились не захватить государственную власть, а полностью отказались от идеи власти, денег и капитала, построив общество нового коммунного типа [114]. Этот не длительный эксперимент показал, как в самоорганизующейся системе стихийно создаются необходимые учреждения и механизмы самоуправления, имеющие целью решить, а не «решать» определенную проблему или задачу, в отличие от традиционных бюрократических структур, склонных к формализму и заботящихся о самосохранении больше, чем о результате деятельности.

Социальный философ М. Букчин, исследователь испанского анархизма, квалифицирует его как «антииерархическую идею», а не индивидуалистическую. Отличительной особенностью испанского анархизма является его нацеленность на устранение доминирования человека над человеком, а не только уничтожение государства и эксплуатации правящими экономическими классами, сосредоточенность на общине, а не на экономических компонентах хозяйства, таких как фабрика и всё, что относится к конфедеративным формам организации, при этом община основана на этике взаимопомощи, а не на договорной системе услуг и

обязанностей [59]. В испанском анархизме М. Букчин видел прообраз будущей социальной неоэкономики. Основная идея социального анархизма – стремление «к свободной ассоциации людей, живущих вместе и сотрудничающих в свободных сообществах» [483], понимание свободы личности как «концептуально связанной с социальным равенством и подчеркивающей общественное объединение и взаимопомощь» [546].

Таким образом, монетарная система является внешней по отношению к деятелю структурой деятельности, в которой реальный результат деятельности (полезность для людей) заменяется символами его оценки (денежными знаками). Современная финансовая система, основанная на ссудном проценте и большом количестве финансовых деривативов, является способом концентрации капитала и способствует росту социального неравенства посредством спекулятивного неэквивалентного обмена и обесценения реального труда, его действительно полезных результатов. В частности, А.И. Субетто характеризует современную эпоху как «эпоху великого эволюционного перелома, которая есть эпоха краха капитализма, рынка и либерализма и одновременно эпоха ноосферной социалистической революции» [335, С. 256]. Основой данной эпохи должен стать «отказ от денежной и формирования деловой экономической культуры» [181, С. 25].

4. **Ограничения рыночной экономики и концепции «человека экономического».** Основными атрибутами рыночной экономики считаются: общественное разделение труда, товарно-денежные отношения, доминирование частной собственности, рыночная саморегуляция цен, свобода потребительского и инвестиционного выбора, базовые механизмы конкуренции, прибыли и убытков.

Сами базовые механизмы рыночной экономики являются отчужденными от социальной сферы и не способствуют созданию гуманистической организации общего хозяйства [67, 164, 291]. В частности, А.И. Субетто отмечает начавшийся процесс краха капитализма, внутренняя логика развития которого привела к тому, что «глобальный капитализм, ядром которого является мировая финансовая капиталократия, перешел к своей «контрреволюции исторического масштаба», за

которой скрывается «безрыночная» диктатура мирового финансового капиталовластия [335]. При этом, западные деятели и мыслители, исходя из разной идеологии и разных ценностей, одинаково приходят к выводу о необходимости избавления от «рыночного фундаментализма» (Дж. Сорос), оздоровления мировой финансовой системы (Д. Кортен, Г.-П. Мартин, Х. Шуманн, Р. Дуглас, Л. Ларуш) и прекращения политики глобального экономического неоколониализма (Д. Кортен, Р. Дуглас, Дж. Перкинс)» [335].

Принципиальные вопросы, поставленные ещё Аристотелем – природа экономики и вопрос справедливой цены до сих пор остаются открытыми. Основой экономической деятельности человека, согласно Аристотелю, не является безграничность человеческих желаний и нужд. Тогда как *безграничность потребностей и ограниченность ресурсов является базовой предпосылкой современной рыночной экономики.* Часто в экономической литературе постулат об ограниченности ресурсов и проблема дефицита ресурсов рассматриваются как аксиоматичная логическая цепочка с прямой причинно-следственной связью. Однако, ограниченность природных ресурсов не является достаточным основанием для возникновения проблемы дефицита ресурсов, более значимыми факторами в возникновении данной проблемы является рост нерационального потребления и нерациональная система хозяйствования общества, в том числе инновационное развитие, не направленное непосредственно на бережливое потребление природных ресурсов. Поэтому учеными и изобретателями выдвигаются обоснованные утверждения о надуманности проблемы дефицита ресурсов [312, 364, 609], которая вполне разрешима при надлежащем реформировании современной финансовой системы, «оздоровлении» социально-экономических механизмов хозяйствования [165, 220] в целях более рационального использования уже имеющихся технологий.

Торговля, за исключением ограниченного числа торговых операций, необходимых для развития экономики сообщества, согласно Аристотелю, возникла из неестественного человеческого стремления делать деньги, тогда как цена за

товар должна быть справедливой [14, С. 156]. Кроме того, Аристотель высказывает резко негативное отношение к взиманию процента за использование денег и сущностно отделяет экономику, как практику хозяйства и науку о ведении хозяйства [14, С. 395] от хрематистики – науки об обогащении и накоплении богатства как самоцели, опирающейся на ценности поклонения прибыли [544, С. 32]. Примечательно, что известный современный исследователь философии денег, «архитектор» валюты Евро, Б. Лиетар характеризует ссудный процент как одно из наиболее значимых ограничений для развития гуманистического общества и устойчивой экономики, как «скрытый механизм, который предназначен для организации конкуренции вместо сотрудничества среди участников» [220, С. 104, 268]. Б. Лиетар отмечает, что ссудный процент способствует разобщению и дегуманизации общества, финансолизации экономики, и консервации элитаристской системы, «проценты концентрируют богатство, заставляя огромное большинство платить в пользу меньшинства» [220, С. 104].

Рассматриваемая Аристотелем проблема деконструктивности хрематистики уходит корнями в этический дискурс о «хорошей жизни». В определении «хорошей жизни» Аристотель исходит из логики нематериальной природы радости и счастья, достижение которых возможно, в основном, посредством наличия досуга и посвящение его целям служения обществу [14, С. 66, 455]. Сегодня можно оценить уже глобальные масштабы «захвата» социально-экономической жизни общества хрематистическими законами и правилами. Разворачивание смысла неправильного понимания «хорошей жизни», по Аристотелю, как бесконечной жажды обладания все большим количеством товаров и физических наслаждений в сегодняшнем хрематистическом развитии общества закономерно привело к современной культуре «общества потребления» [54, 158] при растущей доле богатства у малого процента населения [611] и крайней нищете значительной доли населения планеты [463].

Серьезность предмета, который обсуждал Аристотель и его непривычное для современной экономики направление мысли были поспешно истолкованы в современной экономике как взгляды мыслителя, обусловленные культурно-

историческими особенностями древнегреческого общества, а также недостаточным пониманием зарождающихся процессов рыночной экономики. Однако, по мнению К. Поланьи, именно экономические идеи Аристотеля, возникшие на заре становления рыночной экономики, позволили в зародыше «отделить зерна от плевел» – экономику от хрематистики. Опасности институциональной природы рыночной экономики К. Поланьи, вслед за Аристотелем, связывал непосредственно с подменой базовых гуманистических ценностей жизни и развития человека, его служения обществу фиктивными рыночными ценностями [290].

К. Поланьи, анализируя природу товара и рынков, выявляет подмену элементов производства (труд, земля, деньги) понятием товара и разрушительные социальные последствия данной подмены. Товар – это предмет, произведенный для продажи на рынке. Труд, земля и деньги, как элементы производства, необходимы для функционирования рыночной системы, однако по своей природе не являются товарами. В частности, труд – человеческая деятельность, неразрывно связанная с человеческой жизнью и с другими аспектами человеческого развития; земля, как природа не может производится человеком, а деньги – это лишь знаки покупательной силы, порожденные банковской системой. Любая характеристика труда, денег или земли как товара является фиктивной. Однако, именно благодаря этой фикции существуют реальные рынки земли, денег и труда с реальным спросом и предложением и применяемыми к ним законами рыночного саморегулирования.

К. Поланьи приходит к логичному выводу, что допущение регулирования так называемых рынков труда, земли и денег преимущественно с помощью рыночного механизма неизбежно «приведет к гибели общества», т.к. по факту это означает допущение управления человеком (субъектом труда), как психофизического целого разрушающей стихией рыночной экономики. Разрушительность принципов саморегулируемости рыночной экономики связывается с выходом рыночных законов за рамки социального контроля, тогда как все предыдущие экономические системы были лишь частью более широкой социальной системы общества [291,

С. 82-90]. Таким образом, естественная логика существования и развития экономических систем для социума, подменяется существованием социума, как экспериментального сырья для развития саморегулируемой экономической системы. В капиталистической структуре социальных отношений саморегулируемость рыночной экономики следует понимать, как регулируемость экономики интересами самых крупных собственников ценой истощения природных ресурсов и человеческих жизней наибольшей части общества. Фактический антигуманистичный характер такой «саморегулируемой рыночной экономики» остаётся слабо осознаваемым в общественном сознании, не распознаётся людьми благодаря тому, что в общественном сознании фиктивные ценности рынка (прибыль, собственность, превосходство) подменили собой ценности, самосохраняющие общество (человек, жизнь, взаимопомощь).

Рыночная свобода, как пишет Р.М. Нуреев, по факту оборачивается свободой «эксплуатировать своих товарищей или свободой получать чрезмерную выгоду без оказания соответствующей услуги сообществу, свободой хранить технологические изобретения от использования для общественного блага или свободой получать прибыль от общественных неустройств, тайно сконструированных для личной выгоды» [261, С. 15-16]. Р.М. Нуреев, обращаясь к экономической антропологии К. Поланьи, замечал, что отношения реципрокности (дарообмена) и редистрибуции (централизованного перераспределения) куда более «естественны» для человеческого общества, чем рыночные [261, С. 9].

Продолжатель традиций К. Поланьи, М. Салинс также критиковал идею «человека экономического», приводя в качестве аргумента ограниченность естественных потребностей и специфичность экономических систем в зависимости от культуры общества, а также подчеркивая определяющую роль культуры общества в конструировании экономических отношений. М. Салинс обосновал идею о первоначальном изобилии и отсутствии дефицита ресурсов в первобытных сообществах, которые обусловливались отсутствием искусственно формируемых потребностей и естественным экологичным поведением сообщества на месте

своего проживания. При этом, понятие «цивилизации досуга» намного ближе к первобытности, нежели к современной цивилизации [312]. В изучаемых М. Салинсом племенах «рабочий день» занимал не более 3-4 часов, отсутствовало стремление к постоянной интенсификации труда, также, как и в менее примитивных аграрных российских домохозяйствах, изучаемых А.В. Чаяновым [395]. Рыночная же экономика, напротив, основывается на производстве (ради извлечения прибыли), намного превышающем удовлетворение естественных потребностей людей при крайнем неравенстве распределения материальных благ. Обращение к данным антропологическим исследованиям ни в коем случае не является попыткой представить данные сообщества в качестве идеала развития гуманистического общества. Вместе с тем, анализ разных форм социального устройства позволяет более наглядно проявить несоответствие гуманизирующих возможностей современного технологического развития и антигуманистичной действительности современного общества: передовые технологии создаются преимущественно в оборонном секторе, отсутствие свободного времени у работающих людей, бедность работающего населения, растущая безработица, беспрецедентное социальное неравенство. Известный экономист, философ, эколог и общественный деятель, президент Фонда изучения экономических тенденций Д. Рифкин отмечал, что имеющийся технологический потенциал и тенденции его развития являются объективной предпосылкой приближения «мира без работы» [608]. Однако, в зависимости от типа формируемой социально-экономической системы и заложенных в нее приоритетных ценностей, автоматизация и сокращение вынужденной занятости могут стать либо значимой проблемой, либо ресурсом [391, 501, 609].

Корни потребности в концентрации богатства уходят к древнему феномену «бигменов», стремящихся к власти, для поддержания которой необходимы расширение влияния, накопление и увеличение расходования ресурсов, что, является основой мотива к завоеваниям и эксплуатации [369]. Исторически формы захвата территорий и эксплуатации видоизменялись от абсолютного внешнего

принуждения в форме рабства и открытых войн до сегодняшнего самопринуждения (экономического принуждения) и финансово-политических «захватов» государств и стран [592]. Однако, желание иметь и приумножать «свое» не присущи изначальной природе человека, концентрация проявления этой потребности культурно обусловлена согласно социально-психологическим и антропологическим исследованиям [369].

4. **Ограничения элитаристской системы.** В условиях дефицита ресурсов залогом безопасности является власть (финансовая, численная, оружия и т.п.), основанная на наличии ресурсов (территорий, технологий, материалов, пищи). Любой, кто нарабатывает больше ресурсов начинает потенциально угрожать безопасности, что «оправдывает» стремление сильных становиться на вершину социальной пирамиды, сбрасывая тех, кто приближается снизу – так формируется элита.

Для целей эффективного управления и удержания власти (прежде всего ради безопасности своих семей) издревле элитой используется принцип «разделяй и властвуй» [233]. Людей настраивают против друг друга, учат не доверять друг другу. Развивается идеологический инструментарий для реализации и поддержки этого принципа: 1) идея жизни после смерти (жизнь на Земле – это лишь ожидание подлинной жизни в другом мире, как если бы можно было это вообще проверить); 2) идея народовластия (якобы демократии, как если бы не специалист был бы в состоянии выносить квалифицированные суждения по различным областям производства и культуры в целом наравне со специалистом); 3) идея конкуренции (якобы полезной, как если бы разобщенность давала больше преимуществ, чем совместный труд и взаимопомощь).

Элитаризм возник в условиях дефицита ресурсов – как естественная реакция сильных на страх проиграть в конкурентной борьбе за ресурсы, как стратегия обеспечения безопасности своих семей и уже во вторую очередь – ради преимуществ исключительного статуса (например, «создавать законы, чтобы их нарушать»).

Основные этапы возникновения "ловушки статуса":

1) В XX в. впервые в истории человечества развитие технологий привело к тому, что дефицит ресурсов оказался устранимым, причем довольно быстро устранимым явлением. Исторический страх элиты, тем самым, объективно становится безосновательным, при этом отсутствие дефицита ставит под угрозу и финансовую власть. Благодаря современным технологиям производства и логистики в самой монетарной (денежной) системе объективно отпадает необходимость [63, 364].

2) Для удержания элитарного преимущества положения на вершине социальной пирамиды необходимо искусственно создавать дефицит (в частности, с помощью патентного права, создания и поддержания «культуры» эгоистических и управляемых потребителей). Необходимым условием поддержания элитаризма является разобщённость людей (с помощью СМИ и социально-политических технологий осуществляется поддержка социальных страт – слоев и субкультур, искусственных «социальных лифтов», границ между странами, войн, терроризма[19]).

Ведутся ресурсные войны глобального капитала [178, 400] в то время, как уже существующих технологий достаточно, чтобы каждый человек на Земле, работая лишь несколько часов в день, мог бесплатно получить хорошее жильё, качественное образование, прекрасное медицинское обслуживание, здоровое питание, великолепные условия для самореализации и самосовершенствования [63, 364, 608, 609]. При этом каждый восьмой на планете до сих пор голодает[20],

[19] По показаниям официальных лиц подтверждается финансирование США террористических исламских группировок. Так, бывший парламентский статс-секретарь министерства обороны ФРГ Андреас фон Бюлов в интервью немецкой газете «Тагесшпигель» от 13 января 2002 г. подтвердил, что движение «Талибан» было создано при содействии ЦРУ [529]. Телекомпания ABC News 3 апреля 2007 г. сообщила со ссылкой на источники в спецслужбах США и Пакистана (Алексис Дюба – многолетний эксперт ABC по терроризму), что с 2005 г. американская разведка координировала действия пакистанской вооруженной группировки «Джунуд Аллах», ответственной за совершение ряда терактов на иранской территории [283].

[20] Почти 870 миллионов жителей планеты испытывали хронический голод в период с 2010 по 2012 гг., это значит, что каждый восьмой человек на Земле страдает от недоедания по данным продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), Международного фонда сельскохозяйственного развития (ИФАД) и Всемирной продовольственной программы ООН (ВПП). Программа ООН по сокращению числа голодающих работает почти четверть века, но ощутимых результатов не принесла [293].

миллиарды людей тратят едва ли не всю жизнь на работе, не имея возможности качественно заняться воспитанием собственных детей, своим здоровьем и самообразованием.

Условия элитаристской системы являются, своего рода, «тюрьмой» для людей, в которых элита оказалась в той же «тюрьме», только с другой стороны «решетки» – для дальнейшего поддержания существующего социального устройства требуется все больше средств и усилий. Для дальнейшего получения прибыли требуется более квалифицированная рабочая сила, способная работать с новой техникой, управлять сложными производственными процессами, но для этого нужны более психически и профессионально развитые и способные люди, с высоким уровнем субъектности, которыми сложно управлять. Получился «замкнутый круг»: чтобы сохранять свой исключительный статус элита вынуждена создавать разобщенность среди людей и подавлять их личностное развитие, пожиная плоды – отсутствие достаточного числа надежных кадров, преступность, нарастающие экологические проблемы, отсутствие настоящей динамики технологического и общественного прогресса, необходимость тратить львиную долю своего времени на поддержку системы абсурдных (не адекватных сегодняшним технологическим возможностям и уровню глобальных проблем выживания всего человечества) социальных отношений.

2.2.4. Онтологические аспекты инноваций во взаимосвязи с феноменом власти.

Сегодня много говорится об инновационном развитии общества, инновационном развитии территорий и вообще об инновациях, в частности, в ключе необходимости устойчивого (сбалансированного) развития общества. Но на практике возникает множество противоречий уже на этапе разработки государственной инновационной политики устойчивого развития: проявляются различия в ценностных и смысловых установках власти, бизнеса и общества к определению приоритетов инновационного развития, трудности в разработке

инструментов инновационного развития, адекватных актуальной социально-экономической системе и одновременно осуществляющих стратегические трансформации в устройстве общественного хозяйства. Идентификация данных противоречий уже позволяет более осознанно подходить к разработке инновационной политики, однако для понимания их базовых причин необходимо осмысление взаимоотношений власти, государства, инноваций.

Феномен власти непосредственно связан с возможностью навязывания своей воли и реализации своих интересов посредством соответствующего направления деятельности людей в «нужное русло», по сути подчинения их воли. Так, в словаре XIX века власть в широком и общем смысле определяется как «господство воли одной личности над волей другой» [16, С. 676]. В словарях советского периода – как «способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью какого-либо средства – авторитета, права, насилия [367]. Хотя истоки творческой деятельности индивида лежат в его свободном индивидуальном «Я» [44], позицию «рулевого» в общественном инновационном развитии занимает государственная и финансово-промышленная власть, представленная конкретными людьми, транслирующими свои взгляды и защищающими свои интересы. Таким образом, *вопрос существования инноваций как результатов свободной творческой деятельности в контексте власти по существу представляет вопрос о возможности существования результатов свободного творчества индивида в условиях подавления его воли.*

Роль государственной власти в инновационном развитии общества. В философии можно выделить условно три основных позиции по отношению к роли власти в общественном развитии: позитивная, нейтральная и негативная.

1) *Позитивная позиция* (государственная власть рассматривается как гарант высшей свободы индивида) основывается на видении в природе государственной власти духовного начала. Так, Г. В. Ф. Гегель считал государство, наделенное властью, высшей свободой для индивида [100]. Аристотель трактует

государственную власть – «политию» как форму правления, когда ради общей пользы правит большинство (изначально, она относится Аристотелем к «правильным» формам правления, нацеленным на общее благо государства), но в итоге он приходит к выводу, что «полития» приводит к смешению двух «извращенных» форм правления: «олигархии» (форма правления, при которой верховная власть принадлежит гражданам, владеющим собственностью и имеющим в виду выгоды состоятельных граждан) и «демократии» (власть имеющая в виду не общее благо, а выгоды неимущих[21]). В современном мире «демократия» и вовсе обернулась лишь прикрытием для действий олигархических правительств. Высокая политизированность сегодняшнего мира (непрерывная интерпретация в СМИ социальных событий через призму интересов отдельных групп влияния, а не интересов общества в целом) и идеологизация общества (создание образов «внешних врагов», идей национального или религиозного превосходства и прочее) создает благоприятную почву для удовлетворения интересов и укрепления позиций владельцев сверхконцентрированных капиталов на мировой политической арене [611].

Известный русский философ И.А. Ильин в поисках духовной опоры власти отмечал, что «*форма духа должна установить акт правосознания, содержание права и строение политической власти*. Правовая и политическая жизнь должна быть верна своим глубоким, последним корням, а эти корни имеют духовную природу» [149]. С точки зрения И.А. Ильина власть означала, прежде всего, ответственность и подразумевала необходимую компетентность в соответствии с полномочиями и зоной ответственности.

Тем не менее, политика, как деятельность органов государственной власти и государственного управления осуществляется в контексте текущей социально-экономической системы и культуры общества. В рамках социологического подхода

[21] Хотя и это значение «демократии» в древней истории достаточно оспоримо. В истории античности известны примеры, как богатые и влиятельные граждане, реализовывали свои интересы именно через демократические партии. Так, в Афинах демократическая партия выступала за войну в силу очевидных экономических выгод, поскольку эту партию поддерживали в основном торговцы, ремесленники, деловой люд и все, кто был заинтересован в империалистической экспансии Афин [371, С. 200].

в политологии общество рассматривается как совокупность структурно организованных групп, реализующих свои потребности и интересы посредством власти, а политика, соответственно, как те или иные формы деятельности данных социальных групп по реализации своих потребностей [56]. Смысл же власти в любом случае подразумевает доминирование каких-либо групп над остальными, следовательно, возможность манипуляции в собственных интересах, где средством достижения оказывается человеческая жизнь [2].

Кроме того, в современном мире, где крайне высока степень «сращения» интересов политической власти и капитала, власть является эффективным средством увеличения ресурса конкурентоспособности. В таких условиях политика нацелена, в основном, на интересы владельцев капитала, являющихся одновременно либо представителями власти, либо ее «кредиторами». В результате такая система склонна поддерживать управляемость и пассивность большинства членов общества, что снижает шансы общества на обновление и самоустановление [54, 163].

2) *Нейтральная позиция* (власть и государство рассматриваются как необходимость для общественного развития) предполагает видение и изучение власти как естественно необходимой общественной функции. Это направление основано на априорно принятом убеждении о естественном состоянии людей в формате «войны всех против всех», впервые явно сформулированном Т. Гоббсом в описании естественного состояния общества до заключения «общественного договора» и образования государства. Однако, Т. Гоббс не случайно подобрал соответствующее название для государства – Левиафан – библейское чудовище, сила природы, принижающая человека. Фундаментальные причины наделения властью государства Т. Гоббс видел в преимущественно животном состоянии людей («человек человеку – волк»), в котором, в целях выживания, они отказываются от части своих естественных прав и наделяют ими государство, с тем, чтобы иметь возможность использовать свободно оставшуюся часть прав [105]. До Т. Гоббса подобные идеи о животной, и даже злой природе человеческой натуры развивал, в

частности Н. Макиавелли, который считал власть и государство естественной необходимостью и благом в человеческом обществе [233].

К. Поланьи, будучи гуманистом, тем не менее также рассматривает власть, как объективную социальную необходимость. По его словам, «Власть и экономическая система ценностей – это, поистине, парадигма социальной реальности. <…> Функцией власти является обеспечивать такую меру подчинения, которая нужна для выживания группы» [261, С. 41].

Таким образом, вышеприведенные взгляды на государство, как на объективную социальную необходимость согласны в том, что власть является необходимым «злом» для защиты человека от своего животного начала при низком духовном уровне всего общества. Однако, ловушка заключается в том, что власть всегда предполагает элитаризм, жестко соподчиненные «пирамидальные» структуры социальных отношений. Такие структуры необходимо основаны на «управляемости» низших слоев населения. Т.е. развитие любых форм государственного правления (монархии или республики), так или иначе, предполагающих организацию процессов управления общественным развитием с помощью власти, логически не предполагает развития духовного уровня общества, повышения уровня сознания людей и их личностного потенциала. Сегодня это выражается в поддержании общества в постоянном состоянии «войны», «страха», «выживания», «дефицита» [3, 218, 366], с одной стороны, с другой – развитием общества потребления, анимализации человека, и в целом – в создании идеальных условий для воплощения самого совершенного вида рабства за всю историю развития цивилизации – «самопринудительного рабства» [164, 290, 312, 545].

3) *Негативная позиция* предполагает несовместимость власти и устойчивого развития гуманистического общества. Ряд философов убедительно доказывают деструктивность любых попыток мыслить власть «позитивно», т.к. продуктом этих попыток неизбежно оказываются тоталитарные режимы, гедонистическое общество потребления, фашизм или движения сопротивления [3, 417]. Американский историк, социолог и философ техники Льюис Мамфорд приходит к выводу, что власть

предстает как инструмент управления человеком, ставит перед людьми ложные цели и смыслы, тем самым выкачивая из него всю творческую энергию и силы [236]. При этом, со временем совершенствуются формы воздействия власти. Как точно заметил М. Фуко, современная власть «не действует путем прямого принуждения, а, скорее, через индивидуализацию», предполагая интериоризацию индивидом определенных способов понимания и практикования себя [371, С. 160]. Является ли формирование «зомби-интеллекта» [23] в современной «зомби-культуре» [134] неизбежным для каждого индивида?

Превращение человека в «зомби» действительно становится возможным при доминирующем формировании субъектности экстеропсихикой [207] или «присутствием в опыте» [479], что не отрицает проявление творческой преобразующей энергии человека, стратегическое видение ситуации и осознанное формулирование собственных жизненных целей.

Идеи предопределенности содержания сознания человека его опытом и культурой развивались в трудах многих известных ученых: К.Г. Маркс, З. Фрейд, Э.З. Фромм, К.Г. Юнг, А.Ф. Лазурский, М.Я. Басов, А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн и др. Культура, опыт, деятельность являются исходными условиями для развития осознанного человека со свободной волей, логическим мышлением, творческой активностью, тем не менее, они же (культура, опыт, деятельность) могут являться и ограничительными факторами роста уровня сознания. С другой стороны, поиск основ «внекультурной» субъектности, воли и свободного творчества субъекта – один из важнейших вопросов философии и психологии [45, 213, 376, 361].

Значительная роль в идентификации и преодолении факторов, ограничивающих рост уровня сознания человека принадлежит науке, научному способу мышления. В частности, Дж. Дьюи видел выход в преобладании «присутствия в знании» над «присутствием в опыте» в процессах рефлексии и самоидентификации субъекта [479]. Согласно Дьюи, основная задача философии не в том, чтобы, «правильно используя опыт, добиваться единичных целей, а в том,

чтобы с помощью философии преобразовать сам опыт, систематически совершенствовать опыт во всех сферах человеческой жизни» [414] посредством социальной реконструкции, применения к опыту глубоко разработанных научных методов «высоких технологий» и совершенствования мышления.

В последнее время развиваются прикладные научные разработки способов повышения осознанности общества. С одной стороны, осуществляется поиск внутренних ресурсов (интероспсихики) посредством многоаспектных исследований внутреннего источника активной непредопределенной опытом воли и рефлексии человека – например, в рамках «Психонетики» [37], экспериментальных систем образования [23]. С другой стороны, осуществляется поиск внешних ресурсов (экстероспсихики) – развиваются социокибернетические идеи проектирования социально-экономических условий и системы образования, способствующих развитию, совершенствованию и освобождению сознания человека [365, 478].

Судьба инноваций на территории власти. Инновационная деятельность реализуется на территории власти и физически (в ограниченном пространстве), и метафизически (в смысловом, правовом, ресурсном пространстве власти). В современном мире инновационная политика всегда предполагает ее отношение к определенной территории. «Территория есть пространство государства, занятое его населением, где в полной мере действует власть политической элиты» [169]. Сегодняшняя цивилизация предполагает разделение общего жизненного пространства человечества на множество территорий, для каждой из которых характерен свой политический, социально-экономический и культурный контекст.

Контекстные условия не влияют на сущностные причинно-следственные связи. Причиной инновации на стадии изобретения является творческая активность и деятельность человека или группы людей с целью решить актуальные личные и общественные проблемы и задачи. Однако общемировые контекстные условия (власть и капитал) определяют ограничения выбора при социализации изобретений, при превращении их в инновации, присущие современному типу

хозяйства: ориентация на критерий прибыльности, окупаемости, возможности защитить авторские права, обеспечение конкурентных преимуществ [473, 647].

Существующий социально-экономический и политический контекст обусловливает сдерживание инновационного развития гуманистического общества и способствует усилению антигуманистичных тенденций. В качестве базового условия для внедрения инновации в условиях власти и капитала является способность обеспечивать рост капитала (политического и финансового). Стратегические социально значимые инновации способны значительно повышать степень автономности жизнеобеспечения потенциального потребителя, и потому, являются причиной резкого снижения прибыльности широкого спектра инновационных проектов, решающих проблемы лишь на тактическом уровне. Экологические инновации также «не вписываются» в систему «фильтра прибыльности» инноваций на уровне бизнеса. Таким образом, в существующем социально-экономическом контексте продолжают развиваться глобальные проблемы:

- войны (выгодны как средство наращения капитала и эффективны как средство оперативного раздела и перераспределения ресурсов и власти) [57, 58, 196, 462, 592];
- плохая экология (решать экологические проблемы выгодно, только если есть платежеспособный спрос на «эко-продукты» и «эко-технологии или население дополнительно оплачивает решение данных проблем, например, в виде средств из государственного бюджета) [250];
- нищета и социальное неравенство (дефицит и социальное расслоение – базовое условие поддержания иерархических систем власти, элитаризма и соответствующих экономических систем контроля и распределения ресурсов) [365, 391, 545].

Без изменения базовых механизмов социально-экономической системы общества, глобализация также не способствует решению глобальных проблем за счет развития инновационной экономики и реализации концепции устойчивого

развития. Транснациональные элиты «заинтересованы в реализации собственных интересов в пространстве единого мирового рынка, нередко за счет собственных стран и народов. Всю совокупность человеческих и социальных отношений для них наиболее эффективно рассматривать как товарные отношения, и, соответственно, одним из важнейших тезисов «новых кочевников» является формула Бильдербергского клуба «власть – это товар» [142]. Таким образом, без существенных изменений в социально-экономическом, социально политическом устройстве общества, единственная существенная перемена, которую привносит процесс глобализации – концентрация центров власти в руках не национальных, а транснациональных элит, а значит и определение ими мировой инновационной политики развития общества.

Судьба власти на территории инноваций. Власть – лишь один из феноменов, проявляющийся в определенных человеческих культурах и социально-экономических системах, тогда как свобода, творчество и субъектность, лежащие в основе инновационной деятельности индивида – мета-культурные феномены человеческой сущности. Таким образом, власть не является обязательной условием и «территорией» инновационного развития общества, а лишь одним из инструментов организации общественной жизни, укоренившимся в человеческом историческом опыте и применимым при низком уровне сознания и социальной ответственности людей. В частности, историк М.В. Кревельд, описавший процесс зарождения, вызревания и расцвета государства-корпорации отмечает современный упадок института государства (его делигитимацию), который ведет к радикальной трансформации всего современного мира [189].

Понимание системной причинности современных глобальных проблем приводит многих исследователей к выводам о необходимости разработки более эффективных форм организации общественной жизни. Разрабатываются концепции управления хозяйством, альтернативы власти, которые опираются на технологии, ресурсы мышления и деятельности. Так, например, представители московского методологического кружка, *рассматривают в качестве*

цивилизационной альтернативы феномену власти «рефлексивно-диалогические отношения и управленческую деятельность» [187]. С целями развития гуманистического общества тесно сопряжены идеи социальной экологии, моральной экономики и либертарного муниципализма. Социальная экология представляет собой перестраивающий (реконструирующий), экологический, коммунитарный (общинный) и этический подход к обществу, в котором живут люди, на основе продвижения прямой демократии и конфедеративной политики [441]. Моральная экономика – экономика, нацеленная не на получение прибыли, а на доставление средств существования его членам; предлагает выйти за рамки дефицита и иерархий, к новой гармонии отношений сообществ людей с миром природы, где признаются ценности разнообразия, творчества и свободы [542]. Либертарный муниципализм – идея общественной организации, основанной на системе общих собраний и практике прямой демократии; идея либертарных учреждений прямой демократии противопоставляется государству, заменяя его конфедерацией свободных муниципалитетов, или свободных коммун [438].

Современные примеры международных самоорганизующихся и самоуправляемых инновационных сообществ – естественные некоммерческие организации. В таких сообществах развиваются операционная система Linux, проект «Венера», социальные инициативы (Avaaz, Change.org). Во многих странах имеется большой исторический опыт развития локальных экономик территориальными обществами самоуправления [351, 401]. На принципах сетевого сотрудничества и самоорганизации основана технология блокчейн, намного превосходящая традиционную банковскую систему в обеспечении удобных и защищенных транзакций с любыми активами. Данная «альтернативная» инновационная экономика находится в смысловом противостоянии с целями увеличения (концентрации) прибыли и капитала корпораций и идеей централизованного управления социально-экономическими процессами и, при этом, «существуя вопреки», показывает высокую эффективность в совместном инновационном развитии и создании инновационных продуктов.

Каждый исследователь в гуманитарных науках осознанно или неосознанно (но самим фактом установления и поддержания направленности своей деятельности) делает принципиально значимый выбор исследовательского фокуса: совершенствование механизмов социальной и психологической *адаптации* к текущей социальной реальности или исследование психических ресурсов личности к свободному мышлению, творчеству, самоидентификации, организационных ресурсов *конструктивного воздействия* на социальную реальность. Сегодня большая часть современных гуманитарных исследований посвящена вопросам оптимальной «подстройки» человеческой психики, деятельности, социальных связей, инноваций и других социально-психологических аспектов к нормам современной культуры и «правилам игры» актуальной социально-экономической системы без их критического пересмотра. Такие исследования нацелены на решение тактических и оперативных проблем устойчивого развития общества, однако не способствуют повышению уровня общественной осознанности и долгосрочной жизнеспособности общества.

В современный межцивилизационный период, характеризующийся «сломом культурных кодов», «кардинальным изменением типа мировоззрения и смысловых ориентиров» [278, С. 45] крайне важным оказывается не столько историчный, контекстуальный взгляд на инновации, сколько глубокое переосмысление ценностных основ инновационного развития общества и, на этой основе, формирование смыслов и путей развития более гуманистичной цивилизации и уже на этой базе – разработка и внедрение новых механизмов общественного развития, предполагающих изменение самой структуры социальной системы. Апробация, совершенствование более эффективных инструментов и форм организации инновационного развития гуманистического общества для решения глобальных проблем возможны путем внедрения социальных инноваций, трансформирующих механизмы управления ресурсами, организации работ и распределения средств производства и результатов труда.

2.2.5. Феноменология свободы и творчества в инновационном развитии гуманистического общества.

В философии по-разному трактуется соотношение феноменов свободы и власти, свободы и творчества в зависимости от фокуса на текущем социально-психологическом состоянии общества или на ресурсах его гуманистического развития. Не менее важным аспектом является проблема адекватной самоидентификации субъектов инновационного развития, поскольку если мы желаем качественных улучшений в обществе, а не в отдельных общностях, то общество должно выступить предметом осознанного проектирования и последующего созидания. Следовательно, население планеты, в лице необходимого для этого критически значимого числа людей, должно осознать себя свободными творческими субъектами инновационного развития общества, т.е. людьми, чья деятельность своими последствиями распространяется на всю планету. Это новый для большинства людей ответ на вопросы «кто я» и «где я живу». Сознание свободной личности, принявшей себя частью человечества становится сензитивным к информации, к знаниям, и к их особой форме – технологиям, способным качественно изменять состояние общества, форму бытия всего человечества. Иначе говоря, для того, чтобы быть восприимчивым к появлению и применению знаний и изобретений потенциально способных изменить мир к лучшему нужно признать себя творцом со свободной волей и частью человечества. Без этого невозможна осознанная продуктивная деятельность в отношении качественного совершенствования общественной жизни.

Самоидентификация – системообразующий элемент самосознания и самоопределения, это процесс, в ходе которого человек находит ответы на вопросы «кто я есть?», «к чему мне стремиться?», «какое пространство и какое время должны быть предметом моей заботы?» и другие подобные. Результатом самоидентификации становится самоидентичность – образ Я, с которым человек себя отождествляет.

Онтология свободы и творчества человека исторически разворачивается в контексте двух основных видов отношений. *Первый вид – это общинные отношения*, при которых любого рода ресурсы используются теми, кому они в данный момент необходимы для жизни и созидательной деятельности. Справедливость распределения определяется, а соответствующее поведение корректируется, отношением к человеку окружающих его людей. Например, земля используется теми, кто её возделывает, а эгоист отторгается обществом, вплоть до изгнания. *Второй вид – это отношения власти и подчинения*, при которых ресурсы распределяются волей властвующей элиты, и справедливость распределения определяется волей власти (как известно, судебная власть – это часть власти) и корректируется (правильнее говорить – защищается) аппаратом насилия. В первую очередь, система распределения ресурсов защищается с помощью права собственности на землю. Согласно Л.Н. Толстому, неважно, кому принадлежит земля – капиталисту или государству, защита собственности на землю делает её недоступной для основного населения этой земли, превращая их в рабов [345, С. 171].

Итак, ключевым условием (своего рода фреймом), под влиянием которого вынуждена протекать современная созидательная деятельность человека являются социальные отношения власти и подчинения, которые структурированы в актуальную форму социальных институтов распределения ресурсов. На сегодня – это государственная власть и финансовая система, благодаря механизмам централизации, представляющие собой, фактически одно целое [3, 437, 484].

Личность, осознавшая себя деятелем со свободной волей, вынуждена учитывать реальные условия деятельности, лимитирующие возможности использования ресурсов. В настоящее время основные ресурсы сконцентрированы в руках финансово-промышленно-политической элиты, а структура общественных отношений поддерживает социальное разделение и разобщенность.

Свобода и власть. Согласно Г.В.Ф. Гегелю, государственная власть не вступает в однозначное противоречие с понятием свободы, т.к. повиновение власти

осуществляется «благодаря *суждению* самосознания, что она есть *сущность*, и благодаря его свободному пожертвованию» [100]. При этом, государство не рассматривается как средство, а как высшая цель в себе, т.е. оно не служит, а господствует. Если в философии Гегеля в целом, государственная власть позитивна для развития общества, имеет божественную природу и является высшей свободой для индивида, то в структурализме власть и свобода рассматриваются в абсолютном антагонизме. В частности, М. Фуко говорит о свободе как о безумии, где под безумием понимается отрицание норм, стандартов, навязываемых обществом [372]. Такое понимание свободы является инфантильным, по аналогии с пониманием свободы детьми, ассоциирующими ее с возможностью «не слушаться родителей» и «делать все, что захочется». Также трудно не согласиться с великим русским философом и гуманистом Н.А. Бердяевым, который справедливо замечает, что «свобода не есть отрицательное предельное понятие, лишь указующее границу, которой нельзя рационально переступить. Свобода – положительна и содержательна. Свобода не есть только отрицание необходимости и детерминированности. Свобода не есть царство произвола и случая в отличие от царства закономерности и необходимости. Не понимают тайны свободы и те, которые видят в ней лишь особую форму духовной детерминированности, детерминированности не внешней, а внутренней, т.е. считают свободным все, что порождается причинами, лежащими внутри человеческого духа» [43, С. 139].

Приравнивание безумия к свободе у М. Фуко [372] определяет деструктивный путь достижения так называемой свободы. Безумие не является достаточным основанием определения свободного мышления и поведения или однозначным признаком свободной самоидентификации субъекта, т.к. определяется целым рядом неравнозначных предпосылок: от следования логике и высшим нравственным ценностям до потакания и управляемости разнородными эмоциональными импульсами или неспособностью логически мыслить и управлять собой по причине психофизиологических отклонений. В данном случае понятие внутренней свободы субъекта опасно подменяется безумием, т.к., по сути,

предопределяет цель максимальной дезинтеграции с обществом, т.е. отказа от своего участия в жизни общества.

Определение свободы через сопротивление власти в структурализме и постструктурализме также ограничивает понятие свободы исключительно контекстом феномена власти и приводит к его неоправданному редуцированию до политической борьбы. Такому пониманию свободы способствовали идеи о становлении субъекта (французское sujet – подчиненный) через подчинение (assujettissement), о власти, наделяющей его определенностью [388]. Из этих позиций развиваются представления о проявлении свободы субъекта в избегании определенности, видение субъекта как «точки сопротивления» власти. Такие методологические предпосылки дают почву для развития идей теоретического антигуманизма, которые основываются на представлениях об истории как «процессе без субъекта» и на тезисах о сверхдетерминации субъекта исторической ситуацией, властью [9].

С позиций гуманистического подхода, рассматривающего человека как активного творческого деятеля со свободой воли, необходимо признать, что история является продуктом деятельности людей и не может рассматриваться в эпистемологическом разрыве с активной человеческой деятельностью. При этом, власть – это один из феноменов, проявляющийся в определенных человеческих культурах и социально-экономических системах, тогда как свобода и субъектность – общекультурные феномены.

Чтобы попытаться ответить на вопрос о содержании свободы инновационного развития гуманистического общества нужно учесть, что последствия этого развития имеют различное значение для субъектов власти и субъектов подчинения. Инновационное развитие гуманистического общества предполагает, в частности, что все люди планеты благодаря технологиям станут жить дольше и будут более здоровыми, получат больше свободного времени на самообразование и воспитание детей, благодаря достатку смогут участвовать в развитии самых разных проектов – поддерживая их своим трудом или другими

ресурсами. При этом, каждый человек становится распорядителем ресурсов. Однако эта система противоречит интересам власти, распоряжающейся ресурсами в актуальной социально-экономической системе, следовательно, инновационное развитие общества является онтологической угрозой власти. С другой стороны, что способствует поддержанию у власти статуса распорядителя ресурсов? Когда вообще есть необходимость в централизованном распределении ресурсов? По-настоящему, только в ситуации опасности, в ситуации внешней угрозы или жесточайшего дефицита (например, голода). Война и дефицит, следовательно, являются условиями бытия власти. И каждый, кто покушается на войны и дефицит – её онтологические враги (создающие угрозу бытия власти и как формы, и как сущности). В этом принципиальный, онтологический конфликт между попытками людей инициировать процессы инновационного развития гуманистического общества и современными условиями (попытками других людей удержать свой исключительный статус).

Устранение войн и дефицита – это первейшие задачи инновационного развития гуманистического общества (т.е. общества, в котором ценность жизни людей выше ценности прибыли и статуса). Масштабные войны и дефицит – являются, прежде всего, необходимыми условиями и следствиями существования современной разобщенной социальной системы. Это означает, что без формирования реального социального заказа на новую цивилизацию, без коллективного намерения жить в гуманистическом обществе, т.е. без коллективного утверждения гуманистических ценностей, никакое действительно рациональное и справедливое распределение ресурсов невозможно, поскольку старая система распределения ресурсов целиком и полностью построена на прямо противоположных принципах.

Социальный заказ на новую цивилизацию – это результат действия консолидированной воли людей, форма коллективного намерения, осознанное отношение к будущему, которое воспринимается не как стихия, а как последствия

проектируемой деятельности человека, это ответ на вопрос «в каком обществе, в каком мире мы хотим жить?».

Свобода и творчество. Гуманистическая философия свободы Н.А. Бердяева включает в себя предшествующие идеи Ф.М. Достоевского, М.де Бирана, И. Канта о свободе как творческого акта, духовной личности, любви. Она основана на отношении к человеку не только как к природному, но и сверхприродному существу, «микрокосму». Детерминизм присущ человеку как природному существу, тогда как свобода рассматривается как трансцендентный акт творчества. «Акт творческой свободы прорывает детерминированную цепь мировой энергии. И для точки зрения имманентной мировой данности акт этот всегда должен представляться творчеством из ничего. Боязливое отрицание творчества из ничего есть покорность детерминизму, послушание необходимости» [43, С. 139]. К. Ясперс также раскрывает понятие свободы человека через творчество самого себя, определяя человека как «существо, которое не может быть полностью познано, как бытие, но еще свободно решает, что оно есть» [418, С. 3].

Вышеперечисленные философские идеи раскрывают необусловленный жестко культурным контекстом смысл творческой, инновационной деятельности, образ человека-творца, способного менять социальную реальность к лучшему, поэтому эти идеи соответствуют целям устойчивого инновационного развития гуманистического общества. В то же время потенциал формирования и выражения внутренней свободы, творчества человека во многом определяется внешними факторами (культурой, социально-экономической системой, актуальными проблемами личного выживания и ответственности за близких), которые могут либо ограничивать и сужать сознание, либо расширять его и увеличивать уровень осознанности и свободы творчества.

С гуманистической точки зрения, является спорной позиция по отношению к свободе экзистенциалистов, в частности, Ж.-П. Сартра, приравнивающего экзистенциализм и гуманизм. С точки зрения Ж.-П. Сартра, свободу выбора никто не может отнять у человека, т.к. «невозможно не выбирать» [314]. Однако, понятие

«свобода» намного шире необходимости выбора и начинается, как минимум, с возможностей выбора, ограничиваемого лишь внутренней свободой субъекта и свободой других субъектов. Например, с точки зрения экзистенциалистов, узник всегда свободен принять решение – смириться или бороться за своё освобождение [315]. Предположим, что узник попал в тюрьму вследствие поведения, вступившего в противоречие с социальной системой, нормами, законами, но логически осмысленного, осознаваемого, ориентированного на высшие гуманистические ценности, т.е. являющегося свойством действительно внутренне свободного осознанного субъекта. Тогда можно говорить о том, что узник был свободен в момент поступка, являвшегося выражением его свободной воли, однако нельзя говорить о свободе узника. Будучи уже узником, субъект становится несвободным в своем выборе по определению, его воля уже подверглась насилию и выбор в парадигме «смириться или бороться» является мнимым или вынужденным. Заключение делает в принципе невозможным проявление свободы. Также в данном случае власть легитимирует антигуманистичное отношение к человеку, ориентируясь на преимущество законодательных норм над общечеловеческими ценностями, что создает деструктивные условия (опыт) для развития внутренней свободы (дальнейших ее проявлений в социуме) как заключенного субъекта, так и других субъектов. Если же узник попал в тюрьму вследствие антигуманистичного поступка, то ограничение его физической свободы является необходимой мерой (при отсутствии лучших воспитательных альтернатив в обществе), т.к. обеспечивает свободу других индивидов. По сути антигуманистичное поведение индивида, явившееся причиной его заключения, является следствием недостаточности его внутренней свободы (действовать осознанно, логично и в соответствии с гуманистическими ценностями).

Несвободу индивида К. Поланьи видел не в зависимости от природы или от общества, а в зависимости от рыночных институтов, которые деформируют систему ценностей человека и подменяют цель средствами [290]. К. Поланьи определял свободу, прежде всего, как свободу от неперсонифицированной

материальной силы и как возможность участвовать в создании и устройстве сообществ различных уровней, к которым принадлежит человек. Необходимым условием свободы отдельного индивида К. Поланьи выделял транспарентность общества, а достаточным условием – готовность этого индивида нести ответственность за свою свободу: являясь членом общества, человек неизбежно становится совместно с другими ответственным за все, что происходит в данном обществе. С точки зрения Поланьи, необходима свобода и от рынка, и от государства, которые должны служить людям и представлять их интересы, а не являться конечной целью, во имя которой разрушаются семейные, дружеские и другие общественные связи и совершаются антигуманистичные действия [291]. Однако, как показал выше анализ онтологии власти, а также результаты исследований Л.Н. Толстого, Дж. Агамбена и других мыслителей, государство (не важно – диктатор или три ветви демократической власти) по своей природе является антигуманистичным формированием и не может служить интересам общества по своей элитаристской сущности. В отношении инновационного развития гуманистического общества, власть способна лишь к компромиссам, позволяющим удержать власть. А значит, необходим поиск средств, обеспечивающих переход к обществу без социальных страт, к обществу общинного, но уже на новом уровне технологического обеспечения, типа.

Свобода субъекта (в том числе субъекта инновационного развития) определяется возможностями реализации произвольной активности, предполагающей постоянное преодоление границ бытия субъекта. Этим свобода субъекта кардинально отличается от свободы объекта (например, какого-либо орудия или даже телесного органа), в отношении которого свобода – это лишь степени свободы в заданных объективными условиями границах.

Таким образом, с позиций гуманистического подхода, феномен свободы может быть описан как состояние бытия каждого субъекта общественного развития, характеризующееся реализуемой на практике способностью быть и определять форму своего бытия.

Концепт свободы индивида является одним из базовых методологических оснований для конструктивных исследований и разработок в сфере инновационного развития гуманистического общества.

Свобода человека предполагает:

- свободу воли, духа (способность сделать непредопределенный выбор самостоятельно);
- свободу творчества (способность «выходить из порядка природы, быть трансцендентым ему, сверхприродным» (согласно Н.А. Бердяеву), т.е. принимать решения и действовать исходя из вневременных ценностей, а не под воздействиями стимулов внешней среды, внутренних ситуативных и временных импульсов, мотивов, настроений);
- осознанность (понимание причинно-следственных связей, логическое мышление, саморефлексия на уровне процесса мышления, стремление к истине) с одной стороны, с другой – уважение к личной свободе со стороны других людей (отсутствие давления, шантажа, принуждения, угроз жизни, здоровью и других воздействий, ставящих человека в условия «фальшивой свободы выбора», в ситуации, создаваемые помимо воли человека и не имеющие ни одного варианта гуманистичного выбора) и уважения свободы других людей;
- условия проявления свободы (равные возможности обеспечивать свои базовые потребности посредством труда и справедливого обмена, физическая, экологическая и социальная безопасность, возможности реализовать свой творческий и профессиональный потенциал на благо общества, свободный доступ к информации и знаниям, возможности личностного, физического, интеллектуального и профессионального развития);
- способность проектировать и создавать форму бытия (владение знаниями и технологиями, позволяющими решать поставленные проблемы).

Опираясь на гуманистический смысл свободы, мы пришли к логическому выводу, что для реализации данного смысла на практике стратегически важными

являются инновации в системе образования, направленные на развитие волевой функции, осознанности, логического (и, в частности, критического) мышления, эстетического сознания, способствующие осознанному переживанию и установлению гуманистических ценностей в качестве ориентира внутреннего свободного выбора вместо поверхностного и ситуативного следования нравственным нормам в зависимости от необходимости соблюдения законов, установленных текущим форматом общества.

Стратегически важными в развитии гуманистического общества являются инновации, направленные на устранение ситуаций и контекстов, ограничивающих свободу выбора и возможности развития индивида, фактически превращая его в узника, это контексты: дефицита, войн, болезней, бедности, информационных манипуляций, эксплуатации, выполнения рутинной (или вовсе бессмысленной – ради занятости) работы, растущего социального неравенства, плохой экологии.

Именно на такие инновации должен оформиться *социальный заказ*, являющийся коллективной формой *намерения*. Без этого в достаточной степени разделяемого намерения (в котором сливается ценностная позиция и готовность действовать) инновационное развитие гуманистического общества (а не отдельных общностей) невозможно.

2.3. Проблема самоидентификации субъекта принятия решений в области инновационного развития.

2.3.1. Онто-гносеологические противоречия в позициях изобретателя и предпринимателя в процессе инновационного развития.

Устойчивое инновационное развитие гуманистического общества подразумевает приоритет инноваций с высокой социальной значимостью – инноваций, способных решать значимые, актуальные для людей проблемы рационально, этично и осмысленно. К наиболее значимым, актуальным проблемам следует отнести обеспечения базовых потребностей в воздухе, воде, пище, безопасности, жилище, здоровье, затем – потребностей в свободе передвижения, получения знаний и общении, далее – потребностей в творчестве и саморазвитии, взаимопомощи, изменении мира к лучшему. Однако, далеко не всегда в сегодняшней культуре энтузиаст-изобретатель, создавший прорывную социально значимую технологию «почивает на лаврах» или, как минимум, имеет возможность внедрить свое изобретение в социальную практику.

В современном культурном контексте процесс внедрения научно-технического новшества (технологии, продукта, материала, рационализаторского решения) неизбежно сталкивается со следующими трудностями:

1. Необходимость начальных вложений (время, материалы, деньги) в разработку и доведение изобретения до эксплуатации. Изобретатель, вынужденный выживать в настоящих условиях обладает, как правило, весьма ограниченными ресурсами.

2. «Хрематистический фильтр»: ориентация инвесторов на показатели окупаемости, прибыли, рентабельности, конкурентоспособности, роста капитала при отборе инноваций к внедрению.

3. Ограничивающая свободное внедрение и распространение социально значимых инноваций система патентов, авторских прав. Деструктивность системы патентов в актуальном социально-экономическом контексте проявляется, например, в таком феномене как «патентные войны», которые распространились в

начале XX века[22], «тормозят» совершенствование технологий и, в целом, прогрессивное и устойчивое инновационное развитие организаций и общества. Сегодня с развитием высоких технологий абсурдность «патентных войн» подтверждается следующими фактами:

1) «Нагромождение патентов» в одном высокотехнологичном устройстве. По примерным подсчетам, в среднем, современный коммуникатор таит в себе около 110 000 патентов: 3000 патентов на фотокамеру, 9000 патентов на средства обработки изображений, 16 000 патентов на технологии передачи данных, 5000 патентов на управление питанием, 21000 патентов на дисплеи 6000 патентов на доступ к данным 20 000 патентов на телефонную связь 29 000 патентов на операционные системы и др.

2) Наблюдается тенденция к неконструктивной, непроизводительной и тормозящей прогресс патентной «предпринимательской» активности. В последние десятилетия быстрыми темпами распространился такой феномен «патентного троллинга». Патентные тролли[23] предпочитают называть себя патентными холдингами или патентными дилерами (англ. *patent dealer*). ArsTechnica опубликовала результаты исследований профессора MIT Кэтрин Такер, согласно которым «патентные тролли» наносят основной ущерб не крупным ИТ-компаниям, а стартапам [648]. Иски и претензии таких обладателей патентов привели к потерям венчурного капитала в размере $22 млрд за прошедшие 5 лет. В основном, «тролли» не только ничего не производят, но «паразитируют» на недостатках современного устройства общества. Так, например, патентные тяжбы в США стоят очень дорого, и даже если жертва выиграет, для неё дешевле будет отдать деньги «троллю», чем

[22] В 1906 году братья Райт получили патент на летательный аппарат, положение крыльев и оперения которого во время полета можно было регулировать в горизонтальной и вертикальной плоскостях. В последующие годы изобретатели агрессивно преследовали в исковом порядке каждого, кто использовал подобную технологию, и требовали лицензионных выплат. В то время как многие европейские суды отклонили правомочия патентовладельцев, в США братьям удалось добиться выполнения своих требований. В результате развитие самолетостроения в стране практически сошло на нет, поскольку у самих братьев Райт из-за непрекращающихся судебных разбирательств не было времени для совершенствования своей технологии.

[23] Патентный тролль (англ. *patent troll*) — физическое или юридическое лицо, специализирующееся на предъявлении патентных исков, не ведущее самостоятельной производственной деятельности [140, 252, 645].

участвовать в суде. Например, Лаборатория Касперского дала отпор троллю, однако на суды пришлось потратить 2,5 млн долларов [161].

3) Переход от «патентных войн» между крупными концернами к монополизации патентного портфеля, что приводит к «вымиранию» стартапов.

4) Патентование идей в «общих формулировках». Например, Apple обладает патентом на перемещение ярлыков на дисплее и на определенный вид прокрутки списков на сенсорном экране, Amazon намеревается запатентовать покупку одним щелчком, а фирма Lodsys, которая специализируется на подобного рода патентах, владеет правами на кнопку обновления в приложениях, что «перекрывает кислород» для развития и внедрения инноваций, содержащих в себе данные технологии.

На вышеперечисленные трудности «накладываются» также особенности психологических установок инвесторов, предпринимателей в части принятия управленческих решений об инновационном развитии организации, в большей части, обусловленные приоритетами и ценностями установившегося формата хозяйствования и поддерживаемой им культуры.

Приоритеты и ценности современной культуры:

- Общая атмосфера конкуренции, эгоизма, безответственности (перед собой, обществом, природой) заставляет предпринимателя «адаптировать» свою систему ценностей, задерживая его как человека на *преконвенциональном уровне*[24] *или, максимум, на конвенциональном уровне*[25] *развития нравственности*. Так называемые «ценности» современного общества подкрепляются у инвесторов и предпринимателей «чувством собственной правоты», которое стимулируется финансовым «положительным подкреплением» (прибылью) при внедрении инноваций, работающих,

[24] Преконвенциональный уровень сугубо эгоцентричен. Моральность или аморальность суждений основывается главным образом на принципе выгоды, поступки оцениваются по их физическим последствиям. Хорошо то, что доставляет удовольствие, например, одобрение; плохо то, что причиняет неудовольствие, например наказание (Подробнее см. Стадии развития моральных суждений по Л. Колбергу) [551].

[25] Конвенциональный уровень развития моральных суждений достигается тогда, когда человек принимает некритично, как истину в последней инстанции, оценки своей референтной группы: семьи, класса, религиозной общины [551].

прежде всего, на поддержание установившейся системы хозяйствования, а не на благо человека.

- Постоянная замена гуманистических ценностей и смысла человеческой деятельности (конкуренция вместо сотрудничества, финансовые достижения вместо реальных социально-экономических эффектов и личного совершенствования) приводят либо к деградации внутреннего мира, либо к глубоким неявным экзистенциональным кризисам [53].
- Амбициозность, настороженность, стремление предпринимателя к исключительности владения правом на финансируемое изобретение обусловлено дефицитом доверия в существующей антигуманистичной системе «ценностей». В сегодняшней ситуации любой риск для предпринимателя измеряется, прежде всего, деньгами, что порождает общую атмосферу недоверия (например, стремление обезопасить себя договором, обеспечивающим права собственности на результаты изобретений, выполнение сроков реализации и бюджета проекта).
- Давление «груза» текущих и среднесрочных проблем по выживанию, обеспечение конкурентоспособности снижает интерес и мотивацию предпринимателя заботиться о прогрессивном развитии организации, об участии в решении социально-значимых проблем общества. Однако, отсутствие целостного подхода к обеспечению стратегической жизнеспособности организации не обеспечивает стабильного интегрального позитивного социально-экономического и финансового эффектов. «Давление» текущих проблем переживается в команде более конструктивно и позитивно, когда происходит организационно-психологическая работа по решению их базовых причин и, если ценности и цели сотрудников организации интегрированы в общей гуманистической концепции прогрессивного развития.

При этом, как правило, инвесторами, предпринимателями не учитывается риск стресса, эмоционального выгорания, психосоматических заболеваний от

стиля жизни в «постоянном недоверии», в самоподчинении финансовой рациональности, в дефиците реализации личностного созидательного потенциала, а также в дефиците творчества и деятельности в сотрудничестве.

Со своей стороны, сами изобретатели, так или иначе, сталкиваясь со всеми вышеперечисленными проблемами, имеют ряд специфических трудностей ввиду особенностей склада творческой, свободной, не обусловленной социальными и научными догмами личности:

Трудности изобретателей. Необходимость «продвигать» изобретения по технологиям и принципам капиталистического товарного хозяйства, обосновывать финансовую прибыльность их применения при современном порядке хозяйствования является существенным «тормозом» для внедрения инноваций, нацеленных на решение социально значимых задач. Такие контекстные условия также являются демотивирующими для процессов творчества, реализующего гуманистические ценности. Кроме того, понимание изобретателями абсурдности финансовых критериев внедрения инноваций (по сравнению с гуманистическими и экологическими) подавляет мотивацию изобретателей к проявлению предпринимательских способностей, коммуникативных навыков в «деловой среде», к обеспечению представленности в бизнес сообществах, провоцирует отгороженность, достигающую порой степени социопатии, и прочие сходные с перечисленными особенности, снижающие возможности изобретателя в существующей капиталистической социальной системе. Безусловно, многие современные ученые научились продвигать продукты своего творчества, жертвуя бесценным временем труда высочайшей квалификации. Вместе с тем, нельзя отрицать, что это бесценное время ученые смогли бы потратить с неизмеримо большей общей пользой, если бы им не приходилось заниматься маркетингом и продажами».

Часто происходит «смешивание» разных явлений в контексте данной проблемы. Нередки случаи возникновения «псевдо-изобретателей», дискредитирующих смысл «изобретательства», «творческой личности»

использованием данных понятий для маскировки инфантильности, «обоснования» профессиональных и личностных неудач, привлечения внимания к собственной персоне. В свою очередь, предприниматели, сталкиваясь с «псевдо-изобретателями» нередко переносят своё отношение к ним на понятие «изобретателя», «творчества», «инновации» в целом. Таким образом «чувство собственной правоты» предпринимателей укрепляется за счет «негативного подкрепления» от общения с «псевдо-творцами» и «позитивного подкрепления» от внедрения «реальных» проектов (имеющих гарантированный финансовый и маркетинговый успех в краткосрочной перспективе). Такая ситуация способствует укреплению убеждений в правоте капиталистических ценностей в предпринимательской среде, в «дефиците стоящих инноваций» и в необходимости повышения предпринимательских способностей изобретателей. На уровне культуры – снижается социальная ответственность, нивелируется ценность осознанного подхода к созидательному смыслу человеческой деятельности.

Гуманистически настроенный изобретатель оказывается в ситуации противоречия с требованиями конкурентной, ориентированной на прибыль социально-экономической системы. Следствием такой ситуации зачастую становится низкая материальная обеспеченность изобретателя, отсутствие необходимых средств для работы над изобретением и для прохождения всей процедуры патентования и доведения изобретения до промышленной эксплуатации. Один из примеров – доведение самолета «ЭКИП» до промышленного образца Л.Н. Щукиным за счет собственных финансовых средств и финансовой поддержки сына [219].

Уровни противоречий и практических проблем внедрения новшеств. Условно можно выделить три уровня противоречий и практических проблем внедрения новшеств в условиях капиталистического формата товарного хозяйства, являющиеся причинами современных противоречий в позициях изобретателя и предпринимателя (инвестора) (см. Таб. 1.2).

Таблица 2.1 – Уровни противоречий и практических проблем в современном инновационном процессе

Уровень субъекта	**Контекстные условия современной социально-экономической системы**	**Фундаментальные противоречия**	**Практические проблемы внедрения новшеств**
Общество	Ориентация на прибыль и рост капитала, элитаризм, эгоизм, конкуренция, власть, потребительство, низкий уровень сознания.	Между: - гуманистическим смыслом инновационной деятельности человека и приоритетами инновационной деятельности в текущей социально-экономической системе; - целями устойчивого развития гуманистического общества, сформулированными и хрематистическими целями и средствами, обусловленными текущим социоэкономическим контекстом; - потребностями в инновационном развитии и сдерживанием инновационного потенциала и творческого ресурса.	Экологические, нищета и голод, социальное неравенство, энергозависимость, войны, конфликты, долги.
Организация	Ориентация на прибыль, рост капитала, конкурентоспособность, увеличение доли рынка.	Между: - социально-экономическим смыслом человеческой деятельности и оценочной системой хрематистических показателей эффективности труда и развития организаций; - гуманистической миссией организации, сформулированной и хрематистическими целями и средствами повышения конкурентоспособности организации; - потребностями в инновациях и дефицитом творческого ресурса.	Организационно-психологические проблемы управления, сопротивления изменениям, низкая производительность, инициативность, низкий уровень сотрудничества, ответственности и пр.
Личность	Прибыль, рост капитала, окупаемость, минимизация финансовых рисков.	Между: - гуманистическим смыслом творчества, созидательной деятельности (позиция изобретателя) и антигуманистическими целями использования инновационного процесса в целях обогащения (во многом вынужденная позиция предпринимателя).	Трудности реализации сотрудничества предпринимателей с изобретателями в системе противоречивых интересов. Сдерживание социально значимых инноваций.

В условиях установившейся системы хозяйствования внедрение изобретений с социально-экономической значимостью затруднено фундаментальными

противоречиями гуманистического, социально-экономического смысла творчества, изобретательства и хрематистического смысла предпринимательской деятельности и инвестирования.

Таким образом, предприниматели и изобретатели, как человеческие сущности, по сути с одинаковыми гуманистическими интересами и целями, разделены ценностями и целями искусственной организационной надстройки общества в виде рыночной экономики и капиталистического формата хозяйствования.

Возможности межцивилизационного периода для решения смысловых противоречий между предпринимателем и изобретателем. Выход из данной ситуации видится в осознании общих ценностей и целей инновационного развития гуманистического общества, что предполагает, в первую очередь, разработку (со стороны изобретателя), поддержку (со стороны всего общества), производство и внедрение (со стороны предпринимателей) инноваций с высокой социальной значимостью, в том числе социальных. Противоречия социокультурных ценностей и приоритетов социально-экономической политики стимулируют развитие социальных инноваций. Являясь следствием функционирования механизма общественной координации, социальные инновации обеспечивают взаимную адаптацию компонентов социально-экономической системы.

Огромное значение в «межцивилизационный период» имеет внедрение в широкую социальную практику таких социальных инноваций, которые опираются на гуманистические ценности и способны изменить фундаментальные ценностные основы и механизмы социально-экономических систем хозяйствования и инновационного развития эволюционным способом (без насилия и потрясений). Примером таких инноваций являются технологии блокчейн и криптовалют, которые преодолевают необходимость существования банковской системы [109], эффективные эксперименты с «гезеллевскими деньгами» (в России – с. Шаймуратово, с. Колионово), развитие ТОСов (территориальных обществ самоуправления) и локальных экономик, в основе которых лежат малые

производства, система коллективной поддержки и экономическая самостоятельность местных сообществ [351]. К гуманистическим социальным инновациям относятся также и образовательные инновации, направленные на глубокое понимание смысла опоры на гуманистические ценности в межличностных и межгрупповых отношениях, в ситуации принятия решений, а также культурные инновации, способствующие развитию стратегически и системно мыслящего творческого человека.

Для реализации этого синергетического потенциала конструктивного инновационного развития общества изобретателю и предпринимателю необходимо развивать сотрудничество, опираясь на общий фундамент гуманистических ценностей и целей. На практике, в частности, могут развиваться эффективные механизмы прямого сотрудничества организаций с изобретателями в целях производства и внедрения полезных и общественно значимых изобретений при поддержке прямых общественных инвестиций, например, с использованием инновационной модели ICO на основе локальных криптовалют.

Успех конструктивных общественных преобразований также зависит и от масштабов общественной информированности о наличии новых технологий, их социальной значимости и от уровня общественной вовлеченности в определение приоритетов инновационного развития и направления инвестиций. На государственном уровне необходима активизация общественной социальной инновационной деятельности, в том числе, продвижение стратегических инициатив, нацеленных на решение фундаментальных проблем современного общества, а также развитие механизмов открытого общественного участия в определении ряда направлений инновационного развития и конкретных изобретений при принятии решений об инновационных грантах и других формах финансовой поддержки и общественного контроля внедрения социально значимых изобретений в широкую практику.

Смысловые противоречия в позициях изобретателя и предпринимателя, обусловленные системными проблемами установившейся на сегодня системы

хозяйствования, тормозят прогрессивное и устойчивое инновационное развитие общества. Тем не менее, именно творческий ресурс изобретателей и организационный ресурс предпринимателей в сотрудничестве представляют собой мощный формирующий инновационный потенциал, способный изменять культуру общества и базовые механизмы социально-экономической системы. Современный межцивилизационный период представляет большие возможности как для отдельной личности, так и целых групп влиять на систему общественных соглашений в процессе создания нового хозяйственного уклада, более адекватного для целей устойчивого инновационного развития гуманистического общества.

2.3.2. Приоритеты устойчивого инновационного развития в условиях онто-гносеологических противоречий в позициях власти, бизнеса и общества

С позиций социокультурного подхода, общество может быть представлено как «единство культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека» [197, С. 3]. В свою очередь, культура общества является фактором и продуктом его инновационного развития. В частности, продуктами человеческой культуры и одновременно основными ценностями культуры современного общества являются деньги и власть. Феномен власти в обществе проявляется, в первую очередь, территориально – через систему государственной власти, где государство – «это независимая централизованная социально-политическая организация для регулирования социальных отношений. Оно существует в сложном, стратифицированном обществе, расположенном на определённой территории и состоящем из двух основных страт – правителей и управляемых. Отношения между этими слоями характеризуются политическим господством первых и налоговыми обязательствами вторых» [458].

Общество в процессе развития «породило» такую социальную инновацию, как государство, в поисках справедливого и защищенного устройства социальной жизни [287]. Отделившись от общества, система государственной власти «зажила собственной жизнью» и приобрела свою позицию, отличающуюся от общественной.

Тем не менее, государство не является само по себе целостным индивидуализированным субъектом, как мифический Левиафан, с которым сравнивал его Т. Гоббс. На практике государственная власть представлена конкретными группами людей, имеющими субъективные конфликтующие экономические и политические позиции и интересы.

С развитием товарно-денежных отношений и рынка возникает бизнес или предпринимательская деятельность – дело, занятие, являющееся источником дохода [300]. В условиях рыночной экономики получение прибыли, наращение капитала (стоимости бизнеса) – основная цель бизнеса. Однако, принципы саморегулируемости рыночной экономики определяют отчужденную от общества позицию бизнеса, именно «рыночные законы выходят за рамки социального контроля, тогда как все предыдущие экономические системы были лишь частью более широкой социальной системы общества» [291, С. 82-90]. Саморегулируемость рыночной экономики приводит к регулируемости экономики интересами самых крупных собственников ценой истощения природных ресурсов [574] и человеческих жизней наибольшей части общества [448, 462]. Такая форма организации общества приводит также к сращению позиций власти и крупного капитала [167], поэтому целесообразно рассматривать противоречия, скорее, не между позициями власти и бизнеса, а между властью и малым и средним бизнесом, наукой, образованием, и другими сферами совместной деятельности людей.

Цивилизационное развитие в рамках рыночной экономики и института государственности привело человечество не только к научно-техническому прогрессу, но и к ряду глобальных проблем, требующих *инновационных* решений, но неразрешимых в рамках актуальной системы хозяйствования [164, 336, 660]. В такой ситуации необходимо вернуться к сущности инновационного развития общества и ответить на вопросы: Кто действительно может быть субъектом инновационного развития общества? Как сегодня складываются отношения власти, бизнеса и общества в парадигме «субъект – объект» в сфере инноваций? Чем вызваны противоречия в позициях власти, бизнеса и общества и каковы

гуманистические пути их преодоления? Поиск ответов на данные вопросы осуществляется посредством анализа актуальных онтологических вопросов современного инновационного развития общества в условиях смысловых противоречий в триаде «власть – бизнес – общество» с позиций их влияния на человеческую жизнь – её ценность, форму, содержание и перспективы с позиций гуманистического подхода и целей долгосрочной жизнеспособности общества.

В целом, анализу устойчивого инновационного развития общества, инновационной деятельности адекватна деятельностная (формирующая) парадигма научного исследования. Соответствующие деятельностной парадигме исследования, социокультурный (А. С. Ахиезер, М. Вебер, А. Я. Гуревич, Е. Г. Ефимов, П. Сорокин, А. В. Павлов и др.) и антропосоциетальный подходы (Н. И. Лапин и др.) дают методологическое обоснование смены социокультурной среды в процессе взаимной эволюции общественного и активного индивидуального сознания в процессе инновационного развития. Гуманистические ценности являются этическим выбором исследователя. Исходя из поставленных в исследовании смысловых вопросов, опора на гуманистических подход, устанавливающий общность гуманистических ценностей и их приоритета в научной и практической человеческой деятельности, определяет необходимые этические ориентиры философского анализа, позволяющие сфокусироваться на гуманистическом смысле инновационной деятельности.

Позиции бизнеса. Предприниматели, принимая решение об инвестировании в инновации или модернизации средств производства и технологических процессов, исходят из коммерческих интересов. Основной целью инвестора в актуальной социально-экономической системе является обеспечение стабильного роста капитала. Поэтому логично, что основным критерием для решения инвестировать в инновацию будет не ее способность решить социально значимую проблему, а ее потенциал приносить прибыль за счет роста потребления. В существующей социально-экономической системе полезные изобретения имеют шанс войти в широкую социальную практику (т.е. стать инновацией) либо при

поддержке государства, либо будучи востребованными бизнесом. Это приводит к тому, что инновации служат целям постоянного увеличения капитала за счет роста потребления и, в настоящее время, стоят в одном ряду с арсеналом многообразных манипулятивных и антигуманистичных методов расширения и создания новых рынков сбыта, методов вынужденного, искусственного создания потребностей:

- «планируемое устаревание товаров» [447];
- постоянное снижение качества продукции [425, 637];
- сдерживание доступных и эффективных инноваций в угоду основному постулату рыночной экономики – «потребитель не должен исчезнуть» [259];
- «инновации» в образовании, направленные на воспитание «квалифицированного потребителя» [147, 488].

Имея общую мета-позицию ориентации на прибыль, бизнес-сфера, тем не менее, не лишена внутренних конфликтов интересов в области инноваций, который обусловлен противоречием в значении одной и той же инновации для перспектив развития разных отраслей. Например, прорывные инновации в области альтернативных источников энергии, энергосберегающих технологий означают для одних бизнесов – существенное сокращение объемов продаж в добывающей и перерабатывающей нефтегазовой отрасли, для других – значительное снижение энергозатрат и себестоимости производимой продукции. Но данный конфликт интересов не имеет конструктивной природы и не может заменить потенциал действительного сотрудничества в целях повышения экономического благополучия всех жителей территорий, т.к. основан на конкуренции «капиталов» за ресурсы их роста.

Некоторые организационные формы, такие как консорциум, конгломерат, корпорация, партнерство и другие могут создавать впечатление сотрудничества фирм, занимающихся разнородной деятельностью, однако, цель объединения предприятий в актуальных социоэкономических условиях остается неизменной – рост капитала собственников, все чаще достигаемый за счет диверсификации деятельности, поглощений, слияний или объединения в партнерства,

подразумевающие определенные соглашения о ценах, общем бюджете исследований и разработок или для лоббирования своих интересов во властных структурах.

Механизмы капиталистической монетарной системы хозяйствования устроены таким образом, что общей мировой тенденцией развития бизнес-среды является увеличение концентрации капитала [638]. Соответственно, сегодня о влиянии на инновационное развитие общества целесообразно говорить не столько с позиций «большого бизнеса», сколько с позиций «крупного капитала». Также необходимо отметить, что в последние десятилетия уменьшается степень независимости интересов бизнес-сферы[26] в целом: тенденции «финансолизации экономики» [470, 493] и развития «финансового капитализма» [534, 569] указывают на новую доминантную сферу концентрации капитала – финансовый сектор.

Собственники крупного, в основном, финансового капитала заинтересованы, прежде всего, в предсказуемости определяемых на национальном и мировом уровне приоритетов инновационного развития, в отсутствии противоречий данных приоритетов с теми «ставками», которые ими уже сделаны в инновационной сфере, а значит в увеличении потенциала влияния на формирование инновационной политики развития общества посредством сращения с государственной властью и использования информационно-политических технологий. Но, прежде всего, «крупный капитал» заинтересован в сохранении существующей «пирамидальной» организации общества и в продолжении увеличения влияния финансовой сферы на деятельность бизнеса, политику государств и общественное развитие. Такая позиция финансово-политической элиты логически возможна и реализуема благодаря базовым «правилам игры» в существующей социально-экономической системе: абстрагированность рыночных законов от социальной и экологической

[26] В данном случае под бизнесом подразумевается предпринимательская деятельность, направленная на получение прибыли посредством продвижения *реальных (не финансовых)* полезных продуктов и услуг. Т.к. под продуктом понимается произведение труда, законченный результат некоторой преобразующей деятельности, то словосочетание «финансовый продукт» по сути, означающее либо инвестиции, либо кредит, либо спекулятивные финансовые инструменты, будет логично отнести к фикциям.

этики, легитимность ссудного процента, конкуренция, неизбежно ведущая к укрупнению капитала и стремлению к власти в целях стяжательства лучших условий и защиты капитала, ориентация на прибыль. И хотя, по сути, данная позиция для финансово-политической элиты является «консервирующей» (нацеленной на сохранность ее привилегированного статуса), но для общества как системы она становится угрозой устойчивого инновационного развития. Т.к. возможность сохранения элитарного статуса обеспечивается лишь за счет социальной несправедливости, подавления воли других людей, ограничения их развития и свободного выбора, контроля над ресурсами и средствами производства.

Уже сегодня в культуре «общества потребления» можно заметить, что общество рассматривается не как субъект собственного развития, а лишь как объект управления и как ресурс для роста капитала: в широкий оборот введены понятия «трудовые ресурсы», «человеческие ресурсы», «человеческий капитал». Целью сферы образования в консьюмеристском обществе – производство специалистов, умеющих «потреблять»/использовать существующие инновации, продавать товары и производить новые инновации, еще более увеличивающие потребление [136]. Таким образом, позиция «крупного капитала» по отношению к обществу обусловлена текущим социально-экономическим контекстом и является потребительской:

- общество рассматривается как донор трудовых ресурсов, инноваций (которые можно выбирать по допустимым критериям) [148, 164];
- общество является средой роста капитала через стимулирование увеличения общественного потребления (все более нерационального и искусственно создаваемого) [55, 262];
- в существующем устройстве общества происходит односторонне выгодное перераспределение ресурсов, вызывающее продолжающийся рост социального расслоения [334].

Позиции власти. Декларируемой целью государственной власти является обеспечение прав и свобод всех его членов и гармоничное развитие всех конструктивных сфер общественной жизни. Однако, государственная власть в действительности представлена конкретными людьми, входящими в определенные социальные, экономические группы и имеющие свои собственные интересы, ценности и мировоззрение. Логично, что решения, законы, принимаемые властью, политический курс и инновационная политика будут соответствовать, прежде всего, интересам ее представителей или, как минимум, им не противоречить.

В монетарной системе продвижение к власти и выгоды нахождения у власти неизбежно связаны с финансовыми возможностями и конкурентными преимуществами (в первую очередь – это «защита бизнеса» и «государственные заказы»), что создает объективные внешние стимулы для роста невротической мотивации к власти и желания властвовать. Многочисленным психологическими исследованиями подтверждается преимущественно невротические стимулы стремления к власти в современном обществе: желание компенсировать ощущение собственной неполноценности [6], ощущения слабости, тревожности, ненависти [392], стремления индивидуума избежать изоляции (одиночества), зависимости «ощущения силы» от владения или руководства кем-либо [369], статусная потребность или потребность в самоутверждении [363]. Актуальный культурный контекст не способствует тому, чтобы человек находился у власти исходя из нормального ощущения силы [392] и, в то же время, по желанию общества, т.к. является наиболее компетентным специалистом в области решения тех или иных общественных проблем.

При этом, необходимо учесть, что представители власти, как правило, сами являются владельцами крупного капитала, что еще более усугубляет разрыв интересов власти и крупного бизнеса с интересами остальной (и наиболее многочисленной) части общества, способствует росту социального неравенства и снижению потенциала устойчивого инновационного развития общества.

Правящая власть, в целом, заинтересована в обеспечении управляемой социальной ситуации и приемлемого уровня социального доверия для сохранения своего статуса. Поэтому в лучшем случае властью проводится политика с учетом интересов общества, но не в интересах общества. Само разделение понятий власти, бизнеса и общества предполагает соответствующее различие статусов, позиций и интересов.

Современная разобщенность людей, проявляемая во множестве противоборствующих религиозных, националистических и политических идеологий подпитывается антигуманистическими ценностями современной культуры, создающейся с помощью политтехнологий и постоянно нагнетаемой СМИ атмосферой страха и ксенофобии. Однако, не общество или государство, а капитал выступает основным виновником катастрофического обострения глобальных проблем – главной причиной и катализатором войн (К. Маркс, Т. Веблен, Г. Матэ). Современные отечественные и зарубежные исследователи – экономисты, политологи с помощью документальных подтверждений наглядно доказывают, в частности, «нефтяную подоплеку» всех последних крупных геополитических конфликтов: от национальных революций до международных войн [133, 328, 462, 492, 591]. Свидетельства американских ветеранов войн и общественных деятелей (Kenneth O'Keefe, Smedley Darlington Butler, John Perkins) дают еще более полную картину о технологиях инициирования и проведения войн последнего столетия, в основе которых лежат властные амбиции и хрематистические интересы финансово-промышленной элиты.

При современном мировом порядке сильная государственная власть имеет свои относительны плюсы, если она ориентирована на сохранение государственного суверенитета и обеспечивает национальную безопасность в ключевых политических и экономических вопросах. Тем не менее, не стоит забывать, что эти плюсы характерны для контекста современной культуры, основанной на приоритетах власти и прибыли, где человек и его развитие в гармонии с природой не является главной ценностью. В условиях более

гуманистичной социально-экономической (а не хрематистической) системы и культуры, основанной на сотрудничестве, ведение войн вряд ли было бы кому-либо выгодным и возможным.

В условиях ведения войн инновационная политика государств в большей или меньшей степени ориентирована на милитаристские разработки. В.Е. Бугера, д. филос. н. в статье «Экономические причины войн XXI века» доказывает, что при монополистическом капитализме (который господствует уже более 100 лет) модернизация производства мирных товаров широкого потребления стимулируется исключительно большими войнами [58]. Может сложиться впечатление, что благодаря войнам появляются прорывные технологии, повышающие благосостояние человечества (интернет, компьютеры, атомная энергия и пр.). Однако, для появления социально значимых изобретений необходимы лишь три составляющие: проблема, изобретатель и необходимые ресурсы. Если бы ресурсы, потраченные на войны и восстановление после войн, напрямую направлялись на решение социально значимых проблем, человеческое благосостояние достигло бы небывалого расцвета. Впрочем, даже при сегодняшнем уровне развития технологий проблема дефицита является фиктивной, при другой организации общественного хозяйства проблемы дефицита оказываются легко разрешимыми [63, 366]. Тем не менее дефицит является обязательным условием существования рыночной экономики и постулат дефицита ресурсов остается неизменным в общепринятой экономической теории. Автоматизация и сокращение вынужденной занятости также становятся в актуальной социально-экономической системе значимой социальной проблемой, а не ресурсом [451, 501, 557].

В данном культурном контексте любая власть, определяя приоритеты инновационного развития общества, оказывается в рамках экономических законов современной системы хозяйствования, существующих правил политической игры и интересов сохранения своего статуса. Позиция власти по отношению к обществу является, с одной стороны, патерналистской (власть уполномочена определять

приоритеты, реализовывать и контролировать инновационное развитие общества), с другой стороны – потребительской (общество – источник пополнения бюджета налогами, военный ресурс для защиты интересов государства).

Позиции общества. В сегодняшней культуре «общество выступает скорее в роли объекта, чем субъекта» [319, С.68]. Так, исследователи, говоря о том, что «важнейшей проблемой взаимодействия бизнеса и власти является определение степени ответственности каждого из субъектов за решение социальных проблем и социальное развитие общества» [61, С. 26] исходят из категории общества как объекта управления, предполагая патерналистскую позицию власти и бизнеса по отношению к обществу.

Создается видимость значимых различий между национальными обществами, развивающимися при разных политических режимах, однако, любая власть при любом политическом режиме, в том числе демократическом, имеет и использует ресурсы управления общественным мнением и волей: репрессивный аппарат, механизм выработки правил и контроль над их соблюдением, включая возможность их избирательного применения, финансовые ресурсы на реализацию политики, поддерживающей и укрепляющей позиции существующей государственной власти и на формирование необходимого общественного мнения.

С позиций социокультурного, антропосоциетального и гуманистического подходов, общество как форма объединения людей, обладающих общими гуманистическими интересами, ценностями и целями обладает активностью в определении приоритетов собственного инновационного развития и конструирования систем инновационного развития. Инновационное развитие гуманистического общества основано на творческой преобразующей деятельности человека, приоритетом которой является решение социально значимых проблем. С позиций гуманистического подхода, лишь общество как совокупность индивидов, объединенных общими гуманистическими целями и ценностями (а не власть или бизнес) может являться субъектом *своего* инновационного развития, в том числе может развивать новые более гуманистичные формы социально-экономических

отношений, в частности, не предполагающих феномена власти или бизнеса как таковых**.**

Позиции общества в сегодняшней культуре входят в фундаментальное противоречие с позицией бизнеса и власти, что способствует понижению уровня социального доверия в обществе [316]. Популярное сегодня понятие «модернизация» в действительности не означает наличие общего курса прогрессивного инновационного развития для всех. По данным последних социологических исследований идеи о модернизации общества политических элит и остальной части общества абсолютно не совпадают [428]. Тогда как, общий контекст глобальных проблем (войны, истощение природных ресурсов, экологический кризис, экономический спад и пр.) требует выработки единой неразобщенной социальной позиции по отношению к необходимости устойчивого инновационного развития гуманистического общества.

Исследователи часто говорят о триаде «власть – бизнес – общество», подразумевая, что все три составляющие являются вершинами некоего условного треугольника, между которыми устанавливаются двусторонние отношения. Однако на практике феномен любой власти в обществе (религиозной или светской) при любом политическом режиме всегда придает обществу «пирамидальную» форму. На вершине этой пирамиды – власть вкупе с крупным капиталом, далее – прослойка малого и среднего бизнеса и общества. В такой форме направления инновационного развития общества определяются сверху, несмотря на то, что изобретательский потенциал, концентрирующий в себе ресурсы свободного творчества для решения социально значимых задач, как правило, находится «внизу пирамиды», там же проявляются и сами социально значимые задачи.

Какие бы усилия не прилагались сегодня в развитии информационного общества, общества знаний, в реализации идей устойчивого развития, без изменения социально-экономического формата взаимоотношений в обществе, пирамидальная форма организации общества будет продолжать генерировать глобальные социальные, экономические и экологические проблемы. Форма

организации общества, рассматриваемая сегодня как альтернатива пирамидальной форме – сетевая [162, 453, 480]. Также развиваются идеи осознанного общества, предполагающему активизацию недостаточно используемых в сегодняшней культуре и проектируемых новых психических функций активного сознания в любом взаимодействии между людьми [37]. Сегодняшними примерами технологий сетевого сотрудничества в самоуправляемых обществах являются открытые сообщества по разработке бесплатного программного обеспечения (Linux, Apache, Mozilla Firefox, Hadoop), сообщества по инновациям в сфере «свободной электрической энергии» (Global Wave), технологии блокчейн для локальной экономики (М. Шляпников, Р. Давлетбаев, Г. Тюрин).

Существующий социально-экономический контекст (конкуренция, элитаризм, ориентация на прибыль) своей структурой мешает реализации целей инновационного развития гуманистического общества. Тогда как сущностью инновационной деятельности является решение социально значимых проблем наиболее рациональным и этичным способом, что требует соответствующих показателей оценки эффективности инновационного развития. Фокусировка гуманистических ценностях и целях инновационного развития стимулирует появление показателей, нехарактерных для «финансово- и капитало-ориентированной системы координат» сегодняшнего общества – таких, как уровень биопотенциала страны [561] и эколого-экономический индекс регионов [51].

В современной культуре общество, с позиций власти и бизнеса является ресурсом и объектом инновационного развития существующей системы хозяйствования. Это приводит к фундаментальным противоречиям в позициях триады «власть – бизнес – общество», патернализму и потребительско-донорским взаимоотношениям власти и бизнеса по отношению к обществу.

Сегодня в «межцивилизационный период» изменяется парадигма общественного развития, происходит признание неэффективности существующих фундаментальных механизмов хозяйствования, осуществляется активный поиск новых более эффективных принципов и систем управления общественным

развитием. Область решения проблемы устранения противоречий в разобщенной пирамидальной структуре социума, лежит в развитии таких принципов и механизмов хозяйствования, которые обеспечивали бы целостность интересов общества и его элементов и деятельность социума как субъекта собственного инновационного развития. На уровне локальных экономик уже сегодня примером могут служить территориальные общества самоуправления, показавшие свою высокую социально-экономическую эффективность в разных странах [351], применение инновационных инструментов хозяйствования, например, локальных валют, дополнительных валют, банков времени [220]. На национальном уровне – сетевые технологии для совместной разработки стратегии общественного развития (портал «Разработка стратегии России 2035), для выдвижения общественных инициатив (портал «Российская общественная инициатива»). На международном уровне – сообщества по развитию инноваций, нацеленных на решение значимых социальных проблем общества (такие, как сообщество по развитию инноваций в сфере «свободной электрической энергии» Global Wave, проект «Венера» Ж. Фреско – Venus Project, общественное движение «Дух Времени» П. Джозеф).

2.3.3. Роль гуманистических ценностей в самоидентификации субъектов устойчивого инновационного развития.

Проблема самоидентификации субъекта в культурно-историческом контексте. Культурно-исторический контекст, в котором разворачивается и частью которого во многом является самоидентификация субъекта, оформляется комплексом условий. Выделим ключевые из них. Как показывает А.В. Павлов в работах, посвященных осмыслению современности, «общество как целое складывается и существует под влиянием трех условий:

1. *Я-субъекты*, упрощенно – индивиды, осуществляющие выбор и действующие в соответствии с ним.

2. *Площадка* – ограниченное и ясно очерченное локальное пространство, в котором располагаются и действуют индивиды: государственные границы, границы

культурного региона, корпорации или группы, религиозные, юридические и моральные границы, географические препятствия для переселения, распределение природных ресурсов, в целом ограниченные размеры земного шара и т.д.

3. *Навязанные коммуникации* – взаимная обусловленность и экспектации, от которых невозможно уклониться, но которые адресованы Я-субъектами, живущими на одной площадке, друг другу» [278, С. 48-49].

В общем процессе социогенеза рождающиеся индивиды и возникающие общности (в т.ч. организации) приобретают статус «Я-субъекта» в момент реального осуществления выбора, т.е. в момент волевого совершения действий в соответствии с личным (или в случае с какой-либо общностью – коллективным) замыслом. На психологическом языке этот момент (а, правильнее – моменты) можно назвать рождением личности, включением субъектной активности, активизацией сознания личности [36], которая в дальнейшем собственными выборами и в контексте внешних условий устанавливает своё бытие, самоопределяет себя в мире, оказываясь перед необходимостью совершать *поступки* в перекрестье ограничений *площадки* и *навязанных коммуникаций*. Однако до самоустановления личность, в большинстве случаев, различное время созревания, просто занимает *место* в поле культуры.

«Место», в терминах А.В. Павлова, – это субпространство, которое, «образуется в ходе социальной самоорганизации под влиянием множества экспектаций, которые индивиды адресуют друг другу, когда находятся вместе в одном ограниченном и фиксированном пространстве. <…> Оно существует параллельно частной и индивидуальной человеческой жизни: Крестьянин, Горожанин, Рыцарь, Разбойник, Король, Купец, позднее – Предприниматель, Инженер, Депутат, Ученый, Писатель, Художник, Изобретатель, Революционер, еще позднее – Бизнесмен, Модель, Шоумен, Тусовщик, Проститутка, Террорист, Бандит, Менеджер» [276, С. 111].

В процессе развития субъект (как отдельная личность, так и целая общность) может изменять и обычно в течение жизни производит смену «мест», определяя

себя в новой основной роли, идентифицируя себя с чем-то или кем-то достаточно новым, по отношению к прежнему Я-состоянию. Этот *процесс самоидентификации* (в значении самообнаружения волевого Я, самоустановления образа Я, самоформирования личности) не завершается в течение всей жизни субъекта и у разных субъектов протекает в совершенно разных формах и с различной скоростью приводя к новому самоощущению и самовосприятию.

Самоидентификация может пониматься и как процесс поиска ответа на вопросы: «кто я есть?», «где я существую?», «зачем я существую?». В контексте же социального развития имеет принципиальное значение связь между самоидентификацией субъектов и развитием общества, состоящего из конечного числа отдельных личностей, по-разному идентифицирующих себя, и в том числе поэтому по-разному участвующих в общественной жизни. Более того, *самоидентификация определяет субъективные границы «площадки» и, соответственно, определяет, как реакции на внешние экспектации, так и содержание ожиданий транслируемых самой личностью или субъектом-общностью*. Покажем это на примерах.

Если человек ощущает себя лишь в границах страны (я – гражданин России), или, тем более, города (я живу в Тюмени) или даже в границах рабочего места перед монитором, это во многом определяет его отличия в мышлении и в поведенческих реакциях от человека, который не ограничивается этим и привычно ощущает себя на планете, которая в каждый момент времени летит со скоростью более 107 тысяч км/ч вокруг Солнца (указана орбитальная скорость Земли). Нужно ощущать себя гражданином планеты, чтобы иметь возможность всерьез беспокоиться о том, как нерационально, неэффективно, расточительно, антигуманистично устроена нынешняя мировая социально-экономическая система или о голоде, об экологической катастрофе на противоположной стороне Земли. Чтобы стать восприимчивым к устройству социальных процессов, к инновационному развитию всего общества, нужно ощутить, осознать себя субъектом общественного развития, субъектом культуры и, впоследствии, удерживать данное самосознание, в

особенности в моменты принятия решений. Без этого самоосознания человек (или общность) будет не в состоянии воспринять соответствующую информацию и тем более совершать направленные на общественное развитие поступки.

Самоидентичность оказывается лимитирующим фактором восприятия информации и, далее, фокусировки сознания на том или ином предмете деятельности. Для того, чтобы направить внимание на такой общий предмет, как «инновационное развитие общества» требуется осознать себя частью человечества как целого. Именно управление самоидентификацией людей создаёт базу для манипулирования народами – только заузив самоидентичность до рамок отдельной страны (например, с помощью распространения ксенофобии) можно настроить граждан одной страны убивать граждан другой в очередной войне за ресурсы финансово-промышленной элиты.

На международном экономическом форуме в 2012-м году одним из представителей финансовой элиты, апологетом социальной стратификации общества, бывшим (с 2000 по 2007 гг.) министром экономического развития и торговли РФ, ныне председателем Сбербанка России Г.О. Грефом была крайне цинично и, одновременно, очень точно охарактеризована *проблема самоидентификации субъектов общественного развития*: «Когда люди поймут основу своего Я и самоидентифицируются управлять, т.е. манипулировать ими, будет чрезвычайно тяжело. Люди не хотят быть манипулируемы, когда они имеют знание» [108].

Если мы не хотим быть марионетками (причём не только в мышлении, но и в социальных отношениях), если мы различаем «инновационное развитие отдельных корпораций (общностей)» и «инновационное развитие всего человеческого общества», то нам жизненно необходима адекватная реальным последствиям деятельности человека, корректная самоидентификация. С позиций гуманистического подхода, *корректная самоидентификация человека невозможна до тех пор, пока он не осознает себя источником намерения и волевого усилия – не объектом чужого управления и человеческим капиталом (последнее как раз характерно для общества постмодерна), а субъектом творческой активности со*

свободной волей. Для корректной самоидентификации критически важно осознать себя источником свободной волевой активности и частью человечества, личностью, живущей совместно с другими на одном космическом корабле – планете Земля, где «площадкой» с ограниченными ресурсами является вся планета, а «навязанные коммуникации» (структурированные в форму социальных институтов и соглашений) объемлют всю планету. Навязанные коммуникации структурно поддерживают антигуманистические тенденции развития модерна, создавая крайне узкий «коридор» для коллективного поведения и поэтому подлежат глубочайшему пересмотру.

Без изменения самоидентичности достаточного числа людей, в первую очередь тех из них, от кого зависит принятие решений в области социального развития (изобретателей, инвесторов, потребителей) инновационное развитие общества невозможно, а будет лишь (как и происходит в последние столетия) осуществляться инновационное развитие отдельных общностей за счет других. В современных условиях эксплуатация меньшинством большинства в прежнем виде не может продолжаться долго и закончится либо осознанными конструктивными изменениями, либо глубочайшей общечеловеческой катастрофой, вплоть до создания глобального концлагеря или самоуничтожения человека как вида. К сожалению, как подчеркивают многие исследователи, основные тенденции пока ведут к самым худшим вариантам [54, 57, 134].

Однако, для конструктивного социального развития требуется не только осознать себя источником активности на уровне всего общества. Не менее востребованными оказываются основания для выбора направления генерируемой волевой активности. Такими основаниями выступают ценности. *В истории человечества известна только одна группа ценностей, способная на долгосрочной основе структурировать активность в конструктивном для всего общества направлении – это гуманистические ценности*. Это ценности жизни и свободы человека в максимальной гармонии с другими людьми и окружающей природной средой. Поэтому рассмотрим подробнее современный контекст взаимодействия

субъектов инновационного развития общества и роль гуманистических ценностей в их самоидентификации.

Современный контекст взаимодействия субъектов инновационного развития общества. Главной характеристикой современного контекста взаимодействия субъектов инновационного развития общества является социальная разобщенность. Инновационное развитие общества не является консолидированным процессом и не может быть таковым в условиях навязанной капиталистическим форматом конкурентной вражды между различными общностями за более выгодные условия выживания.

Институт *власти* (когда работает как система подавления воли личности, см. напр., труды Дж. Агамбена) и *институт ростовщических денежных отношений* (как система «обескровливания» общностей, см. напр., труды В.Ю. Катасонова) работают как единая структура, поддерживающая паразитические функции социального эгоизма меньшинства и систему эксплуатации большинства населения планеты [207]. Л.Н. Толстой ещё в 1900 году в статье «Рабство нашего времени», указывая на новую, *денежную форму рабства*, писал: «Рабство рабочих нашего времени только начинает сознаваться передовыми людьми нашего общества; большинство же еще вполне уверено, что среди нас нет никакого рабства» [345, С. 169].

В современной культуре основные ресурсы используются в маниакально алчных, антигуманистичных и катастрофически недальновидных (безответственных) интересах финансово-промышленной элиты, всё более концентрирующейся и всё более полно срастающейся с политической властью [2].

Таким образом, *структура общества современности* (в виде указанных социальных институтов и соответствующих социальных соглашений) не только не способствует внедрению *социально значимых инноваций* (т.е. инноваций, повышающих ценность и качество человеческих жизней), но и находится в состоянии *структурного* и *ценностного* конфликта со всеми, кто пытается внедрять такие инновации. Структурный конфликт выражается в том, что

современные социальные институты и соглашения работают на цели концентрации власти и капитала, соответственно автоматически препятствуя любым процессам децентрализации и обретения людьми свободы от эксплуатации человека человеком, свободы, как говорится, жить по-людски – без войн и нужды. Ценностный же конфликт выражается в том, что для значительной части населения планеты (включая элиту), в силу психической незрелости (не преодоленного эгоцентризма), ценности прибыли и гедонизма оказываются ведущими в организации мыслей и практической преобразующей деятельности, затмевающими ценности формируемого (что отражено в содержании официальных целей ООН) гуманистического общества и, соответственно, долгосрочной жизнеспособности общества.

В контексте инновационного развития сотрудничество изобретателей и предпринимателей в настоящее время осуществляется чаще всего с помощью специальных посредников – технопарков, венчурных фондов, научно-технических центров, краудфандинговых площадок и т.п. Прямое сотрудничество изобретателей с инвесторами и предпринимателями встречается крайне редко – если нет личного контакта, то изобретение становится интересным инвестору только уже на стадии его коммерциализации, когда инвестор несет минимальные риски, а изобретатель уже понес основные расходы на создание действующего образца.

Таблица 2.2 – Сущность конфликта между структурой действующих социальных отношений и характеристиками образа (целей) гуманистического общества

Аспект конфликта	**Современное общество финансового капитализма**	**Формируемое гуманистическое общество**
1	**2**	**3**
Доминирующие ценности	*Прибыль,* гедонизм, превосходство над другими.	*Жизнь* и свобода человека в максимальной гармонии с другими людьми и окружающей средой.
Доминирующие цели	*Концентрация власти* и капитала.	*Устойчивое изобилие*, долгосрочная жизнеспособность всего общества.
Доминирующий тип отношения к ресурсам	*Институт частной собственности (в т.ч. патентная система) – как соглашение считать приемлемым право накапливать (и удерживать от использования другими) энергию (в виде любого рода ресурсов).*	*Институт общественного достояния – как соглашение считать приемлемым использование всех ресурсов Земли ради общего блага человечества.*

Продолжение таблицы 1.2

1	2	3
Доминирующий метод управления ресурсами	*Институт денежных отношений* – как соглашение считать приемлемым право обменивать реальные ресурсы (пищу, воду, жильё, средства производства благ и т.д.) на условные знаки стоимости (деньги). В формате ростовщической банковской системы денежные отношения стали системой производства денег «из ничего», т.е. превратились в систему захвата и концентрации в руках финансовой элиты реальных ресурсов в обмен на вымышленные (фиктивные) деньги.	*Институт эффективной постоянно совершенствуемой автоматизированной логистики* (обеспечивающий своевременное производство и рациональное распределение ресурсов).
Доминирующее отношение к возможностям бытия других людей	*Институт власти* – как соглашение считать приемлемым право какой-либо личности (или группы) распоряжаться ресурсами и подавлять личность (легитимно ограничивать возможности бытия) других людей.	*Институт взаимопомощи* – как соглашение считать приемлемым общественное самоуправление, принятие ответственности за общее благосостояние и за возможности бытия каждого человека на планете.
Доминирующий тип межличностных и межгрупповых отношений	*Конкуренция* – как тип антагонистических отношений, характеризующихся борьбой за ограниченные ресурсы, стяжательством преимуществ и наиболее благоприятных условий бытия, в ущерб другим (конкурентам).	*Сотрудничество* – как тип кооперативных отношений, характеризующихся совместной согласованной деятельностью, взаимопомощью в обеспечении необходимыми ресурсами и достижении общих целей бытия.
Доминирующий характер социальных отношений	*Разобщенность* – как свойство общности, состоящее в стремлении участников к достижению частных, не взаимосогласованных и, часто, взаимоисключающих целей. *Расточительность* – как свойство хозяйственной деятельности общности, характеризующееся достижением полезных эффектов посредством трат избыточного (для текущего уровня технологий) объема ресурсов. *Антигуманистичность* – как свойство устройства общности, в которой ценности прибыли и власти доминируют над ценностями жизни и здоровья всех людей (в максимальной гармонии человека с природой и другими людьми).	*Кооперативность* – как свойство общности, характеризующееся объединением усилий участников для достижения общих целей. *Экономичность* – как свойство хозяйственной деятельности общности, характеризующееся достижением полезных эффектов посредством трат минимального или оптимального (для текущего уровня технологий) объема ресурсов. *Гуманистичность* – как свойство устройства общности, в которой ценности жизни и здоровья всех людей (в максимальной гармонии человека с природой и другими людьми) доминируют над ценностями прибыли и власти.
Доминирующая роль изобретателей	*Вынужденное обслуживание* существующей разобщающей системы.	*Ресурсное обеспечение* задач технологического развития всего общества.

Финансовая и другая государственная поддержка изобретателей осуществляется в основном через «распределительные системы» (в том числе

грантовые фонды), через призму актуальных для государственной политики критериев оценки предлагаемых инноваций (в настоящее время главным критерием остаётся способность инновации поддерживать хрематистический рост).

Гуманистические ценности как исходная точка самоидентификации субъекта общественного развития. Гармонизировать состояние совместного бытия всех субъектов инновационного развития общества возможно при двух основных условиях:

1) Соответствие гуманистических целей и ценностей общества в социально-экономической системе, работающей на принципах сотрудничества (а не конкурентной вражды).

2) Само общество (а не власть, бизнес или финансовая элита) является не только объектом своего инновационного развития, но и субъектом.

В действительности, все большее число изобретателей работают над созданием этих условий, даже несмотря на то, что на изобретателей, открыто ставящих гуманистические цели, утверждающих необходимость решения фундаментальных научных и социально-экономических проблем (поиска доступного и дешевого электричества, средств передвижения, лекарств и т.д.) зачастую навешивают ярлык эксцентричных и наивных чудаков, они отторгаются существующей хрематистической системой («а где здесь прибыль?»), их открытия обесцениваются или вовсе рассматриваются как угроза экономическому росту.

Последствия развития общества в формате финансового капитализма становятся все более разрушительными, на что указывают обострившиеся экологические проблемы, недоверие к политическим институтам, официальным (ориентированным на прибыль) медицине, образованию и даже науке, распространение физических и информационных войн, беспрецедентное в истории человечества социальное неравенство. В таких условиях резко повышается значение взаимного горизонтального сотрудничества организаций как сообществ людей с гуманистическими ценностями.

Для реализации на практике концепции устойчивого инновационного развития общества и организаций необходимо создавать эффективные механизмы прямого сотрудничества организаций и инвесторов (в роли которых могут выступать все люди) с изобретателями в целях поддержки полезных и общественно значимых изобретений и их непосредственного внедрения.

Самоидентификация изобретателя. Изобретатель (с его целями, мотивами, выбором решаемых проблем и способов их решения), как и любой человек, в большей или меньшей степени подвержен влиянию современной для него культуры. Если изобретатель идентифицирует себя как личность со свободной волей и разумом, мыслит логически и стратегично и при этом опирается на гуманистические ценности, то он периодически выходит за рамки «навязанных коммуникаций» текущего культурного контекста и поэтому способен определить фундаментальные причины значимых общественных проблем, решение которых становится предметом его исследований и изобретений. Однако, такие изобретатели встречают как мощную поддержку со стороны прогрессивно мыслящих людей, так и ещё большее сопротивление со стороны различных элитных кругов, склонных к консервации существующего общественного порядка и социально-экономического устройства общества ради сохранения своего финансового и политического статуса.

В целях усиления конструктивной формирующей инновационной деятельности, необходимой для перехода общества на путь прогрессивного и сбалансированного развития, таким изобретателям логично предложить следующий ряд задач:

1) Распространять информацию о социально значимых изобретениях через ассоциации и сообщества (в т.ч. через самые популярные социальные сети).

2) С помощью независимых признанных экспертов, посредством публикации видео с открытых демонстраций (выставок, конференций, фестивалей и т.д.) доказывать работоспособность и полезность своих изобретений, повышая доверие к ним.

3) Для целей сбора средств на создание рабочих моделей и дальнейшее развитие изобретения переориентироваться с поиска основного инвестора-бенефициара на технологии распределенных краудфандинговых ICO-технологий, подключающих к инвестированию широкие слои населения и обеспечивающих как сбор необходимых ресурсов при минимальных объемах рисков для отдельных инвесторов, так и эффективную дальнейшую социализацию изобретения, собственно создание инновации. Пример эффективного использования ICO-технологий привлечения финансирования показал известный фермер М. Шляпников, за один месяц собравший для развития своего сельскохозяйственного производства 500 тыс. долларов [311].

4) Вместо стратегии получения дохода с патента (от продажи лицензий) переориентироваться на стратегию получения дохода от результатов внедрения изобретения в конкретных производствах, применяя варианты «открытой лицензии»[27].

Самоидентификация инвестора. Если инвесторы, предприниматели самоидентифицируются не как функции и роли сегодняшней культуры, а как *авторы* поступков, активно влияющие на формирование нового типа культуры, способствующие устойчивому инновационному развитию гуманистического общества, то они уже сейчас:

1. Рассматривают социально-экономическую значимость изобретения (т.е. способность изобретения повышать ценность и качество человеческих жизней, всего общества в долгосрочной перспективе) в качестве основного показателя эффективности изобретения.

2. Расширяют формы доверительного, основанного на общих гуманистических ценностях, сотрудничества с изобретателями.

[27] Виды открытых лицензий международного уровня детально проработаны в отношении программных продуктов – класс лицензий open source, например, лицензии: GPL, LGPL, MPL и мн.др.

3. Ориентированы на доход от результатов применения открытых лицензий и от производительной деятельности с участием изобретателей, а не на доход от покупки патента или от другого участия в правах на изобретение.

Самоидентификация человека, общества. Фундаментальной основой поддержания существующей социально-экономической системы и организации общества является не человек-творец, а человек-функция (М.Фуко) человек-место (А.В. Павлов), человек-потребитель (Ж.Бодрийяр, А.А.Ильин), биоробот (В.Ф. Базарный). Соответственно, существующие тенденции в системе образования, в сфере массовой культуры направлены на воспитание «квалифицированного потребителя» [137], «зомби» [134], «биороботов» с подавленной волей и активностью [23]. С другой стороны, эпоха постмодерна открывает окно новых возможностей восходящего развития общества, поскольку «оказывается человеческим противопоставлением себя культуре и цивилизации, открытием мнимости и иллюзорности собственного бытия в качестве нарративного, функционального человека» [278, С. 164], что делает потенциально доступными возможности реальных перемен в структуре социальных отношений, а не только возможности опубликования новых мыслей о жизни.

Если человек идентифицирует себя как творец, «автор» [276], что предполагает и осознание оперативных, тактических, стратегических последствий и всей степени ответственности за свои творения (слова, действия, продукты творчества), то общество может быть идентифицировано как сотрудничество «авторов» на базе общих гуманистических ценностей. Первым и необходимым результатом такого сотрудничества может, и на наш взгляд, должен стать *социальный заказ на новую цивилизацию* [90].

Главным субъектом инновационного развития гуманистического общества может являться только само общество, частью которого являются также и изобретатели, и предприниматели. С этой точки зрения границы между данными субъектами довольно условны. Отдельная свободная творческая личность – это всегда и часть социального организма, как целого.

Самоидентификация субъекта в инновационном развитии гуманистического общества. Для инновационного развития всего общества (а не отдельных кланов), критически значимым оказывается содержание самоидентификации людей, в первую очередь – личностей, способных задействовать какие-либо значительные ресурсы. Содержание самоидентификации – это то, с чем человек себя отождествляет, кем себя ощущает, что считает «местом» своего бытия, как относится к другим, что считает приемлемым, а что не приемлемым.

В завершение, предложим ряд установок, глубокое осмысление которых, по убеждению автора, способно стимулировать процессы формирования адекватной самоидентичности (сформулированы в форме я-высказываний):

- *Я существую. И я обладаю свободной волей.* Я не биоробот и не социальное зомби. Я обладаю критическим мышлением. В частности, я не обязан делать всё, что приносит мне удовольствие. *В выборе действий я могу опираться на смыслы, а не на спонтанно возникающие желания*.
- Я живу на планете Земля, которая летит в открытом космосе вокруг Солнца с орбитальной скоростью свыше 107 тыс. км/ч и вместе со всей Солнечной системой ещё со скоростью более 800 тыс. км/ч вокруг центра галактики, которая также не стоит на месте... Земля – мой дом и моя родина. *Я считаю правильным заботиться о всей Земле*.
- *Я, как и другие люди, прежде всего, субъект, а не объект чьих-либо манипуляций*, я человек, а не «человеческий ресурс» и, тем более, не «человеческий капитал», *я живое творящее существо, а не разменная монета.*
- Я родился в антигуманистичных социальных отношениях (при которых человечеством производится вдвое больше, чем нужно, но каждый восьмой на планете голодает, а войны не прекращаются), однако *я могу осмыслить устройство общества критически и могу участвовать в проектировании и созидании новых, значительно более гуманистичных социальных отношений*.

- Я уверен, что *жизнь, здоровье и развитие человека важнее прибыли.*
- Я знаю, что *любая инновация ценна в той степени в какой повышает ценность и качество жизни людей* в максимально возможной гармонии человечества с природной средой.
- Я знаю, что *для развития общества требуется сотрудничество*, а не конкуренция.
- Я знаю, что *эгоизм* (осознанное игнорирование потребностей других людей) *не может быть разумным* (если под разумом понимать способность мыслить непротиворечиво логически, опираясь на гуманистические ценности).
- Я уверен в том, что *наука обязана служить обществу* в целом, а не любопытству отдельных ученых или интересам отдельных групп влияния.
- Я верю в *способность людей самосовершенствоваться*, в колоссальные возможности самообразования, сотрудничества и взаимопомощи ради общего блага на планете.

Данный перечень смысловых установок не является исчерпывающим, однако он отражает содержание адекватной современности самоидентичности человека, обеспечивающей гуманистическую направленность инновационного развития общества. Приведенного списка достаточно, чтобы обнаружить принципиальные различия с теми смысловыми установками, которые характеризуют «культурные туннели» для самоидентификации современного человека и которые необходимо изменить, создав новые соглашения по умолчанию. Осмысление предложенных нами и подобных им смысловых установок может применяться на всех уровнях общения в качестве формирующей психотехники, помогающей личности в самоидентификации и дальнейшем самоопределении.

Выводы по Разделу 2

1. Изобретение – результат новаторской, творческой деятельности изобретателя, направленной на поиск решений реальных проблем, задач: технологии, техники, метода, материала и пр. Основным условием «превращения» изобретения в инновацию является его усвоение в общественной деятельности, интеграция или «социализация».

2. С позиций концепции устойчивого инновационного развития общества следует различать три главных требования к проектированию устойчивых инноваций:

– *Рациональность инновации*. Инновация должна позволять решать проблему максимально эффективно и системно при минимальных затратах (в особенности – человеческого труда) на производство и эксплуатацию изобретения.

– *Гуманистичность инновации*. Все этапы и процессы инновационной деятельности должны соответствовать гуманистическим ценностям, основными из которых являются жизнь, свобода, возможности творческого развития.

– *Значимость инновации*. Инновационная деятельность должна быть нацелена, в первую очередь, на решение наиболее значимых для отдельного человека и максимального количества других людей задач, определяемых в соответствии с гуманистическими ценностями.

3. Для выявления характера инновационного развития в контексте концепции устойчивого инновационного развития общества необходимо различать виды инноваций с позиций:

- *степени обусловленности актуальным культурным контекстом* (формирующие и формируемые);
- *нацеленности на приоритеты устойчивого развития общества* (экономические, экологические, социальные и их комбинации);

– *уровню дальновидности (стратегичности) инновационных решений* (стратегические, тактические, оперативные).

Данные классификации созданы в качестве инструмента анализа общего направления инновационного развития (по отношению к основной цели долгосрочной жизнеспособности гуманистического общества) и в качестве опоры для принятия решений в целях концептуальных конструктивных изменений социально-экономического устройства общества.

4. Инновационная деятельность являет собой особый тип процессов, которые формируют реальность и сами являются формируемой реальностью. При этом инновации следует понимать, как *формирующие*, если они опираются на базовые требования к проектированию инноваций (рациональности, этичности и значимости), т.е., в целом, направлены на долгосрочное устойчивое развитие гуманистического общества, системно и конструктивно воздействуют на культуру. *Формируемые* же инновации определяются, прежде всего, целями и ценностями развития общества в актуальных культурных условиях, «обслуживают» их.

5. *Стратегические инновации* абсолютно соответствуют принципам и целям устойчивого инновационного развития общества, если они нацелены на реализацию гуманистических ценностей. Результаты внедрения таких инноваций увеличивают комплексное эколого-экономическое и социальное благополучие всего населения в долгосрочной перспективе. Стратегические инновации всегда являются формирующими (но не всегда обязательно гуманистическими) и способствуют существенным изменениям социокультурной среды, в частности, самих принципов социально-экономического устройства общественного хозяйства. Инновации могут работать на решение проблем жизнеспособности человеческой цивилизации в краткосрочном (оперативные инновации), среднесрочном (тактические инновации) или долгосрочном периоде (стратегические инновации). *Тактические инновации* носят предупредительный, профилактический характер, предполагают новые технологии существенного снижения напряженности отдельных социальных, экологических, экономических

проблем в среднесрочном периоде. Тактические инновации не влияют на базовые принципы и механизмы существующей социально-экономической системы; они инициируются и внедряются «в рамках» текущего культурного контекста, являются формируемыми. *Оперативные инновации* инициируются и внедряются в режиме устранения последствий проблем, возникающих в актуальном культурном контексте общественного развития. Такие инновации являются формируемыми, они не влияют ни на основные, ни на вспомогательные механизмы актуального социокультурного устройства общества.

6. Устойчивое инновационное развитие общества требует глубоких культурных преобразований существующей системы хозяйствования в стратегической перспективе: развития экономической, а не хрематистической системы хозяйствования, развития гармоничных экономических отношений (не обособленных от социальной сферы), объективизации процессов управления общим хозяйством. Необходимым условием таких преобразований является повышение уровня осознанности и логического мышления людей посредством кардинальных качественных изменений в образовании и культуре в целом.

7. С позиций концепции устойчивого инновационного развития общества общество является одновременно и *субъектом* (сообщество деятелей), и объектом (система социальных отношений) инновационного развития. *Предметом устойчивого* инновационного развития общества является структура общественных отношений, а *смыслом* устойчивого инновационного развития общества – реализация конструктивного человеческого потенциала посредством и с целью повышения уровня гуманистичности и долгосрочной жизнеспособности общества.

8. Анализ философских аспектов социально-экономических проблем и противоречий инновационного развития позволил выявить ряд *фундаментальных проблем и ограничений* сегодняшней системы хозяйствования, сдерживающих потенциал устойчивого инновационного развития общества:

8.1. Противоречие между гуманистическим и рационалистическим смыслом инновационной деятельности человека и приоритетами инновационной деятельности в актуальном социально-экономическом контексте.

8.2. Противоречие между гуманистической миссией и хрематистическими целями и средствами, обусловленными текущим социоэкономическим контекстом.

8.3. Противоречие между потребностями в инновационном развитии и сдерживанием инновационного потенциала и творческого ресурса.

9. Логико-смысловой и системный анализ инновационного развития общества позволил выделить следующие системные ограничения устойчивого инновационного развития гуманистического общества:

9.1. В современной капиталистической рыночной системе хозяйствования доминирующим механизмом, структурирующим социальные взаимодействия, является конкуренция, а целью и причиной активности хозяйствующих субъектов на рыке является прибыль, что привело к ситуации сверхконцентрации мирового капитала.

9.2. Концентрация капитала и расширение сфер его влияния усиливает управляемость процессом формирования прибыли как по всей «экономической вертикали» (от управления ценами на ресурсы до управления ценами на конечные продукты), так и по «социальной вертикали» (от формирования человеческих потребностей до управления человеческими возможностями). Соответственно, возрастает управляемость инновационными процессами, преобладание процессов «консервирования» принципов организации существующей элитаристской системы, следовательно, повышается риск существенного ослабления адаптивных свойств системы с точки зрения долгосрочной жизнеспособности и регрессивного (с позиций гуманизма) инновационного развития общества.

9.3. Модель экономического роста, отражающая нацеленность на конкурентоспособность, а не на долгосрочную жизнеспособность социальных систем, находится в смысловом противоречии с гуманистическими ценностями и принципами экологичности, а, следовательно, в смысловом противоречии с концепцией устойчивого инновационного развития общества.

9.4. Убежденность в идее безграничности человеческих потребностей при ограниченности ресурсов является базовой предпосылкой (во многом, имплицитной установкой) деятельности субъектов современной рыночной экономики, обусловливающей развитие культуры «общества потребления». Вследствие чего создается фокус на проблеме дефицита ресурсов в конкурентной среде вместо проблемы нерационального потребления, нерациональных технологий производства и отсутствия устойчивого инновационного развития общества на основе сотрудничества.

9.5. Концепция «человека экономического», лежащая в основе квазисвободной рыночной экономики, нивелирует роль культуры общества в конструировании экономических отношений, в частности, роль гуманистических ценностей.

9.6. Устройство современной финансовой системы способствует финансолизации экономики, еще большему ускорению концентрации капитала, а также росту социального неравенства посредством спекулятивного неэквивалентного обмена и обесценения реального труда, его действительно полезных результатов.

9.7. Современная элитаристская система социальных отношений, не адекватная сегодняшним технологическим возможностям и уровню глобальных проблем выживания всего человечества не способствует устойчивому развитию общества.

10. Рассмотренные выше системные ограничения устойчивого инновационного развития в онтогенезе жизнеспособного гуманистического

общества указывают именно на системный, структурный характер причин как глобальных проблем (нищета, загрязнение окружающей среды, войны, терроризм, социальное неравенство и пр.), так и большинства, казалось бы, совершенно личных человеческих бед по всему миру. Для высвобождения сдерживаемого сейчас инновационного потенциала социально значимых инноваций требуется внедрение новых социальных практик, согласованных с гуманистическими ценностями, что, в свою очередь, требует изменения структуры социального устройства, поиска и установления новых механизмов хозяйствования. Пока главной ценностью в обществе остаётся прибыль, человек будет оставаться средством её получения.

Чтобы достичь целостности устойчивого инновационного развития необходимо привести в соответствие устройство современного общества приоритетам ценности жизни, здоровья и свободы человека. Для этого необходимо позволить развиваться социальным инновациям, стимулирующим сотрудничество, взаимопомощь, самоорганизацию сообществ, механизмы использования достигнутого уровня знаний, технологических и коммуникационных возможностей для решения причин фундаментальных проблем устойчивого развития общества.

11. В условиях установившейся системы хозяйствования внедрение изобретений с высокой социально-экономической значимостью затруднено фундаментальными противоречиями гуманистического, социально-экономического смысла творчества, изобретательства и хрематистического смысла предпринимательской деятельности и инвестирования. Эти противоречия существенно затрудняют решение проблемы самоидентификации субъекта принятия решений в области инновационного развития. Предприниматели и изобретатели, как человеческие сущности, по сути с одинаковыми гуманистическими интересами и целями, разделены ценностями и целями искусственной организационной надстройки общества в виде рыночного и капиталистического кредитно-денежного формата хозяйствования.

12. Противоречия между позициями субъектов – участников процесса инновационного развития (инноваторов и инвесторов; представителей власти, бизнеса и общества) власти, бизнеса и общества обусловливаются приоритетами и ценностями установившегося формата хозяйствования и поддерживаемой им культуры. Область решения проблемы устранения противоречий в позициях систем власти, бизнеса и общества лежит в проектировании таких форм социальных взаимодействий, которые обеспечивали бы целостность интересов общества, сотрудничество и соразвитие субъектов общества без разделения общества на подсистемы с оппозиционными интересами.

13. Социальные формирующие инновации, опирающиеся на гуманистические ценности, способны изменить фундаментальные ценностные основы и механизмы социально-экономических систем хозяйствования и инновационного развития эволюционным способом (без насилия и потрясений). Для этого на практике необходима активизация общественной социальной инновационной деятельности, в том числе, продвижение стратегических общественных инициатив, нацеленных на решение фундаментальных проблем инновационного развития современного общества.

3. ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

3.1. Философская концепция устойчивого инновационного развития общества.

3.1.1. Ценности гуманизма как основа современного социального заказа на новый вид цивилизационной идентичности.

Современное общество переживает межцивилизационный период, т.е. состояние культуры между двумя разными ее формами, определенными устойчивыми общественными соглашениями и принятыми нормами [275], происходит становление нового типа цивилизационного развития [331]. На психологическом языке межцивилизационный период означает «период сензитивности» культуры к переменам, когда общество более обычного пластично или формируемо. На языке естественных наук, например, физики или химии, межцивилизационный период можно рассматривать как «период бифуркации», в котором возможно создать множество «точек бифуркации» [298], т.е. таких моментов, когда малейшее направленное воздействие способно существеннейшим образом повлиять на ход развития всей общественной системы.

Все больше людей на планете пробуждается от догматического сна и задаются вопросами: почему при таких высоких технологиях мы так плохо живем? Почему люди работают с утра до ночи, не имея свободного времени ни на самообразование, ни на полноценное воспитание детей, ни, тем более, на творчество? Почему в XXI в. существуют войны? Почему, даже наблюдая разрушительные последствия своих действий, люди с упорством воспроизводят решения с разрушительными последствиями?

«Полупробужденная» личность обнаруживает себя в царстве абсурда и оказывается в тяжелом положении: крайне дискомфортно многое видеть и не иметь возможности это изменить. В таком состоянии легко впасть в ловушку гнева и досады или вернуться в лоно психических защит, исказив реальность в любом из

удобных направлений. В этой связи уместно вспомнить меткое высказывание Гераклита: «Для пробудившихся людей есть один, общий, мир. А из спящих каждый отворачивается в свой собственный». Пробуждающиеся люди понимают, что так эгоистично и недальновидно жить дальше нельзя – это саморазрушительно и бессмысленно. А там, где нет смысла, там нет и культуры: содержание культуры, которое утрачивает смысл – исчезает [275], а значит, исчезает в этой части и человеческая общность. Без сомнений, «культура как сфера со своим особым бытием с очевидностью онтологически закреплена только в человеческих сознаниях и некотором их смысловом созвучии» [276, С. 108]. Этот факт определяет метод, каким может быть образован выход из сложившейся и безусловно опасной для всей культуры ситуации – необходимо договариваться о смыслах. Смыслы нужно проговаривать, их нужно обсуждать, и общие, разделяемые из них, учитывать при принятии решений, т.е. принимать как ценность.

Ценность – это функция смысла. Когда смысл используется как ориентир при принятии решений, он становится ценностью. Именно ценности, в первую очередь, определяют границы семантического пространства возможных решений. Поэтому люди, породившие сегодняшние проблемы, принципиально не способны их решить без изменения своего мышления на уровне ценностей – любые их решения все равно будут внутри уже сложившегося круга приоритетов [90]. Этот факт подсказывает нам «техническое задание» на выполнение работ по формированию общества людей с новыми ценностями. Новых не по моменту возникновения (гуманизм и просвещение декларированы давно), а по факту их воплощения в конкретной форме культуры, т.е. в цивилизации. К сожалению, простой декларацией намерений невозможно изменить мир. Чтобы изменить мир к лучшему нужно совместно вырабатывать общезначимые ценности, а для этого, в свою очередь, необходима созидательная и дальновидная активность личности, осознающей – какие действия порождены собственным «я», а какие – окружающим человека культурным контекстом.

Влияние контекста современного общества на формирование культурных ценностей. Общепринято считать, что ценностные ориентации формируются под влиянием двух основных групп факторов:

- внешних: природные, климатические, социально-экономические условия, уровень и специфика развития культуры общества и т. д.;
- внутренних: желания, предпочтения, смыслы, мотивы и интересы самого человека.

Тем не менее недостаточно изучен вопрос о степени принадлежности «внутренних» желаний самому человеку, особенно в контексте современной культуры и социально-экономической системы. Доминирующим форматом социально-экономических отношений на сегодня являются капиталистические товарные отношения. Механизм конкуренции (борьба за ресурсы и стяжательство лучших условий производства благ) обусловливает поведение человека большей частью стремлением к выгоде и конкурентным преимуществам. Современная монетарная система с возможностями «печатать» не обеспеченные товарами или реальными ресурсами денежные знаки и выдавать их под процент приводит к ускоренной и крайне политизированной сверхконцентрации сверхкапитала без необходимости производить реальные материальные блага [165, 615, 658]. Кроме того, для современной культуры характерна власть. Любая власть (хоть политическая, хоть финансовая) по своей природе стремится к абсолютной централизации [2, 3, 40, 369]. Централизация власти является ничем иным, как воплощением в общекультурном масштабе детской по происхождению и поэтому в какой-то период развития культуры видимо неизбежной незрелой позиции – эгоцентрического отношения к миру.

Стремления сложившейся, по сути, элитаристской системы к «консервации» выливаются в различные схемы навязывания потребительской культуры общества, моды, культивирования эгоистических и агрессивных мотивов, сопернического поведения. Кроме того, ценностные ориентации закрепляются во внутренней структуре личности посредством жизненного опыта и связанной с ним

совокупности переживаний [139]. Жизненный опыт индивид получает в той же самой социально-экономической системе, усваивая, как «надо» поступать, чтобы быть в ней социально успешным.

Ясно, что пока человек не является автором своих собственных намерений и желаний, пока его «Я» еще не обрело активность, он будет заимствовать смыслы из культуры, не имея принципиальной возможности полноценно осмыслить их или, тем более, создать иные смыслы. Для того, чтобы создавать или открывать новые смыслы, необходима колоссальная самодисциплина, позволяющая направлять внимание в область, лишенную заданных форм и значений, в область неизвестного, где возможно осознанно действовать только из центра своей субъективности, формируя смыслы с помощью намерения и внимания, с опорой на внутреннюю эстетику (переживание амодального смысла красоты и гармонии человека в мире). Там, где человек не может выбрать между добром и злом, именно эстетика, безмолвное переживание гармонии может подсказать правильный выбор. В этом, настоящее назначение искусства – делать человека и мир лучше. Через включение человека в резонанс с гармонией. Этим искусство отличается от мастерства, и поэтому эстетическое воспитание имеет такое колоссальное значение для всей человеческой культуры; «…выступая своеобразным зеркалом, в котором человек и человечество узнают и познают самих себя, искусство наполняет процесс самопознания иносказанием, принципиальным умолчанием той или иной информации, подсознательной невысказанностью или невысказываемостью истины о сущности человеческого бытия. Однако именно в эти моменты достигается так поражающая наше сознание глубина миропонимания как глубина предчувствия этой сущности. И тогда сущность открывается человеку, «прорывается» к человеку уже бездной смысла» [410, С. 65].

В концепции «Психонетики» О.Г. Бахтиярова детально описаны психотехнологии обретения активного сознания [37]. Это не единственный, но, пожалуй, самый яркий пример эффективного инструментария пробуждения конструктивной активности личности, освобождения сознания от оцепенения,

вызванного давлением цивилизации на индивидуальность. Однако вне культурологического, философского, психологического и экономического осмысления более активное сознание превращается просто в более хаотическое, а человек, научившийся лучше воспринимать окружающий мир и не научившийся перерабатывать эту информацию, вынужден выстраивать дополнительные психические защиты, обеспечивающие желаемый уровень комфорта. Это значит, что психотехнологии активизации сознания и воли должны сопровождаться исследованием того, как устроена современная цивилизация, каковы самые дальние последствия предполагаемых действий и какова ценность этих действий в свете прослеживаемых последствий. Оценить последние осознанно оказывается невозможно, пока осознанно же не приняты ценности, в свете которых последствия могут выглядеть желаемыми или недопустимыми. Поэтому задача проговаривания и согласования общих ценностей является ведущей для достижения долгосрочной жизнеспособности общества.

Современный культурный контекст не настроен таким образом, чтобы помогать человеку овладевать своей субъектной активностью. Напротив, на сегодня начиная со школьного возраста на ребенка воздействует целый ряд сверхэффективных технологий, подавляющих активность личности [22, 99, 205], а технологии, способные развивать активную творческую личность (такие, как психонетика О. Г. Бахтиярова, педагогическая система В. Ф. Базарного и др.) не приобретают широкого распространения из-за отсутствия «социального» заказа, в котором могла бы слиться в одно действенное целое энергия намерений многих неравнодушных людей, на личностном уровне уже избавившихся от эгоизма и направивших свои неординарные усилия на совершенствование человека и условий его жизни [102, 364, 365]. Как отмечал проницательный А. Адлер, жизнь человека ценна в той степени, в которой он способствует повышению ценности жизни других людей [6].

Без воспитания личности с активным сознанием, способной мыслить логически и гармонизировать внутренние и внешние процессы, любые культурные

тенденции, появляющиеся с целью «вырвать» человека из «порочного круга» духовных и социально-экономических проблем, будут приводить лишь к очередному догматизму. Так, например, постмодернизм, несущий основной смысл отказа от «метанаррации» – диктата со стороны так называемого законодательного разума, появился как попытка «спасти мышление после Освенцима» – освободиться от догматизма, универсализма и тоталитаризма. И тем не менее, на почве подавленной социально-психологической активности современной личности, постмодернистские установки не только склонны самоподтверждаться и канонизировать мышление с такой же силой, как «измы» [229], но и при этом давать ложное ощущение «свободы выбора» по дороге к новому рабству, возможно, ещё более опасному.

Влияние проблем современного общества на изменение культурных ценностей. Основной тематикой глобального социально-экономического дискурса в последние десять лет являются следующие проблемы: экономический спад, экологический кризис, кризис мировой финансово-кредитной системы, политическая напряженность в обществе, терроризм. Под влиянием вышеперечисленных факторов «нестабильного» развития общества на уровне международных институтов была сформирована цель устойчивого социально-экономического развития, разработаны международные стандарты и программы по устойчивому развитию: Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП, 1972), Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (1992), Международный отчет об устойчивом развитии, Руководство по «Зелёной экономике» (2012) и пр.

В целом, ситуация в мире (а именно: войны, истощение природных ресурсов, экологические угрозы, высокая смертность по причинам природных и техногенных катастроф и болезней, низкий уровень жизни и пр.) подтверждает известный тезис Б. Спинозы о «свободе как осознанной необходимости»: в настоящее время выбор только один – решать эти проблемы, осознанно выбирая пути на основе ценностей гуманизма и гармонии человека с миром. Только после устранения войн, голода,

нищеты, насилия, эксплуатации людей появится моральное право заниматься чем-то еще. В частности, социальный синергетический анализ биосферы и человечества показал, что сегодня стоит выбор между двумя основными вариантами: необратимая биосферная катастрофа или ускоренный перевод мировой экономики на альтернативные возобновляемые источники энергии [427, 512, 585].

Актуальные условия переосмысления культурных ценностей:

- социально-экономические реалии (технологическая безработица, глобальные экологические угрозы, демографическое старение[28], информационные войны, нагнетающие политическую напряженность и уводящие «ресурсы внимания» от совместного решения объективно существующих социально-экономических проблем, понимание необходимости адекватного подхода к социально-экономическому развитию на уровне международных сообществ);
- феномены, не имеющие объяснения в рамках традиционных экономических теорий и новые открытия, выходящие за рамки общепринятых концепций: неэффективность типичных схем мотивации при решении интеллектуальных и творческих задач [595];
- новейшие доказательства влияния работы сознания на физиологические и биохимические процессы [221] являются дополнительным аргументом в пользу необходимости повышения уровня осознанности и ответственности в выборе системы координат как развития отдельного человека, так и эволюционного маршрута общества в целом, а также в пользу установления приоритета духовно-нравственных ценностей над краткосрочной материальной выгодой;
- новые технологические возможности (качественно новый потенциал информационных технологий и сетевых телекоммуникаций, изобретения и открытия в области свободной и альтернативной энергии, новые технологии

[28] Согласно прогнозам ООН, к 2050 г. 22% населения Земли будет пенсионерами, а в развитых странах на каждого работающего гражданина будет приходиться по пенсионеру. Старение общества неизбежно ждет все развитые страны, а чуть позднее – и развивающиеся [667, С.9].

образования и психотехники развития активного сознания личности, обеспечивающие высокий уровень нравственности и продуктивной социальной активности)[29].

Вышеперечисленные предпосылки создают новое информационное поле для развития технологий инновационного социопроектирования, направленных на реализацию гуманистических ценностей.

Сегодня, судя по наиболее актуальным проблемам, выделяемым международным сообществом, самый востребованный «рецепт», который ожидается обществом от науки – это наиболее оптимальные пути к устойчивому инновационному развитию общества в системе гуманистических ценностей.

Таким образом, для проектирования будущего устойчивого социально-экономического общественного развития необходим социальный заказ на новую цивилизацию, в которой [90, 207]:

- ценность жизни и свободы человека важнее ценности прибыли;
- развитие технологий позволяет удовлетворить все базовые потребности людей (в пище, воде, воздухе, жилище, безопасности, средствах передвижения и общения, условий для самореализации), устранить конкуренцию и построить отношения на сотрудничестве;
- войны стали недопустимым преступлением;
- рутинную и опасную работу выполняют машины;
- люди работают не более 4-х часов в сутки;
- производится продукция и услуги для удовлетворения конструктивных потребностей людей в необходимом количестве и необходимого качества;
- деньги не являются товаром и средством накопления, а только средством обмена (т. н. «гезеллевские деньги»), ростовщичество запрещено[30];

---

[29] Такие как здоровьесберегающие, развивающие активное сознание технологии профессора В.Ф. Базарного, активное использование ресурсов сознание в теории и практике «Психонетики» [37, 38, 154], технологии развития осознанности и сензитивности в психологической практике и пр. [205].

[30] Необходимо отметить, что инициативы о запрете ростовщичества в РФ неоднократно выдвигались на Российском портале общественных инициатив, но не были поддержаны достаточным количеством голосов. Однако существует небольшая положительная динамика понимания гражданами необходимости решения данной проблемы. В 2014 году

- вместо элитаризма присутствует эффективная автоматизированная система мониторинга, использования и воспроизведения ресурсов;
- способности человека мыслить и понимать развиваются непрерывно благодаря культуре самосовершенствования человека и общностей в максимальной гармонии с другими людьми и природой.

Общие, согласованные гуманистические ценности – необходимая основа для выхода на уровень отсутствия конфликта интересов и принятия совместных непротиворечивых решений по повышению долгосрочной жизнеспособности всего общества. Такая основа является фундаментальной базой для «включения» видения системных последствий, осознания себя человеком планеты, перспективного взгляда на развитие общества, преодоления эгоцентризма.

3.1.2. Принципы устойчивого инновационного развития общества.

Общий социально-философский анализ проблемы устойчивого инновационного развития общества позволяет сделать вывод о том, что гуманистические цели и идеалы жизни и развития человека в гармонии с природой определяются закономерностями социального и духовного бытия (Гумилев Л.Н., Маркс К., Дюркгейм Э., Вебер М., Томас У., Знанецкий Ф., Клакхон К., Кребер А., Парсонс Т., Волков Ю.Г., Фролов И.Т. и др.). Вместе с тем, часто в истории происходила «подмена» смысла гуманизма, деформация гуманистических взглядов для целей обоснования определенных концепций социального развития (рынок, демократия, коммунизм, капитализм, технократия).

Чтобы избежать такой подмены смыслов, необходимо полно и однозначно сформулировать основные ценности и принципы устойчивого инновационного развития, основанные на приоритетной реализации гуманистических ценностей.

Основные ценности устойчивого инновационного развития:

данная инициатива (№ 56Ф3035) набрала всего 357 голосов «за» при 160 «против», тогда как такая же инициатива в 2017 году набрала уже более 2000 голосов «за» при 190 «против».

- ценности жизни и физического здоровья человека (это означает, что негуманистичными являются: войны, смертная казнь, пренебрежение рисками для жизни и здоровья человека, которые могут быть исключены с помощью достижений технологического прогресса);
- ценности свободы выбора человека без ущерба свободе выбора и действиям других (соответственно негуманистичны: насилие, давление, манипуляции, угрозы, шантаж, навязывание, обман, подлог, мошенничество и т.п.);
- ценности человеческого достоинства – принятие в качестве факта того, что каждый человек достоин возможностей реализации своего духовного, созидательного потенциала для обеспечения высокого качества своей жизни и жизни других людей, возможностей максимально осмысленно и продуктивно тратить время своей жизни (негуманистичны в этом случае: все потенциально автоматизируемые рутинные и опасные работы, эксплуатация человека человеком, борьба за выживание, использование человека в качестве солдата или «человеческого капитала», производство и применение отравляющих природу веществ);
- ценности гармоничного развития человека, его творческих способностей в гармонии со средой обитания (негуманистичными являются: конкуренция, голод, нищета, загрязнение экосистем, истощение ресурсов).

Ориентированное на реализацию гуманистических ценностей инновационное развитие общества нацелено на преодоление фундаментальных противоречий текущего формата социально-экономической реальности. Фундаментальные противоречия современного общества и организаций в нем проявляются во всех четырех «краеугольных камнях» или элементах структуры деятельности человеческих общностей (см. рис. 3.1).

Рис. 3.1 Логическая схема фундаментальных социально-экономических противоречий

Основные принципы устойчивого инновационного развития общества:

1) Первый принцип устойчивого инновационного развития общества и организаций в нём: *первоочередная реализация смысла прогрессивной человеческой деятельности и обеспечения долгосрочной жизнеспособности общества.* Реализация данного принципа требует однозначности в определении показателей эффективности человеческой деятельности и их разделения на *экономические – полезные результаты*, инновации, улучшения (соответствующие жизнеспособности, целям повышения благосостояния всего общества) и *финансовые (хрематистические) – рентабельность, окупаемость, прибыль* (соответствующие конкурентоспособности, целям усиления преимуществ одних групп над другими). Приоритет экономических показателей деятельности

соответствует ориентации на гуманистические ценности и необходим для предотвращения деструктивных схем инновационного развития. Например, об улучшении материально-технических условий производства или о полезных свойствах продуктов может идти речь тогда, когда они объективно улучшают качество жизни общества в целом, а не делают лишь более выгодными условия продаж или производства (более длительный срок хранения продуктов, использование дешевой рабочей силы и пр.).

В условиях капитализма и рыночной конкуренции организации и «экономики» целых стран заинтересованы в прибыли, усилении конкурентных позиций на рынке посредством инвестирования в окупаемые (обеспечивающие рост финансового и/или политического капитала) технологии производства продукции или услуг. В связи с этим, при принятии инвестиционных решений в инновационной сфере на первый план сейчас выдвигается критерий возможности коммерциализации инноваций, а не улучшение качества жизни людей.

2) Второй принцип устойчивого инновационного развития общества и организаций в нём: *гармонизация частных и общих потребностей, интересов и ценностей свободных субъектов на базе обеспечения свободного развития личности и приоритета гуманистических ценностей.* Реализация данного принципа на практике предполагает применение концепции устойчивого инновационного развития общества к развитию устойчивых инновационных систем, т.е. проектирование их таким образом, чтобы все ее элементы согласованно обеспечивали реализацию приоритетных гуманистических целей общества, первоочередное решение причин социальных проблем. В основе инновационной деятельности гуманистического общества лежит процесс творчества свободной личности, направленный на общее благо, на устранение причин общих значимых проблем наиболее эффективным и гуманистичным способом. Наиболее качественное удовлетворение потребностей человека достигается посредством лучших технологий, действующих на базе гуманистических принципов

(направленность на сохранение здоровья, жизни, развития человека, безопасности для окружающей среды).

Приоритет гуманистических ценностей предполагает:

- разработку классификации, методик и критериев оценки эффективности инноваций исходя из их социально-экономической значимости;
- объективизацию оценки, организации и общественного контроля инновационной деятельности.

3) Третий принцип: *устойчивое инновационное развитие общества принципиально осуществимо только на базе механизмов сотрудничества, а не конкуренции.* Необходимо отличать феномен сотрудничества, как позитивное взаимодействие, выгодное для всех участников от «маскировки» под сотрудничество с корыстными целями (прибыли, власти, влияния, манипуляции) – сговоры, альянсы, слияния, объединения «против кого-либо» и пр. Свободная воля как основополагающий принцип активной, творческой, созидательной личности, согласование волеизъявлений и совершенствующая деятельность на основе гуманистических ценностей возможна только в атмосфере сотрудничества. «Зацикленность» на материальной стороне жизни, на обособлении от «себе подобных», напряженность в конкуренции тормозит психическое (личностное) развитие [420], а, следовательно, и прогрессивное развитие в обществе (организации). Принцип сотрудничества не исключает соревновательности, но исключает конкуренцию.

Принцип сотрудничества предполагает развитие различных немонетарных, некоммерческих и прямых форм сотрудничества:

- между коммерческими организациями;
- коммерческих организаций с некоммерческими организациями и обществами;
- коммерческих организаций с изобретателями (финансирование разработок, лабораторные испытания, проведение экспертиз, внедрение);

– образовательных учреждений с коммерческими организациями, изобретателями.

4) Четвертый принцип устойчивого инновационного развития общества и организаций в нём: *соответствие выбора технологий и методик социальных и организационных изменений, а также смысла проводимых преобразований гуманистическим принципам и целям (соответствие целей и средств).* Например, развитие эффективных механизмов реализации конструктивных общественных инициатив, общественного контроля за эффективным использованием ресурсов инновационного развития, распределение ресурсов на осуществление инновационной деятельности в соответствии с приоритетными задачами гуманистического общества, развитие рециркуляционной экологичной экономики.

В соответствии со сформулированными принципами, логически вытекают основные характеристики устойчивого инновационного развития общества. Обсуждение характеристик необходимо для дальнейшего уточнения соответствующих критериев и показателей, позволяющих осуществлять непрерывный мониторинг и точную коррекцию процесса устойчивого инновационного развития общества.

Основные характеристики устойчивого инновационного развития общества:

1. *Высокая роль фундаментальной науки, нацеленной на решение социально-значимых проблем общества и решения стратегических задач его устойчивого гуманистического развития.* Стремление к истине, достоверному познанию присущи человеческой личности и проявляют себя вне зависимости от текущей социально-экономической системы и, зачастую, вне общепринятых культурных, научных и социальных догм (примеры: Г. Галилей, М. В. Ломоносов, Д. И. Менделеев, Н. Тесла, К.Э. Циолковский и др.). Как правило, именно такие «прорывы» являются основой для изменения доминирующей в обществе картины мира и формирования конструктивной научной базы его последующего активного развития. Другими словами, в реализации устойчивого инновационного развития главная роль принадлежит фундаментальным исследованиям. Именно они

являются базой для научно-технического творчества, создают научный потенциал, позволяющий решать стратегические задачи гуманистического развития общества и реализовывать формирующие инновации.

2. *Смыслообразующая роль общественного инновационного развития закономерно выделяется гуманитарным наукам.* В рамках гуманитарных научных исследований формулируются общественные проблемы и задачи для естественно-технических наук, определяются базовые приоритеты инновационного развития (т.е. какие задачи общества нужно решать и какие в первую очередь, каким нравственно-этическим, социально-психологическим критериям должны отвечать средства и методы решения данных задач).

3. *Приоритет формирующих инноваций.* Формирующие инновации (в отличие от формируемых) нацелены на решение причин социально-экономических проблем и на развитие психических ресурсов человека. В отличие от формируемых инноваций, реализуют идеи совершенствующей деятельности человека как свободного творца и как социального субъекта и создают благоприятный культурный контекст использования технических и естественнонаучных инноваций во благо всего человечества.

4. *Экономические отношения являются органической частью социальных отношений, служат благу общества.* Вместе с тем, рыночные законы и механизмы обособлены от социальной сферы [166, 290, 365], настроены не на служение обществу, а на получение прибыли [67, 165, 334]. Более того, в процессе расширения сфер влияния рыночной экономики, законы функционирования рынка начинают подчинять себе социальные сферы (образование, медицина, наука, искусство), превращая последние в площадку для извлечения прибыли, лишая их изначального смысла [147, 488, 599]. Инновационное развитие гуманистического общества предполагает такие экономические отношения в обществе, которые органично развиваются как часть социальных отношений, нацелены на приоритеты реализации гуманистических ценностей, устойчивое развитие и повышение благосостояния всего общества.

В частности, ярким примером дисгармоничности инновационного развития в условиях рыночной экономики является *конфликт значений одной и той же инновации для различных компаний и отраслей.* Механизм рыночной конкуренции и стремление компаний к прибыли предполагает поиск новшеств ведущих к сокращению затрат и увеличению дохода. Однако, один и тот же товар «А» (например, энергия) будет иметь разное значение для разных отраслей: для одних «А» формирует доходную часть, и владельцы капитала в данной отрасли будут нацелены на инвестирование инноваций, увеличивающих потенциальный объем потребления данного товара, а для других товар «А» формирует затратную часть, и владельцы капитала в этих отраслях будут нацелены на инвестирование инноваций, снижающих его потребление. Таким образом, конкурентный механизм современной рыночной экономики хотя и оставляет шанс для внедрения действительно экономичных инноваций, однако не обеспечивает целостную базу для непротиворечивого гуманистического инновационного развития. *Экономика страны, мировая экономика как целостная система не может эффективно осуществлять поиск оптимального решения для уравнения с максимизацией и минимизацией одной и той же переменной.* В отличие от существующей модели развития бизнеса в условиях несовершенной конкуренции, в модели межотраслевого баланса [214] и динамического межотраслевого баланса [402] при отсутствии частной собственности на средства производства проблема несогласованности целей и планов экономического развития отсутствует.

Примером опасной антигуманистичности детерминации социальных отношений рыночными и даже подчинения процессов развития человека и его творческой деятельности абстрактным рыночным механизмам служит формирование отношения к человеку и труду как к обезличенному элементу производственного процесса, необходимому для поддержания сложившейся в современной культуре системы хозяйствования и власти, что было отмечено еще в начале XIX века выдающимся философом, социологом и экономистом Т. Вебленом [67]. Симптомы антигуманистичности в экономике и социологии проявляются, в

частности, в популяризации и использовании в методологической основе научных исследований таких понятий, как «человеческий капитал», «рынок труда», «управление персоналом», «образовательные услуги», априори определяющими роль человека и человеческой деятельности как средства производства и объекта управления. Тогда как труд – человеческая деятельность, неразрывно связанная с человеческой жизнью и с другими аспектами человеческого развития, по определению, не является товаром, следовательно, «рынок труда» является фиктивным понятием [290], также как и «человеческий ресурс» или «человеческий капитал». Антигуманистичность проявляется и в допущении возможности управлять человеком (персоналом – работниками организации)[31], а не организационными процессами, совместной деятельностью, т.к. управление человеком предполагает распоряжение его жизнью и смертью, здоровьем и личным развитием, подчинение его воли. Ввод рыночно-ориентированного термина «образовательные услуги», в том числе и в научном сообществе, также говорит об опасном расширении влияния рыночных механизмов до сферы личностного развития человека, подчинения данной сферы законам рыночного «спроса и предложения», что неизбежно ведет к деградации общественного развития.

5. *Процессы организации общественного хозяйства и координации совместной деятельности максимально объективизированы.* Это предполагает, что:

5.1. Решения разрабатываются только экспертами в области принимаемых решений, выбор которых легитимирован обществом, принимаются только научно-обоснованные и одобренные большинством членов экспертного сообщества решения, последствия альтернатив решений просчитываются для всех сфер общества как на краткосрочную, так и на средне- и долгосрочную перспективу.

5.2. Реализованы прозрачные механизмы и системы мониторинга реализации решений, осуществления проектов и оценки их результатов

[31] Широко распространены такие термины в менеджменте и экономике, а также в системе образования как «Управление персоналом», «Управление трудовыми ресурсами», «Повышение эффективности человеческого капитала».

(критерии оценки разработаны в соответствии с гуманистическим подходом), осуществляется общественный контроль процесса выполнения и результатов решений, реализованы возможности гибкой корректировки, смены ответственных лиц и прочее.

6. *Управление общественными ресурсами направлено на цели долгосрочной жизнеспособности гуманистического общества.* В первую очередь ресурсы выделяются на такие инновационные проекты, которые решают общественные проблемы максимально системно, стратегично и эффективно. Такой формат хозяйствования предполагает деинфантилизацию общества, высокий уровень образованности, осознанности и социальной ответственности, сплоченности общими, по сути, однозначно понимаемыми гуманистическими ценностями.

В целом, устойчивое инновационное развитие общества предполагает первичность гуманистических целей, логичность основополагающих принципов, непротиворечивость целей и средств их достижения (т.е. средства инновационного развития общества также должны быть гуманистичными, последствия изменений должны точно осознаваться и просчитываться).

Концепция устойчивого инновационного развития общества позволяет решить фундаментальные системные противоречия и современного социально-экономического развития общества. При этом, прежде всего, потребуется привести приоритеты и принципы (цели и средства) инновационного развития и инновационной деятельности в соответствие с гуманистическими ценностями.

Продуктивность устойчивого инновационного развития общества обеспечивается высоким уровнем логичности мышления, ответственности, созидательной и конструктивной активности людей, обеспечением базовых потребностей всех людей планеты за счет современных технологий.

Предложенные в работе формулировки ценностей, принципов и характеристик устойчивого инновационного развития общества представляют собой открытый к улучшениям *проект ориентировочной основы действий в*

области принятия решений фактически любого уровня и в любой области общественной жизни, связанной с развитием.

3.1.3. Требования к социально-экономической системе, обеспечивающей целостность общественных усилий, направленных на устойчивое инновационное развитие.

Исходные предпосылки проектирования новых социальных соглашений, определяющих структуру культуры, а именно, утверждения объективной реальности произошедших существенных изменений в условиях жизни людей различных эпох основываются на объективно-диалектическом подходе. Современное общество характеризуется принципиальным технологическим обеспечением базовых потребностей человека (в жилище, продуктах питания, средствах первой помощи, физической безопасности) [364, 502]. Ещё столетие назад нельзя было этого утверждать, но сегодня стало совершенно реальным обеспечить каждому человеку на земле высокий, невиданный прежде, уровень жизни, эгоизм не нужен и потому не должен оправдываться, как необходимый для выживания [365, 545].

Гуманистический подход в формировании аксиологической компоненты концепции устойчивого инновационного развития используется в качестве общенаучного прескриптивного подхода, позволяющего определять приоритеты научного и технологического развития, проектировать образ существенно более гуманистического (чем сейчас) общества. Доказанным является факт противоречия современной *структуры культуры* (т.е. основных социальных соглашений, структурированных в форму социальных институтов) гуманистическим ценностям (прибыль в настоящее время по факту оказывается важнее жизни и свобод человека). Гуманистический подход, лежащий в основе концепции устойчивого инновационного развития общества, требует проверки любых социальных проектов и преобразований на предмет повышения или понижения ценности (качества и значимости) человеческой жизни – *всё, что повышает ценность*

человеческой жизни – гуманистично (как, например, средства лечения и улучшение экологии, увеличивающие срок активной, полноценной и социально полезной жизни человека); и напротив, всё, что понижает ценность жизни человека – антигуманистично (как, например, войны, терроризм, рутинный труд, опасный транспорт и т.д.). Принципы тектологии, также лежащие в основе концепции устойчивого инновационного развития общества, предполагают соблюдение принципа «подвижного равновесия» социально-экономической системы. Это означает, что можно установить лишь принципиальные ориентировочные цели, некоторые ценностные эвристические правила развития социально-экономической системы гуманистического общества, заложив возможности ее динамического развития и постоянного совершенствования ее структуры.

Цель социально-экономической системы. Социально-экономическая система, обеспечивающая целостность общественных усилий, направленных на устойчивое инновационное развитие нацелена на достижение *процветания всего населения планеты в условиях максимально возможной гармонии с окружающей природной средой*, которое достижимо за счет рационального ведения хозяйства, в частности:

- увеличения объёмов, качества, эффективности и экологичности производства необходимой продукции на основе применения принципов разумного потребления и поддержки социально-значимых инноваций, соответствующих принципам реальной социально-экономической эффективности, а не только и не столько – финансовой прибыльности;
- эффективного использования уже существующих изобретений и технологий, их дальнейшего прогресса посредством изменения критериев эффективности производственной и инновационной деятельности с прибыли на социально-экономическую полезность.

Так, например, сегодня можно решить на новом качественном уровне насущную для (без преувеличения) миллиардов людей жилищную проблему[32]. Уже несколько десятков лет существуют прогрессивные решения проблем оптимизации транспортной системы и безопасности транспорта[33]. Продолжают выбрасываться тонны продовольствия, которое не используется даже в качестве биотоплива при существовании унизительной для технологий XXI века продовольственной проблемы (по данным ООН количество человек, страдающих от голода по всему миру достигло в 2016 г. 815 млн. чел. или 11% населения мира [292]).

Требования к социально-экономической системе. Прогрессивное и сбалансированное инновационное развитие, в том числе научно-техническое, экономическое, социальное возможно в гармоничном, основанном на гуманистических ценностях обществе, с опорой на которые проектируется социально-экономическая структура, поддерживающая проектируемые функции социальной системы. Трансформация социально-экономической системы, обеспечивающая целостность общественных усилий, направленных на устойчивое инновационное развитие гуманистического общества предполагает:

- направленность целей общества на обеспечение его перспективной жизнеспособности и прогрессивного развития;
- соблюдение единства гуманистических целей (процветание, свобода личности, развитие) и средств (сотрудничество, организация совместного

[32] Разработаны технологии экструзионного (контурного) строительства и 3-D печати как малоэтажных жилищ (дом площадью 250 м^2 может быть построен автоматической машиной за 24 часа) так и высотных многофункциональных комплексов (Ж. Фреско, Б. Хошневис, Э. Дини и др.); существуют эффективные технологии возведения чрезвычайно экономичных в строительстве и последующей эксплуатации купольных домов высочайшей прочности (Р.Б. Фуллер и др.).

[33] Ярким примером такой инновации служит самолет ЭКИП, разработанный Л.Н. Щукиным еще в к. 80-х гг. ЭКИП – сверхэкономичный (на 60% топливо может состоять из воды – создатель топлива Э.И. Исаев, а в процессе полета дополнительно дозаправляется собираемым конденсатом), практически 100% безопасный (на воздушной подушке, без шасси, не нуждается во взлетно-посадочной полосе и при всех выключенных двигателях может безопасно спланировать с любой высоты, приземлиться на любую относительно ровную поверхность, включая водную или лёд), может перевозить от 1 до более 1000 чел., многофункциональный и сверхэкономичный. Ж. Фреско также разработаны проекты наводных, подводных и наземных высокоэффективных транспортных систем, И. Маск на практике показывает эффективность подземных транспортных систем новейшего типа Hyperloop (12 мая 2017 г. успешно прошли первые испытания левитирующего вакуумного поезда, в будущем способного перевозить пассажиров со скоростью 1200 км/ч и более с ожиданием вагона не дольше, чем в обычном метро).

труда на паритетной основе, развитие естественных организаций, активизация немонетарной мотивации к труду)[34] [102, 365];

- высокий уровень субъектности общества (общество является, прежде всего, субъектом своего развития, и уж затем объектом, определяя приоритеты социально-значимых программ и стратегию развития в целом посредством учета абсолютно всех разумных интересов и реализации свободы развития всех участников общества, нацеленных на общее благо);
- высокую культуру логического, системного, критического мышления, использование стратегического проблемно-ориентированного подхода в социопроектировании использование однозначно трактуемых понятий, отсутствие «подмены смысла понятий» [404, 160];
- отказ от «рыночного фундаментализма», понимание того, что экономика является частью социальных отношений, а не наоборот[35] [290, 660];
- нацеленность социально экономической деятельности общества и инноваций на решение реальных проблем общества, в первую очередь – социально значимых (войны, голод, бедность, преступность, высокая смертность, низкая доступность качественных медицинских услуг, финансово-политический паразитизм и т.д.) [336];
- наличие систем мониторинга эффективности социально-экономической системы по параметрам, соответствующим целям устойчивого развития общества: стратегичность решения проблемы, экологичность, качество и рациональность использования ресурсов, соответствие целей развития общества и средств их достижения гуманистическим ценностям [91];

---

[34] Данное требование логически предполагает избавление от хрематистических целей (прибыль и власть) и хрематистических средств (ссудный процент, неполное банковское резервирование, фондовые биржи, система патентования, технологии запрограммированного устаревания производимых товаров, выпуск товаров с опасными для потребителя свойствами, распространение культа потребления и т.д.) [165];

[35] Если в гуманистическом обществе на первом плане – благосостояние и развитие всех его членов в атмосфере сотрудничества, а сложившиеся экономические отношения и финансовая система не являются благоприятным фундаментом для достижения данной цели общества, то необходимо трансформировать данные экономические отношения и финансовую систему, а не адаптировать под них жизнь, цели и стратегию развития общества.

- прозрачность осуществления и мониторинга результатов (эффектов) социальных программ и проектов, которые определяются комплексом конкретных работ, ресурсов и планируемыми результатами;
- нацеленность системы образования на развитие осознанной, самосовершенствующейся, творящей личности, своим трудом повышающей значимость и качество жизней других людей [22, 99, 147].

Критерии гуманизации социально-экономической системы общества:

1. *Прекращение войн, отсутствие международных конфликтов*. Ключевое условие существования войн – разобщенность людей. В современной социально-экономической системе разобщенность людей поддерживается преобладающими иерархическими структурами управления, высоким уровнем социального неравенства, манипуляциями общественным сознанием, поощряющих развитие противоборствующих религиозных, националистических и политических идеологий. Непрекращающаяся, изменяющая лишь формы, борьба за власть и ресурсы, свойственна элитаристскому обществу и «расточительному» типу экономики. Огромные интеллектуальные, материальные и денежные ресурсы вкладываются в военно-промышленный комплекс вместо решения действительно важных общих проблем выживания и развития.

Кроме того, в сегодняшнем обществе «Война – это единственный вид бизнеса, при котором прибыль измеряется в долларах, а затраты в жизнях…» [448, С. 1]. В нарушение гуманистической этики, войны являются крайне прибыльным типом проектов для отдельных производителей и экономик целых стран, с помощью войн «решаются конфликты».

2. *Переход с механизмов конкуренции и борьбы за выживание на механизмы сотрудничества и взаиморазвития*. Как правило, конкуренция рассматривается как позитивный или необходимый драйвер экономического и социального развития. Но, если рассматривать феномен конкуренции не абстрактно, а, в русле историзма, в ее конкретном проявлении в условиях рынка и капитализма, то конкуренция:

- не приводит к росту качества жизни всего населения, в особенности в условиях сегодняшних экологических и социальных глобальных проблем [425], не приводит к росту качества товаров, а, напротив, участвует в формировании системной тенденции к снижению качества товаров [447];
- основана на ценностях эгоизма, т.к. направлена на стяжательство лучших, чем у других условий сбыта и производства (и в ущерб им, поскольку конкуренты, проиграв, лишаются необходимого ресурса). Важно отличать конкуренцию от соревнования. Соревнование предусматривает смысл развития общего направления совершенствования, а конкуренция – смысл борьбы за выживание (в том числе посредством слияний и поглощений);
- предполагает измерение успешности в виде финансовых показателей, а не действительного решения общих проблем, т.е. поддерживает этику индивидуального финансового успеха;
- приводит к концентрации капитала и власти [658], что способствует большему социальному расслоению и снижению реальных возможностей воплощения принципов демократии;
- не способствует изменениям и инновациям, выгодным для всего общества, но неприбыльным для собственников ресурсов и инвесторов.

Целям устойчивого инновационного развития гуманистического общества соответствуют механизмы сотрудничества, сотворчества и взаиморазвития в социально-экономических отношениях, системный и проблемно-ориентированный подходы, нацеленный на стратегическое решение социально значимых задач.

3. *Рациональное использование ресурсов.* Логика организации сегодняшних хозяйственных и социальных отношений, основанных на конкуренции и прибыли предполагает, что невыгодно:

- производить и продавать дешевые и эффективные лекарства;
- внедрять и применять технологии, которые лечат не симптомы, а причины заболеваний (пациент должен быть прибыльным);

- производить дешевые и качественные товары, выпускать новые модели только если они имеют значительные усовершенствования (потребитель должен приносить прибыль, т.е. покупать много и часто);
- решать проблему дефицита ресурсов или товаров, т.к. только отсутствие товара или услуги в свободном доступе может быть основанием для извлечения прибыли;
- инвестировать в развитие образованной, свободно мыслящей, творческой личности, способной конструктивно сотрудничать с другими и решать общие проблемы без необходимости быть объектом управления.

Таким образом, стратегический, эволюционный сдвиг в политике устойчивого инновационного развития и гуманизации общества не представляется возможным, пока базовыми для экономических отношений остаются критерий прибыли и механизм конкуренции.

4. *Улучшение качества производимой продукции и услуг.* Смена приоритетов экономики с прибыли на качество является необходимым ценностным фундаментом для использования самых эффективных, ресурсосберегающих и экологичных технологий. Качество может существенно повыситься при организации массового производства и эффективной логистики продукции на базе современных информационно-коммуникационных технологий с минимальными рисками перепроизводства, порчи, затоваривания, синергического сотрудничества организаций различных отраслей и предприятий одной отрасли при создании эффективных цепочек безотходных производств и комплексных услуг (системно связанных отраслей). Например, программы улучшения здоровья людей или профилактики опасных заболеваний будут более эффективными при системной интеграции с программами развития сельского хозяйства, производства, системы образования, спорта и т.д.

5. *Автоматизация труда однозначно является благом для всех членов общества.* Реализация принципов устойчивого инновационного развития нацелена

на формирование высокоцивилизованного технологически развитого гуманистического общества и предполагает:

- гуманизацию труда: рабочее место не является фактором выживания человека; базовые жизненные потребности удовлетворены; автоматизация высвобождает время, затрачиваемое ранее на рутинные операции, для творческого труда, самообразования, реализации собственных социальных проектов;
- полную фокусировку производственных процессов на социально значимом результате – качественной продукции (услугах), удовлетворяющих разумные, конструктивные потребности человека;
- максимальную автоматизацию рутинного труда;
- высвобождение времени и ресурсов, затрачиваемых в секторах «финансолизирующих» экономику (банковская, страховая, торговая, посредническая деятельность, спекуляции на фондовых биржах и т.п.);
- повышение безопасности и комфорта труда на производстве.

6. *Поддержка дальнейшего научно-технического прогресса в интересах гуманизации общества и обеспечения его долгосрочной жизнеспособности.* Реализация гуманистической направленности инновационного развития обеспечит доступность значительного числа уже имеющихся изобретений, развитие которых на сегодняшний день не выгодно поддерживать (т.к. их внедрение не обеспечивает прибыль, а, следовательно, не соответствует целям инвесторов, собственников капитала). Необходимыми условиями реализации устойчивого инновационного развития являются:

- установление приоритета социально-экономических показателей эффективности изобретений взамен показателей прибыли и прямой финансовой окупаемости инвестиций. Так, например, развитие и внедрение разработок в сфере автономных экологичных источников энергии не прибыльно и не эффективно в сегодняшней экономике, однако в экономических отношениях, нацеленных на решение социальных проблем

будет иметь первоочередной приоритет, т.к. обеспечивает колоссальный экономический эффект экономии ресурсов, улучшение экологической ситуации и повышение энергобезопасности общества;

- развитие механизмов прямой ресурсной и социальной поддержки социально-значимых изобретений;
- удаление искусственных ограничений на использование общественно полезных инновационных продуктов и технологий. Так, патентное право вместо защиты интересов частной собственности превратилось в настоящий тормоз развития и распространения инноваций вследствие такого парализующего инновационную деятельность феномена как «патентный троллинг», который распространяется в общественном организме со скоростью вируса.

В целом, ориентация инновационной деятельности на приоритеты социальной значимости, а не на прибыль соответствует принципам творческой деятельности и ее мотивационной основе на смысловом уровне (творчество связано с ощущением внутренней свободы, сопряженной с ответственным отношением к окружающему миру и другим людям). В частности, в результате исследований по мотивации учеными Массачусетского технологического Университета, Университета Чикаго и Карнеги Меллон была доказана неэффективность традиционных мотивационных схем монетарного вознаграждения для целей стимулирования в решении интеллектуальных, творческих задач [595].

7. *Решение экологических проблем.* Требуется, в первую очередь, разрешение основных противоречий современного общества между хрематистическими целями (преследование прибыли) деятельности человека в сложившейся структуре культуры и целями устойчивого (в долгосрочной перспективе) развития всего общества.

Невозможность согласования корыстных интересов на национальном и частном уровне стимулирует развитие противоречивых и фрагментарных концепций решения экологических проблем. Так, концепция «глобального

потепления» вследствие выброса парниковых газов в атмосферу привела к ратификации Киотского протокола[36], который в существующем хозяйственном порядке реализует не столько смысл сотрудничества, сколько смысл манипуляции: давление «общественного мнения» на политику стран с наиболее динамично развивающейся промышленностью с целью снижения уровня их конкурентоспособности, развитие спекулятивного рынка торговли «квотами» [173]. Только в условиях сотрудничества, приоритета единых стратегических целей прогрессивного развития гуманистического общества в гармонии с природой, возможно не просто смягчить, а решить экологические проблемы, являющиеся следствием недальновидной человеческой деятельности в рамках сложившегося хозяйственного порядка, имеющей глобальные (для всей планеты) последствия.

8. *Всестороннее развитие человека.* В современной системе мировых финансов и рыночных отношений *духовность* (как способность преодолевать эгоцентризм в практике принятия решений) и *разумность* (т.е. способность мыслить логически, непротиворечиво опираясь на гуманистические ценности) человека не востребованы и «не конкурентоспособны». Несмотря на то, что аналитические качества и высокий интеллект весьма полезны для решения любых возникающих перед человеком задач, гуманистические ценности, при этом, как правило, не являются основой для выбираемых средств решения проблем. Проблема дефицита согласованных между людьми нравственных ориентиров и дефицита логического мышления может быть решена только при помощи гуманистической по своей сущности основы человеческих взаимоотношений («нефинансовой культуры»), при помощи системы образования и науки, направленных на совершенствование человека и общества, повышение возможностей взаимной гармонии бытия всех людей.

---

[36] В 1997 г. был подписан Киотский протокол, по которому вводились нормы выбросов в атмосферу углекислого газа и водяного пара. Нарушителям нормативов предлагалось закрыть некоторые заводы или платить штрафы. Протокол вступил в силу в 2005 г., но ещё в 2002 г. его отказались соблюдать США. На страны с динамично развивающейся экономикой, не соблюдающие Киотский протокол, производится давление посредством организованного «общественного мнения».

9. *Приведение системы образования в соответствие с целями устойчивого развития общества.* С позиций гуманистического подхода и концепции устойчивого инновационного развития общества, эффективными можно считать технологии образования, «пробуждающие» и развивающие активность и осознанность личности, логическое мышление, транслирующие общечеловеческие ценности. Сегодняшняя система образования, кроме избавления от статуса «услуги», нуждается также в повышении уровня системности для обеспечения процессов развития людей, способных решать комплексные задачи, обладающих развитым научным мировоззрением, а не узкопрофильных специалистов или, тем более, «интеллектуальных» потребителей. Требуется гуманизация самого процесса образования. В частности, выдающийся ученый и новатор в области здоровьесберегающей педагогики, В.Ф. Базарный подчеркивает, что уже многие десятилетия система образования создаёт «чуждый генетической природе ребенка и человека, устойчивый моторно-закрепощенный, седалищно-согбенный, динамический стереотип», в результате чего формируется «косно-инерционная, обезволенная, инфантильная конституция людей» [21].

Нередко фиксируемая низкая мотивация обучающихся к получению знаний отчасти объясняется противоречиями содержательного выбора: при выборе профессии и соответствующего учебного заведения студенты вынуждены ориентироваться не столько на свои смысложизненные цели и социальную полезность профессии, сколько на её доходность и возможности последующего трудоустройства в текущих социальных условиях.

10. *Уменьшение уровня, а, в перспективе, полное устранение насилия в обществе.* Социальное неравенство, достигшее в 21 веке уникальных масштабов, создаёт и поддерживает условия для большинства малых и крупных социальных конфликтов (включая борьбу за территориальные и другие материальные ресурсы). Для устранения основных социальных бед (войн, нищеты, голода, высокой смертности, отсутствия доступа к качественной медицине, преступности, экологических катастроф, рутинного и опасного труда и т.д.), для преодоления

потребительства, социальной несправедливости, элитаризма, анимализации человека, манипуляций общественным сознанием требуется новая, стимулирующая сотрудничество, а не разобщенность, система «соглашений по умолчанию», структурно обеспечивающая реализацию гуманистических принципов и научного подхода к использованию ресурсов ради повышения качества жизни и возможностей бытия всех людей.

Развитие любительского спорта, кружков и секций занятости детей, разработка программ социальной защиты, работа психологических служб, и другие меры безусловно снижают уровень преступности, однако, это лишь меры несколько сглаживающие последствия, но не устраняющие причины и, следовательно, не решающие проблему. В условиях инерционного развития общества, основные антигуманистичные принципы капиталистического мироустройства: стяжательство прибыли ради преимуществ доминирования, разобщение людей, элитаризм, поддержание конкуренции и дефицита ресурсов являются фундаментальными причинами феномена преступления как «общественно опасного деяния» (из определения преступления согласно ст. 14 УК РФ).

11. *Развитие эффективной науки при поддержке системы институтов гуманизирующегося общества.* Требование к прибыльности (а не практической полезности) научных исследований, постепенная монополизация контроля в области научных публикаций и грантовой поддержки научных исследований, рост бюрократизации системы образования по всему миру закономерно приводят к тому, что действительно научный подход сменяется «наукообразностью» и сфокусированностью на требования крупнейших заказчиков. Освобождение науки от ориентации на критерий прибыльности, от давления бюрократического аппарата при одновременной ориентации на решение самых злейших проблем общества является необходимым условием для консолидированного и научно обоснованного решения самых значимых проблем людей во всём мире, для прогрессивного и устойчивого в долгосрочной перспективе развития общества.

12. *Постоянно расширяющиеся перспективы для творчества и саморазвития.* Организация эффективного решения производственных, хозяйственных и бытовых задач способна высвободить значительные ресурсы времени для самообразования и творчества современного человека. Установление приоритета реальной полезности изобретений для людей взамен приоритета прибыли создаст уникальные условия для реализации творческого потенциала и сотрудничества людей по всему миру. В условиях немонетарной мотивации к труду и главенства общечеловеческих гуманистических ценностей возможность заниматься любимым и полезным для других людей делом способна значительно повысить скорость и качество самообразования, профессионального и личностного роста, совершенствование общественной жизни в целом.

Лучший способ предсказать будущее – это его осознанное системное проектирование. Построение разумного, гуманистического общества требует освобождения от предубеждений, от циничных оправданий и недоверия друг другу, от эгоистичного поиска быстрых решений, позволяющих приспособиться к существующей антигуманистичной структуре социально-экономических отношений, базовые механизмы которой нуждаются в кардинальном изменении в соответствии с целями развития гуманистического общества. Освобождение мира от войн, голода и нищеты, от высокой смертности, ограничений в получении медицинской помощи и образования, от рутинного труда, отнимающего бесценное жизненное время возможно только благодаря пробуждению, активизации сознания и сплочению критически необходимой для этого части населения планеты. С учетом мирового масштаба глобальных проблем человечества, во многом, порожденных деконструктивными антигуманистическими принципами современного хозяйствования, общее процветание может быть достигнуто только при осмысленном эволюционном реконструировании принципов общемировой хозяйственной системы и национальных систем в русле концепции устойчивого инновационного развития общества.

Для этого необходимо создавать и широко обсуждать образ приемлемого будущего – общие гуманистические *ценности* и *цели,* в частности, осмысливать, анализировать и проектировать необходимые характеристики социально-экономических систем (общие принципы, требования к базовым механизмам, форме, принципы социальных взаимодействий), способствующих решению (а не порождению) глобальных человеческих проблем и обеспечению общего процветания и взаиморазвития общества, развитие объединяющих механизмов хозяйствования вместо разобщающих на всех уровнях и во всех сферах социальных взаимодействий. При этом, философия «стоит на страже» открытого, недогматичного мышления, способствующего глубокому и диалектичному переосмыслению и развитию самих инструментов переосмысления мета-условий и базовых механизмов развития социально-экономических систем. В «межцивилизационный период» изменяется парадигма общественного развития, происходит признание неэффективности существующих фундаментальных механизмов хозяйствования, осуществляется активный поиск новых более эффективных принципов и систем управления общественным развитием, соответствующих целям устойчивого развития общества.

3.2. Философские основания прескриптивного анализа устойчивого инновационного развития.

3.2.1. Этика инновационного развития общества в современном социальном контексте.

С позиций гуманистического подхода, высшей целью человеческой деятельности и основой счастья является саморазвитие, самореализация при достижении общего блага. Такой подход созвучен философам античности, в частности Аристотелю, который считал счастьем деятельность души в полноте добродетели, а добродетель видел, в целом, в стремлении к общему благу [14]. Однако, современная социально-экономическая система навязывает свою «этику»

инновационной деятельности – приоритет финансовых и потребительских ценностей, личного превосходства, накопления богатства. Капиталистическая система хозяйствования определяет такие критерии эффективности инноваций, как прибыльность, конкурентоспособность, способствование росту потребления и негуманистичные, по сути, правила взаимодействий участников инновационного процесса, основанные на социальной разобщенности: ограничение доступа людей к результатам инновационной деятельности посредством патентов, навязывание изобретателю ориентации на коммерческий успех инновации, а не на поиск наиболее эффективного решения социально значимых проблем, формирование «заказа» на инновации владельцами капитала или государством, а не обществом.

В соответствии с целями и ценностями сложившейся системы мирового хозяйства, изменяется сама идея социального прогресса: если первоначально прогресс трактовался как расширение человеческой свободы, то примерно со второй половины XIX в. он стал пониматься, скорее, как расширение «управляемости» – власти абстрактного государства над человеком и природой [257].

Следует назвать (вербально идентифицировать) сегодняшний социальный контекст инновационного развития общества, то положение, в котором люди:

- не распоряжаются своим временем (работают по 8 и более часов в день, так что не хватает времени ни на воспитание детей, ни на саморазвитие, ни на свои личные проекты);
- не распоряжаются своими ресурсами (большая часть заработной платы уходит на выплаты по кредитам, регулярным счетам – коммунальные услуги, пища, транспортные расходы, одежда, необходимые вещи; большая часть интеллектуальной и творческой энергии тратится на элементарное выживание, обслуживание существующей системы);
- испытывают постоянный дефицит жизненного пространства (тесные квартиры и подъезды, тесный общественный транспорт, не хватает мест для парковок и движения транспорта, очереди в различных социальных учреждениях, неэргономичные рабочие места и т.д.);

- ограничиваются в возможностях передвижения по планете (кроме необходимости оплаты транспортных расходов, необходимы визы и другие разрешительные документы);
- ограничиваются в получении достоверной информации и образования (СМИ фильтруют информацию и «делают новости», поддерживая социальные страты [2011, 397]; за получение знаний от экспертов нужно платить);
- ограничиваются в получении необходимой медицинской помощи (есть высококвалифицированные врачи, эффективные медицинские технологии и лекарства, но до сих пор дети умирают от того, что родители не могут заплатить за дорогую операцию);
- снабжаются опасными для здоровья продуктами питания (вредные пищевые добавки, повышающие сроки хранения, внешнюю привлекательность и вкусовые свойства продуктов);
- вынуждены использовать крайне опасный для жизни транспорт (менее дорогой автомобиль – менее безопасный, как если бы купивший его человек был «менее человек»; количество смертельных аварий на дорогах сопоставимо с военными потерями);
- могут быть насильно отправлены на войну убивать таких же как они (вчера они общались через интернет на форуме, а сегодня должны идти убивать друг друга, потому, что политики не смогли решить проблему другим способом или потому, что это возможность заработать на проживание);
- вынуждены подчиняться тем, кто не производит никаких реальных благ (политикам, чиновникам, банкирам) – ни продуктов питания, ни жилищ, ни знаний, ни медицинских услуг, ни техники, ни новых технологий (подлинные же герои нашего времени: школьные учителя, полицейские, пожарные и спасатели, инженеры-строители и конструкторы, неконъюнктурные и преданные своему делу врачи, изобретатели, ученые, преподаватели, журналисты и общественные деятели часто вынуждены бороться с системой, отстаивая свои права на производство полезных для общества результатов);

- вынуждены конкурировать, как будто конкуренция лучше решает проблемы, чем сотрудничество (конкурирование за прибыль лишает людей возможностей реального сотрудничества, «сталкивает лбами»);
- получают бумажные денежные знаки или виртуальные цифры (значением, стоимостью которых, по сути, управляет система центральных банков, не подчиняющихся государству) в обмен на производящий реальные блага труд [167].

Возникает философский вопрос: как следует логически верно, непредвзято, идентифицировать социальный контекст по указанным выше признакам? Следует признать, что выше перечислены признаки тотального рабства [207], что соответствует трактовке капитализма основателей экономической антропологии (К. Поланьи и М. Салинс) как более совершенной формы рабства, проявившейся через развитие исторических форм принуждения к труду: от внешнего принуждения (внешнего рабства) до современного экономического самопринуждения (внутреннего рабства) в современной цивилизации [290, 312, 345].

При идентификации современного социально-экономического контекста инновационного развития общества как вынужденного экономического самопринуждения, общество оказывается в точке выбора: продолжать создавать объяснительные конструкции эволюции «свободного рынка» и осуществлять формируемую инновационную деятельность для поддержания процессов установившегося формата хозяйствования или находить способы формирования новой социальной реальности посредством формирующей инновационной деятельности, в том числе посредством планомерного системного изменения принципов и механизмов социально-экономической системы и настройки их на устойчивое инновационное развитие гуманистического общества.

Этика устойчивого инновационного развития общества предполагает первостепенность общего блага как цели человеческой деятельности. С помощью устойчивых инноваций обеспечиваются все базовые потребности человека, а время человеческой жизни высвобождается для самообразования и творчества, для

воспитания и развития детей, для совершенствования знаний и открытия нового, производства полезных и качественных товаров и услуг, и улучшения социальной реальности в целом. Действительно, заслуживает восхищения инновационная деятельность, результаты которой делают общество всё более и более ориентированным на последовательно гуманистические ценности, продлевают продуктивную и социально-активную жизнь свободного человека, увеличивают возможности для раскрытия его творческого потенциала в максимально возможной гармонии с другими людьми и природной средой, увеличивают общее благосостояние и перспективную (долгосрочную) жизнеспособность человечества.

В случае преодоления инерционных сил сегодняшнего общества, приоритетными научными проблемами будут являться:

1) в гуманитарных науках – разработка и внедрение новых социальных, организационных, образовательных подходов и технологий, преобразующих подходы к образованию и механизмы хозяйствования в работающие на цели реализации гуманистических ценностей и устойчивого инновационного развития общества;

2) в естественно-технических науках – открытие новых и внедрение уже существующих технологий, способных избавить человека от животного уровня жизни в борьбе за выживание: технологии децентрализованной выработки свободной электрической энергии, качественная и доступная медицина, экологичные продукты питания, обеспеченность эргономичным жильем, безопасным транспортом и пр.

Осознанный выбор этических ориентиров формирует мировоззрение исследователя и предшествует самому первому этапу научного исследования или инновационной деятельности человека – формулированию проблемы, т.к. определяет базовые основания выбора проблемы, наиболее значимой из множества проблем устойчивого инновационного развития общества.

Устойчивое инновационное развитие гуманистического общества означает приоритет инноваций с высокой социальной значимостью: поддержка и

масштабное внедрение уже существующих изобретений и создание новых. *Высокая социально-экономическая значимость инновации* – это способность инновации решать значимые, актуальные для людей проблемы рационально, этично и осмысленно, в отличие от хрематистической способности инновации решать задачи получения прибыли в актуальной хозяйственной системе общества. В первую очередь, это проблемы обеспечения базовых потребностей – в пище и воде, укрытии, физической безопасности, затем это потребности в свободе передвижения, получения знаний и общении, далее – потребности в свободе творчества и саморазвитии, взаимопомощи, изменении мира к лучшему. Следует подчеркнуть, что высокая социально-экономическая значимость относится к решению реальных проблем (здоровья, образования, питания, передвижения и т.д.), а не к решению задач получения высокой нормы прибыли [87].

Примером инноваций с высокой социальной значимостью могут служить инновации в сфере автономных экологичных источников энергии, экологичных продуктов, эффективных и доступных медицинских технологий, которые способны значительно увеличить благосостояние общества, степень свободы каждого члена общества и, в целом, повлиять на формирование нового культурного контекста. Необходимо учитывать, что приоритет таких инноваций вступает в противоречие с приоритетом хрематистических ценностей и целей в системе капиталистического хозяйствования и требует глубокого пересмотра механизмов и принципов управления общественными ресурсами, направленными на устойчивое инновационное развитие общества.

3.2.2. Логика применения философской концепции устойчивого инновационного развития общества.

Выбор и применение какого-либо подхода или концепции в социально-гуманитарных науках зависит, главным образом от этических ориентиров исследователя и выбранной им парадигмы научного исследования. По Т. Куну, парадигма – базовая совокупность предположений, принимаемых в качестве законов

для изысканий [193]. Принято выделять три основных парадигмы научного исследования, обеспечивающие внутренне непротиворечивый «ракурс» познания, достигаемый на основе установления соответствия, адекватности материала мышления способам обращения с ним [203]. От того, какой парадигмы придерживается исследователь, зависит определение проблемы и предмета исследования, выбор необходимого инструментария. При этом, базовым обеспечением валидности исследования является адекватность методов исследования проблеме и предмету. Еще более точная определенность фокуса, методологической структуры и методов исследования достигается посредством точности использования научных подходов и концепций в исследовании в соответствии с общенаучными и частнонаучными объяснительными принципами.

Выбор соответствующих подходов и концепций в качестве методологических оснований исследования – это фундаментальная, опорная точка зрения, исходная система взглядов, принципов, формирующих основные направления восприятия, понимания явления, события, объекта и определяющих выбор обоснований для понимания, классификации, оценки и методов познания [327, С. 22].

Как правило, в исследованиях в инновационной сфере в качестве общенаучного подхода уместно применять системный подход, представляющий объект исследования в виде целостной совокупности элементов. Основную методологическую нагрузку в данном подходе несет категория «система», являющаяся общей для всех без исключения явлений действительности, как материальных, так и идеальных, и потому системный подход применим в любых научных исследованиях. Частнонаучные подходы имеют ограничения, в силу которых данные подходы адекватны лишь для решения определенного круга задач. Поэтому применение частных научных подходов, как правило, обосновывается на этапе конкретизации научной проблемы и предмета исследования, при формулировке конкретных задач исследования. Так, структурно-функциональный подход в исследовании общества исходит, в первую очередь, из системного видения социальной реальности, но вторым приоритетом, при этом, является установление

ее структуры и изучения функциональной связи составляющих эту структуру элементов [122]. Социокультурный подход также базируется на системном подходе, но определяет ракурс исследования рассмотрением общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека [47]. Если базовый выбор предмета исследования довольно жёстко задаётся этической позицией самого исследователя и парадигмой исследования, то выбор того или иного подхода, концепции будет определяться спецификой поставленной проблемы.

В свою очередь, опорные подходы и концепции влияют на формулировку проблемы и далее, при конструировании исследования определяют структуру научного исследования и выбор методов для решения задач исследования. При этом научное исследование практически всегда выступает в качестве отдельного составного и даже составного сложного исследования, что предполагает проведение целой совокупности промежуточных, т.н. лемматических исследований различных уровней [380, С. 32-44, 385].

Гуманистический подход занимает особое место в методологии научных исследований. Его нельзя отнести ни к общенаучным, ни к частнонаучным подходам, если рассматривать последние только в дескриптивном смысле. Так, общенаучный системный подход присущ априори любому научному исследователю, т.к. отражает неотъемлемое свойство системности любого изучаемого феномена. Гуманистический подход, в отличие от системного, предполагает сознательный выбор исследователя. В то же время этот подход не является и частным научным подходом, т.к. не требует определенного ракурса рассмотрения или интерпретации феноменов. Он нацелен на определенную ценностную ориентацию в выборе позиции рассмотрения предмета исследования и формировании методологических основ определенного исследования, в частности, в адекватном использовании как частнонаучных, так и общенаучных подходов для решения задач исследования.

Прескриптивная позиция является не менее значимой для общих результатов научного исследования, поскольку определяет направление для выбора фокуса

научных изысканий, саму тему исследований или решаемую проблему. В целом, *гуманистический подход* следует определить, как методологический подход, устанавливающий общность гуманистических ценностей и их приоритет в научной и практической человеческой деятельности. Таким образом, гуманистический подход оправданно рассматривать, как особый общенаучный прескриптивный подход. Соответственно, *гуманистический подход,* лежащий в основе аксиологического аспекта концепции устойчивого инновационного развития, позволяет исследователям и практикам сфокусироваться на гуманистическом смысле инновационной деятельности (повышать ценность и качество жизни людей в максимальной гармонии с другими людьми и природной средой) и устанавливать приоритет гуманистических ценностей в целях и средствах инновационного развития. В терминах концепции метапознания данный подход позволяет осуществлять управление номологическим и технологическим компонентами (надстройкой каждого исторического типа познания) со стороны аксиологического компонента (ценностного базиса типа познания), т.е. со стороны познавательных и общечеловеческих ценностей [383, С. 61-62; 381, С. 106-119; 382, С. 108-121]. Это делает возможным значительное формирующее воздействие на познавательную культуру, на ее существенную гуманизацию.

В русле конструктивистской стратегии познания (по В.М. Рогозину), применение гуманистического подхода исследователем означает актуализацию гуманистических ценностей в рамках «соотносительного и топического анализа» сложных объектов [304, С. 151]. Проблема согласованности стратегии познания особенно актуальна для междисциплинарных исследований сложных объектов (таких как социум, инновации, творчество, свобода, социальная справедливость и других). В этом случае гуманистический подход позволяет опереться на общий ценностный фундамент: расставить акценты в исследовательских вопросах и сконструировать методологию научного исследования таким образом, который позволил бы осмыслить разные изучаемые стороны сложных объектов с целью гуманизации социальной реальности. Таким образом, гуманистический подход

является аксиологическим «стержнем» концепции устойчивого инновационного развития общества.

Для гуманизации общественного развития, в терминах М. Фуко, необходима рефлексия диспозитива, задающего «матрицу» инновационного развития общества наличным комплексом «власть-знания» с позиций гуманистических ценностей и развитие когнитивных и инновационных практик, формирующих гуманистический вектор развития общества. В качестве одной из главных таких когнитивных практик может выступить применение концепции устойчивого инновационного развития в научном познании на каждом из этапов исследования в инновационной сфере общества.

Под *концепцией устойчивого инновационного развития общества* понимается совокупность (система) онто-гносеологических принципов и методов научного поиска в сфере устойчивого инновационного развития общества – базовые принципы (положения) относительно того, как на данном этапе развития стоит подходить к решению проблем в данной области.

Т.к. данная концепция сформирована с опорой, прежде всего, на гуманистический подход и базовые принципы тектологии, то ее применение в научных исследованиях в качестве методологических основ имплицитно предполагает применение гуманистического подхода к инновационному развитию общества и тектологических принципов.

Стратегия применения концепции устойчивого инновационного развития общества в трех основных научных парадигмах. Стратегия применения концепции устойчивого инновационного развития общества определяется парадигмой научного исследования. Рассмотрим специфику применения данной концепции в трех основных научных парадигмах.

Естественнонаучная парадигма (преимущественно позитивистская, реактивная, объективная, можно сказать, объективистская) предлагает изыскивать средства исключения субъекта познания из структуры самого получаемого знания (требование объективности) [203]. Соответственно,

исследования в сфере инновационного развития общества в русле естественнонаучной парадигмы предполагают фокус на изучении наблюдаемых условий, результатов инновационных процессов в конкретных культурных контекстах, институциональной структуры национальных, региональных инновационных систем и существующих регламентов взаимодействия участников инновационного процесса, в частности правовых аспектов. Попытки изучать инновационное развитие только в рамках естественнонаучной парадигмы зачастую приводят к тому, что творческая деятельность человека, взаимосвязи и взаимоотношения участников инновационного процесса неоправданно «объективизируются», рассматриваются как абстрактные, обезличенные, детерминированные данным культурным контекстом. Яркий пример теории инновационного развития общества в русле естественнонаучной парадигмы – теория эволюции технологий А. Брайана, предполагающая саморазвитие технологий по аналогии с отдельными нейрофизиологическими и биологическими процессами [445].

По сути, с позиций концепции устойчивого инновационного развития общества в естественнонаучной парадигме, само инновационное развитие общества, как феномен, полноценно изучаться не может, т.к. инновационное развитие предполагает активную творческую позицию субъекта в формировании новой социальной реальности. Тем не менее, в рамках данной парадигмы гуманитарными науками могут решаться различные узкие методические и инструментальные проблемы инновационного развития. Например, проблемы совершенствования проектных и оптимизационных экономико-математических методов, анализ объективных, независящих от исследователя наблюдаемых последствий и эффектов разных систем инновационного развития (социального неравенства, экологической безопасности, вовлеченности жителей в процессы управления, доли инновационной продукции в производстве и т.п.), анализ исходных условий начала внедрения той или иной инновационной практики, замеряемых в объективизированных показателях, проблемы эффективной

адаптации методов и технологий устойчивого инновационного развития к конкретным условиям и ситуациям.

Герменевтическая парадигма (субъектная, гуманистическая, личностно-ориентированная, активная, можно сказать, субъективистская) в противовес естественнонаучной парадигме помещает в фокус внимания содержание субъективного опыта, предполагает определение роли субъективного в мироздании, изучение культуры, сознания как субъективного и социального феноменов (мыслимого, переживаемого, проговариваемого). Исследования в герменевтической парадигме балансируют на грани познаваемого и непознаваемого, изучая творчество, как психический трансцендентный недетерминированный феномен [43, 69, 251], свободу воли [98, 361, 586], счастье, смысл жизни [14, 35, 350], ценности [42, 157, 199], индивидуализм и универсализм [43, 66, 238, 406]. Отвечая на вопрос «как субъективное вписано в общую механику мироздания?», исследования в герменевтической парадигме решают важную проблему поиска универсальных ориентиров формирования социальной реальности – общечеловеческих ценностей и раскрытия высших смыслов – добра, красоты, истины. Исследования, проводимые в гуманитарных науках в рамках субъектной парадигмы, являются ключевыми в понимании основных субъектных феноменов инновационного развития общества – свободы, творчества, любви, духа, ценностей, выбора.

Таким образом, предметом исследований в сфере инновационного развития в рамках герменевтической парадигмы являются ценности, смысл и феномен творческой деятельности, социальная сущность личности и прочие базовые феномены и понятия, необходимые в качестве методологических оснований в практике устойчивого инновационного развития гуманистического общества, а также способы пробуждения, активизации личностной творческой активности.

Формирующая парадигма (психотехническая, преобразующая, деятельностная, можно сказать, деятельная) предлагает выход за рамки субъектно-объектного противопоставления путем исследования мира, сознания,

культуры как процессов, зависимых от преобразующей деятельности исследователя. Формирующая парадигма ориентирована на познание человека (и субъекта вообще) как деятеля в событии. Проблема исследований в формирующей парадигме сопряжена не столько с деятельностью, сколько с самим деятелем как событием, с человеком как моментом деятельности (по Л.С. Выготскому). Человек, как субъект инновационной деятельности – состояние, которое не может непротиворечиво рассматриваться в отрыве от контекста. В прагматическом плане формирующая парадигма нацелена на снятие противоречия между необходимостью в получении, использовании знания и возможностями его получения и использования человеком [203]. Предметом исследований в формирующей парадигме может выступать непосредственно сама инновационная деятельность, как процесс качественного преобразования социальной реальности. Т.е. предметом исследований в широком смысле может являться непосредственно само инновационное развитие общества. Объектом исследований в сфере инновационного развития для гуманитарных наук может являться формирующая работа с сознанием, психикой, в том числе с экстеропсихикой, инновационная деятельность, опыт такой работы и ее закономерности, новообразующая практика.

Приоритеты в познании – человек как событие, предметы и способы преобразующей инновационной деятельности, содержание и механизмы опыта работы с психикой и социальной реальностью, оказывающей значительное влияние на формирование психики, процедуры социопроектирования, технологии личностного развития через новообразующую деятельность. Логика общенаучной формирующей парадигмы больше других парадигм соответствует структуре задач формирования устойчивой инновационной системы, прогрессивного и сбалансированного развития гуманистического общества, устойчивого инновационного развития общества.

Логика применения концепции устойчивого инновационного развития на разных этапах научного исследования. Вне зависимости от выбранной парадигмы научного исследования, опираясь на концепцию устойчивого

инновационного развития, исследователь фокусируется на реализации общих гуманистических ценностей на следующих этапах:

1. *Выбор проблемы для решения.* Это определение темы исследования, этап, на котором решается вопрос о том, где (в какой части человеческой жизни) и для чего именно (для решения каких реальных трудностей) не хватает достоверных знаний, на поиск которых и будет нацелена деятельность ученого. Опора на концепцию устойчивого инновационного развития обусловливает нацеленность исследования на решение очевидно злободневных проблем людей с самыми антигуманистичными последствиями для долгосрочной жизнеспособности всей человеческой общности. Тема исследования, не соответствующая этому условию с позиции концепции устойчивого инновационного развития общества не может быть признана актуальной, поскольку не предполагает достижение наиболее востребованных обществом знаний в научной области соответствующей квалификации ученого. Этот этап научного исследования является критически важным. Ученый на этом этапе исследования обязан опираться на результаты анализа социального заказа. Иное (например, выбор темы исследования в соответствии с личными предпочтениями) – эгоистично и недальновидно, т.е. безответственно.

2. *Выбор фокуса научного исследования.* Исследователь формулирует предмет познания в определенной научной парадигме. Так, например, при изучении благосостояния (как одной из важнейших целевых функций инновационного развития общества) в естественнонаучной парадигме предмет исследования представлен объективно измеримыми аспектами благосостояния. Однако, в зависимости от опоры на тот или иной подход в рамках данной парадигмы благосостояние может пониматься по-разному и, соответственно, определяться через разные параметры. В современных исследованиях благосостояние, как правило, измеряется через финансовые показатели. Концепция устойчивого инновационного развития, в свою очередь фокусирует внимание исследователя на социально-экономическом и экологическом смысле благосостояния, которое может быть

измерено через экологические показатели (экологичность воды, воздуха, почвы), социальные (степень свободы самоопределения в обществе, качество гуманистических аспектов образования) и экономические показатели (обеспеченность жильем, качественной медициной) и пр.

3. *Моделирование структуры научного исследования.* Структура и весь ход научного исследования должны обеспечивать соответствие и адекватность использования общих и частных научных подходов, теорий, концепций и научных методов для решения задач исследования. Структура исследования должна удовлетворять требованиям соразмерности, полноты и непротиворечивости [380, С. 72-80]. Например, анализ приоритетов инновационного развития проводится на основе концепции устойчивого развития, теоретически согласованной с реализацией гуманистических ценностей. При этом общепринятая методика оценки эффективности инновационного развития «Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям» не соответствует задачам исследования и логике концепции устойчивого развития. В таком случае встает вопрос о необходимости разработки новой методики оценки эффективности инновационного развития и соответствующей системы показателей [91].

4. *Оценка и интерпретация результатов исследования*. Концепция устойчивого инновационного развития общества позволяет фокусировать внимание исследователя на гуманистических аспектах, раскрытии полученных результатов с точки зрения актуального уровня и потенциала устойчивого инновационного развития гуманистического общества. Так, например, с позиций данной концепции результаты анализа активности в сфере социальных инноваций могут быть проинтерпретированы с точки зрения необходимости приоритета фокуса социальных инноваций на решении наиболее социально значимых проблем общества. Концепция устойчивого инновационного развития общества может являться ракурсом анализа уже имеющихся исследований по теме, инструментом извлечения качественно новых выводов, основанием для выбора параметров анализа и критериев оценки результатов новых ещё проектируемых исследований.

5. *Оценка теоретической и практической значимости результатов исследования.* С позиций концепции устойчивого инновационного развития общества исследователь может судить о степени значимости результатов научного исследования для инновационного развития «зародыша» гуманистического общества, об уровне постановки проблемы в сфере устойчивого инновационного развития (стратегическом, тактическом, оперативном), а также о принципиальном соответствии или несоответствии проводимого исследования гуманистическим ценностям. Так, теория «свободной экономики» Й.С. Гезелля, принципы которой были многократно и в разное время реализованы на практике и доказали свою высокую социальную, психологическую и экономическую эффективность, стали примером позитивного формирующего воздействия на инновационное развитие общества и, таким образом, имеют несопоставимо большую теоретическую и практическую ценность с позиций концепции устойчивого инновационного развития общества, чем, например, теория экономических циклов Н.Д. Кондратьева, базовые объяснительные аргументы которой основаны на количественной теории денег и теории волнообразного эволюционного развития при капитализме. Н.Д. Кондратьев рассматривал феномен экономического развития с позиций естественнонаучной парадигмы, утверждая циклический характер подъёмов и спадов социального, экономического и культурного развития общества. Несмотря на то, что полученные Н.Д. Кондратьевым результаты анализа экономического, социального и культурного развития капиталистических стран весьма познавательны, идеи Й.С. Гезелля принципиально перспективнее в плане использования для решения задач социопроектирования гуманистического общества и формирования устойчивой инновационной системы его развития.

Другим примером может служить изучение сущности и последствий введения и защиты института частной собственности (как защищаемого государством права удерживать в том числе лично не произведенное и лично не используемое). В первую очередь – *права собственности на землю*, как указывали Л.Н. Толстой (в статье «Рабство нашего времени»), Й.С. Гезелль, К. Поланьи, В.Ю. Катасонов и

другие великие умы. С позиции концепции устойчивого инновационного развития общества, социальное, экономическое, психологическое, и в целом общекультурное значение таких исследований невозможно переоценить. Исследований в этой области должно быть ровно столько, сколько нужно, чтобы преодолеть самую жёсткую, предельно тотальную в истории человечества форму рабства – денежную. И пока мы не преодолели это постыдное положение вещей, гуманитарных исследований в этом направлении должно быть как можно больше.

Современная межцивилизационная эпоха предполагает качественную смену многих норм общественной жизни и переоценку значительной части ценностей [275]. Вариантов эволюции культуры в такие времена множество, но не все из них ведут к инновационному развитию гуманистического общества. В такие периоды необходимо последовательное культивирование творческой субъектности каждого человека, не обусловленное только наличным культурным контекстом, но выходящее за рамки этого контекста, в будущее, и опирающееся на общечеловеческие гуманистические ценности. Методология научных исследований и разработки инновационной политики общества, если она будет опираться на концепцию устойчивого инновационного развития будет способствовать существенному повышению эффективности научных усилий в контексте достижения целей устойчивого развития общества. Важно, чтобы ученые осознавали свою высочайшую социальную ответственность в достижении целей устойчивого развития общества. Концепция устойчивого инновационного развития общества позволяет пересмотреть приоритеты своей научной деятельности, а также критерии оценки результатов деятельности других исследователей.

3.2.3. Методологические требования к осмыслению эффективности инновационных систем, направленных на устойчивое инновационное развитие общества.

Проблема целостности методологических основ развития социально-экономических и инновационных систем является ключевой в достижении их

максимальной согласованности и эффективности. Под эффективностью инновационной системы или ее подсистем в общем смысле понимается оценка качества реализации поставленных перед инновационной деятельностью целей и приоритетов. С позиций концепции устойчивого инновационного развития общества цели и приоритеты инновационного развития ориентированы на реализацию гуманистических ценностей и долгосрочную жизнеспособность общества.

В соответствии с логикой инновационного процесса, инновационная система должна быть осмыслена и оценена в каждой из своих структурно-функциональных подсистем. Инновационный процесс, а именно процесс создания и распространения новшеств, укрупненно включает в себя научные исследования и разработки (НИР), экспериментальную апробацию, освоение и последующее тиражирование (распространение) новшества [432, 565]. Следовательно, изначально, можно выделить два значимых элемента инновационной системы: наука и социально-экономическая практика.

Деятельность науки определяется двумя основными факторами: целями, которые ставит перед ней общество и имеющимися интеллектуальными и информационными ресурсами. В связи с достаточной развитостью информационно-коммуникационных технологий в современном обществе и доступностью международных баз данных и знаний, «информационный голод» утратил свою силу, как ограничивающий фактор инновационного развития. Наиболее дефицитным и востребованным становится ресурс инновационного, критического, творческого мышления человека и его способностей эффективно работать с информацией, максимально используя потенциал современных технологий информационного общества. Образование играет в данном случае ключевую роль в развитии необходимого человеческого потенциала для повышения инновационного потенциала социально-экономической системы [564].

Важным ключевым моментом в формировании направления научно-исследовательских и инновационных усилий служит система социокультурных ценностей и целей государственной инновационной политики [308, С. 220, 466].

Учитывая специфичный характер взаимосвязи и взаимодействия государственной политики с инновационным процессом, ее часто рассматривают как отдельный элемент инновационной системы [432].

Поддержка НИР, стартапов и других инновационных проектов осуществляется государством, частными инвесторами, меньшей частью – с помощью краудфандинга. Сетевые структуры, процессы, мероприятия, стимулирующие взаимодействия инвесторов и инноваторов, финансирование инноваций, осуществляющие разноплановую поддержку предпринимателей объединяются понятием «инфраструктура поддержки инноваций» [432].

Основные человеческие потребности (в воздухе, воде, пище, сне, движении, потребности в безопасности, в общении и признании, в самоактуализации) являются постоянными, значимыми вне зависимости от социального положения или особенностей культурной среды той общности в которой воспитывается и живёт человек. Тем не менее, то, каким именно образом удовлетворяются эти потребности в обществе, определяется взаимодействием двух основных систем: системой социокультурных ценностей (определяющей желаемую форму их удовлетворения) и социально-экономической политикой (формирующей фактическую форму их удовлетворения) посредством, в том числе, управления инновационным развитием общества. Таким образом, можно выделить следующие *структурные элементы инновационной системы*:

- *наука* (научные исследования, эксперименты, НИР);
- *образование* (система передачи знаний и умений, формирование социокультурных ценностей, типа мышления, технологии обучения, работы с информацией);
- *инфраструктура поддержки инноваций* (сети венчурных фондов, технопарков, программ государственной поддержки инноваций, системы грантов и субсидий для развития малого бизнеса и инновационных проектов, конкурсов, мероприятий, стимулирующих международные, межрегиональные и локальные связи и коммуникации инвесторов, потенциальных клиентов и новаторов);

– *инновационная политика* (система целей, приоритетов инновационного развития, программы инновационного развития, поддержки инновационных проектов, развития инновационной инфраструктуры).

Отдельно можно выделить *социальные инновации*, направленные на формирование и реализацию системы социокультурных ценностей и целей через социальные инновационные проекты. Например, проект кооперации изобретателей в сфере свободной энергии «народная лаборатория» или проекты создания эко-поселений, формирующие новую культуру сотрудничества и личностного творческого развития в гармонии с природой).

Исходя из основ концепции устойчивого развития необходимо выделить три основных целевых функции инновационной системы [421]:

1. *«Экология»*. Подразумевается значительное улучшение экологической обстановки территории, снижение ресурсоемкости производства материальных благ, разумное потребление в быту, сохранение и умножение биоразнообразия.

2. *«Благосостояние»*. Понятие благосостояние в концепции устойчивого развития включает в себя не только обеспеченность материальными благами и финансовые доходы, но и здоровье населения, состояние запасов природных ресурсов.

3. *«Человек»* (или «Социальная сфера»). С гуманистической точки зрения устойчивое развитие социально-экономической системы ценно не само по себе, а для достижения целей творческой конструктивной реализации человека, более полного раскрытия человеческого потенциала.

С позиций концепции устойчивого инновационного развития общества приоритетом инновационной деятельности является долгосрочная жизнеспособность общества, а не текущая конкурентоспособность. Жизнеспособность общности на определенной территории подразумевает гибкую, сбалансированную систему ее жизнеобеспечения, экологичности экономики, естественную организацию реализации долгосрочной стратегии социально-экономического развития, самодостаточную включенность в процессы обмена

(товарами, оборудованием, технологиями, знаниями) в национальной и мировой экономике знаний, социально-экономическую систему, нацеленную на приоритет реализации гуманистических ценностей.

Устойчивое инновационное развитие общества нацелено на формирование социально-экономических реалий, способствующих долгосрочной жизнеспособности общества, тогда как конкурентоспособность определяет потенциал выживания объекта в актуальной социально-экономической системе в краткосрочном и среднесрочном периоде. В связи с этим, определение социально-экономического эффекта от инновационной деятельности (стратегического, тактического, оперативного) имеет большое значение для рефлексии соответствия инновационной системы приоритетам устойчивого социально-экономического развития и гуманистическим ценностям. Поэтому, выделим *типы социально-экономических эффектов инноваций* по интегральному критерию значимости задач и глубины их решения:

1. *Стратегический*. Инновации, имеющие стратегический социально-экономический эффект, увеличивают потенциал долгосрочной жизнеспособности за счет решения фундаментальных противоречий и устранения причинных оснований процессов, препятствующих устойчивому социально-экономическому развитию территории.

2. *Тактический*. Инновации с тактическим социально-экономическим эффектом замедляют или снижают воздействие процессов, негативно влияющих на долгосрочную жизнеспособность общества, способны повысить среднесрочную конкурентоспособность какой-либо общности или общностей.

3. *Оперативный*. Инновационные технологии, имеющие оперативный социально-экономический эффект, направлены на повышение эффективности борьбы со следствиями процессов, негативно влияющих на долгосрочную жизнеспособность общества.

Таким образом, процесс разработки модели оценки развития инновационных систем, направленных на устойчивое социально-экономическое развитие должен включать в себя следующие ключевые аспекты:

- основные структурные элементы инновационной системы: наука, образование, инфраструктура поддержки инноваций, инновационная политика;
- общие целевые функции инновационной системы в соответствии с целями устойчивого социально-экономического развития: «Экология», «Благосостояние», «Человек»;
- уровни инноваций по критерию социально-экономической значимости: стратегический, тактический, оперативный.

Сформулированные требования к построению структуры модели могут выступать основой для формирования конкретных технологий и механизмов стандартизированного мониторинга и оценки качества реализации поставленных приоритетов инновационной системы.

Инновационная деятельность – одно из основных средств общественных культурных преобразований. Эффективное управление инновационной деятельностью на государственном уровне при условии согласования интересов государства и общества (оперативных, тактических и, в особенности стратегических) способствует устойчивому инновационному развитию гуманистического общества. Для повышения эффективности управления инновационной системой необходимы соответствующие методические разработки, учитывающие оценку соответствия инновационных приоритетов целям устойчивого развития, а также механизмы соответствующих оперативных корректировок процессов управления инновационными системами с целью их максимального соответствия целям устойчивого развития общества.

Одной из важнейших научно-методических социально-экономических задач на сегодня в сфере инновационного развития социально-экономических систем является разработка системы показателей, методик и механизмов оценки развития устойчивых инновационных систем в рамках методологических подходов и

концепций, соответствующих целям долгосрочной жизнеспособности общества. Важными научно-практическими вопросами реализации соответствующих методик оценки являются разработка схем взаимодействия институтов оценки, алгоритма процесса мониторинга, требований к информационной базе и технологии поддержки как самого процесса оценки развития устойчивых инновационных систем, так и принятия управленческих решений на ее основе.

3.3. Применение философской концепции устойчивого инновационного развития к анализу актуальных феноменов инновационной сферы общества.

В данном разделе приведены исследования актуальных феноменов инновационного развития современного общества в различных гуманитарных науках: экономике, социологии, психологии, политологии, социальной философии. Нижеприведенные исследования опираются на концепцию устойчивого инновационного развития общества и являются примерами приложения разработанных автором онто-гносеологических принципов и методов научного поиска и базовых положений концепции устойчивого инновационного развития для целей решения конкретных исследовательских задач в сфере инновационного развития общества.

3.3.1. Экономическое исследование эффективности инфраструктуры поддержки инноваций.

В исследовании эффективности инфраструктуры поддержки инноваций в качестве методологических оснований использовалась концепция устойчивого инновационного развития общества. Предметом исследования являлись результаты инновационного развития. Цель исследования – оценка эффективности инфраструктуры поддержки инноваций на примере работы технопарка Тюменской области. Для решения комплексной проблемы согласованного развития инновационной и социально-экономической систем был использован метод морфологического анализа. Морфологический анализ представляет собой синтез

общенаучных методов: классификация, типологическое обобщение, функционально-структурный анализ системы, логическое установление причинно-следственных связей. В используемой для анализа морфологической таблице было выделено три основных аналитических разреза: структурно-функциональные блоки инновационной системы, целевые функции и характер социально-экономических последствий инноваций [88].

В русле основных концепций развития национальных [490, 491, 564, 583] и региональных [432, 443, 466, 588] инновационных систем были выделены следующие структурно-функциональные элементы инновационной системы (подсистемы): наука, образование, социальные инновации, инновационная политика, инфраструктура поддержки инноваций. Каждая подсистема является как самостоятельной единицей морфологического анализа, так и элементом для комплексного анализа инновационной системы региона. В данном исследовании представлены результаты морфологического анализа одной из подсистем инновационной системы региона – инфраструктуры поддержки инноваций – на предмет соответствия целям устойчивого развития региона [86].

Основные приоритеты (целевые функции) инновационной системы любой территории в соответствии с триединой концепцией устойчивого социально-экономического развития [668] определялись исходя из ее экологической, социальной и экономической составляющих, и, в целом, исходя из цели долгосрочной жизнеспособности гуманистического общества.

Экологический аспект в морфологической таблице обозначен через целевую функцию «Экология» и подразумевает обеспечение здоровой целостности биологических и физических природных экосистем (включая среду обитания человека), а именно, их способности к самовосстановлению и долгосрочной жизнеспособности.

Социальный аспект в морфологической таблице выражен через целевую функцию «Человек». Данный аспект предполагает повышение конструктивного влияния каждого индивида на развитие общества и создание обществом условий для

прогрессивного личностного и социального развития людей; отсутствие разрушительных конфликтов между людьми, решение проблем посредством механизмов сотрудничества, а не конкуренции.

Экономический аспект (в морфологической таблице – целевая функция «Благосостояние») подразумевает долгосрочное сбалансированное экономическое развитие, направленное на рост качества жизни, сохранение и обеспечение необходимого биопотенциала региона за счет развития высокотехнологичных и экологичных производств, природо-, энерго-, и материало-сберегающих технологий.

Таблица 3.1 – Характеристика подсистемы «Инфраструктура поддержки инноваций» инновационной системы региона, направленной на его устойчивое социально-экономическое развитие (морфологическая таблица)

Тип соц.-эк. Эффекта (i)	Целевые функции инновационной подсистемы (j)			
	Э «Экология»	Б «Благосостояние»	Ч «Человек»	Интегральная целевая функция – «Жизнеспособность»
1	**2**	**3**	**4**	**5**
1. Стратегический (С)	**СЭ.** Поддержка инноваций в области альтернативных 100 % безопасных экологичных источников энергии и технологий производства товаров и услуг.	**СБ.** Поддержка инноваций, повышающих уровень и качество жизни всего населения, абсолютно соответствующих гуманистическим принципам и целям устойчивого развития общества. Результаты внедрения инноваций увеличивают комплексное эколого-экономическое и социальное благополучие общества.	**СЧ.** Поддержка социально-психологических, социальных и образовательных инноваций, развивающих гуманную личность с активной волей и расширенным системным осознанием реальности. Разработка и совершенствование механизмов инновационной активности, нацеленной на стратегические эффекты от внедрения инноваций и гуманизацию общества; инструментов вовлеченности общества во все основные инновационные процессы: определения приоритетов, поддержки инноваций, анализа и мониторинга результатов инновационной деятельности.	Поддержка инноваций, обеспечивающих долгосрочную жизнеспособность социально-экономической системы общества и экологической системы, способствующих гармоничному развитию передовых и традиционных отраслей экономики, социальной сферы, снижению потребляемых ресурсов при росте уровня и качества удовлетворения базовых потребностей; достижению устойчивого самообеспечения общества и максимальной реализации творческого потенциала людей на благо общества. Базовый критерий поддержки инноваций – обеспечение долгосрочной жизнеспособности общества. Интеграция общества в мировую сетевую экономику на принципах сотрудничества. Высокий уровень жизнеспособности общества.

Продолжение таблицы 3.1.

1	2	3	4	5
2. Тактический (Т)	**ТЭ.** Поддержка инновационных технологий, безотходного производства, новых ресурсосберегающих технологий. Поддержка инновационных технологий, предотвращающих загрязнение окружающей среды и экологических угроз в добывающих производствах.	**ТБ.** Поддержка инновационных технологий, обеспечивающих конкурентоспособность региона за счет развития ресурсосберегающих и эффективных высокотехнологичных производств; развитие и внедрение технологий, значительно рационализирующих потребление ресурсов; повышающих доступность материальных благ. Результаты внедрения инноваций замедляют темпы падения комплексного благосостояния территории, увеличивают экономическое благосостояние.	**ТЧ.** Инновации в области интенсификации, автоматизации ручного и интеллектуального труда действующих производств, улучшения системы коммуникаций. Разработка эффективных процедур, механизмов и инструментов предоставления поддержки инноваторам и внедрения полезных и финансово выгодных инноваций. Развитие тактического аналитического мышления, гражданской и инновационной активности, нацеленной на решение тактических задач в рамках действующих принципов и механизмов хозяйствования.	Поддержка инноваций, нацеленных на повышение конкурентоспособности региона и отдельных отраслей в среднесрочном периоде, усиливающих экономическую специализацию региона, развитие моноотраслевой экономики. Развитие инноваций в сфере глубокой переработки добываемых ресурсов, повышения эффективности средств производства. Базовый критерий поддержки инноваций – максимизация среднесрочной финансовой выгоды. В инновационной политике учитываются социальные эффекты для решения наиболее острых социально-экономических проблем. Средний уровень жизнеспособности общества.
3. Оперативный (О)	**ОЭ.** Поддержка инноваций, уменьшающих последствия ухудшающейся экологической обстановки, загрязнений окружающей среды.	**ОБ.** Поддержка инноваций, увеличивающих эффективность и масштаб деятельности добывающих отраслей; развитие и внедрение технологий, расширяющих действующие неэкологичные производства; инновации, интенсифицирующие производственные процессы, повышающие доступность ресурсов.	**ОЧ.** Совершенствование механизмов и инструментов **п**оддержки инноваторов, ориентирующихся на удовлетворение наиболее срочных потребностей (следствий стратегических проблем) общества. Оперативные улучшения организации операционной работы институтов, организаций, имеющих отношений к инновационной сфере. Социокультурные инновации, направленные на совершенствование бюрократических процедур, средств коммуникации между участниками инновационного процесса.	Поддержка инновационных технологий, нацеленных на экстенсивное развитие или развитие «ресурсной экономики»; пассивная адаптация инновационной системы региона к потребностям национальной и мировой экономики. Базовый критерий поддержки инноваций – возможность их максимально быстрой коммерциализации, максимизация прибыли и минимизация срока окупаемости. Социальная сфера и экология – на втором плане. Низкий уровень жизнеспособности общества.

Интегральная целевая функция «Жизнеспособность» предполагает прогрессивное и устойчивое развитие через реализацию гуманистических целей общества.

Качество реализации приоритетов инновационной системы, направленной на устойчивое развитие общества, оценивалось по интегративному критерию дальновидности и масштаба социально-экономических последствий инноваций. Таким образом, инновации могут работать на решение преимущественно стратегических, тактических или оперативных задач.

Для удобства дальнейшего отображения структурных элементов, параметров и целевых функций, в морфологической таблице введена система кодирования.

Дальнейшее описание подсистемы инфраструктуры поддержки инноваций формализовано в матричном виде с использованием приведенной в таблице выше системы кодирования. Например, код матричного элемента СЭ обозначает характеристику анализируемого элемента инновационной системы «Инфраструктура поддержки инноваций» (И), нацеленной на стратегический эффект (С) в разрезе целевой функции «Экология» (Э) (см. Таблицу 3.1) и общую формулу матрицы целевой направленности подсистемы поддержки инноваций (1).

$$(\text{И})\begin{bmatrix} \text{СЭ} & \text{СБ} & \text{СЧ} \\ \text{ТЭ} & \text{ТБ} & \text{ТЧ} \\ \text{ОЭ} & \text{ОБ} & \text{ОЧ} \end{bmatrix}, \quad (1)$$

Анализ подсистемы инфраструктуры поддержки инноваций с помощью морфологической модели в данном исследовании ограничен следующими рамками:

- фокус сделан на анализе приоритетов инновационного развития, поддерживаемого на региональном уровне;
- проанализирована только одна подсистема из комплексной модели анализа инновационной системы региона – инфраструктура поддержки инноваций;
- учтены данные только о тех инновационных проектах Тюменской области, которые реализовывались при поддержке технопарка Тюменской области.

Инновационные проекты, инвестируемые коммерческими фирмами, организациями, частными лицами не рассматриваются в данном исследовании. Более полный учет всех инновационных проектов Тюменской области,

поддерживаемых и в государственной, и в частной сфере, уместен, если необходимо получить более полную картину направлений инвестирования в регионе и их соответствия целям устойчивого развития. Объектом настоящего исследования является государственная региональная инфраструктура поддержки инноваций на примере Технопарка Тюменской области.

Данные по поддержанным Тюменским технопарком инновационным проектам учитывались за 6 лет – с 2009 по 2015 гг. Перечень проектов, поддерживаемых на региональном уровне на базе технопарка Тюменской области представлен в открытых источниках на сайте администрации Тюменской области в разделе «Финансы», подразделе «Инновации». В качестве информационной базы выступала характеристика направленности поддержанных Тюменским технопарком инновационных проектов на определенные целевые функции и социально-экономические эффекты инновационной системы, ориентированной на устойчивое развитие общества (см. Таблицу 3.1). Преимуществом этого варианта является, во-первых, достаточность данных для базовой оценки общих направлений инновационной политики Тюменской области в «системе координат» модели устойчивого развития территории, а во-вторых, общедоступность данных.

Для анализа финансовых приоритетов инвестирования в качестве элементов данной матрицы необходимо использовать соответствующие финансовые показатели объема государственных инвестиций в проекты. Наиболее информативным и полезным будет являться вид матрицы (1) с элементами в виде показателей интегрального социально-экономического и экологического эффекта от внедрения поддержанных инновационных проектов в денежных или каких-либо других условных единицах.

Результаты анализа эффективности инфраструктуры поддержки инноваций. Поэтапно была проанализирована направленность поддержанных технопарком инновационных проектов на предмет их соответствия целям устойчивого развития региона. Количество проанализированных проектов с 2009 г. по 2015 г. – 31.

Этап 1. Каждый инновационный проект, поддержанный Технопарком Тюменской области, исходя из результатов анализа его направленности, был отнесен к одному из трёх или нескольким типам социально-экономического эффекта («Стратегический», «Тактический», «Оперативный»).

Этап 2. В ячейки таблицы по каждому инновационному проекту в разрезе целевых функций («Экология», «Благосостояние», «Человек») записывался код категории «С», «Т» или «О» в зависимости от типа социально-экономического эффекта («Стратегического», «Тактического» или «Оперативного»). Для последующего количественного подсчета каждому коду присваивалось значение «1» (наличие единицы в ячейке таблицы рассматривается далее как «запись»). В случае отсутствия какого-либо эффекта для определенной целевой функции в соответствующей ячейке записывался «0»[37].

Этап 3. Данные были обработаны с помощью программного обеспечения MS Excel: в сводной таблице было подсчитано количество записей с кодами «С», «Т», «О» по каждой целевой функции инновационной подсистемы («Экология», «Благосостояние», «Человек»); количество записей в разрезе типов социально-экономических эффектов («Стратегический, «Тактический», «Оперативный»). Результаты подсчета количества записей представлены в Таблице 3.2 и в качестве альтернативного варианта записи – в виде матрицы целевой направленности поддержки инновационных проектов Тюменским технопарком (2).

[37] Перечень инновационных проектов, результаты категориальных данных и их первичной обработки можно скачать по ссылке: http://orgpsiholog.ru/downloads/article/2016_morf_Tyumen1.xlsx

Таблица 3.2 – Распределение целевой направленности инновационных проектов, поддержанных Технопарком Тюменской области

Тип соц.-эк. эффекта (i)	**Целевые функции инновационной подсистемы (j)**			**ИТОГО**
	Экология	Благосостояние	Человек	
Стратегический	2	2	0	4
Тактический	13	14	2	29
Оперативный	2	14	1	17
ИТОГО	**17**	**30**	**3**	

Примечание: темным фоном в таблице выделена основная направленность инновационных проектов, поддержанных Технопарком Тюменской области.

$$(И)\begin{bmatrix} 2 & 2 & 0 \\ 13 & 14 & 2 \\ 2 & 14 & 1 \end{bmatrix} \quad (2)$$

Сводные результаты морфологического анализа показали наибольшую концентрацию инновационной активности в области обеспечения благосостояния и жизнеспособности общности Тюменского региона на тактическом и оперативном уровне. Экологические инновации также преобладают в сфере тактических решений проблем ресурсосбережения и снижения уровня загрязнений окружающей среды. В связи со спецификой деятельности технопарка Тюменской области, ориентирующейся на технические и технологические инновации, меньше всего внимания уделяется проектам в социальной сфере, проектам развития личностных творческих ресурсов и улучшения условий для их реализации. Наглядное распределение количества инновационных проектов по типу достигаемого социально-экономического эффекта и целевой функции в рамках концепции устойчивого развития представлено на Рис. 3.2.

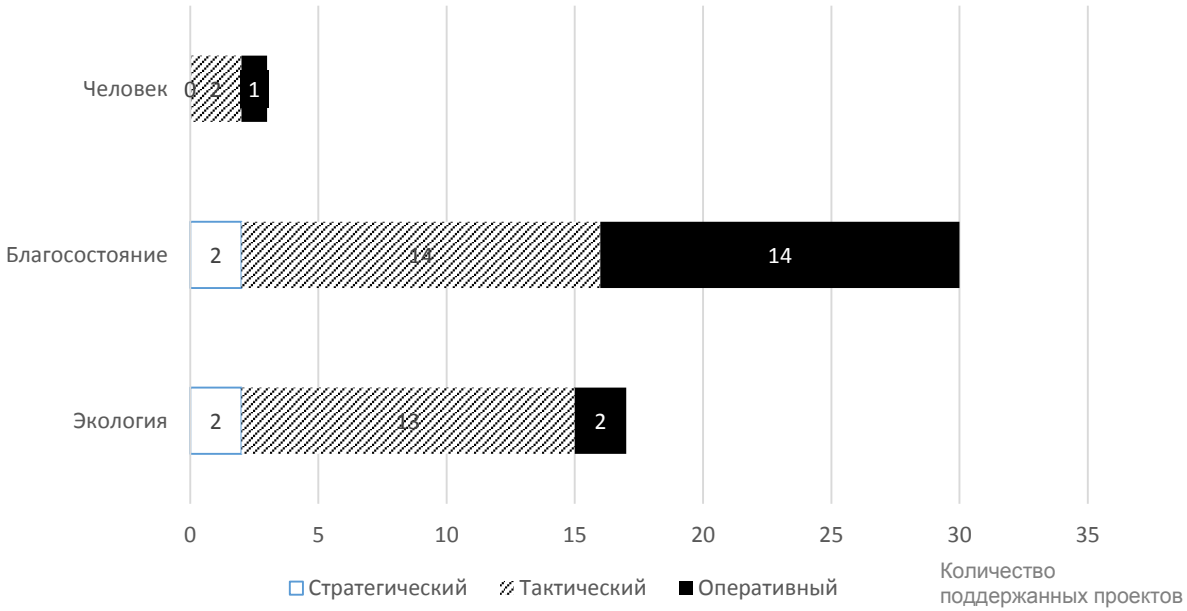

Рис. 3.2 – Гистограмма целевой направленности инновационных проектов, поддержанных Технопарком Тюменской области.

Анализ соответствия инновационных проектов целевым функциям устойчивого развития (по всем типам социально-экономических эффектов) показал, что преобладает нацеленность инновационных проектов на решение проблем благосостояния (60%) и социальных проблем общества (34%). При этом основной тип социально-экономических эффектов от реализации инновационных проектов лежит в плоскости тактического уровня: доля поддерживаемых инновационных проектов, направленных на тактические эффекты составляет 48%, на оперативные эффекты – 45% и только 7% – на стратегические (см. рис. 3.3).

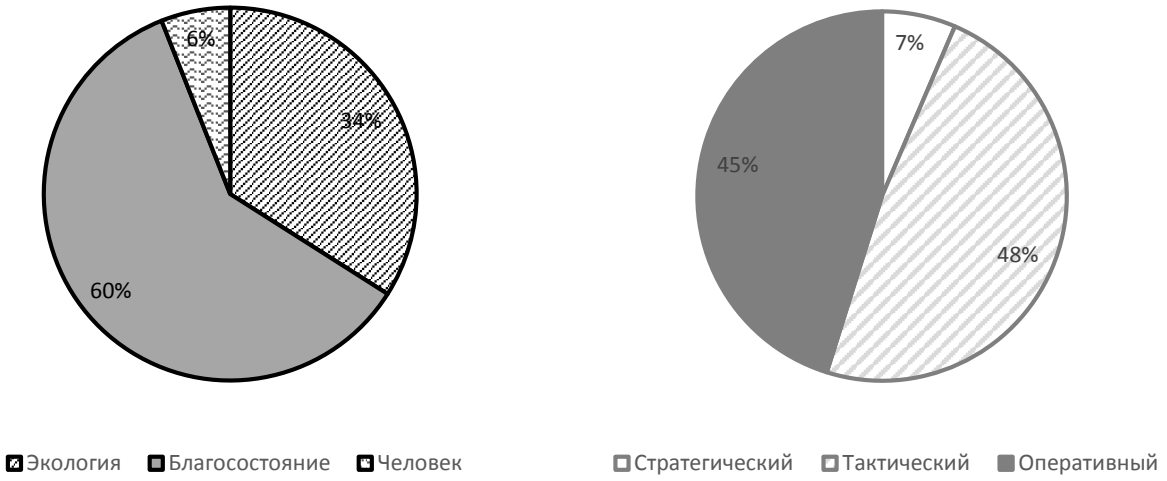

Рис. 3.3 – Распределение целевой направленности инновационных проектов по целевым функциям устойчивого развития общества (слева) и по типам социально-экономических эффектов (справа).

Для реализации целей устойчивого развития общества необходимы максимально эффективные ресурсосберегающие и экологичные технологии, что требует внедрения «прорывных», стратегически направленных инноваций, значительно снижающих потребности в природных ресурсах и устраняющих экологически небезопасные производства и отрасли. Особенное внимание в мире сегодня уделяется вопросам снижения потребности в углеводородных ресурсах, вследствие чрезвычайно негативного влияния на окружающую среду процессов их добычи, переработки и использования. Однако, анализ распределения поддерживаемых инновационных проектов по целевому сегменту показал нацеленность инновационной активности в регионе преимущественно на добывающие отрасли (см. Рис. 3.4).

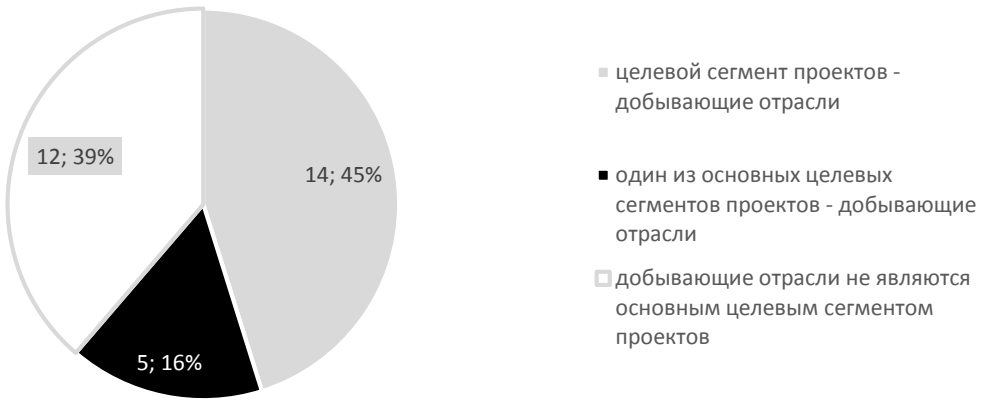

Рис. 3.4 – Распределение инновационных проектов по направленности на добывающие отрасли экономики (число и доля проектов от общего числа поддержанных Технопарком проектов, %).

Из общего числа поддержанных инновационных проектов (31) целевыми сегментами 14-ти проектов являлись добывающие отрасли, что составляет 45% от общего числа поддержанных Технопарком проектов; 12 проектов (39%) также ориентированы, на добывающие отрасли, но дополнительно ориентированы и на строительство, машиностроение, производство. Целевым сегментом только пяти проектов (16%) не являются добывающие отрасли. Таким образом, большинство проектов (84%) ориентированы на добывающие отрасли, что соответствует структуре экономики Тюменского региона, актуальным приоритетам его инновационной политики[38], однако замедляет реальный переход региона к развитию инновационной системы, нацеленной на устойчивое развитие общества. Следует отметить, что такая проблема характерна для инновационной инфраструктуры России в целом – «инвесторы в основном вкладывают средства в добывающие отрасли» [74, С. 100]. В инновационной системе, нацеленной на

[38] Нефтегазовый сектор – один из основных приоритетов актуальной инновационной политики Тюменской области, о чем свидетельствует, в частности, Постановление Правительства Тюменской области от 27 мая 2013 г. N 169-п «О приоритетных направлениях развития науки, технологий и техники в Тюменской Области», Распоряжение Губернатора Тюменской области от 26.03.1999 N 228-р «Об инновационной политике области».

устойчивое развитие общества, приоритет должен отдаваться инновациям, стратегически изменяющим отраслевую структуру общества в пользу высокотехнологичных и экологичных производств, кардинальным образом увеличивающих качество и доступность продукции и услуг, снижающих ресурсопотребление.

В настоящем исследовании совокупность критериев оценки, представленная в виде морфологической таблицы, использована как инструмент оценки и анализа подсистемы инфраструктуры поддержки инноваций на предмет соответствия целям устойчивого развития общества. Разработанная и апробированная методика оценки соответствия инфраструктуры поддержки инноваций целям устойчивого развития может быть рекомендована как инструмент мониторинга качества реализации приоритетов инновационной политики региона, инновационной системы региона в целом, работы отдельных институтов поддержки инноваций, качества «портфеля инновационных проектов» государственных организаций, более того – как инструмент планирования изменений механизмов и принципов работы инфраструктуры поддержки инноваций.

На базе проведенного морфологического анализа выявлены следующие «резервы» совершенствования региональной инфраструктуры в контексте концепции устойчивого развития:

- необходимо поддерживать проекты, направленные на развитие «не добывающих», но востребованных обществом отраслей, что будет способствовать гармонизации «отраслевого баланса» экономики региона и, соответственно, повышению уровня его устойчивого самообеспечения и долгосрочной жизнеспособности; это означает, что в отчетах по расходованию бюджетных средств должна появиться строка: «доля финансирования проектов направленных на развитие отраслей не связанных с добычей или переработкой нефти, газа и угля».
- необходимо уделять наибольшее внимание поддержке инновационных проектов в области альтернативных безопасных экологичных источников

энергии и технологий производства товаров и услуг, им необходимо оказывать государственную поддержку в первую очередь;

- необходима разработка и совершенствование механизмов инновационной активности, нацеленной на стратегические эффекты от внедрения инноваций и гуманизацию общества; в первую очередь – необходима реализация проблемно ориентированного подхода к решению социально значимых проблем (экологичного и доступного тепло- и энергоснабжения, безопасного транспорта, эффективных и доступных методов лечения заболеваний, повышение качества воды и продуктов питания, устранение самих причин экологически обусловленных заболеваний).
- в сфере социальных инноваций – необходимо совершенствование инструментов вовлеченности общества во все основные инновационные процессы: определения приоритетов, поддержки инноваций, анализа и мониторинга результатов инновационной деятельности. В первую очередь, это означает вовлечение социально активной и компетентной части общества в процессы разработки и внедрения социальных инноваций, в том числе и в работу официального государственного интернет-форума голосований «Российская общественная инициатива» (www.roi.ru), на котором каждый может создать инициативу или проголосовать за имеющиеся.

В данном исследовании мы сфокусировались только на одной из подсистем инновационной системы региона – подсистеме инфраструктуры поддержки инноваций. Дальнейшие исследования в направлениях оценки инновационной системы региона в целом и ее других подсистем (науки, образования, инновационной политики, социальных инноваций) позволят получить исчерпывающее представление о степени соответствия всей инновационной системы целям и приоритетам устойчивого развития гуманистического общества и о резервах ее совершенствования в этом направлении.

3.3.2. Социально-политологическое исследование направленности гражданских инициатив.

Социальная активность является одним из важнейших инструментов развития гражданского общества. В свою очередь, уровень развития гражданского общества является одним из решающих факторов политического, экономического, научно-технического развития страны и ее социального благополучия в целом [235]. Значимость развития социальных инициатив, социальных инноваций, с одной стороны, и недостаток исследований в этой области, с другой, отмечается многими исследователями [566, 602, 627].

Социальные инициативы являются эффективным инструментом не только обеспечения гармонизации интересов социума, но активизируются в периоды социальных трансформаций как адаптационный коэволюционный механизм [587]. В данные трансформационные периоды, с точки зрения смыслового подхода, для прогрессивного социально-экономического развития и долгосрочной жизнеспособности общества не только и не столько имеет значение уровень социальной активности, сколько ее направленность на реализацию гуманистических ценностей и принципов сбалансированного развития. Общепринятая сегодня концепция устойчивого (сбалансированного) развития опирается на гуманистические идеи общего движения к целям экономического благосостояния и социального благополучия в гармонии с природой средствами, соответствующими данным целям и базовым гуманистическим ценностям – ценности жизни, здоровья и самореализации человека [486, 578]. Однако, практическая, а не декларативная реализация данной концепции требует глубокого реинжиниринга механизмов существующей социально-экономической системы, всё ещё основанной на конкуренции и антагонизме интересов разных социальных групп [207, 661]. Формирующая социальная активность в виде социальных инициатив способна развивать социально-экономическое устройство общества для реализации гуманистических ценностей и достижения целей устойчивого общественного развития. Однако, является ли сегодняшняя социальная активность

преимущественно формирующей или сформированной существующей культурой общества потребления [55, 148] и сложившегося порядка хозяйственных отношений и управления обществом? Ответ на данный вопрос можно получить, изучив направленность социальной активности на базе разработанной автором концепции устойчивого инновационного развития общества.

Целью социально-политологического исследования являлось изучение уровня и направленности социальной активности населения (на примере жителей ЯНАО): характера социальной активности (формирующая или формируемая) и фокуса социального внимания (сферы, категории, причины, уровни социальных проблем). Данное исследование опиралось на концепцию устойчивого инновационного развития общества, соответствующей структуре задачи определения характера просоциальной активности в форме инициатив. Исследование социальных инициатив было сфокусировано на анализе социальной активности в контексте реализации гуманистических ценностей, целей и приоритетов сбалансированного развития общества. В качестве исследовательского инструментария также был использован морфологический подход к анализу систем, направленных на устойчивое социально-экономическое развитие общества [88].

В последние два десятилетия такая форма социальной активности, как «электронное социальное участие», «e-Participation» [597] приобрела огромную популярность вследствие удобства, доступности и оперативности. Большое значение развитие «электронного социального участия» имеет для РФ с ее большим количеством малонаселенных и удаленных регионов. Анализ социальной активности регионов Арктической зоны осуществлялся на основе данных государственной интернет-платформы «Российская общественная инициатива» (РОИ, www.roi.ru).

Период, за который анализировались данные: апрель 2013 г. (начало работы РОИ) – 28 сентября 2016 г. Анализ уровня и направленности социальной активности жителей ЯНАО проводился в три этапа:

1. Анализ «социального вклада» жителей ЯНАО в общую социальную активность по РФ на портале РОИ. Используемый для анализа показатель – «количество инициатив на портале РОИ в разрезе регионов». Сопоставление «социального вклада» регионов проводилось методом ранжирования общего списка регионов РФ по количеству инициатив и сравнительного анализа «социального вклада» между ЯНАО и наиболее активными территориями – г. Москвой, г. Санкт-Петербургом и Московской областью и с арктическими регионами, имеющими наибольший и наименьший уровень социальной активности.

2. Дальнейший анализ уровня социальной активности проводился с помощью коэффициента социальной активности (КСА), рассчитываемый как «количество инициатив на 100 000 чел. в возрасте от 15 лет и более» в разрезе регионов. Хотя правила использования РОИ в качестве инструмента социальной активности допускают участие граждан возрастом более 18 лет, имеющаяся статистическая база позволяет нам использовать для расчета коэффициента только показатель количества населения в разрезе регионов по возрастным группам «мужчины и женщины 0-15 лет», «мужчины 16-59, женщины 16-54» и «мужчины 60 и более, женщины 55 и более» [303]. При наличии статистических данных о населении «18 лет и более» в разрезе регионов, расчет данного коэффициента может быть скорректирован. По показателю КСА был проведен сравнительный анализ между регионами, сопоставление уровня социальной активности ЯНАО с «первой десяткой» наиболее активных регионов.

3. Анализ направленности социальной активности жителей ЯНАО был проведен по количеству инициатив в разрезе тематических разделов РОИ и по уровню инициатив (федеральный, региональный, муниципальный). Данные показатели были проранжированы в целях определения преобладающих направлений социальной активности.

Исследование фокуса социальной активности жителей ЯНАО было проведено с помощью морфологического анализа с учетом методологических требований к осмыслению эффективности инновационных систем, направленных на

прогрессивное и сбалансированное развитие гуманистического общества (описанных в разделе 3.2.3). В отличие от стандартной классификации гражданских инициатив по тематикам РОИ, опора на концепцию устойчивого инновационного развития общества позволяет провести смысловой анализ их направленности относительно гуманистических ценностей и целей устойчивого развития.

Приоритетную направленность любой социальной деятельности можно определить, как экологическую, социальную или экономическую в соответствии с триединой концепцией устойчивого социально-экономического развития [443, 588]. Экологический аспект подразумевает обеспечение здоровой целостности биологических и физических природных экосистем. Социальный аспект подразумевает повышение уровня конструктивного влияния каждого индивида на развитие гуманистического общества и создание условий для прогрессивного личностного и социального развития людей. Экономический аспект подразумевает долгосрочное сбалансированное экономическое развитие, направленное на рост качества жизни, сохранение и обеспечение необходимого биопотенциала региона за счет развития высокотехнологичных и экологичных производств, природо-, энерго-, и материало-сберегающих технологий.

В зависимости от того, направлен ли эффект на реализацию гуманистических ценностей или дегуманизирует социальную реальность, он соответственно расценивается как положительный или отрицательный. В морфологической таблице использовался показатель количества инициатив в разрезе основных приоритетов концепции устойчивого развития и качества социальной активности.

Таблица 3.3 – Характеристика фокуса социальной активности в контексте устойчивого инновационного развития общества (морфологическая таблица)

Тип эффекта (i)	Составляющие устойчивого развития общества (j)		
	(Э) «Экология»	**(Б) «Благосостояние»**	**(Ч) «Человек»**
1. Стратегический (С)	**СЭ.** Гражданские инициативы в области альтернативных безопасных экологичных источников энергии и технологий производства товаров и услуг, Инициативы, направленные на создание принципиально новых хозяйственных механизмов развития экологичных производств.	**СБ.** Гражданские инициативы, нацеленные на повышение уровня и качества жизни всего населения, абсолютно соответствующие гуманистическим принципам и целям устойчивого развития общества. Результаты внедрения инициатив обеспечивают долгосрочную жизнеспособность общества и ее комплексное эколого-экономическое и социальное благополучие посредством решения фундаментальных причин экономических проблем.	**СЧ.** Инициативы, направленные на развитие гуманной личности с активной волей и расширенным системным осознанием социальной реальности. Инициативы, нацеленные на долгосрочные системные эффекты гуманизации общества, совершенствование основных механизмов вовлеченности граждан в общее социальное развитие, в т. ч. в определение приоритетов развития общества. Фокусирование социальной активности на стратегических задачах решения фундаментальных причин социальных проблем.
2. Тактический (Т)	**ТЭ.** Гражданские инициативы в сфере ресурсосбережения, превентивных мер по защите окружающей среды и негативных экологических факторов, влияющих на здоровье человека. Инициативы, направленные на развитие и повышение эффективности социального контроля загрязнений окр. среды и экологических угроз.	**ТБ.** Инициативы, повышающие уровень ресурсосбережения и рационального потребления ресурсов, а также направленные на повышение благоустройства, доступности и качества материальных благ. Инициативы направленные на совершенствование экономических регуляторов без принципиальных изменений механизмов функционирования актуальной социально-экономической системы.	**ТЧ.** Инициативы, направленные на гуманизацию условий и результатов труда (автоматизация, объективизация оценки результатов, повышение безопасности, повышение социальной значимости результатов труда и пр.). Инициативы, направленные на повышение уровня гражданской и инновационной активности и совершенствование инструментов ее реализации.
3.Оперативный (О)	**ОЭ.** Гражданские инициативы, направленные на смягчение последствий ухудшающейся экологической обстановки, загрязнений окружающей среды, «тушение пожаров».	**ОБ.** Гражданские инициативы, направленные на повышение уровня социальной справедливости и общего благосостояния посредством перераспределения ренты от использования ресурсного потенциала страны, интенсификацию производственных процессов и НИОКР, повышающих доступность и добычу ресурсов.	**ОЧ.** Гражданские инициативы, направленные на удовлетворение наиболее срочных социальных потребностей – следствий стратегических социальных проблем общества. Социокультурные инновации, направленные на совершенствование бюрократических процедур, средств коммуникации между социальными группами.

Качество социальной активности с позиций концепции устойчивого инновационного развития общества оценивалось по интегративному критерию дальновидности и масштаба социально-экономических последствий инноваций. Таким образом, социальные инициативы определялись, как направленные на получение преимущественно стратегических, тактических или оперативных

социальных эффектов. В морфологической таблице приведена расшифровка основных вариантов фокуса социальной активности и соответствующая система кодирования (см. Табл.3.3).

Показатели были формализованы в матричном виде с использованием системы кодирования, аналогичной описанной в общей формуле матрицы фокуса социальной активности (ФСА) (3).

$$(\text{ФСА}) \begin{bmatrix} \text{СЭ} & \text{СБ} & \text{СЧ} \\ \text{ТЭ} & \text{ТБ} & \text{ТЧ} \\ \text{ОЭ} & \text{ОБ} & \text{ОЧ} \end{bmatrix} \quad (3)$$

Код матричного элемента СЭ обозначает количество гражданских инициатив, нацеленных на стратегический эффект (С) в сфере «Экология» (Э) (см. Таблицу 3.3) и формулу (3).

Результаты исследования направленности социальных инициатив и их обсуждение. ЯНАО относится к арктическим регионам РФ. Вследствие объективных климатических и географических факторов для данных территорий характерна крайне низкая заселенность. Несмотря на большую территорию ЯНАО – 750 300 км^2, плотность населенности в данном регионе составляет всего 0.69 чел./км^2., что в 239 раз ниже, чем в плотность населенности в Московской области (164,91 чел./км^2), территория которой в 17 раз меньше ЯНАО.

Таблица 3.4 – Количество инициатив на платформе РОИ за апрель 2013 г. – сентябрь 2016 г. в разрезе регионов и уровня инициатив

Регионы РФ	**Количество инициатив**				**Место в рейтинге**	**% в общем количестве инициатив**
	Федерального уровня	**Регионального уровня**	**Муниципаль-ного уровня**	**Итого**		
г. Москва	1728	258	67	2053	1	23,495
Московская обл.	630	61	64	755	2	8,640
г. Санкт-Петербург	612	65	12	689	3	7,885
Красноярский край	67	4	7	78	27	0,893
Ямало-Ненецкий автономный округ	41	4	9	54	42	0,618
Чукотский АО	1	1		2	83	0,023

Примечание. Тёмным фоном выделены центральные регионы с наибольшим социальным вкладом на платформе РОИ.

Существенно превалирующий социальный вклад центральных регионов в продвижение гражданских инициатив на платформе РОИ обусловлен, в первую очередь, их большей плотностью заселенности и их принадлежностью к категории деловых, общественных и информационных центров РФ. Среди арктических регионов наибольший рейтинг социальной активности по показателю количества инициируемых предложений занимает Красноярский край: его жители сформулировали 78 инициатив, из них 67 – федерального уровня. Из всех 85-ти регионов РФ Красноярский край по количеству зарегистрированных через РОИ инициатив занимает 27 место. Одно из последних мест в рейтинге регионов РФ по количеству инициатив занимает Чукотский АО, жители которого подали за все время существования РОИ до 28 сентября 2016 г. всего 2 инициативы. Жители ЯНАО на платформе РОИ подали всего 54 инициативы, что определило его 42-е место в рейтинге социального вклада 85-ти регионов РФ (см. Табл. 3.4). В целом, ни один из арктических регионов не создал более 1% гражданских инициатив от общего количества на сайте РОИ.

Таблица 3.5 – Коэффициент социальной активности в разрезе регионов по данным за апрель 2013 г. – сентябрь 2016 г.

Регионы Арктической зоны, г. Москва, Московская область	**Население в возрасте от 15 лет и более, чел.**	**Количество инициатив на 100 000 чел. в возрасте от 15 лет и более.(КСА)**	**Место в рейтинге**
Ненецкий автономный округ	32956	33,4	1
г. Москва	10479186	19,6	2
Санкт-Петербург	4480035	15,38	3
Сахалинская область	399515	13,02	4
Ямало-Ненецкий автономный округ	415236	13	5
Московская область	6078038	12,4	6
Псковская область	549227	10,92	7
Владимирская область	118496	10,55	8
Мурманская область	630647	10,31	9
Свердловская область	3546448	10,15	10

Несмотря на очевидный малый вклад ЯНАО в общем количестве инициатив по РФ, результаты социальной активности региона по показателю количества инициатив на 100 000 чел. в возрасте от 15-ти лет и более выявляют новые аспекты его социальной активности. Так, ЯНАО в рейтинге регионов РФ по показателю КСА поднялся на строчку выше, чем Московская область. В то же время, Ненецкий АО, имеющий наименьшую численность населения в возрасте от 15-ти лет и более среди арктических регионов РФ, оказался первым в общем рейтинге регионов РФ по показателю КСА (см. Табл. 3.5). Таким образом, арктические регионы с низкой плотностью заселенности, в частности ЯНАО, демонстрируют относительно высокий уровень социальной активности по сравнению с другими регионами РФ, что может являться следствием повышенной необходимости и готовности жителей Севера использовать интернет-платформу для реализации имеющегося потенциала социальной активности.

Таблица 3.6 – Количество инициатив на платформе РОИ за апрель 2013 г. – сентябрь 2016 г. в разрезе тематических разделов РОИ и уровня инициатив

Раздел РОИ	**Количество инициатив ЯНАО на РОИ**				
	Муниципаль-ного уровня	**Регионального уровня**	**Федерального уровня**	**Итого:**	**Ранг**
Транспорт и дороги	2	2	7	11	1
Государственная поддержка	0	0	8	8	2
Государственное управление	1	0	5	6	3
Потребители и сервис	0	0	4	4	4
Чиновники и госуслуги	1	0	3	4	5
ЖКХ, УК, ТСЖ	0	0	4	4	6
Экология	2	0	1	3	7
Здравоохранение	1	0	2	3	8
Инфраструктура города	1	1	0	2	9
Население и миграция	0	1	1	2	10
Экономика	0	0	2	2	11
Жилые дома и дворы	1	0	1	2	12
Бизнес	0	0	2	2	13
Уголовный кодекс	0	0	1	1	14
Безопасность	0	0	0	0	15
Образование и наука	0	0	0	0	16
Избирательное право	0	0	0	0	17
Итого	9	4	41	54	

При этом, интерес жителей ЯНАО далеко не ограничивается кругом инициатив муниципального уровня, которые составляют всего 8,4% от всех инициатив РОИ жителей регионов Арктики (всего – 381 инициатива). Большую часть инициатив составляют инициативы федерального уровня – 75,9% от общего количества инициатив РОИ жителей ЯНАО, а региональные и муниципальные инициативы составляют оставшиеся 24,1% (см. Табл. 3.6).

Наибольший интерес жители ЯНАО проявили к вопросам «транспорта и дорог» – 11 инициатив; 2-е и 3-е место занимают темы «Государственная поддержка» (8 инициатив) и «Государственное управление» (6 инициатив). Для более углубленного изучения причин и оснований «распределения» инициатив по данным тематическим разделам требуется качественный анализ содержания самих инициатив и дополнительные социологические опросы населения.

Таблица 3.7 – Распределение фокуса социальной активности по данным за апрель 2013 г. – сентябрь 2016 г.

Тип соц.-эк. эффекта (i)	**Целевые функции инновационной подсистемы (j)**			**ИТОГО**
	Экология	Благосостояние	Человек	
Стратегический (+)				
Тактический (+)	2	1	4	7
Оперативный (+)	1	12	30	43
Стратегический (-)			1	1
Тактический (-)			2	2
Оперативный (-)			1	1
ИТОГО	3	13	38	54

Примечание. Тёмным фоном в таблице выделена основная направленность инновационных проектов, поддержанных Технопарком Тюменской области. Знаком «+» обозначена положительная направленность социально-экономического эффекта от инициативы, знаком «-» – отрицательная.

Фокус социальной активности, формализованный в матричном виде содержит только инициативы, направленные на положительные эффекты (4)

$$(\text{ФСА})\begin{bmatrix} 0 & 0 & 0 \\ 2 & 1 & 4 \\ 1 & 12 & 30 \end{bmatrix} \quad (4)$$

Преобладание инициатив, предлагающих решение социально-экономических проблем преимущественно на оперативном уровне, говорит о фокусе социальной активности на решении текущих социальных проблем, в основном, посредством смягчения их явных последствий через социальную сферу. Меньше всего уделяется внимания экологическим проблемам, несмотря на то, что регион имеет один из самых низких эколого-экономических индексов [51] и высокие показатели экологически обусловленных заболеваний среди населения [5]. Для дальнейшего изучения причин такого распределения направленности социальных инициатив необходим качественный анализ причин сфокусированности сформулированных социально активными жителями ЯНАО инициатив в основном на оперативных проблемах социальной сферы и благосостояния.

Результаты изучения уровня и направленности социальной активности на примере анализа гражданских инициатив ЯНАО позволяют сделать следующие общие выводы:

1. На сегодняшний день вклад ЯНАО в количество создаваемых инициатив на портале РОИ крайне низкий – менее 1% от общего количества инициатив по всем регионам РФ, несмотря на большую территорию региона. Незначительность «социального вклада» в абсолютном показателе количества инициатив обусловливается, в основном, объективными причинами низкой заселенности северных территорий.

2. В то же время, показатель количества инициатив на 100 000 чел. населения в возрасте 15-ти лет и более в ЯНАО выше среднего уровня по РФ, что может говорить о востребованности таких интернет-инструментов, как РОИ для реализации потенциала социальной активности удаленных территорий. Учитывая относительно повышенный интерес жителей региона в использовании интернет-платформы для реализации гражданских инициатив, возможен дальнейший рост «социального вклада» данных территорий в условиях социальной политики, направленной на увеличение заселенности территорий, развития культуры

гражданской активности и повышения эффективности инструментов реализации социальных инициатив.

3. Наибольшее внимание жителей ЯНАО привлекает тема транспорта и дорог, а также государственной поддержки. Однако, в рамках данных тематик разбираются совершенно разные по уровню постановки проблемы инициативы (например, инициатива «отменить транспортный налог»[39] на портале РОИ относится к разделу «транспорт и дороги», хотя по характеру предлагаемого инструмента – к сфере государственной налоговой политики, а по цели инициативы – повышению социальной справедливости). Таким образом, стандартная классификация инициатив на платформе РОИ позволяет выявить сферу, привлекающую социальное внимание, но не позволяет без специальной подготовительной работы провести смысловой анализ характера и направленности инициатив.

4. Преобладающие сегодня инициативы тактического и оперативного уровня, в основном, содержат решения в рамках существующих механизмов, инструментов и актуальных принципов функционирования социально-экономической системы (являются формируемыми). Отсутствие стратегических инициатив, нацеленных на реализацию гуманистических ценностей посредством необходимых для этого изменений принципов функционирования социально-экономической системы и развития новых механизмов и инструментов (на примере ЯНАО) говорит о невовлеченности населения в определение стратегических приоритетов и смыслов устойчивого развития сообщества своей территории. В то время как практическая, а не декларативная реализация концепции устойчивого развития требует глубоких стратегических изменений смыслов и принципов функционирования социально-экономической системы хозяйствования и общего сбалансированного со-развития в направлении реализации гуманистических ценностей и целей долгосрочной жизнеспособности общества.

---

[39] Инициатива № 30Ф28540. URL: https://www.roi.ru/28540

3.3.3. Психолого-экономическое исследование готовности людей трудиться без монетарного вознаграждения в условиях удовлетворенности базовых потребностей.

Актуальными основаниями для выбора стратегии социально-экономического развития являются новые условия информационного общества: достаточно высокий уровень развитости производительных сил, в особенности альтернативные технологии получения энергии и базовых благ, при которых решаемы проблемы дефицита в обществе [63, 365]; развитие сетевой экономики знаний, стирающей границы между странами, в частности развитые информационно-коммуникационные платформы для эффективной реализации международных проектов и выгодного использования удаленных трудовых ресурсов в организациях; беспрецедентный рост скорости коммуникаций и обмена информацией.

Научно-технический прогресс в реалиях существующей социально-экономической системы оказывает двойственное по характеру эффекта воздействие на современное производство: с одной стороны, он ведет к гигантскому повышению производительности труда, а, с другой – к прогрессирующему сокращению занятости, что закономерно вызывает опасения снижения социальной стабильности и уровня социальной защищенности. Так, известный экономист, философ, эколог и общественный деятель, президент Фонда изучения экономических тенденций по прогнозам Джереми Рифкина при существующих (но не всегда внедряющихся) технологиях к 2025 г. не более 2% от нынешней численности занятых могли бы полностью обеспечить все потребности материального производства во всех странах [608]. Однако, в зависимости от типа формируемой социально-экономической системы и заложенных в нее приоритетных ценностей, автоматизация и сокращение вынужденной занятости становятся либо значимой проблемой, либо ресурсом [451, 501, 557]. Освобождение 98% людей от обязательной трудовой деятельности, во-первых, противоречит базовым условиям существования капиталистической системы, развивающейся на почве «общества потребления» и монетарной ростовщической системы. Во-вторых, количество людей, превышающее

необходимое для поддержания существующего мироустройства закономерно воспринимается элитой как «излишнее», вследствие чего разрабатываются и внедряются многочисленные хитроумные схемы и планы по сокращению численности населения [174] и понижение уровня сознания пока еще «необходимого» населения, прежде всего через систему образования [23].

При гуманистической же социально-экономической системе, направленной на стабильное развитие и совершенствование человека в гармонии с природой, автоматизация, роботизация и компьютеризация большей части труда способны обеспечить необходимую основу для максимального раскрытия конструктивного творческого потенциала человека:

- уменьшение рабочего дня, максимизация продуктивной работы (отсутствие формальной работы, имитации работы, работы «на мусорную корзину», бюрократии);
- увеличение творческой, изобретательской, рационализаторской составляющей в труде;
- реализацию условий для гармоничного совмещения личностного, социального и профессионального развития (высокий уровень прозрачности и достоверности информации о проблемах общества, развитые возможности социального участия в их решении, выбор проектов к реализации по критерию социально-экономической значимости, развитие механизмов социальной интеграции и профессионального сотрудничества, максимальная конструктивная общественная помощь и поддержка полезных проектов) [94];
- повышение уровня объективности оценки результатов профессиональной деятельности, ориентированной на социально-экономические, а не хрематистические цели общества;
- повышение эффективности, осознанности трудовой деятельности и уровня персональной ответственности за результаты труда посредством активизации механизмов немонетарной трудовой мотивации.

Низкий уровень реализации базовых потребностей, несоответствие условий труда и самих трудовых отношений гуманистическим ценностям сегодня является причиной психической подавленности личности, проявляющихся в таких феноменах, как «синдром эмоционального выгорания», «дауншифтинг», психосоматические заболевания и пр. Фундаментальной предпосылкой улучшения условий и повышения эффективности труда является реализация смысла совместной деятельности в целях совместного прогрессивного развития на базе общечеловеческих ценностей, наличие культуры и атмосферы сотрудничества и сотворчества. Самопринудительная трудовая (по сути – рабская) деятельность, отчужденная от человеческой действительности, ее экзистенциональных смыслов, гуманистических ценностей является сегодня основной причиной эмоционального выгорания и стрессов [231, С. 16]. В существующей системе хозяйствования люди могут лишь облегчать последствия этой проблемы только на оперативном уровне – посредством различных техник психологической адаптации, коппинга, стресс-менеджмента. Также быстро распространяется феномен намеренного сокращения участия в самопринудительной трудовой деятельности – дауншифтинг, который рассматривается учеными как «следствие стресса, переработки, и психологических затрат в условиях общества потребления» [582, С. 41].

Типичные для XX века вознаграждения, построенные на монетарных схемах, работают только в предельно узком диапазоне условий: работа должна быть рутинной и физической, либо заработная плата должна быть настолько низкой, чтобы человек постоянно ощущал напряжение базовых потребностей. Однако, с развитием технологий, рутинный и физический труд становится все менее актуальным, повышается потребность в интеллектуальном, творческом труде.

Одно из самых обоснованных и самых игнорируемых открытий в социальной науке, которое подтверждается экспериментами уже более 40 лет – факт неэффективности типичных монетарных мотивационных схем при решении интеллектуальных, творческих задач [472, 475, 511, 522]. Этот факт подтверждает стремление человека к автономии, совершенствованию, познанию и реальному

вкладу в общее дело [28, 430, 456, 496, 595]. Потенциал данного открытия предоставляет широкие возможности для поиска новых форм и типов социально-экономических отношений, способствующих решению глобальных проблем человечества.

Сегодня большинство исследований в сфере трудовой мотивации решают оперативные и тактические задачи, основываясь на заданных условиях существующей системы бизнеса – т.е. исследуют мотивацию людей и способы совершенствования мотивационных механизмов в условиях конкуренции, рассматривая немонетарную мотивацию как дополнение к монетарной [519, 584]. Однако, существуют и исследования, изучающие немонетарную мотивацию в сообществах, построенных на принципах сотрудничества и имеющих немонетарные цели и ценности [482]. В данном контексте принципиально значимым оказывается вопрос о том, существуют ли люди, которые в принципе готовы трудиться на общее благо без монетарного вознаграждения в условиях удовлетворенности базовых потребностей. Результаты такого исследования позволят прояснить направления дальнейших исследований возможностей применения механизма немонетарной трудовой мотивации в реализации целей устойчивого и гуманистического экономического развития в условиях развитой и неизбежно наступающей автоматизации.

Описание методики исследования. Для решения исследовательских задач нами был сконструирован опросник, состоящий из одного развернутого вопроса, направленного на получение осознанного ответа респондента о собственной потенциальной готовности трудиться без монетарного вознаграждения в условиях удовлетворенности базовых потребностей. С этой целью в вопросе визуализируется ситуация выбора в несуществующих на настоящий момент, но потенциально возможных социально-экономических условиях. Формулировка вопроса и пояснения к нему звучат следующим образом:

«Сколько часов в день (приблизительно) вы будете готовы трудиться на общее благо, с условием, что вы сможете выбирать чем и когда заняться? Представьте себе мир, в котором за счет технологического прогресса есть ВСЕ: жилье, питание, одежда, образование, возможность свободно передвигаться в любую точку планеты. Деньги в этом мире отменили за ненадобностью и Вам не обязательно работать. Представьте, что вы можете заниматься чем хотите – науками, искусствами, выращиванием цветов, компьютерными играми, воспитанием детей, чтением книг, спортом – любыми созидательными занятиями. Можно и трудиться... ради удовольствия, собственного развития или удовлетворения от своего вклада в развитие общества. Выглядеть, например, это может так: выпили утреннего кофейку, и подумали – чем бы сегодня заняться? Зашли на сайт проектов – нашли то, что вас заинтересовало и нажали кнопку «подключиться к проекту» или создали свой проект и активно приглашаете участников. Ваш профиль (данные о вас – образование, опыт участия в проектах, навыки и пр.) сразу автоматически получает координатор проекта и предлагает участки работ, на выбор. Или просит сделать что-то определенное. Вы соглашаетесь или нет, обсуждая или без разговоров... Пожалуйста, отвечайте честно, не завышая и не занижая цифру».

К вопросу предлагаются семь стандартизированных вариантов ответа:

1) Ни сколько, я буду бездельничать всю жизнь.
2) Можно иногда присоединяться к проекту, если компания интересная.
3) Могу периодически присоединяться к проектам, например, чтобы научиться чему-то новому.
4) Хотелось бы трудиться над полезными вещами постоянно, но не помногу часов в день.
5) Буду работать сколько угодно, но только над своими проектами.
6) Могу целыми сутками работать, если проект интересный, потом месяца два отдыхать.
7) Если проект мне интересен или очень важен, я могу тратить на него всё свое время.

Онлайн метод проведения опроса был выбран нами вследствие ряда существенных преимуществ для поставленной исследовательской задачи [359]:

1) Психологически комфортные условия заполнения опроса (естественная обстановка, удобное время, отсутствие прямого визуального контакта с интервьюером) повышают уровень осознанности ответов.

2) Анонимность располагает респондента к более откровенным ответам, что имеет большую ценность в реализации исследований по острым, деликатным или нетривиальным проблемам. «Открытость» респондентов позволяет получать данные, не искаженные стремлением давать социально желаемые ответы.

При использовании результатов исследования необходимо иметь в виду также значимые ограничения метода онлайн опроса:

1) Отсутствие связи с исследователем. Респондент не может уточнить у интервьюера вопрос. Этот риск минимизируется развернутой постановкой вопроса.

2) Возможное искажение информации о себе. Этот риск минимизируется анонимностью опроса (что устраняет возможные мотивы исказить личную информацию) и минимальным числом запрашиваемой личной информации (спрашивается лишь возраст и пол).

3) Риск неоднократного участия одного респондента. Данный риск минимизируется автоматическим скрытием (сразу после ответа) формы опроса и демонстрацией его текущих результатов в виде различных статистик.

Опросник был создан с помощью сервиса Google Forms и встроен на главную страницу сайта www.orgpsiholog.ru. На сегодня, пройдя опрос онлайн, можно увидеть результаты предыдущих ответов в виде данных и диаграмм.

Характеристика выборки. Всего, на момент анализа (на сентябрь 2015 г.), участвовало в опросе 134 человека, ответили на вопросы 133, из них 56 мужчин (42%) и 77 женщин (58%). Возраст опрашиваемых варьировался от 14 до 67 лет. В целях изучения специфики распределения выбранных ответов по возрастным периодам, участники выборки были сформированы в 3 возрастные группы (см. Таблицу 3.8). Опрос проводится на непрерывной основе с 04.10.2014 г. В исследовании учтены результаты опроса с 04.10.2014 г. по 27.08.2015 г.

Таблица 3.8 – Характеристика выборки по возрастным группам

Возрастная группа	Кол-во человек
14-23	61
24-35	43
36 и более лет	29
Итого:	133

Результаты исследования готовности людей трудиться без монетарного вознаграждения в условиях удовлетворенности базовых потребностей и обсуждение результатов исследования. Примечательно, что среди 133 респондентов ни один человек не выбрал вариант ответа №1 «Ни сколько, я буду бездельничать всю жизнь». Больше половины респондентов выбрали варианты ответов, выявляющих их потенциальную готовность постоянно трудится над значимыми проектами с разным режимом отдыха. 28,6% респондентов выбрали ответ №4 «Хотелось бы трудиться над полезными вещами постоянно, но не помногу часов в день», а 26,3% респондентов – вариант ответа №7 «Если проект мне интересен или очень важен, я могу тратить на него всё свое время». Многие респонденты (16,5% от общей выборки) проявили расположенность рассматривать совместную трудовую деятельность как средство удовлетворения потребности в социальном общении. Режим «погружения» в проект и затем длительного отдыха выбрали 15,8% опрошенных. Познавательная мотивация в трудовой деятельности превалировала у 11,3% опрошенных. Высокую потенциальную готовность трудится только над своими проектами продемонстрировали лишь 1,5% опрошенных.

Дополнительно, на рис. 3.5 показано распределение ответов по гендерному признаку. Визуально, можно отметить существенную разницу в распределении ответов мужчин и женщин. Наибольшей популярностью среди мужчин пользовался вариант ответа №2 «Можно иногда присоединяться к проекту, если компания интересная». Тогда как женщины наиболее часто выбирали вариант ответа №4 «Хотелось бы трудиться над полезными вещами постоянно, но не помногу часов в день». В то же время, второй по популярности ответ и среди мужчин, и среди женщин оказался вариант №7 «Если проект мне интересен или очень важен, я могу тратить на него всё свое время».

Таблица 3.9 – Общие результаты опроса

Номер варианта ответа в опроснике	Варианты ответов на вопрос: «Сколько часов в день (приблизительно) вы будете готовы трудиться на общее благо, с условием, что вы сможете выбирать чем и когда заняться?	Кол-во человек, выбравших ответ	Процент от общего количества опрошенных
4	Хотелось бы трудиться над полезными вещами постоянно, но не помногу часов в день	38	28,6%
7	Если проект мне интересен или очень важен, я могу тратить на него всё свое время	35	26,3%
2	Можно иногда присоединяться к проекту, если компания интересная	22	16,5%
6	Могу целыми сутками работать, если проект интересный, потом месяца два отдыхать	21	15,8%
3	Могу периодически присоединяться к проектам, например, чтобы научиться чему-то новому	15	11,3%
5	Буду работать сколько угодно, но только над своими проектами	2	1,5%
	ИТОГО	133	100

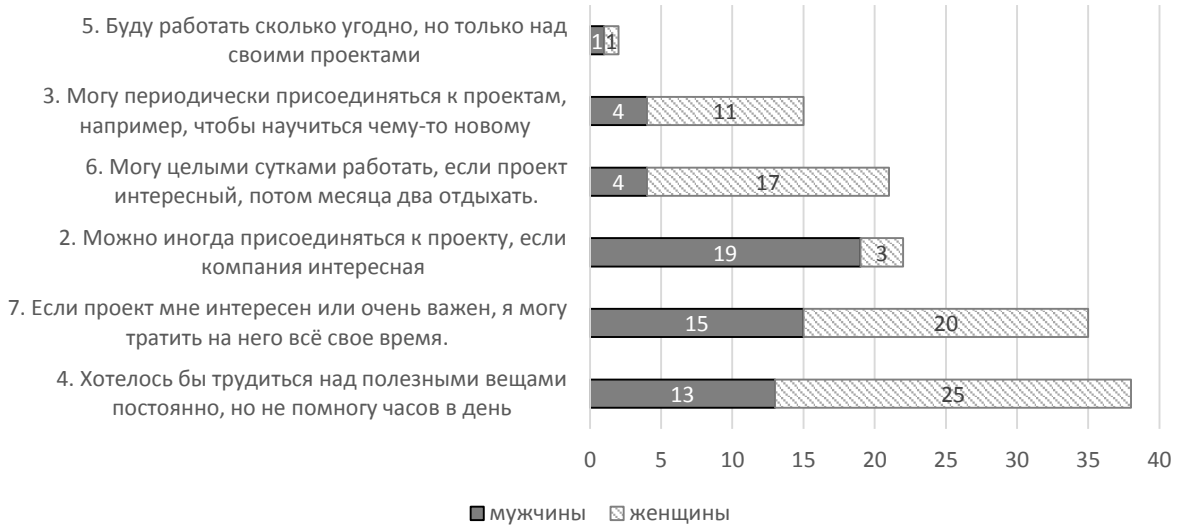

Рис. 3.5. Распределение ответов по гендерному признаку, чел.

На рис. 3.5. можно заметить наличие значительных диспропорций в распределении долей мужчин и женщин по вариантам ответов, которые наиболее заметны в вариантах ответов 6 и 2. На Рис. 3.6 более детально сопоставляются соотношения долей мужчин и женщин в % в разрезе вариантов ответов. Наибольший разрыв наблюдается в варианте ответа 2 (33,9% женщин выбрало данный ответ и лишь 3,8% мужчин), а в варианте ответа 6 (21,8% мужчин выбрало данный ответ и лишь 7,1% женщин).

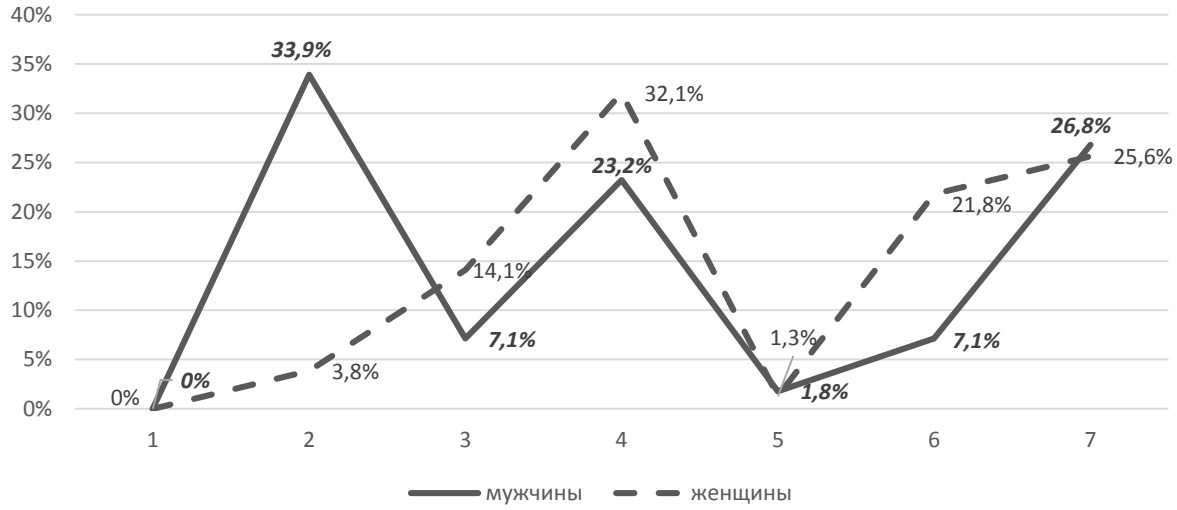

Рис. 3.6. Распределение ответов по гендерному признаку, в %.

Распределение ответов по возрастным группам на Рис. 3.7 и 3.8 показывает, что респонденты в возрасте от 14 до 23 лет предпочтительно выбирают варианты 4 и 2, респонденты в возрасте от 24 до 35 лет – варианты 7 и 4, более 35 лет – варианты 3, 4 и 7.

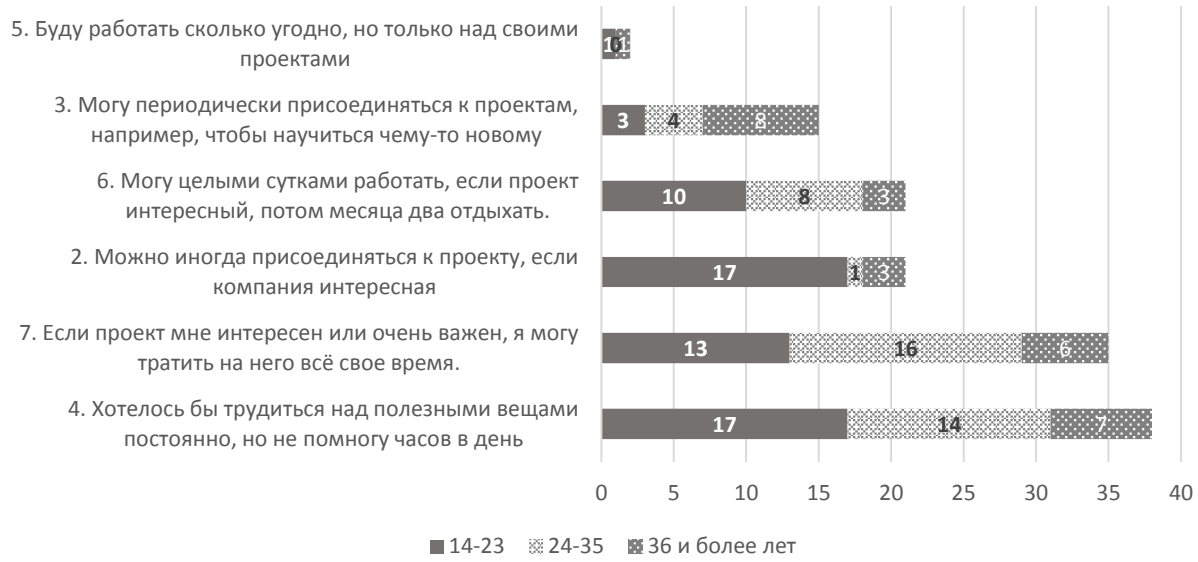

Рис. 3.7. Распределение ответов в разрезе разных возрастных групп.

У «старшей» возрастной группы преобладает познавательная мотивация к труду в отличие от других возрастных групп: 28,6% респондентов в возрасте 36 лет и более выбрали 3-й вариант ответа, тогда как в «младшей» и «средней» группе лишь

4,9% и 9,3% соответственно. Для «средней» группы гораздо более значимы потребности в реализации значимых или интересных проектов, в отличие от других возрастных групп: 37,2% респондентов в возрасте от 24 до 35 лет и более выбрали 7-й вариант ответа, тогда как респонденты, входящие в «младшую» и «старшую» возрастную группу 21,3% и 21,4% соответственно. Что касается «младшей» группы, то большинство респондентов в данной группе склонны к нестабильной работе над проектами и мотивируются, в основном, за счет потребности в интересном социальном общении: 27,9% респондентов в возрасте от 14 до 23 лет выбрали 7-й вариант ответа, а респонденты, входящие в «среднюю» и «старшую» возрастную группу 2,3% и 10,7% соответственно.

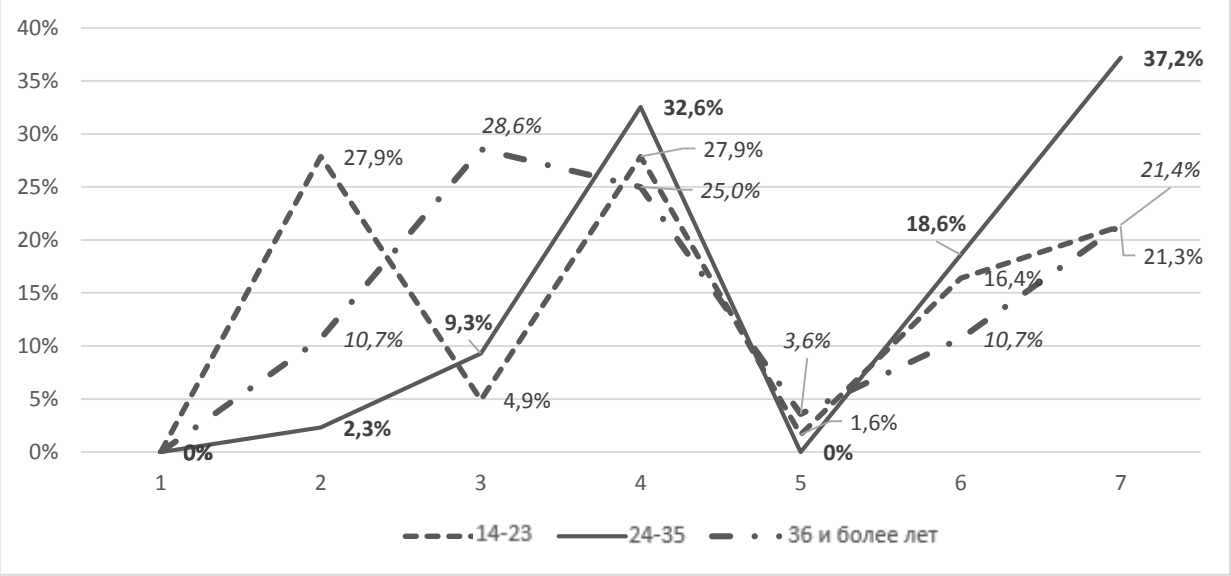

Рис. 3.8. Распределение ответов разных возрастных групп по вариантам ответа.

1) Основной результат данного исследования состоит в выявлении высокого уровня потенциальной готовности людей трудиться без монетарного вознаграждения в условиях удовлетворенности базовых потребностей. Показательным является тот факт, что на момент сбора данных ни один человек не проявил намерения не трудиться вообще. На примере исследованной выборки (и в контексте неоднократно подтвержденных исследований о низкой эффективности монетарной мотивации творчества) данный факт говорит о наличии значительного мотивационного ресурса людей в условиях социально-экономических отношений,

построенных на немонетарных принципах для решения творческих, инновационных и общественно значимых задач.

2) Дополнительно, можно отметить высокую потенциальную готовность постоянно трудиться над значимыми проектами с разным режимом отдыха: большинство респондентов согласно тратить все свое время на важные интересные проекты или трудиться над полезными проектами постоянно по несколько часов в день. Данный факт говорит о возможности создания достаточно стабильной системы трудовой деятельности и профессионального развития в немонетарных социально-экономических отношениях.

3) Многие респонденты (16,5% от общей выборки) проявили большую расположенность рассматривать совместную трудовую деятельность как средство удовлетворения потребности в социальном общении. При этом интересен тот факт, что большую потребность в общении проявили мужчины (33,9% от общего числа респондентов мужского пола), тогда как для респондентов-женщин данная потребность не является превалирующим мотиватором трудовой деятельности (только 2,3% от общего числа респондентов женского пола выбрали соответствующий вариант ответа). При этом потребность в труде, как средстве удовлетворения потребности в социальном общении, проявляется, в основном, в возрастной группе от 14 до 23 лет (27,9% от общего числа респондентов), а в возрасте от 24 до 35 лет она минимальна (2,3% от общего числа респондентов). Можно предположить, что социальное общение в трудовой деятельности имеет большое значение, в частности, в зависимости от возрастных психологических потребностей в социальной адаптации и социальных коммуникациях, с возрастом же всё большее значение приобретает смысл деятельности, востребованность обществом ее результатов.

4) Наиболее настроена на постоянную трудовую деятельность возрастная группа от 24 до 35 лет. Наибольшая доля респондентов в данной группе (37,2%), по сравнению с остальными возрастными группами выразила готовность тратить все свое свободное время на важные и интересные проекты. Предположительно, данная

возрастная группа может рассматриваться, как основной резерв профессионального роста, генерации и внедрения инноваций и трудовой ресурс экономики в целом.

5) Интересен факт, что познавательная мотивация в трудовой деятельности (трудиться, чтобы научиться чему-то новому) в условиях немонетарных социально-экономических отношений характерна для «старшей» возрастной группы (28,6% респондентов возраста 36 лет и более выбирают соответствующий ответ), а не для «младшей» или «средней». При этом потребность в познании нового является определяющей для «старшей» группы среди вариантов мотивации в трудовой деятельности в заданных условиях. Возможно, это обусловлено достаточно высоким уровнем профессионализма, умений и навыков, а также, большим, чем в других возрастных группах, уровнем профессиональной и социальной уверенности и самодостаточности, что может обусловливать склонность людей старше 36 лет выбирать решение нетривиальных, новых творческих задач или осваивать новые профессиональные области.

По результатам онлайн опроса были выявлены убеждения респондентов об их высоком уровне готовности трудиться и о предпочтительном режиме труда в условиях немонетарных социально-экономических отношений. Результаты данного исследования открывают перспективы для дальнейшего изучения структуры и факторов трудовой немонетарной мотивации, предпочитаемых режимов работы, факторов активизации творческой деятельности и гипотез, сформулированных в обсуждении результатов. Полученные результаты будут полезны для более глубокого и разностороннего понимания факторов социального выбора и поведения человека, поиска путей совершенствования концепций устойчивого социально-экономического развития гуманистического общества. Во-первых, результаты данного исследования опровергают распространенное мнение о том, что без денежного стимула (т.е. в конечном счете без вынужденной необходимости) люди трудиться не готовы. Во-вторых, полученные результаты совершенствуют знания о поведении, ценностях и мотивации человека к труду вне устоявшегося социально-экономического контекста в целом, а также в условиях удовлетворенности базовых потребностей и

немонетарных трудовых отношений. Учитывая современные тенденции автоматизации, роботизации и компьютеризации труда, а также достаточный уровень современных технологий для решения проблем дефицита, такие условия есть, и они стимулируют общество к развитию новых социально-экономических систем для достижения гармоничного и гуманистического сообщества.

С каждым годом качественно улучшаются и количественно увеличиваются возможности людей участвовать в выражении общественных потребностей и в определении общественной значимости проектов, развиваются варианты их практической реализации[40]. Для достижения целей устойчивого развития общества необходимо развитие исследований, экспериментов и реальных проектов в русле формирующей парадигмы – социопроектирования гуманистического общества – развитие и формирование социально-экономических условий, способных раскрыть лучшие стороны «человеческой натуры» и максимально эффективно реализовать конструктивный творческий и трудовой потенциал людей.

3.3.4. Социально-философский анализ стратегических приоритетов инновационного развития Тюменского региона.

Система приоритетов инновационного развития является векторообразующим элементом развития общества. Процесс определения приоритетов инновационного развития и деятельность по их реализации, преобразующая социально-экономическую реальность и общественное сознание, являются взаимовлияющими и взаимоформирующими, что определяет методологическую специфику предмета исследования [84]. Поэтому из трех научных парадигм (объективной, субъективной и формирующей) формирующая парадигма наиболее соответствует структуре задачи поиска и выбора долгосрочных приоритетов инновационного развития. В качестве базовой

[40] Примером является проект «Российская общественная инициатива», которая предоставляет гражданам России возможность формулировать предложения по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления и способствовать реализации инициатив инициативы по результатам голосования. https://www.roi.ru

концепции в исследовании использовалась концепция устойчивого инновационного развития общества.

Стратегический характер задачи поиска долгосрочных приоритетов инновационного развития требует целостного перспективного взгляда на социально-экономическое развитие общества, не ограниченного инертностью текущих базовых социально-экономических реалий. Такая «точка опоры» в методологии гуманитарного научного исследования лежит в основе диалектических законов развития систем, а также социокультурного и антропосоциетального подходов, предполагающих взаимной эволюции индивидуального и общественного сознания. В исследовании была рассмотрена проблема определения приоритетов инновационного развития на примере отечественной экономики и, конкретно, Тюменского региона.

Российская экономика пока продолжает развиваться в рамках природоёмкой, сырьевой модели, несмотря на реализуемые программы по внедрению энергосберегающих технологий и высокотехнологичных производств. Россия занимает первое место в мире по экспорту газа и второе – по предложению нефти. При объеме производства энергии порядка 1,47 млрд. т. н.э. (нефтяного эквивалента), РФ экспортирует 630 млн т. н.э., что составляет 16% мировой межрегиональной торговли энергией, и делает ее абсолютным мировым лидером в энергетическом экспорте (данные на 2013 г.). Прогнозируемое к 2040 г. сокращение экспорта нефти лишь компенсируется ростом экспорта газа (почти на 40%) [348].

Позиция власти в определении приоритетов инновационного развития РФ до 2030 г., с одной стороны, обусловлена наличием богатого ресурсного потенциала[41] и достаточно развитой базы добывающей промышленности, с другой – наличием большого числа острых социальных и внешнеполитических проблем, доставшихся «в наследство» после перестройки, решение которых требует «быстрых» денег.

[41] Согласно п. 8 «Развитие минерально-сырьевой базы и геологоразведочных работ» в «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года» [299].

Однако, ресурсное богатство страны, в частности отдельных регионов-«доноров» (в т.ч. и Тюменской области) не обязано быть «ресурсным проклятием». При социально ответственном подходе к планированию развития общества ресурсы необходимо, в первую очередь, использовать для качественного инновационного скачка, развития прорывных, «закрывающих» инноваций (таких как альтернативные виды экологически чистой энергии). Но при высокой концентрации капитала в нескольких предприятиях, неразвитой системе социальных институтов, призванных обеспечивать возможность реального влияния общества на политику социально-экономического развития территории, фактор ресурсного богатства действительно создает угрозы «инфантилизации» и консервативности общества.

Власти Тюменского региона еще с конца 90-х гг. начали говорить о переориентации промышленного потенциала области на увеличение выпуска высокотехнологичной и наукоемкой продукции. Однако, в документах, декларирующих стратегическую «переориентацию промышленного потенциала области», зафиксирован абсолютно противоположный смысл инновационного развития, по сути, предполагающий дальнейшее укрепление зависимости региона от нефтегазового сектора («повышение извлекаемости запасов и эффективности добычи нефти и газа, функционирование трубопроводного транспорта» – в числе наиболее приоритетных задач инновационного развития) [124, 294, 302].

Любая деятельность человека, реализация идеи имеет, прежде всего, социально-психологическую основу. Поэтому без решения смысловых и социально-психологических противоречий в концепции инновационного развития региона, его инновационная политика принципиально не сможет обеспечить реальное генерирование и продвижение социально-значимых и ресурсосберегающих гуманистически направленных инноваций. Такие инновации (например, бытовое и производственное оборудование, работающее на альтернативных экологически чистых автономных источниках энергии), могут числиться в «приоритетных» только формально, т.к. по смыслу являются «закрывающими» для в действительности приоритетных в актуальной модели

социально-экономического развития региона отраслей промышленности (в первую очередь, тесно связанных с добычей и переработкой углеводородного сырья).

Следствием продолжающегося «сырьевого курса» является высокая зависимость доходов жителей Тюменского региона и возможностей решения их социальных проблем от топливно-энергетического сектора, который наполняет бюджет налогами, уменьшение возможностей долгосрочного благополучия региона и его истинных богатств (природы, биоразнообразия, чистой пресной воды, здоровья населения и пр.). Так, скорректированные чистые накопления региона отрицательны и составляют -28,4% к ВРП по данным на 2012 г., т.е. регион входит в группу наиболее неблагополучных с точки зрения комплексной эколого-экономико-социальной ситуации (учитывая истощение природных ресурсов, ухудшение экологии, увеличение экологически обусловленной заболеваемости населения и пр.) [51].

Позиции бизнеса в инновационном развитии региона, в целом, исходят из коммерческих интересов собственников обеспечить стабильный рост капитала. Т.к. инвестиционные ресурсы собственников вложены в различные отрасли и виды бизнеса, то, соответственно, их интересы в приоритетах инновационного развития являются контекстно-обусловленными. Конфликт интересов внутри бизнес-сферы между бизнесами обусловлен противоречием в значении одной и той же инновации для перспектив развития разных отраслей. Например, прорывные инновации в области альтернативных источников энергии означают существенное сокращение объемов продаж в добывающей и перерабатывающей нефтегазовой отрасли. Данный конфликт интересов не имеет конструктивной природы и не приводит к действительному сотрудничеству в целях повышения экономического благополучия всех жителей территорий, т.к. основан на конкуренции «капиталов» за ресурсы их роста.

Некоторые организационные формы, такие как консорциум, конгломерат, корпорация, партнерство и другие могут создавать впечатление сотрудничества фирм, занимающихся разнородной деятельностью, однако, цель объединения

предприятий в актуальных социоэкономических условиях остается неизменной – рост капитала собственников, иногда достигаемый за счет диверсификации деятельности, поглощений, слияний или объединения в партнерства, подразумевающие определенные соглашения о ценах, общем бюджете исследований и разработок или для лоббирования своих интересов во властных структурах.

При этом, необходимо учесть, что представители власти, как правило, сами являются владельцами крупного капитала и, в таком случае интересы отдельных бизнесов интегрируются с интересами власти, что еще более усугубляет разрыв интересов власти и бизнеса с интересами остальной (и наиболее многочисленной) части общества, способствует росту социального неравенства и снижению потенциала формирующего инновационного развития.

Существующий социально-экономический контекст, формируемый в основном законами рыночной экономики и капитализма, поддерживаемый иерархическими структурами власти, элитаризмом в целом тормозит реализацию целей инновационного развития гуманистического общества. Позиции общества в такой ситуации входят в фундаментальное противоречие с позицией бизнеса и власти, что способствует понижению уровня социального доверия в обществе [200, 316].

Устойчивое социально-экономическое развитие предполагает ориентацию приоритетов инноваций на повышение уровня перспективной (долгосрочной) жизнеспособности и благосостояния жителей региона, что подразумевает:

- перераспределение нефтяной ренты исходя из приоритетов целей устойчивого социально-экономического развития, поддержку развития прорывных «закрывающих» технологий, развитие «энергетики нового поколения»;
- переход от сырьевой экономики к использованию высокотехнологичных, ресурсосберегающих товаров и услуг, удовлетворяющих как экономические, так и социальные потребности общества;

- развитие внутреннего жизнеобеспечивающего рынка, с одной стороны, с другой – интенсификацию интеграции региона в глобальный обмен высокотехнологичными товарами, услугами и технологиями;
- настройку эффективных механизмов достижения целей устойчивого развития за счет механизма реализации социально значимых инноваций;
- внедрение адекватной системы учета и оценки инноваций с высокой социально-экономической значимостью в целях приведения процессов региональной поддержки инноваций в соответствие целям устойчивого развития и гуманистическим ценностям;
- ускорение темпов «перезагрузки» структуры экономики региона с сырьевой на экологичную и высокотехнологичную за счет большего фокусирования органов регионального управления на долгосрочных целях устойчивого развития и формирования соответствующей институциональной инфраструктуры.

Популярное сегодня понятие «модернизация» в действительности не служит общим курсом инновационного развития для всех. По данным последних социологических исследований идеи о модернизации общества политических элит и остальной части общества абсолютно не совпадают [428]. Тогда как, общая ситуация в мире (войны, истощение природных ресурсов, экологический кризис, экономический спад и пр.) требует единого выбора пути дальнейшей жизнедеятельности общества с ориентацией на долгосрочную перспективу и в соответствии с принципами восстановления гармоничного сосуществования общества и природы, гуманизации жизнедеятельности общества. Таким образом, общее решение проблемы баланса разнородных приоритетов власти, бизнеса и общества не представляется возможным посредством механизмов и институтов существующей социально-экономической системы, основанной на обособленных от социальной сферы рыночных законах и механизмах [290]. Область решения проблемы устранения противоречий в нецелостной, необъединенной общими интересами в настоящее время структуре социума лежит в развитии таких

принципов и механизмов хозяйствования, которые обеспечивали бы целостность интересов общества и его элементов и интеграцию инновационной деятельности в направлении устойчивого развития общества.

Выводы по Разделу 3

1. В качестве методологических оснований научных исследований и разработок в сфере инновационного развития общества нами была предложена концепция устойчивого инновационного развития общества. *Концепция устойчивого инновационного развития общества* раскрывает способ понимания закономерностей, механизмов, ценностей и результатов общественного развития через призму целей (смыслов) повышения гуманистичности и долгосрочной жизнеспособности общества. Основой концепции является система базовых принципов (положений), раскрывающих основные онто-гносеологические аспекты устойчивого инновационного развития общества. Применение данной концепции в качестве методологических оснований обеспечивает основополагающий вектор внимания на гармонизированные созидательные ценности и может претендовать на роль универсального смыслового вектора междисциплинарных исследований, определяющего непротиворечивый выбор и использование других опорных подходов и теорий в зависимости от характера исследовательских задач в сфере инновационного развития.

2. Мировоззрение, ценностные ориентиры исследователей, инноваторов являются фундаментальными этическими основаниями выбора изучаемой или решаемой ими проблемы. Поэтому базовой предпосылкой применения концепции устойчивого инновационного развития общества является осознанный выбор исследователем или инноватором гуманистических ценностей в качестве опоры для целей принятия решений. Этика устойчивого инновационного развития в социально-гуманитарных науках обусловливает выбор приоритета разработки и внедрения новых социальных, организационных, образовательных подходов и технологий, преобразующих механизмы хозяйствования в работающие на цели

гуманизации и реализации обеспечения долгосрочной жизнеспособности общества. В технических науках концепция устойчивого инновационного развития позволяет сфокусироваться на приоритете новых научных открытий и изобретений экологично и качественно решающих базовые проблемы жизнеобеспечения людей.

3. В рамках концепции устойчивого инновационного общества сформулированы: основные принципы и характеристики устойчивого инновационного развития общества, требования к социально-экономической системе, обеспечивающей целостность общественных усилий, направленных на устойчивое инновационное развитие и критерии гуманизации социально-экономической системы общества.

4. Применение концепции устойчивого инновационного развития общества предполагает приоритет стратегического решения социально значимых проблем и, соответственно, внедрения социально значимых инноваций. *Высокая социально-экономическая значимость инновации* – это способность инновации решать значимые, актуальные для людей проблемы (здоровья, образования, питания, передвижения и т.д.) системно, рационально, этично и осмысленно.

5. Основная *логика применения* концепции устойчивого инновационного развития общества в конкретных социально-гуманитарных науках определяется избранной конкретным исследователем общенаучной парадигмой (формирующей, естественнонаучной и герменевтической). Формулировка проблемы зависит от выбранной исследователем научной парадигмы и далее уточняется в рамках концепции устойчивого инновационного развития общества. Данная концепция предполагает, прежде всего, соответствующую ценностную рефлексию в формулировке проблемы, выборе ракурса рассмотрения предмета исследования. Как и общенаучный прескриптивный гуманистический подход, предлагаемая концепция является теоретической общенаучной основой в конструировании методологических основ научного исследования, в частности – основой для выбора частнонаучных подходов и методов для решения задач исследования.

6. Вне зависимости от выбранной парадигмы научного исследования, опираясь на концепцию устойчивого инновационного развития общества, исследователь фокусируется на реализации формулируемых в общественном дискурсе гуманистических ценностей и целей долгосрочной жизнеспособности общества в целом:

- при выборе ракурса проблемы научного исследования;
- при определении предмета познания, сформулированном в определенной научной парадигме;
- при моделировании структуры научного исследования как основания для адекватного использования частных научных подходов, теорий;
- при выборе научных методов для решения определенных задач исследования;
- при оценке и интерпретации результатов исследования;
- при оценке теоретической и практической значимости результатов исследования.

7. Проведенное исследование позволило сформулировать методологические требования к осмыслению эффективности инновационных систем, направленных на устойчивое развитие гуманистического общества:

7.1. Логика формирующей парадигмы (из ряда: естественнонаучная, герменевтическая, формирующая) более всего соответствует структуре задач создания устойчивой инновационной системы, прогрессивного и сбалансированного развития гуманистического общества, устойчивого инновационного развития общества.

7.2. В соответствии с логикой формирующей парадигмы, инновационная система должна быть осмыслена и оценена на соответствие этике устойчивого развития в каждой из своих структурно-функциональных подсистем: наука, образование, инфраструктура поддержки инноваций, социальные инновации, инновационная политика.

7.3. Исходя из основ концепции устойчивого развития необходимо выделить три основных соответствующих целевых функции инновационной системы: экологическую, экономическую и социальную.

7.4. Определение социально-экономического эффекта от инновационной деятельности (стратегического, тактического, оперативного) необходимо для целей оценки соответствия инновационной системы приоритетам устойчивого инновационного развития. Стратегическим приоритетом устойчивого инновационного развития общества является реализация социально-значимых инноваций (стратегических, формирующих).

7.5. Приоритетом активности общественного развития с позиций концепции устойчивого инновационного развития общества является уже не достижение текущей конкурентоспособности общества, а его долгосрочная жизнеспособность. Жизнеспособность общности на определенной территории подразумевает гибкую, сбалансированную систему жизнеобеспечения населения, экологичности экономики, естественную организацию реализации долгосрочной стратегии социально-экономического развития, самодостаточную включенность в процессы обмена (товарами, оборудованием, технологиями, знаниями) в национальной и мировой экономике знаний, социально-экономическую систему, нацеленную на приоритет реализации гуманистических ценностей и цели долгосрочной жизнеспособности общества в целом.

8. Применение концепции устойчивого инновационного развития общества обеспечило конструктивные возможности разработки инструментов оценки и анализа разных аспектов инновационного развития (экономических, социологических, политологических, психологических, педагогических), адекватных целям реализации приоритетов гуманистических ценностей и обеспечения долгосрочной жизнеспособности общества. Полученные результаты исследований имеют ценность как для тактических, так и для стратегических социальных преобразований на пути к устойчивому развитию гуманистического общества.

Заключение

Восходящее развитие общества обеспечивается его устойчивым инновационным развитием. Для восходящего, прогрессивного развития современного общества недостаточно рефлексии последствий результатов инновационного развития и оценки наличного инновационного развития исходя из теоретических рамок, сформировавшихся в существующем культурном контексте. Необходимо, прежде всего переосмысление самого культурного контекста, смыслов и принципов устойчивого инновационного развития, обеспечивающего долгосрочную жизнеспособность общества.

Методологические трудности исследований в сфере инновационного развития общества во многом обусловлены спецификой культурного контекста: подменой смыслов базовых понятий в экономике; отсутствия общего понимания критерия социально-экономической значимости инноваций; отсутствия четких универсальных ориентиров развития современных социально-экономических систем адекватных задачам устойчивого инновационного развития общества; ослаблением роли общечеловеческих ценностей в принятии решений; противоречиями в общественном и политическом заказе на развитие научных направлений. С гносеологической позиции основной проблемой достижения целей устойчивого развития общества является отсутствие целостной концепции устойчивого инновационного развития общества, являющейся методологической базой междисциплинарных исследований и принятия решений в сфере инноваций.

Основные онто-гносеологические аспекты формирования концепции устойчивого инновационного развития общества раскрыты посредством основных категорий, элементов модели осмысления общественного развития, инвариантных для дискурса о развитии общества:

Духовно-интеллектуальная сфера. Смыслы совместной жизни и деятельности, Этика общественной жизни (Гуманизм, Справедливость),

Соотношение значимости материального и духовного, Соотношение личного и социального, Разумность, Возможности и способы познания.

Материальная сфера. Возможности и способы производства благ. Возможности и способы пользования благами. Способ производства. Благосостояние. Общественное благо.

Коммуникативная сфера. Основные соглашения, определяющие форму деятельности. Производственные отношения. Общественный договор. Общественные институты.

С позиции синергетики, тектологии перспективная жизнеспособность общества является системообразующим фактором и сопряжена с движением к динамическому равновесию системы. Жизнеспособность общества подразумевает сохранение его субстанциональной сущности синергетических взаимодействий и совместной деятельности индивидов, ведущих к долгосрочному выживанию человеческой цивилизации в целом. Форма общества, при этом, с необходимостью прогрессивно развивается через трансформацию структуры социальных взаимодействий. Без такого прогрессивного изменения форм «сохранение» сводится к разрушению.

Восходящее, прогрессивное развитие общества обусловливается не только диалектическими законами и синергетическими закономерностями развития сложных систем, но и согласованностью социальных взаимодействий с гуманистическими ценностями, инвариантом которых является эволюционно, биологически присущая людям потребность жить. Осмысленная как ценность, эта объективная потребность становится сущностью гуманистических ценностей.

Сущностью устойчивого инновационного развития общества является процесс качественных изменений социальной реальности и окружающего её мира, обеспечивающих рост качества жизни всех людей и долгосрочную жизнеспособность общества. При этом, общество является одновременно и *субъектом* (сообщество деятелей), и *объектом* (система социальных отношений) инновационного развития.

Смыслом устойчивого инновационного развития общества является реализация конструктивного человеческого потенциала посредством и с целью повышения уровня гуманистичности и долгосрочной жизнеспособности общества. *Объектом устойчивого инновационного развития* (как исследовательской и практической преобразующей деятельности) является культура, устройство общества, а *предметом* – структура общественных отношений.

Концепция устойчивого инновационного развития общества раскрывает способ понимания закономерностей, механизмов, ценностей и результатов общественного развития через призму целей (смыслов) повышения гуманистичности и долгосрочной жизнеспособности общества.

Основой концепции является система базовых принципов (положений), раскрывающих основные онто-гносеологические аспекты устойчивого инновационного развития общества:

Системно-смысловой аспект. Приоритет смысла обеспечения долгосрочной жизнеспособности общества посредством инновационного развития общества (жизнеспособность как системообразующий фактор). В современном коммуникативном пространстве, в частности, реализация данного принципа требует однозначности в философском определении показателей эффективности человеческой деятельности и их разделения на *экономические* – полезные результаты, инновации, улучшения (соответствующие жизнеспособности, целям повышения качества жизни всех людей) и финансовые (*хрематистические*) – рентабельность, окупаемость, прибыль (соответствующие конкурентоспособности, целям усиления преимуществ одних групп над другими).

Ценностно-этический аспект. Устойчивое инновационное развитие осуществляется посредством гармонизации частных и общих потребностей, интересов и ценностей свободных субъектов на базе приоритета гуманистических ценностей, формулируемых в общественном дискурсе.

Структурно-технологический аспект. Принципиальная осуществимость устойчивого инновационного развития общества достижима на базе механизмов сотрудничества и не достижима на основе конкуренции.

Логико-аксиологический аспект. Устойчивое инновационное развитие общества предполагает соответствие выбора технологий и методик социальных и организационных изменений, а также смысла проводимых преобразований гуманистическим принципам и целям (соответствие целей и средств).

Как методологическая основа, концепция устойчивого инновационного развития позволяет исследователям и практикам сфокусироваться на трансформирующем гуманистическом смысле инновационной деятельности в достижении устойчивого развития общества, тем самым способствуя решению вопроса соотношения истины, ценности и практической эффективности знания в инновационной сфере. Данная концепция определяет способ понимания наличного инновационного развития и формирования возможного инновационного развития, способствующего долгосрочной жизнеспособности общества.

Формирование концепции устойчивого инновационного развития общества предполагает разработку и научное обоснование *критериев научной рациональности выбора и проектирования* устойчивых инноваций, методик, технологий оценки инновационных систем, инновационного развития, принятия инвестиционных решений с позиций их соответствия целям (смыслам) устойчивого развития общества:

1. *Рациональность инновации*. Предотвращение и преодоление системных противоречий и кризисов устойчивости развития возможно, если отдавать приоритет инновациям, позволяющим решать проблему максимально системно (дальновидно) и с приемлемыми затратами (в особенности – человеческого труда) на производство и эксплуатацию новых технологий. На основании данного критерия в научной работе была введена новая классификация инноваций: стратегические (направленные на устранение причин социальных проблем), тактические (профилактирующие социальные проблемы-следствия, но не

устраняющие их причину), оперативные (смягчающие последствия социальных проблем).

2. *Гуманистичность инновации*. Достижение смысла устойчивого развития общества возможно, если отдавать приоритет инновациям и инновационной деятельности, все этапы и процессы реализации которых соответствуют гуманистическим ценностям, основными из которых являются жизнь, свобода, возможности творческого развития всех людей.

3. *Значимость инновации*. Восходящее социальное развитие возможно, если отдавать приоритет *социально-значимым* инновациям – инновациям, нацеленным, в первую очередь, на решение наиболее важных для отдельного человека и максимального количества других людей задач, определяемых в соответствии с гуманистическими ценностями.

Формирование концепции устойчивого инновационного развития общества предполагает рефлексию взаимовлияния ценностей человека и культуры, в которую он включен (ценностей – на формирование культуры и приоритеты науки и прогресса, а культуры – на ценности, мировоззрение человека, его отражательные способности). Результаты такой рефлексии могут быть сформулированы в качестве *базовых требований* к социально-экономической системе, благоприятствующей устойчивому развитию общества, обеспечивающей целостность общественных усилий, направленных на устойчивое инновационное развитие:

1. Направленность целей общества на обеспечение его перспективной жизнеспособности и прогрессивного развития.

2. Высокая культура логического, системного, критического мышления, использование стратегического проблемно-ориентированного подхода в социопроектировании, использование однозначно трактуемых понятий, отсутствие «подмены смысла понятий».

3. Отказ от «рыночного фундаментализма»: понимание того, что экономика является лишь частью социальных отношений, рыночные отношения не могут быть распространены на всю сферу социальных отношений.

4. Высокий уровень субъектности общества (общество является, прежде всего, субъектом своего развития, и только потом объектом, определяя приоритеты социально-значимых программ и стратегию развития в целом посредством согласования абсолютно всех разумных интересов и реализации свободы развития всех участников общества, нацеленных на общее благо).

5. В проектировании и управлении инновационным развитием ориентация, прежде всего, на базовые требования к инновациям: рациональность, гуманистичность, значимость и качественные критерии оценки эффективности инноваций (дальновидность и соответствие целям устойчивого развития общества).

6. Нацеленность социально-экономической деятельности общества и инноваций на решение реальных проблем общества, в первую очередь – социально значимых (войны, голод, бедность, преступность, высокая смертность, низкая доступность качественных медицинских услуг, социальная несправедливость, эксплуатация человека человеком и т.д.).

7. Отсутствие структурной поддержки хрематистических целей (прибыль и власть) и хрематистических средств (ссудный процент, неполное банковское резервирование, фондовые биржи, система патентования, технологии запрограммированного устаревания производимых товаров, выпуск товаров с опасными для потребителя свойствами, распространение культа нерационального потребления и т.д.).

8. Прозрачность осуществления и мониторинга результатов (эффектов) социальных программ и проектов, которые определяются комплексом конкретных работ, ресурсов и планируемыми результатами.

9. Нацеленность системы образования на развитие осознанной, самосовершенствующейся, творящей личности, своим трудом повышающей значимость и качество жизней других людей.

10. Развитие естественных организаций, немонетарной мотивации к труду.

Перспективы решения обостряющихся глобальных проблем человечества в развивающейся техногенной цивилизации зависят от характера инновационного развития. Поскольку инновационная деятельность представляет собой особый тип процессов, которые формируют реальность и сами являются формируемой реальностью, в целях более глубокого понимания характера инновационного развития общества необходимо различать две категории анализа инноваций: *формирующие* и *формируемые*. Инновации следует понимать, как *формирующие*, если они направлены на устойчивое развитие общества, т.е. соответствуют базовым требованиям к проектированию инноваций (рациональности, этичности и значимости). *Формируемые* же инновации определяются, прежде всего, целями и ценностями развития общества (как правило, его отдельных частей) в актуальных культурных условиях. Для полноценной реализации потенциала устойчивого инновационного развития общества необходимы развитие и поддержка формирующих инноваций, нацеленных на решение причин современных социальных проблем и преодоление базовых противоречий (ограничений) современного бытия человека и социального развития.

Базовые онто-гносеологические противоречия современного бытия человека и социального развития, препятствующие устойчивому развитию общества, обнаруживаются между:

1. Гуманистическим и рационализирующим смыслом инновационной деятельности человека (с одной стороны) и формируемыми в актуальном социально-экономическом контексте коммерческими целями и приоритетами инновационной деятельности (с другой).

2. Гуманистическим смыслом творческой и оптимизирующей человеческой деятельности (с одной стороны) и доминирующими механизмами распоряжения ресурсами и критериями выбора инноваций (с другой).

3. Реальными социально значимыми проблемами общества (с одной стороны) и поддерживаемыми в современной культуре формами социально-экономических взаимодействий, потребностями и социализирующимися людьми (с другой).

В условиях установившейся системы хозяйствования внедрение изобретений с высокой социально-экономической значимостью затруднено фундаментальными противоречиями гуманистического, социально-экономического смысла творчества, изобретательства и хрематистического смысла предпринимательской деятельности и инвестирования. Эти противоречия существенно затрудняют решение проблемы самоидентификации субъекта принятия решений в области инновационного развития. Предприниматели и изобретатели, как человеческие сущности, по сути с одинаковыми гуманистическими интересами и целями, разделены ценностями и целями искусственной организационной надстройки общества в виде рыночного и капиталистического кредитно-денежного формата хозяйствования.

Также противоречивыми являются интересы власти, бизнеса и общества, определяющиеся разными законами существования этих трех составляющих: политическими, рыночными и социальными. Область решения проблемы устранения противоречий в позициях систем власти, бизнеса и общества лежит в проектировании такой социальной системы, которая обеспечивала бы целостность интересов общества, сотрудничество и соразвитие субъектов общества без разделения общества на подсистемы с оппозиционными интересами.

Перерождение кризисной и антигуманистической системы социума в более высокоорганизованную предполагает решение перечисленных фундаментальных противоречий, препятствующих дальнейшему устойчивому развитию общества. Такое решение начинается с выбора соответствующих методологических оснований инновационного развития, которые должны обеспечивать разумность, целостность и непротиворечивость действий разных участников инновационной деятельности смыслу и приоритетам устойчивого развития гуманистического общества. На практике это означает необходимость усиления формирующего инновационного воздействия, в первую очередь, необходимость активизации общественной инновационной деятельности, опирающейся на гуманистические ценности и цели долгосрочной жизнеспособности общества; реализацию

социальных формирующих инноваций, способных изменить фундаментальные ценностные основы и механизмы социально-экономических систем хозяйствования и инновационного развития.

Сформулированы основные характеристики устойчивого инновационного развития гуманистического общества:

1. Высокая роль фундаментальной науки, нацеленной на решение социально-значимых проблем общества и решения стратегических задач его гуманистического развития.

2. Смыслообразующая роль общественного инновационного развития закономерно выделяется гуманитарным наукам.

3. Приоритет формирующих инноваций.

4. Экономические отношения являются органичной частью социальных отношений, служат благу общества.

5. Процессы организации общественного хозяйства и координации совместной деятельности максимально объективизированы.

6. Управление общественными ресурсами направлено на цели долгосрочной жизнеспособности гуманистического общества.

Логико-смысловой анализ основных исторических альтернатив инновационного развития общества (капиталистического и социалистического формата развития общества) и технократической концепции выявил, что их рамки не предполагают принципиальных решений фундаментальных противоречий устойчивого инновационного развития общества. Более существенной в формировании проблем сегодняшнего общества является роль их общих системных «надстроек» – монетарной, в особенности, ростовщической, системы, иерархических систем власти, рыночных механизмов хозяйствования, что, в конечном, итоге, приводит к одинаковому результату – элитаризму, вторичности, декларативности гуманистических ценностей и целей, социально-экономическим кризисам, хрематистическим приоритетам в выборе направлений инновационного развития.

Устойчивое инновационное развитие общества требует существенных стратегических изменений в традиционно сложившихся хозяйственных системах, преодоления фундаментальных противоречий текущего формата социально-экономической реальности. Такие изменения требуют высокого уровня осознанности и логического мышления человека, а, следовательно, качественных изменений в образовании и культуре всего современного общества.

На тактическом уровне в сегодняшней социально-экономической системе необходимо совершенствование механизмов внедрения конструктивных социальных инноваций, повышающих «уровень сознания» общества для перехода к новому формату и принципам хозяйствования, требуется создание механизмов поддержки формирующих инноваций, существенно повышающих уровень свободы и качество жизни людей.

Опора на концепцию устойчивого инновационного развития позволяет исследователю фокусироваться на реализации общих гуманистических ценностей и цели долгосрочной жизнеспособности общества вне зависимости от парадигмы научного исследования:

1) при выборе ракурса проблемы научного исследования;
2) при определении предмета познания, сформулированном в определенной научной парадигме;
3) при моделировании структуры научного исследования как основания для адекватного использования частных научных подходов, теорий;
4) при выборе научных методов для решения определенных задач исследования;
5) при оценке и интерпретации результатов исследования.

На основе предлагаемой концепции сформулированы методологические требования к осмыслению эффективности инновационных систем, направленных на устойчивое инновационное развитие общества:

1. Инновационная система, нацеленная на устойчивое инновационное развитие, должна быть осмыслена и оценена в каждой из своих структурно-

функциональных подсистем (наука, образование, инфраструктура поддержки инноваций, социальные инновации, инновационная политика) на предмет базового соответствия гуманистическим ценностям и этике устойчивого развития.

2. Приоритетом устойчивого инновационного развития общества, является его долгосрочная жизнеспособность. Жизнеспособность общности на определенной территории подразумевает гибкую, сбалансированную систему жизнеобеспечения населения, экологичности экономики, естественную организацию реализации долгосрочной стратегии социально-экономического развития, самодостаточную включенность в процессы обмена (товарами, оборудованием, технологиями, знаниями) в национальной и мировой экономике знаний. Жизнеспособная общность развивается в социально-экономической системе, нацеленной на приоритет реализации гуманистических ценностей и развивает ее.

3. Согласно международной триединой концепции устойчивого развития, необходимо учитывать три основные соответствующие целевые функции инновационной системы: экологическую, экономическую и социальную.

4. Определение дальновидности социально-экономического эффекта от инновационной деятельности (стратегического, тактического, оперативного) в разрезе основных целевых функций устойчивого развития (экологической, экономической и социальной) имеет большое значение для целей анализа базового соответствия инновационной системы приоритетам устойчивого социально-экономического развития гуманистического общества.

5. Для инновационного развития гуманистического общества приоритетна реализация социально-значимых инноваций (стратегических, формирующих), нацеленных на решение причин социальных, глобальных проблем *Высокая социально-экономическая значимость инновации* – это способность инновации решать значимые, актуальные для всех людей проблемы (здоровья, жилища, образования, питания, передвижения и т.д.), в отличие от хрематистической

способности инновации решать задачи получения прибыли в актуальной хозяйственной системе общества.

Применение концепции устойчивого инновационного развития позволило:

1. Разработать методику оценки эффективности региональной инфраструктуры поддержки инноваций в контексте целей устойчивого развития. Применение развиваемой концепции позволило сфокусироваться на основной миссии исследования – научном вкладе в процесс обеспечения соответствия формы человеческой культуры гуманистическим ценностям – ценностям жизни и развития каждого человека в максимальной гармонии с окружающей (цивилизационной и природной) средой. Так, апробация разработанной методики оценки эффективности инновационной системы (на примере конкретного объекта инфраструктуры поддержки инноваций – Тюменского технопарка) позволила получить результаты, значимые как для тактических, так и для стратегических социальных преобразований на пути к устойчивому инновационному развитию гуманистического общества.

2. Исследовать фокус социальной активности (на примере анализа социальных инициатив жителей ЯНАО на портале РОИ) с позиций соответствия общественных инициатив приоритетам инновационного развития гуманистического общества. Выявлено преобладание инициатив, предлагающих решение социально-экономических проблем преимущественно на оперативном уровне, что говорит о фокусе социальной активности на решении симптомов общественных проблем устойчивого развития. Т.е. инициативы направлены, в основном, на смягчение явных последствий социальных проблем через непосредственное воздействие на социальную сферу. Выявлена необходимость активизации формирующих социальных инноваций (в экологической, экономической и социальной сферах) с целью воздействия на системные причины социально-значимых проблем.

3. Критически пересмотреть вопрос о принципиальной готовности людей к труду и устойчивой инновационной деятельности в немонетарной системе в условиях высокого уровня автоматизации и технологизации всех сфер хозяйственной

деятельности и удовлетворения базовых потребностей. Результаты исследования открывают новые направления исследований для более глубокого и разностороннего понимания факторов социального выбора и поведения человека, поиска путей совершенствования концепций устойчивого социально-экономического развития гуманистического общества. Также полученные выводы подтверждают принципиальную готовность людей трудиться без монетарного вознаграждения в ситуации удовлетворенности всех конструктивных жизненных потребностей. Следовательно, проявляется перспективность исследований, экспериментов и реальных проектов в русле формирующей парадигмы – социопроектирования гуманистического общества – развитие и формирование социально-экономических условий, способных раскрыть лучшие стороны «человеческой натуры» и максимально эффективно реализовать конструктивный творческий и трудовой потенциал людей.

4. Проанализировать стратегические приоритеты Тюменского региона. Разработать специальные инструменты оценки и анализа эффективности устойчивой инновационной системы в виде типологической матрицы. Полученная матрица структурирована по двум основным аналитическим разрезам: целевым функциям и характеру социально-экономических последствий инноваций. Данная матрица применима как к анализу инновационной системы в целом, так и ее структурно-функциональных элементов: науки, образования, инновационной инфраструктуры поддержки инноваций, инновационной политики, а также отдельных объектов и институтов инновационной системы. С помощью морфологического анализа с использованием полученной матрицы был формализован анализ деятельности основного элемента инфраструктуры поддержки инноваций – Тюменского технопарка, выявивший его ориентацию на поддержку инноваций для добывающих отраслей, что соответствует структуре экономики Тюменского региона, актуальным приоритетам его инновационной политики, однако замедляет реальный переход региона к развитию инновационной системы, нацеленной на устойчивое развитие гуманистического общества.

Концепция устойчивого инновационного развития общества может быть (и в соответствии с обоснованием в настоящей научной работе должна быть) применена на разных уровнях научного обоснования практических разработок:

– стратегическом уровне государственного управления и разработки концепций развития общества;

– тактическом уровне разработки новых эффективных методов и методик повышения инновационной активности, жизнеспособности организаций и институтов, механизмов взаимодействия участников инновационного процесса и методик оценки инноваций и результатов устойчивого инновационного развития общества.

Библиографический список

1. Авдиев, В.И. История Древнего Востока [Текст] / В.И. Авдиев. – М.: Государственное издательство политической литературы. – 1953. – 759 с.

2. Агамбен, Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь [Текст] : пер. с итальянского И. Левиной / Дж. Агамбен. – М.: Европа. – 2011. – 256 с.

3. Агамбен, Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. [Текст] : пер. с итальянского М. Велижева / Дж. Агамбен. – М.: Европа. – 2011 – 148 с.

4. Агарков, С. А. Инновационный менеджмент и государственная инновационная политика [Электронный ресурс] / С.А. Агарков, Е.С. Кузнецова, М.О. Грязнова. – М.: Академия Естествознания. – 2011. – URL. https://www.monographies.ru/en/book/view?id=112 (дата обращения: 08.05.2019).

5. Агбалян, Е.В. Анализ риска воздействий факторов окружающей среды на здоровье коренного малочисленного населения Ямало-Ненецкого автономного округа [Электронный ресурс] / Е.В. Агбалян, Н.В. Касацкая, Е.В. Шинкарук // Медико-экологический атлас. – Салехард: Научный центр изучения Арктики. – 2015. – URL: http://muravlenko.yanao.ru (дата обращения: 08.05.2019).

6. Адлер, А. Практика и теория индивидуальной психологии [Текст] / А. Адлер. – М.: Академический Проект. – 2011. – 240 с.

7. Адорно, Т. Негативная диалектика [Текст] / Т. Адорно. – М.: Научный мир. – 2003. – 240 с.

8. Аллахвердов, В.М. Экспериментальная психология познания. Когнитивная логика сознательного и бессознательного [Текст] / В.М. Аллахвердов, А.Ю. Агафонов, Е.А. Вишнякова. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та. – 2006. – 354 с.

9. Альтюссер, Л. За Маркса [Текст] / Л.Альтюссер. – М.: Праксис. – 2006. – 392 с.

10. Аманбекова, А.У. Современные проблемы экологически зависимых заболеваний населения урбанизированных территорий [Текст] / А.У. Аманбекова. – Караганда: РГКП «Национальный центр гигиены труда и профессиональных заболеваний». – 2012. – 200 с.

11. Ананьев, Б.Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность [Текст] / Б.Г. Ананьев. – М.: Директмедиа Паблишинг.– 2008. – 134 с.

12. Анисимов, С.Ф. Формирование духовного мира человека и НТР [Текст] / Анисимов, С.Ф., Дряхлов Н.И. – М.: Издательство Московского университета. – 1977. – 222 с.

13. Анцупов, А.Я. Словарь конфликтолога. 2-е изд. [Текст] / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – СПб.: Питер. – 2006. – 526 с.

14. Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. [Текст] / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль. – 1983. – 830 с.

15. Арон, Р. Демократия и тоталитаризм [Текст] : пер. с французского Г. Семенова / Р. Арон. – М.: Текст.– 1993. – 303 с.

16. Арсеньев, К.К., Энциклопедический словарь в 86 т.. Т.6А (12). Часть 2 из 3 [Текст] / К.К. Арсеньев, Ф.Ф. Петрушевский. – СПб.: Типо-Литографія И. А. Ефрона. – 1892. – 170 с.

17. Арсюхин, Е. Как фермер Шляпников чуть не обрушил финансовую мощь России [Электронный ресурс] / Е. Арсюхин // Комсомольская правда. – 02.06.2015. – URL: http://www.tumen.kp.ru/daily/26388/3266046 (дата обращения: 08.05.2019).

18. Асмолов, А.Г. Психология личности [Текст] / А.Г. Асмолов. – М.: Изд-во МГУ. – 1990. – 367 с.

19. Бабич, О.И. Личностные ресурсы преодоления синдрома профессионального выгорания педагогов: диссертация кандидата психологических наук [Текст] / О.И. Бабич. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения. – 2007. – 187 с.

20. Бадью, А. Этика [Текст] / А. Бадью. – М.: Machina. – 2012. – 128 с.

21. Базарный, В.Ф. Школьный стресс и демографическая катастрофа России [Электронный ресурс] / В.Ф. Базарный // Русская философия. – 2004. – URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_b/bazar00.html (дата обращения: 08.05.2019).

22. Базарный, В.Ф. Школа возрождения или школа вырождения [Текст] / В.Ф. Базарный. – М.: Самотека. – 2012. – 255 с.

23. Базарный, В.Ф. Школа или конвейер биороботов [Текст] / В.Ф. Базарный. – М.: Концептуал. – 2015. – 43 с.

24. Базаров, Т.Ю. Управление персоналом развивающейся организации [Текст] / Т.Ю. Базаров. – М.: ИПК Госслужбы. – 1996. – 151 с.

25. Барашков, С.В. Информационное обеспечение управления конкурентоспособностью [Электронный ресурс] / С.В. Барашков, Е.М. Белый // Энциклопедия маркетинга. – 2014. – URL: http://www.marketing.spb.ru/read/m19/1.htm (дата обращения: 08.05.2019).

26. Барменкова, В.В. От психодиагностики к нормированию [Текст] / В.В. Барменкова // Вестник ТюмГУ. – 2010. – 5. – С. 133 – 141.

27. Барменкова, В.В. Психологические средства нормирования труда: новые возможности в управлении [Электронный ресурс] / В.В. Барменкова // НП «Ассоциация организационных психологов Тюменской области. – 2010. – URL: http://orgpsiholog.ru/do (дата обращения: 08.05.2019).

28. Барменкова, В.В. Основные положения технологии нормирования труда инновационными средствами [Текст] / В.В. Барменкова, А.О. Вылегжанина // Современный менеджмент и инновационная научно-техническая политика. – Missouri: St. Louis: Science & Innovation Center. – 2013. – С. 29-52.

29. Барро, Р.Дж. Экономический рост [Текст] / Р.Дж. Барро. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний. – 2010. – 805 с.

30. Баскин, А.И. Время в системе экономических ресурсов постиндустриального общества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук [Текст] / А.И. Баскин. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов. – 2006. – 320 с.

31. Бауман, З. Индивидуализированное общество [Текст] / З. Бауман. – М.: Логос. – 2002. – 390 с.

32. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества [Текст] / З. Бауман. – М.: Весь мир. – 2004 – 188 с.

33. Бауман, З. Город страхов, город надежд [Текст] / З. Бауман // Логос. – 2008. – С. 24-53.

34. Бауман, З. Текучая современность [Текст] / З. Бауман. – СПб: Питер. – 2008. – 240 с.

35. Бахтин, М.В. Вечные ориентиры счастья. Полное собрание сочинений в 7-ми томах. Том 1 [Текст] / М.В. Бахтин. – М.: Институт мировой литературы им. М. Горького РАН. – 2003. – 957 с.

36. Бахтияров, О.Г. Постинформационные технологии: введение в психонетику [Текст] / О.Г. Бахтияров. – М.: КомКнига. – 2007. – 168 с.

37. Бахтияров, О.Г. Активное сознание [Текст] / О.Г. Бахтияров. Архангельск: Постум. – 2010. – 274 с.

38. Бахтияров, О.Г. Люди новой воли: социогуманитарный уклад и его творцы [Текст] / О.Г. Бахтияров // Альманах «Развитие и экономика». – 2012. – № 3. – 150 с.

39. Башкирское спутниковое телевидение. ТВ о Шаймуратово [Электронный ресурс]. – 2013. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=K3SfrQ1TZrA (дата обращения: 08.05.2019).

40. Беглов, И.И. США: собственность и власть [Текст] / И.И. Беглов – М.: Наука. – 1971. – 546 с.

41. Белоус, Э.И. Соперничество как социокультурный феномен. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук [Текст] / Э.И. Белоус. – Ростов-на-Дону: ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет". – 2010. – 22 с.

42. Беляев, И.А. Ценностное содержание целостного мироотношения [Текст] / И.А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 2. – С. 9-13.

43. Бердяев, Н.А. Смысл творчества (опыт оправдания человека) [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. – 1916. – URL: http://odinblago.ru/smisl_tvorchestva (дата обращения: 08.05.2019).

44. Бердяев, Н.А. Философия свободы. Смысл творчества [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев // Правда. – 1989. – URL: http://odinblago.ru/smisl_tvorchestva (дата обращения: 08.05.2019).

45. Бердяев, Н.А. Самопознание [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Азбука, Азбука-Аттикус. – 2016. – 416 с.

46. Бариленко В.И. Бизнес-анализ как инструмент обеспечения устойчивого развития хозяйствующих субъектов [Текст] / В.И. Бариленко // Учет. Анализ. Аудит. – 2014. – №1. – С. 25-31.

47. Бермус, А.Г. Введение в гуманитарную методологию [Текст] / А.Г. Бермус. – Москва: Канон +, Реабилитация. – 2007. – 336 с.

48. Берчатова, А.А. Экологические проблемы нефтяной промышленности [Электронный ресурс] / А.А. Берчатова, Петрова Е.Ю. // Neftegaz.ru. – 15.05.2003 – URL: http://neftegaz.ru/analisis/view/6078-Ekologicheskie-problemy-neftyanoy-promyshlennosti (дата обращения: 08.05.2019).

49. Бжезинский, З. Политические системы: США и СССР : сходство и различия, конвергенция или эволюция. Вып. 2. [Текст] / З. Бжезинский, С. Хантингтон. – Москва: Прогресс. – 1965. – 272 с.

50. Бобнева, М.И. Психологические механизмы регуляции социального поведения [Текст] / М.И. Бобнева, Е.В.Шорохова. – М.: Наука – 1979. – 336 с.

51. Бобылев, С.Н. Эколого-экономический индекс РФ [Текст] / С.Н. Бобылев, В.С. Минаков, С.В. Соловьева, В.В. Третьяков. – М. : WWF России, РИА Новости. – 2012. – 150 с.

52. Богданов, А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука [Текст] / А.А. Богданов. – М.: Экономика. – 1989. – 304 с.

53. Богданова, М.В. Саморегуляция личности: от защит к созданию [Текст] / Богданова М.В., Доценко Е.Л. – Тюмень: Мандр и К. – 2010. – 203 с.

54. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального [Текст] : перевод с французского П. Суслов / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург. – 2000. – 32 с.

55. Бодрийяр, Ж. Общество потребления [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М.: Республика. – 2006. – 272 с.

56. Бородкин, Ф.М. Социальная политика: власть и перестройка [Текст] // Ф.М. Бородкин // Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. – 1989. – М.: Прогресс. – 592 с.

57. Бугера, В.Е. Экономические предпосылки третьего передела мира [Текст] / В.Е. Бугера // Электронный научный журнал Нефтегазовое дело. – 2008. – С. 1-20.

58. Бугера, В.Е. Экономические причины войн XXI века [Текст] / В.Е. Бугера // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2008. – № 4. – С. 21-26.

59. Букчин, М. Социальный анархизм или анархизм образа жизни? [Текст] / М. Букчин. – С-Пб: Самоопределение. – 2013. – 95 с.

60. Букчин, М. Призрак анархо-синдикализма [Электронный ресурс] / М. Букчин. – URL: http://www.libfront.org/2014/prizrak-anarho-sindikalizma (дата обращения: 08.05.2019).

61. Бутова, Т.В. Модели взаимодействия власти и бизнеса в Российской Федерации [Текст] / Т.В. Бутова, А.И. Дунаева, Н.О. Удачин // Вестник Университета. – 2014. – № 6. – С. 23-26.

62. Бэкон, Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические [Текст] / Ф. Бэкон. – Москва: Издательство АН СССР. – 1954. – 244 с.

63. Вайцзеккер, Э. Фактор четыре. Затрат – половина, отдача – двойная [Текст] : пер. с английского А.П. Заварницына / Э. Вайцзеккер, Э. Ловинс, Л. Ловинс. – М.: Academia. Москва: Academia. – 2000. – 400 с.

64. Вальтух, К.К. Информационная теория стоимости [Текст] / Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН. – 1996. – 406 с.

65. Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер. – М.: Прогресс. – 1990. – 808 с.

66. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма [Текст] / М. Вебер. – М.: Ист-Вью. – 2002. – 352 с.

67. Веблен, Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институций [Текст] : пер. с английскго С. Сорокиной [Текст] / Т. Веблен. – М.: Прогресс. – 1984. – 183 с.

68. Вернадский, В.И. Научная мысль как планетное явление [Текст] / В.И. Вернадский. – М.: Наука. – 1991. – 271 с.

69. Винникотт, Д. Игра и реальность [Текст] / Д. Винникотт. – М.: Институт общегуманитарных исследований. – 2002. – 288 с.

70. Винокуров, Л.В., Организационная психология – Серия "Хрестоматия по психологии" [Текст] / Л.В. Винокуров, И.И. Скрипюк. – СПб.: Питер. – 2000. – 712 с.

71. Владимиров, А.М. Охрана окружающей среды [Текст] / А.М. Владимиров, Ю.И. Ляхин, Л.Т. Матвеев, В.Г. Орлов – Ленинград: Гидрометеоиздат. – 1991. – 424 с.

72. Владимиров, В.А. Катастрофы конца XX века [Текст] / В.А. Владимиров. – М.: УРСС. – 1998. – 400 с.

73. Владимирова, М. Трансформация массового сознания под воздействием СМИ (на примере российского телевидения) [Текст] / М. Владимирова. – М.: Флинта, Наука. – 2011. – 489 с.

74. Власов, В.С. Выбор инновационной стратегии фирмы [Текст] / В.С. Власов. – М.: Лаборатория книги. – 2010. – 85 с.

75. Восканов, М.Э. Тенденции, закономерности, факторы и условия инновационного развития региональных социально-экономических систем [Текст] / М.Э. Восканов, А.Р. Балаян // Международное научное издание «Современные фундаментальные и прикладные исследования». – 2016. – № 1(20). – С. 98-110.

76. Всемирный доклад о наркотиках [Электронный ресурс] // Управление организации объединенных наций по наркотикам и преступности. – 2015. – URL: http://www.unodc.org/documents/wdr2015/WDR15_ExSum_R.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

77. Всемирный доклад ЮНЕСКО "К обществам знания" [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЮНЕСКО. – Париж: ЮНЕСКО. – 2005. – URL:

http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

78. Вугальтер, А.Л. Ваше открытие общества, или философский вояж [Текст] / А.Л. Вугальтер. – March-A. – 1995. – 146 с.

79. Выготский, Л.С. Психология развития человека [Текст] / Л.С. Выготский. – Москва: Изд-во Смысл, Эксмо. – 2005. – 1136 с.

80. Вылегжанина, А.О. Коуч-технологии как способ обеспечения конкурентоспособности предпринимательских структур. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук [Текст] / А.О. Вылегжанина. – Тюмень: ТюмГУ. – 2007. – 195 с.

81. Вылегжанина, А.О. Коуч-технологии как способ обеспечения конкурентоспособности предпринимательских структур [Текст] / А.О. Вылегжанина. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.э.н. Тюмень: ТюмГУ. – 2007. – 22 с.

82. Вылегжанина, А.О. Роль коуч-технологий как способа управления конкурентоспособностью предприятий [Текст] / А.О. Вылегжанина // Вестник тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2007. – № 4. – С. 175-181.

83. Вылегжанина, А.О. Управление конкурентоспособностью персонала организации как основным ресурсом конкурентоспособности организации в современной экономике [Текст] / А.О. Вылегжанина // Вестник тюменского государственного университета – 2007. – № 2. – С. 62-67.

84. Вылегжанина, А.О. Стратегические приоритеты инновационного развития Тюменского региона [Текст] / А.О. Вылегжанина // Социум и власть. – 2016. – №2(90). – С. 121-132.

85. Вылегжанина, А.О. Организационный инструментарий управления проектами [Текст] / А.О. Вылегжанина. – Москва-Берлин: Директ-Медиа. – 2015. – 312 с.

86. Вылегжанина, А.О. Организация в современной социально-экономической системе: конкурентоспособность или развитие? [Текст] / А.О. Вылегжанина // В мире научных открытий. – 2014. – № 11.9(59). – С. 3451 – 3467.

87. Вылегжанина, А.О. Управление ресурсами социально-экономического развития [Текст] / А.О. Вылегжанина. – Москва-Берлин: Директ-Медиа. – 2015. – 372 с.

88. Вылегжанина, А.О. Применение морфологического подхода к анализу развития инновационных систем, направленных на устойчивое социально-экономическое развитие [Текст] / А.О. Вылегжанина // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2015. – № 10. С. 21-42.

89. Вылегжанина, А.О. Результаты анализа бенчмаркинговых методик оценки инновационных систем на предмет соответствия целям устойчивого развития общества [Текст] / А.О. Вылегжанина // Модернизация. Инновации. Развитие. – 2015. – Т. 7. – № 1 (25). – С. 104-111.

90. Вылегжанина, А.О. Ценности гуманизма как основа современного социального заказа на новый вид социальной идентичности [Текст] / А.О. Вылегжанина // Культура и цивилизация. – № 6. 2015. – С. 205-219.

91. Вылегжанина, А.О. Актуальные вопросы оценки инновационной деятельности, направленной на устойчивое развитие общества [Текст] / А.О. Вылегжанина // Международное научное издание Современные фундаментальные и прикладные исследования. – 2016. – Т. 1(2) – № 21. – С. 78-86.

92. Вылегжанина, А.О. Социальная инновационная активность регионов арктической зоны РФ на примере интернет-портала российской общественной инициативы [Текст] / А.О. Вылегжанина // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 11(67). – С. 966-976.

93. Вылегжанина, А.О. Характеристика соответствия инфраструктуры поддержки инноваций приоритетам устойчивого развития общества на примере Тюменского Технопарка [Текст] / А.О. Вылегжанина // Международное научное

издание «Современные фундаментальные и прикладные исследования». – 2016. – № 2(21). – С. 87-96.

94. Вылегжанина, А.О. Фундаментальные причины трудностей инновационного развития современных организаций [Электронный источник] / А.О. Вылегжанина, В.Е. Лёвкин // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – URL: science-education.ru/120-16026ГК (дата обращения: 08.05.2019).

95. Вылегжанина, А.О., Лёвкин В.Е. Проблемы мотивации труда в современных условиях: потенциальный уровень готовности к немонетарному труду [Текст] / А.О. Вылегжанина, В.Е. Лёвкин // Теории и проблемы политических исследований. – 2015. – № 6. – С. 133-153.

96. Вылегжанина, А.О. Антропогенное воздействие в циркумполярной зоне: проблема восприятия [Текст] / А.О. Вылегжанина, Г.Ф. Ромашкина // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 2 (90). – С. 121-132.

97. Гаранян, Н.Г. Групповая психотерапия неврозов с соматическими масками (теоретико-экспериментальное обоснование подхода) [Текст] / Н.Г. Гаранян, А.Б. Холмогорова // Московский психотерапевтический журнал. – 1994. – С. 29-48.

98. Гартман, Н. Часть третья. Проблема свободы воли (Метафизика нравов) [Текст] / Н. Гартман // Этика– СПб: Владимир Даль. – 2002. – 708 с.

99. Гатто, Д.Т. Фабрика марионеток. Исповедь школьного учителя [Текст] / Д.Т. Гатто. – Москва: Генезис. – 2006. – 128 с.

100. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа [Текст] : перевод с немецкого Г. Шпета / Г.В.Ф. Гегель – СПб: Наука. – 1992. – 444 с.

101. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Том 1. М.: Мысль. – 1970. – 501 с.

102. Гезелль, Й.С. Естественный экономический порядок [Текст] / Й.С. Гезелль. – М.: Концептуал – 2015. – 432 с.

103. Гендина, Н.И. Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждения [Текст] / Н.И. Гендина. – М.: Школьная библиотека. – 2002. – 208 с.

104. Гловели, Г.Д. Отблески "Красной звезды" в советологии [Текст] / Г.Д. Гловели, Г.С. Синельникова // Вестник Международного Института А. Богданова. – 2002. – № 9. – URL: http://www.bogdinst.ru/vestnik/v09_04.htm (дата обращения: 08.05.2019).

105. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Текст] / Т. Гоббс. – М.: Мысль. – 2001. – 479 с.

106. Голдякова, Т.В. Понятие и классификация инноваций [Текст] / Т.В. Голдякова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2006. – № 2. – С. 20-27.

107. Гранберг, А.Г. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке [Текст] / А.Г. Гранберг, В.И. Данилов-Данильян. – М.: Экономика. – 2002. – 414 с.

108. Греф, Г. Выход из управленческого тупика: мудрость толпы или авторитарный гений? [Электронный ресурс] / Г. Греф // Международный экономический форум. – 2012. – URL: https://youtu.be/RABgXkL3GqE (дата обращения: 08.05.2019).

109. Греф, Г. Блокчейн убьет банки [Электронный ресурс] / Г. Греф. – 2016. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=-0z-4FQI30Q (дата обращения: 08.05.2019).

110. Григорьева, Л. Англия — страна Советов [Текст] / Л. Григорьева – М.: Зебра. – 2008. – 288 с.

111. Гроф, С. Космическая игра [Текст] / С. Гроф. – Москва: Издательство Трансперсонального Института. – 1997. – 256 с.

112. Губарев, В. Академик В. И. Арнольд: путешествие в хаосе [Электронный ресурс] / В. Губарев // Наука и жизнь. – 2000. – 12. – URL: http://www.nkj.ru/archive/articles/5174

113. Дамье, В. Атомизация общества и социальная самоорганизация: Российский контекст [Текст] / В. Дамье // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М.: Едиториал УРСС. – 2004. – С. 73-82.

114. Дамье, В. История анархо-синдикализма. Краткий очерк [Текст] / В. Дамье. – М.: Либроком. – 2010. – 152 с.

115. Дандон, Э. Инновации: как определять тенденции и извлекать выгоду [Текст] / Э. Дандон – М.: Вершина. – 2006.

116. Даниленко, В.П. . От животного к Человеку. Введение в эволюционную этику [Текст] / В.П. Даниленко. – М.: ЛитРес. – 2015.– 460 с.

117. Данилов-Данильян, В.И. Экологический вызов и устойчивое развитие [Текст] / В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев. – М.: Прогресс-Традиция. – 2000. – 416 с.

118. Дарвин, Ч.Р. Происхождение видов [Текст] / Ч.Р. Дарвин. – М.: Эксмо. – 2016. – 488 с.

119. Дафт, Р. Теория и практика организации для психологов и экономистов. Серия: Психология – лучшее [Текст] / Р. Дафт. – М.: Прайм - Еврознак. – 2009. – 384 с.

120. Делёз, Ж. Логика смысла [Текст] / Ж. Делёз. – М.: Академический проект. – 2015. – 482 с.

121. Дикарева, В.А. К разработке программы долгосрочного социально-экономического развития России [Электронный ресурс] / В.А. Дикарева // Проблемы перехода к инновационной экономике. Проблемы современной экономики. – 2009. – № 1(29). – URL: http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2386 (дата обращения: 08.05.2019).

122. Добреньков, В.И. Фундаментальная социология [Текст] / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко – М.: ИНФРА-М. – 2005. – 1040 с.

123. Доклад генерального секретаря ООН "Проведение второго Десятилетия Организации Объединенных Наций по борьбе за ликвидацию нищеты (2008-2017 годы) [Электронный ресурс] // PreventionWeb. – 2011. URL:

http://www.preventionweb.net/files/resolutions/N1144036.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

124. Дорожная карта энергетического сотрудничества и ЕС до 2050 г. [Электронный ресурс] // Министерство энергетики РФ. – 2013. – URL: http://esco.co.ua/journal/industry/2013_5/art130.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

125. Древинг, С.Р. Кластерная концепция устойчивого развития экономики [Текст] / С.Р. Древинг. – СПб.: Изд-во СПбГУ – 2009. – 161 с.

126. Друкер, П. Бизнес и инновации [Текст] / П. Друкер. – М.: Вильямс. – 2008. – 432 с.

127. Дудчак, А.В. Третья мировая: Демократическая война как механизм ненасильственного передела мировых ресурсов [Текст] / А.В. Дудчак, А.Я. Маначинский. – Киев: Золотые ворота. – 2011. – 293 с.

128. Дудникова, Е.А. Современные подходы к определению понятия «устойчивое развитие предприятия» [Электронный ресурс] / Е.А. Дудникова // Гуманитарные научные исследования. – 2016. – № 12. – URL: http://human.snauka.ru/2016/12/18481 (дата обращения: 08.05.2019).

129. Дуреев, С.П. Конструирование социальной реальности в контексте современного мирового развития [Текст] / С.П. Дуреев, Н.С. Дуреева // Вестник ЧелГУ. – 2016. – № 3(395). – С. 21-26.

130. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда [Текст] / Э. Дюркгейм. – М.: Канон. – 1996. – 432 с.

131. Евсеев, В.О. Конкурентоспособность человеческих ресурсов в новой системе социально-трудовых отношений. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук [Текст] / В.О. Евсеев. – М.: Академия труда и социальных отношений. – 2009. – 43 с.

132. Егоркин, В.Г. Философия инноваций [Электронный ресурс] / В.Г. Егоркин // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2006. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-innovatsiy (дата обращения: 08.05.2019).

133. Ергин, Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть [Текст] / Д. Ергин. – М.: Альпина Паблишер. – 2016. – 944 с.

134. Жиру, А. Зомби-политика и культура в эпоху казино-капитализма [Текст] / А. Жиру. – М.: Гуманитарный центр. – 2015. – 284 с.

135. Жуков, Ю.М.. Введение в практическую социальную психологию [Текст] / Ю.М. Жуков, Л.А. Петровская, О.В. Соловьева. – М.: Книга. – 1996. – 373 с.

136. Завлин, П.Н. Основы инновационного менеджмента: Теория и практика: Учебное пособие для вузов [Текст] / П.Н. Завлин. – М.: Экономика. – 2000. – 475 с.

137. Запесоцкий, А.П. Философия образования и проблемы современных реформ [Текст] / А.П. Запесоцкий // Экономика образования. – 2014. – № 3. – С. 33-41.

138. Засурский, Я.Н. Коммуникация в обществе знаний [Текст] / Я.Н. Засурский. – Москва: МедиаМир. – 2013. – 296 с.

139. Здравомыслов, А.Г. Потребность. Интересы. Ценности [Текст] / А.Г. Здравомыслов. – М.: Мысль. – 1986. – 224 с.

140. Зиновьев, И. Похитители патентов. Деньги [Электронный ресурс] / И. Зиновьев. – 2010. – URL: http://www.kommersant.ru/doc/1315551 (дата обращения: 08.05.2019).

141. Иванов, В.А. Сущность, классификация инноваций и их специфика в аграрном секторе [Электронный ресурс] / В.А. Иванов // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2010. – URL: http://koet.syktsu.ru/vestnik/2007/2007-1/3.htm (дата обращения: 08.05.2019).

142. Иванов, В. Г. Политические элиты: от национального к транснациональному уровню [Текст] / В. Г. Иванов. – М.: Российский университет дружбы народов. – 2008. – 301 с.

143. Иванов, Д.В. Виртуализация общества [Текст] / Д.В. Иванов. – СПб: Петербургское Востоковедение. – 2000. – 96 с.

144. Ивин А.А. Аксиология. Научное издание [Текст] / А.А. Ивин. — М.: Высш. шк., 2006. – 390 с.

145. Ильенков, Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении [Текст] / Э.В. Ильенков. – М.: РОССПЭН, 1997. – 468 с.

146. Ильенков, Э.В. Диалектическая логика [Текст] / Э.В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.

147. Ильин, А.А. Квалифицированный потребитель - цель системы образования? [Текст] / А.А. Ильин // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – С. 49-57.

148. Ильин, А.Н. Консьюмеризм как фактор антикультурной инновационности [Текст] / А.Н. Ильин // Вопросы философии. – 2016. № 4. – С. 171-182.

149. Ильин, И.А. Собрание сочинений. Т. 4. [Текст] / И.А. Ильин. – М.: Русская книга. – 1994. – 624 с.

150. Иноземцев, В.Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия [Текст] / В.Л. Иноземцев. М.: Экономика. – 2003. – 776 с.

151. Кабатт-Зинн, Д. Куда бы ты ни шел – ты уже там [Текст] / Д. Кабатт-Зинн. – М.: Открытый мир. – 2006. – 192 с.

152. Кабаченко, Т.С. Психология управления. Учебное пособие [Текст] / Т.С. Кабаченко. – М.: Российское педагогическое агентство. – 1997. – 323 с.

153. Каган М.С. Философская теория ценности [Текст] / М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.

154. Кадзума, Т. Вечный дух предпринимательства. Практическая философия бизнесмена [Текст] / Т. Кадзума. – М.: Московский бизнес. – 1990. – 222 с.

155. Казеннов А.С. Диалектика как высший метод познания [Текст] / А.С. Казеннов. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та. – 2011. – 96 с.

156. Кампанелла, Т. Город солнца [Текст] / Т. Кампанелла. М.: Издательство академии наук СССР. – 1954. – 228 с.

157. Кант, И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант. – М.: Наука. – 1999. – 229 с.

158. Кара-Мурза, С.Г. Евроцентризм: скрытая идеология перестройки [Текст] / С. Кара-Мурза. – Москва: СИМС. – 1996. – 143 с.

159. Кара-Мурза, С.Г. Императив перехода к инновационному развитию России: состояние на старте [Текст] / С.Г. Кара-Мурза // Альманах "Наука. Инновации. Образование". – 2007. – № 2. – URL: http://www.riep.ru/upload/iblock/163/16354bc6e429575b42c27658b28f6054.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

160. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. XXI век [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм. – 2013. – 432 с.

161. Касперский, Е. Kill the troll [Электронный ресурс] / Е. Касперский. – 2012. – URL: https://eugene.kaspersky.ru/2012/06/26/kill-the-troll (дата обращения: 08.05.2019).

162. Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс . – М.: Гос. ун-т. – 2000. – Высш. шк. экономики. – 606 с.

163. Касториадис, К. Воображаемое установление общества [Текст] : перев. с французского Г. Волкова, С. Офертас / К. Касториадис. – М.: Гнозис, Логос. – 2003. – 408 с.

164. Катасонов, В.Ю. От рабства к рабству [Текст] / В.Ю. Катасонов. – М.: Кислород. – 2014. – 448 с.

165. Катасонов, В.Ю. История и идеология «денежной цивилизации» [Текст] / В.Ю. Катасонов. – М.: Институт русской цивилизации. – 2013. – 1075 с.

166. Катасонов, В.Ю. Свободного рынка нигде нет это обман [Электронный ресурс] / В.Ю. Катасонов – 2015. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=x4HB3NZPLD0 (дата обращения: 08.05.2019).

167. Катасонов, В.Ю. Империализм, как высшая стадия капитализма. Метаморфозы столетия (1916 – 2016) [Текст] / В.Ю. Катасонов. – М.: Кислород. – 2016. – 405 с.

168. Катасонов, В.Ю. Мировая финансовая пирамида. Финансовый империализм, как высшая и последняя стадия капитализма [Текст] / В.Ю. Катасонов. – М.: Книжный мир. – 2016. – 288 с.

169. Кашанина, Т.В., Кашанин А.В. Основы российского права [Текст] / Т.В. Кашанина, А.В. Кашанин. – Москва: Норма. – 2000. – 800 с.

170. Ковалёва, Т.Ю. Обзор методических модходов к оценке уровня научно-технического прогресса: страновой и региональный аспекты [Текст] / Т.Ю. Ковалёва // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. – 2015. – № 3. – С. 20-32.

171. Ковальчук, М. Выступление на Совете Федерации России. Порабощение науки Америкой. Создание "служебного человека" [Электронный ресурс] / М. Ковальчук. – 15.09.2015. – URL: https://cont.ws/post/197369 (дата обращения: 08.05.2019).

172. Козловски, П. Этика капитализма [Текст] / П. Козловски. – СПб: Экономическая школа. – 1996. – 159 с.

173. Кокорин, А.О. Обзор доклада Николаса Стерна «Экономика изменения климата» Издание 2-ое, дополненное и переработанное [Текст] / А.О. Кокорин, С.Н. Кураев, М.А. Юлкин. – М.: WWF России. – 2009. – 60 с.

174. Колеман, Д. Комитет 300 [Текст] / Д. Колеман. – М.: Витязь. – 2005. – 323 с.

175. Комолов, О.О. Тенденции монополизации современной рыночной экономики (политико-экономический аспект) [Текст] / О.О. Комолов. – М.: ФГБ УН Институт экономики РАН. – 2016. – 140 с.

176. Кондаурова, Д.С. Разработка рекомендаций по развитию механизма управления устойчивым развитием промышленных предприятий [Текст] / Д.С. Кондаурова // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2015. – №9 (81). – С. 19-24.

177. Кондратьев, Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды [Текст] / Н.Д. Кондратьев. – М.: Экономика. – 2002. – 767 с.

178. Конт, О. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении [Текст] / О. Конт. – М.: Либроком. – 2012. – 92 с.

179. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утв. Указом Президента Российской Федерации от 01.04.1996 № 440 [Электронный ресурс]. – 1996. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120

180. Концептуал ТВ. За что критикуют проект Шаймуратово? [Электронный ресурс]. – 2013. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=SWZ2bRxzFKs (дата обращения: 08.05.2019).

181. Королев, В.К. Философия хозяйства как «метафизика» неоэкономики: проблема человека [Текст] / В.К. Королев, О.В. Евграфова // Философия хозяйства. – 2017. – С. 18-27.

182. Коротаев, А.В. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны [Текст] / А.В. Коротаев, А.С. Малков, Д.А. Халтурина. – 2005. – 344 с.

183. Коршунов, А.М. Онтология устойчивого развития: диалектика и синергетика / А.М. Коршунов, В.В. Мантатов // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2010. – № 6. – С. 54-65.

184. Коряков, А.Г. Методологические вопросы устойчивого развития предприятий / А. Г. Коряков // Вопросы экономики и права. – 2012. – № 4. – С.110-114.

185. Косолапов, Н.А. Социальная психология и международные отношения [Текст] / Н.А. Косолапов. – М.: Наука – 1983. – 272 с.

186. Костина, Г. Мало не покажется [Электронный ресурс] / Г. Костина, Т. Оганесян // Эксперт-online: электронный журнал. – 23.04.2012. – URL: http://expert.ru/expert/2012/16/malo-ne-pokazhetsya (дата обращения: 08.05.2019).

187. Котельников, С.В. Власть или управление? / С.В. Котельников, М.В. Рац // Информационно-аналитический портал. – 21.04.2014. – URL: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6775 (дата обращения: 08.05.2019).

188. Кравцевич, С.В. Историко-экономические взгляды на формирование представлений о конкуренции [Текст] / С.В. Кравцевич. – Чита: РИК ЧитГУ. – 2011. – 146 с.

189. Кревельд, М.В. Расцвет и упадок государства [Текст] / М.В. Кревельд . – М.: ИРИСЭН, ИД "Социум". – 2016. – 544 с.

190. Кривомазов, А.Н. Фредерик Содди (1877-1956) [Текст] / А.Н. Кривомазов. – М.: Наука. – 1978. – 208 с.

191. Кристева, Ю. Семиотика. Исследования по семанализу [Текст] / Ю. Кристева . – М.: Академический Проект. – 2015. – 288 с.

192. Кропоткин, П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса [Текст] / П.А. Кропоткин. – М.: Голос труда. – 1922. – 322 с.

193. Кун, Т. Структура научных революций. Логика открытия или психология исследования [Текст] / Т. Кун . – М.: АСТ. – 2003. – 605 с.

194. Кунде, Й. Уникальность теперь... или никогда. Книга о корпоративной религии. [Текст] / Й. Кунде . – СПб: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге . – 2005 . – 362 с.

195. Кущенко, С.В. Механизм "превращений" в общественном сознании [Текст] / С.В. Кущенко // Альманах "Восток". – 2004 . – № 19(7). – С. 10-14.

196. Кьеза, Дж. Война империй: Восток – Запад. Раздел сфер влияния [Текст] / Дж. Кьеза. – М.: Эксмо. – 2006. – 320 с.

197. Лапин, Н.И. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения [Текст] / Н.И. Лапин // Вопросы философии. – 2005. – № 2. – С. 17-29.

198. Лапин, Н.И. Теория и практика инноватики [Текст] / Н.И. Лапин. – М.: Университетская книга; Логос. – 2012. – 328 с.

199. Лапин, Н.И. Кризис цивилизации и гуманистическая модернизация [Электронный ресурс] / Н.И. Лапин // Официальный сайт Института философии РАН. – 2015. – URL: http://iph.ras.ru/ uplfi/ scult/ Lapin_2015.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

200. Лапин, Н.И. Проблемы социокультурной модернизации регионов России [Текст] / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Х. Чуаньци. – М.: Academia. – 2013. – 416 с.

201. Лебедев С. А. Философия науки: Словарь основных терминов. – М.: Академический проект . – 2004. — 320 с.

202. Лёвкин, В.Е. Психофизическое отношение: опыт введения категории (из серии "Аспекты философии психологии") [Текст] / В.Е. Лёвкин // Калейдоскоп культуры: феномен и осмысление. Сборник статей. – Тюмень: Вектор Бук. – 2004. – С. 10-40.

203. Лёвкин, В.Е. Основные парадигмы в психологии [Текст] / В.Е. Лёвкин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2007. – № 4. – С. 165-174.

204. Лёвкин, В.Е. Методологические основы психологии [Текст] / В.Е. Лёвкин. – Тюмень: ТюмГУ. – 2011. – 248 с.

205. Лёвкин, В.Е. Причины подавленной активности личности [Электронный ресурс] / В.Е. Лёвкин // НП «Ассоциация организационных психологов Тюменской области». – 2014. – URL: www.оргпсихологи.рф: http://orgpsiholog.ru/prichiny-podavlennoy-activnosti.htm (дата обращения: 08.05.2019).

206. Лёвкин, В.Е. Логика мышления: диагностика, развитие и воспитание [Текст] / В.Е. Лёвкин // Педагогический журнал. – 2015 . – № 6 . – С. 30-49.

207. Лёвкин, В.Е. Современная социальная система как контекст психологического заказа [Текст] / В.Е. Лёвкин // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2015. – № 6. – С. 114-138.

208. Лёвкина, А.О. Системные ограничения инновационного развития в онтогенезе гуманного общества [Текст] / А.О. Лёвкина // Социальная политика и социология. – 2017. – Т. 16. – № 6(125). – С. 125-133.

209. Лёвкина, А.О. Фокус социальной активности жителей ЯНАО на портале "Российская общественная инициатива" [Текст] / А.О. Лёвкина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2018. – № 4(2) . – С. 55-69.

210. Левкина А.О. Новые подходы к развитию российской арктики: устойчивое инновационное развитие коллаборативных локальных экономик [Текст] / А.О. Левкина, Е.Ф. Гладун // Инновации. – 2018. – № 11 (241). – С. 45-52.

211. Лёвкина, А.О., Лёвкин В.Е. Проблемы онтологии общества знаний [Текст] / А.О. Лёвкина, В.Е. Лёвкин // Проблемы современного образования. – 2017. – № 6. – С. 22-34.

212. Лёвкина, А.О., Лёвкин В.Е. Роль гуманистических ценностей в самоидентификации субъектов инновационного развития общества [Текст] / А.О. Лёвкина, В.Е. Лёвкин // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2018. – № 1(33) – С. 16-25.

213. Леонтьев, А.Н. Воля [Текст] / А.Н. Леонтьев // Вестник Московского Университета . – 1993 . – № 14(2) . – С. 3-14.

214. Леонтьев, В.В. Баланс народного хозяйства СССР. Методологический разбор работы ЦСУ [Текст] / В.В. Леонтьев // Плановое хозяйство : Ежемесячный журнал. – 1925. – 12. – С. 254-258.

215. Лепский, В.Е. Аналитика сборки субъектов развития [Текст] / В.Е. Лепский. – М.: Когито-Центр. – 2016 – 130 с.

216. Лепский, В.Е. Социально-политическое измерение науки и техники [Текст] / В.Е. Лепский // Философия науки и техники. – 2016. – Т. 21. – № 1. – С. 169–187.

217. Лепский, В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновациону развитию [Текст] / В.Е. Лепский. – М.: Изд-во «Когито-Центр». – 2009. – 208 с.

218. Лепский, В.Е. Технологии управления в информационных войнах (от классики к неоклассике) [Текст] / В.Е. Лепский. – М.: Когито-Центр. – 2016. – 160 с.

219. Летающая тарелка России «ЭКИП» [Электронный ресурс] // Популярная наука. – 2015. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=VB6bdkiGTtw (дата обращения: 08.05.2019).

220. Лиетар, Б.А. Будущее денег [Текст] / Б.А. Лиетар. – М.: Олимп. – АСТ. – Астрель. – 2007. – 496 с.

221. Липтон, Б. Биология веры [Текст] / Б. Липтон. – М.: ООО Издательство «София». – 2008. – 256 с.

222. Лири, Т. История будущего [Текст] / Т. Лири. – М.: Янус. – 2001. – 288 с.

223. Лисичкин, В.А. Россия под властью плутократии [Текст] / В.А. Лисичкин, Л.А. Шелепин. – М.: Алгоритм книга. – 2003 . – 480 с.

224. Литвинов, В.П. Проектирование будущего университета [Текст] / В.П. Литвинов . – Пятигорск: ПГЛУ. – 2010. – 199 с.

225. Лобачева, Т.И. Проблема воспитания внутренней свободы личности в российской педагогике второй половины XIX - начала XX вв. Диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук [Текст] / Т.И. Лобачева. – М. – 2002. – 365 с.

226. Ломакин, В.К. Мировая экономика [Текст] / В.К. Ломакин. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. — 672 с.

227. Лопатин, Л.М. Аксиомы философии. Избранные статьи [Текст] / Л.М. Лопатин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – 560 с.

228. Лукас, Р.Э. О механике экономического развития [Текст] / Р.Э. Лукас // Лекции по экономическому росту. – М.: Институт Гайдара. – 2013. – 281 с.

229. Лукин, А.Н. Раскрепощение личности и (или) деградация культуры? / А.Н. Лукин // Социум и власть. – 2014. – № 1(45). – С. 100-105.

230. Лурия, А.Р. Язык и сознание [Текст] / А.Р. Лурия. – М.: Моск. ун-та. – 1979. – 320 с.

231. Лэнгле, А. Экзистенциальный анализ синдрома эмоционального выгорания [Текст] / А. Лэнгле. – Вопросы психологии. – 2008. – № 2. – С.2-16.

232. Кревельд М.В. Расцвет и упадок государства [Текст] / М.В. Кревельд. – М.: ИРИСЭН, ИД "Социум". – 2016. – 544 с.

233. Макиавелли, Н. Государь [Текст] / Н. Макиавелли. – М.: Эксмо. – 2015. – 128 с.

234. Максимов, Т.А. Инновационный характер процессов модернизации. [Текст] / Т.А. Максимов // Креативная экономика. – 2012. – № 5. – С. 9-13.

235. Максимова, С.Г. Гражданское сознание, гражданские инициативы и социальная активность населения как основы формирования гражданского общества в современной России [Текст] / С.Г. Максимова // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 116-131.

236. Мамфорд, Л. Миф машины. Техника и развитие человечества [Текст] / Л. Мамфорд. – М.: Логос. – 2001. – 408 с.

237. Мантатов, В.В. Стратегия устойчивого развития как посткапиталистический проект глобальной ноосферной цивилизации / В.В. Мантатов // Материалы Международной конференции. Вестник Международной Академии Наук. Специальный выпуск. – Подольск: Типография «САРМА». – 2012. – С. 61-64.

238. Маркс, К. Капитал [Текст] / К. Маркс. – СПб: ИГ Лениздат. – 2013. – 512 с.

239. Маркузе, Г. Одномерный человек [Текст] : пер. с английского А.А. Юдиной / Г. Маркузе. – М.: REFL-book. – 1994. – 368 с.

240. Маркузе, Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике [Текст] : пер. с английского А.А. Юдиной / Г. Маркузе. – М.: Астрель. – 2011. – 382 с.

241. Мартин, Г-П. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию [Текст] / Мартин Г-П., Харальд Ш. – М.: Альпина. – 2001. – 355 с.

242. Маслоу, А. Мотивация и личность [Текст] / А. Маслоу. – СПб: Питер. – 2016. – 400 с.

243. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы [Текст] / А. Маслоу. – М. – Смысл. – 1999. – 425 с.

244. Мацевич, И.Я. Феномен «постинформационного общества» как объект концептуализации [Электронный ресурс] / И.Я. Мацевич // Медиафилософия II. Границы дисциплины. Сборник научных статей. – 2009. – URL:

http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/books/mediaphilosophy_2 (дата обращения: 08.05.2019).

245. Мельников, В.В. Поведенческие основы неконкурентной рациональности [Текст] / В.В. Мельников // TERRA ECONOMICUS. – 2011. – С. 33-47.

246. Мельников, В.П. Тектология в современных представлениях об организации природы и управлении процессами (полузабытое наследие А.А. Богданова) [Текст] / В.П. Мельников, А.С. Линков – Новосибирск: Академическое издательство "Гео". – 2016. – 159 с.

247. Менегетти, А. Проект "Человек" [Текст] / А. Менегетти. – М.: НФ "Антонио Менегетти", ННБФ "Онтопсихология". – 2015. – 436 с.

248. Миронов, А.В. Философия социо(техно)-природной системы [Текст] / А.В. Миронов. – М.: МАКС Пресс. – 2013. – 192 с.

249. Мор, Т. Утопия [Текст]: перевод с английского Ю. Каган / Т. Мор. – М.: Наука. – 1978. – 412 с.

250. Морозов, Ф.А. Методы формирования моделей и механизма коммерциализации технологических инноваций в промышленности [Текст] / Ф.А. Морозов. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет. – 2007. – 145 с.

251. Мэй, Р. Мужество творить: Очерк психологии творчества [Текст] / Р. Мэй. – Львов: Инициатива; Институт общегуманитарных исследований. – 2001. – 160 с.

252. Нагасакин, Р. Искусство неприятных сюрпризов: Патентные ловушки [Электронный ресурс] / Р. Нагасакин // Computerra. – 2007. – URL: http://old.computerra.ru/offline/2007/678/310697 (дата обращения: 08.05.2019).

253. Назаретян, А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории [Текст] / А.П. Назаретян. – М.: Мир. – 2004. – 368 с.

254. Назаретян, А.П. Нелинейное будущее [Текст] / А.П. Назаретян. – М.: МБА, 2013. – 440 с.

255. Назаретян, А.П. О прогнозировании в шутку и всерьез [Текст] / А.П. Назаретян // Историческая психология и социология истории. – 2011. – № 4(1). – С. 189-209.

256. Нейсбит, Д. Мегатренды [Текст] / Д. Нейсбит. – М.: АСТ. – 2003. – 380 с.

257. Нисбет, Р. Прогресс. История идеи [Текст] / Р. Нисбет. – М.: ИРИСЭН. – 2007. – 560 с.

258. Новиков, Д.А. Методология управления [Электронный ресурс] / Д.А. Новиков. – М.: Либроком. – 2011. – URL: http://www.methodolog.ru/books/metod_upr.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

259. Норбеков, М.В. Опыт дурака, или Ключ к прозрению. Как избавиться от очков. Здоровье на всю жизнь [Текст] / М.В. Норбеков. – М.: АСТ. – 2014. – 320 с.

260. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] : перев. с английского А. Нестеренко / Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги «Начала». – 1997. – 180 с.

261. Нуреев, Р.М. "Великая трансформация" Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее [Текст] / Р.М. Нуреев. – М.: ГУ-ВШЭ. – 2007. – 321 с.

262. Овруцкий, А.В. Феноменология общества потребления [Текст] / А.В. Овруцкий // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2011. – № 1. – С. 127-131.

263. Огнев, А.С. Организационное консультирование в стиле коучинг [Текст] / А.С. Огнев. – СПб: Речь. – 2003. – 172 с.

264. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник. – 1999. – 944 с.

265. Океанова, З.К. Экономическая теория [Текст] / З.К. Океанова. – М.: Дашков и К0. – 2007. – 405 с.

266. Орёл, В.Е. Феномен "выгорания" в зарубежной психологии: эмпирические исследования [Электронный ресурс] / В.Е. Орёл // Журнал практической психологии и психоанализа – 2001. – № 3. – URL: http://psyjournal.ru/articles/fenomen-vygoraniya-v-zarubezhnoy-psihologii-empiricheskie-issledovaniya (дата обращения: 08.05.2019).

267. Орешин, В.П. Системный кризис глобализирующегося капитализма [Текст] / В.П. Орешин, М.С. Халиков // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2010. – № 3. – С. 105-123.

268. Орлов, А.Б. Психология личности и сущности человека. Парадигмы, проекции, практики [Текст] / А.Б. Орлов. – М.: Академия . – 2002 . – 272 с.

269. Осеев, А.А. Социальное неравенство как фактор социальной напряженности [Текст] / А.А. Осеев // Журнал Российской социологической ассоциации. – 2014 . – № 2. – С. 176-182.

270. Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года (утв. Правительством РФ 05.08.2005 N 2473п-П7) [Электронный ресурс]. – 2005. – URL: http://zakonbase.ru/content/base/141682 (дата обращения: 08.05.2019).

271. Остром, Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности [Текст] / Э. Остром. – М.: Мысль, ИРИСЭН. – 2010. – 447 с.

272. Остром, Э.О. Китайское экономическое чудо и спасение слонов [Электронный ресурс] / Э. Остром // Радио Свобода. – 16.10.2009. – URL: http://www.svoboda.org/a/1853773.html (дата обращения: 08.05.2019).

273. Охлопкова, Н.В. Экзогенный и эндогенный экономический рост – две разные парадигмы? / Н.В. Охлопкова, М.И. Харитонова // Известия ВолгГТУ. – 2014. – № 18(4). – С. 29-36.

274. Павленко, В.Б. Мифы «устойчивого развития» «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот? [Текст] / В.Б. Павленко, М.: ОГИ. – 2011. – 944 с.

275. Павлов, А.В. Цивилизация и межцивилизационная эпоха [Текст] / А.В. Павлов // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 3(11). – С. 17-26.

276. Павлов, А.В. Автор и человек: индивидуальность как предмет гуманитарного исследования [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. – 2014. – № 1(45). – С. 106-115.

277. Павлов, А.В. Логика и методология науки. Современное гуманитарное познание и его перспективы [Текст] / А.В. Павлов. – М.: Флинта. – 2016. – 430 с.

278. Павлов, А.В. Философия современности и межвременья [Текст] / А.В. Павлов. – Тюмень: ИД "Титул". – 2017. – 280 с.

279. Павлов, А.В. Методологические проблемы современного гуманитарного познания [Текст] / А.В. Павлов – М.: Флинта. – 2013. – 325 с.

280. Павловская, О.В. Нехватка средств объективации нуминозных переживаний как следствие кризиса сферы идеального [Текст] / О.В. Павловская // Научное мнение. – 2015. – С. 92-95.

281. Павловский, А.И. Соотношение типов ценностей в аксиологическом субъекте [Текст] / А.И. Павловский // Вестник Тюменского государственного университета. Философия. – 2014. – № 10. – С. 27-32.

282. Павловский, А.И. Культурная норма как претензия на универсальность [Текст] / А.И. Павловский // Инновационные направления в науке, технике, образовании. Сборник научных трудов. – Смоленск: Новаленсо. – 2016 – С. 138-139.

283. Пентагон руками боевиков ведет тайную войну с Ираном [Электронный ресурс] // Известия. – 2007. – URL: http://izvestia.ru/news/396690 (дата обращения: 08.05.2019).

284. Первова, Н.Ю. Управление потребительскими инновациями на предприятиях [Текст] / Н.Ю. Первова. – Минеральные воды: СКФ БГТУ Им.В.Г.Шухова. – 2009. – 180 с.

285. Пивень, П.В. Потенциал концепции устойчивого развития человечества в решении противоречий между обществом и природой. Диссертация кандидата философских наук [Текст] / П.В. Пивень. – Барнаул: Алтайский государственный университет. – 2009. – 188 с.

286. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке [Текст] / Т. Пикетти. – М.: Ад Маргинем. – 2015. – 592 с.

287. Платон. Государство. Книга седьмая [Текст] : перевод с древнегреческого А. Н. Егунова / Платон // Собрание сочинений в 3-х тт. – Т.3 (1). – М.: Perseus. – 1971. – 654 с.

288. Платон. Комментарии к диалогам Платона [Текст] : пер. с древнегреческого А. Ф. Лосева / Платон. – М.: Мысль. – 1986. – 810 с.

289. Повестка действий в целях устойчивого развития. Доклад, представленный генеральному секретарю ООН [Электронный ресурс] // SDSN. – 2013. – URL: http://maist.ucoz.ru/OON/doklad_oon.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

290. Поланьи, К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги [Текст] / К. Поланьи // Thesis № 2. – 1993. – С. 10-17.

291. Поланьи, К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени [Текст] : пер. с англ. А. А. Васильевой, С. Е. Федоровой, А. П. Шурбелевой / К. Поланьи. – СПб: Алетейя. – 2002. – 320 с.

292. Положение в области продовольственной безопасности и питания в мире [Электронный ресурс] // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций. – 2017. – Рим. – URL: http://www.fao.org/state-of-food-security-nutrition/ru (дата обращения: 08.05.2019).

293. Положение дел в связи с отсутствием продовольственной безопасности в мире [Электронный ресурс] // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций. – 2014. – Рим. – URL: http://www.fao.org/3/a-i4037r.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

294. Постановление Правительства Тюменской области от 27 мая 2013 г. N 169-п «О приоритетных направлениях развития науки, технологий и техники в Тюменской Области» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – 27.05.2013. – URL: http://docs.cntd.ru/document/430585052 (дата обращения: 08.05.2019).

295. Портер М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран / М. Портер.; пер. с англ.; под ред. и с предисл. В.Д. Щетинина. М.: Международные отношения. – 1993. – 896 с.

296. Пригожин, А.И. Нововведения: стимулы и препятствия (социальные проблемы инноватики) [Текст] / А.И. Пригожин – М.: Политиздат. – 1989. – 720 с.

297. Пригожин, И. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных систем к упорядоченности через флуктуации [Текст] / И. Пригожин, Г. Николис. – М. – 1979. – 512 с.

298. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог «Человека с природой» [Текст] / И. Пригожин, И. Стенгерс. – Екатеринбург: Едиториал УРСС. – 2014. – 304 с.

299. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Минэкономразвития России. – 2013. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190 (дата обращения: 08.05.2019).

300. Прохоров, А.М. Бизнес [Текст] / А.М. Прохоров // Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия. – 2000. – 1023 с.

301. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь [Текст] / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева – М.: ИНФРА-М. – 2007. – 495 с.

302. Распоряжение Губернатора Тюменской области от 26.03.1999 N 228-р «Об инновационной политике области» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Тюменской области. – 26.03.1999. – URL: http://tyumen.news-city.info/docs/sistemso/dok_perdpz.htm.

303. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – 10.01.2015. – URL: http://www.gks.ru.

304. Рогозин В.М. Методология познания и конституирование реальности в междисциплинарных исследованиях [Текст] / В.М. Рогозин // Эпистемология и философия науки. – 2016. – № 2. – С. 141-158.

305. Роджерс К.Р. Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в психологической практике [Текст] / К.Р. Роджерс. – М.: Институт общегуманитарных исследований. – 2015. – 200 с.

306. Роджерс, К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека [Текст] / К.Р. Роджерс. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс». – 1994. – 480 с.

307. Розмаинский, И.В. Почему "развитие капитализма" сопровождается ухудшением качества товаров? [Текст] / И.В. Розмаинский // Современная экономическая теория. – 2011. – № 9(1). – С. 8-16.

308. Ромашкина, Г.Ф. Социокультурная динамика — портрет Тюменской области [Текст] / Г.Ф. Ромашкина, В.А. Давыденко. – Тюмень: Тюменский государственный университет. – 2015. – 358 с.

309. Рубинштейн, С. Основы общей психологии [Текст] / С. Рубинштейн – СПб: Питер. – 2015. – 718 с.

310. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. 3-е изд. [Текст]. – М.: ОЭСР и Евростат. – 2006. – 192 с.

311. Рясин, В. Подмосковная ферма собрала полмиллиона долларов на блокчейне [Электронный ресурс] / В. Рясин // АфишаDaily. – 11.09.2018. – URL: https://daily.afisha.ru/news/7905-podmoskovnaya-ferma-sobrala-polmilliona-dollarov-na-blokcheyne (дата обращения: 08.05.2019).

312. Салинс, М. Экономика каменного века [Текст] / М.Салинс. – М: ОГИ. – 1999. – 296 с.

313. Самуэльсон, П.Э. Основания экономического анализа [Текст] : пер. с английского П.А.Ватника / П.Э. Самуэльсон. – СПб.: Экономическая школа. – 2002. – 604 с.

314. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм [Электронный ресурс] : пер. с французского М. Грецкого / Ж.-П. Сартр. – М.: Изд-во иностр. лит. – 1953. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/98315/Sartr_-_Ekzistencializm_-_eto_gumanizm.html (дата обращения: 08.05.2019).

315. Сартр, Ж.-П. Я сам своя свобода [Электронный ресурс] / Ж.-П. Сартр // Коммерсант. – 2016. – URL: http://www.kommersant.ru/doc/2709011 (дата обращения: 08.05.2019).

316. Сасаки, М. Доверие в современной России (компаративистский подход к «социальным добродетелям») [Текст] / М. Сасаки, Ю. Латов, Г. Ромашкина, В. Давыденко // Вопросы экономики. – 2010. – № 2. – С. 83-102.

317. Сельченок, К.В. Организационно-экономическая психология: Хрестоматия (Библиотека практической психологии) [Текст] / К.В. Сельченок. – Минск: Харвест. – 2004. – 432 с.

318. Семёнов, Ю.И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи, концепции от древности до наших дней [Текст] / Ю.И. Семёнов. – М.: Современные тетради. – 2003. – 777 с.

319. Семикин, Д.В. Актуальные проблемы подготовки государственных служащих в ВУЗах Германии и России. Региональные аспекты взаимодействия бизнеса, власти и общества [Текст] / Д.В. Семикин. – Волгоград: Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС. – 2014. – С. 67-71.

320. Сен-Симон, А. Избранные сочинения в 2-х томах [Текст] / А. Сен-Симон. – Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР. – 1948. – 486 с.

321. Сергеев, В.И. Реформа российского образования провалилась [Электронный ресурс] / В.И. Сергеев // Праворуб. – 24.10.2010. – http://pravorub.ru/articles/9343.html (дата обращения: 08.05.2019).

322. Сидоров, П.И. Психосоматические заболевания: концепции, распространенность, качество жизни, медико-социальная помощь больным [Электронный ресурс] / П.И. Сидоров, И.А. Новикова // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2010. – URL: http:// medpsy.ru (дата обращения: 08.05.2019).

323. Смирнов, А.В. Логико-смысловой подход в сравнительной философии [Электронный ресурс] / А.В. Смирнов // Сайт института философии РАН. –

17.10.2006. – URL: http://smirnov.iph.ras.ru/win/publictn/texts_2/ls_comp.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

324. Солоу, Р.М. Теория роста [Текст] / Р.М. Солоу // Панорама экономической мысли конца XX столетия (стр. 479-506). – СПб: Экономическая школа. – 2002. – С. 479-506.

325. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат. – 1992. – 542 с.

326. Спенсер, Г. Синтетическая философия [Текст] / Г. Спенсер. – Киев: Ника-Центр. – 1997. – 513 с.

327. Спивак, В.А. Деловая этика [Текст] / В.А. Спивак. – Москва: Юрайт. – 522 с.

328. Стариков, Н. Шерше ля нефть. Почему мы платим дань Америке? [Текст] / Н. Стариков. – СПб: Питер. – 2013.

329. Старикова, Е.А. Современные подходы к трактовке концепции устойчивого развития / Е.А. Старикова // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2017. – Т. 25. – № 1. – С. 7-17.

330. Степаненко, Д.М. Классификация инноваций и ее стандартизация [Текст] / Д.М. Степаненко // Инновации: Наука, производство, рынок. – 2004. – № 7. – С. 77-79.

331. Стёпин, В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего [Электронный ресурс] / В.С. Стёпин // Центр гуманитарных технологий. – 18.05.2011. – URL: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5311 (дата обращения: 08.05.2019).

332. Стёпин, В.С. Новая философская энциклопедия [Текст] / В.С. Степин. – М.: Мысль. – 2001. – 640 с.

333. Стёпин, В.С. Философия науки и техники [Текст] / В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов – М.: Гардарики. – 1999. – 400 с.

334. Стиглиц, Д. Великое разделение. Неравенство в обществе или что делать остальным 99% населения? [Текст] / Д. Стиглиц. – Москва: Эксмо. – 2016. – 774 с.

335. Субетто, А.И. Эпоха краха рынка, капитализма и либерализма: ноосферно-социалистический прорыв или экологическая гибель человечества? [Текст] / А.И. Субетто. – Санкт-Петербург; Кострома: Изд-во Костромского государственного университета. – 2010. – 43 с.

336. Субетто, А.И. Первая фаза глобальной экологической катастрофы и конец рынка как механизма развития Воспроизводство в России в XXI веке: Диалектика регулируемого развития [Текст] / А.И. Субетто // Воспроизводство в России в XXI веке: диалектика регулируемого развития. – М.: Русайнс. – 2017. – С. 82-83.

337. Тайлор, Э.Б. Антропология (введение к изучению человека и цивилизации) [Текст] : пер. с английского И.С. Ивина / Э.Б. Тайлор. – С-Пб.: Билибина и Ко. – 1882. – 436 с.

338. Тейлор, Ф.У. Принципы научного менеджмента [Текст] : пер. с английского А. Зак / Ф.У. Тейлор. – М.: Контроллинг. – 1991. – 104 с.

339. Темпан, Л.Н. Инновационная экономика [Текст] / Л.Н. Темпан, В.А. Напёров – Москва: Юнити-дана. – 2014. – 278 с.

340. Теслинов, А.Г. Образование взрослых как средство культурогенеза / А.Г. Теслинов // Качество дистанционного образования: Материалы XVIII Международной научно-практической конференции. – 14 декабря 2016 г. – Жуковский: МИМ ЛИНК. – 2017. – С. 73-75.

341. Теслинов, А.Г. О двух классах трендов в образовании цифровой эпохи / А.Г. Теслинов // Качество открытого дистанционного образования концепции, проблемы, решения (DEQ-2017): сб. науч. тр. Молодежь и наука материалы XIX международной научно-практической конференции и научно-практической конференции студентов. – 08-22 декабря 2017 г. – Жуковский: МИМ ЛИНК. 2018. – С. 183-188.

342. Ткачева, С.В. Модели управления инновационным про-цессом: эволюционный подход [Текст] / С.В. Ткачева, Е.О. Науменко // Новая экономика и российские реалии: межвуз. сб. науч. тр. – 2005. – С. 106-115.

343. Тодаро, М.П. Экономическое развитие [Текст] / М.П. Тодаро. – М.: Юнити. – 1997. – 667 с.

344. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – 2014. – URL: http://www.vedu.ru/expdic/15108 (дата обращения: 08.05.2019).

345. Толстой, Л.Н. Полное собрание сочинений. 34 Произведения 1900-1903 [Текст] / Л.Н. Толстой. – М.: Российская государственная библиотека. – 2006. – 665 с.

346. Тоффлер, Э. Шок будущего [Текст] / Э. Тоффлер. – М.: АСТ. – 2008. – 560 с.

347. Тоффлер, Э. Революционное богатство [Текст] / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер – М.: ООО "Издательство АСТ". – 2008. – 569 с.

348. Труба свернула на восток. Экспорт российских нефтепродуктов меняет направление [Электронный ресурс] // Российская газета. – 16.06.2014. – URL: http://www.rg.ru/2014/06/16/gaz.html (дата обращения: 08.05.2019).

349. Туган-Барановский, М.И. 5-е изд.: Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов [Текст] / М.И. Туган-Барановский. – М.: Наука. – 1997. – 573 с.

350. Тугаринов, В.П. Философия сознания (современные вопросы) [Текст] / В.П. Тугаринов. – М.: Мысль. – 1971. – 201 с.

351. Тюрин, Г. Как поднять нашу глубинку. Локальная экономика в России и в мире [Текст] / Г. Тюрин, В. Тюрин. – С.-Пб.: Фонд развития местных сообществ "Инициатива". – 2016. – 312 с.

352. Уилсон, Р.А. Квантовая психология. Управление сознанием [Текст] : пер. с английского А. Костенко, М. Чеботарева / Р.А. Уилсон. – М.: София. – 2016. – 224 с.

353. Урсул, А.Д. Перспективы эволюции государства и модели устойчивого развития [Электронный ресурс] / А.Д. Урсул // Общественные науки и современность. – 1996. – № 2. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/737/733/1216/016_Ursul_STRATEGIYa_VYZhIVANIYa.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

354. Урсул, А.Д. Концептуальные проблемы устойчивого развития [Текст] / А.Д. Урсул // Бюллетень РАН. Использование и охрана природных ресурсов в России. 2005. № 1. С. 30—38.

355. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка [Текст] / Д.Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт. – 2005. – 1216 с.

356. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества [Текст] / Ф. Уэбстер. – М.: Аспект Пресс. – 2004. – 400 с.

357. Фатхутдинов, Р.А. Управление конкурентоспособностью организации. [Текст] / Р.А. Фатхутдинов. – М.: Изд-во Эксмо. – 2005. – 544 с.

358. Фатхутдинов, Р.А. Инновационный менеджмент [Текст] / Р.А. Фатхутдинов. – СПб.: Питер. – 2008. – 448 с.

359. Филиппова, Т.В. Социология в Интернете [Текст] / Т.В. Филиппова // Социологические исследования. – 2000. – № 5. – С. 131-137.

360. Фисенко, Д.Н. Культурно-историческая интериоризация как механизм порождения ценностной иерархии / Д.Н. Фисенко, Е.Л. Доценко // Сборник трудов всероссийской психологической конференции "Категория смысла в философии, психологии, психотерапии и в общественной жизни". – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Кредо". – 2014. – С. 261-264.

361. Франкл, В. Воля к смыслу = The will to meaning [Текст] / В. Франкл. – М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс. – 2000. – 97 с.

362. Франчук, В.И. Общая теория социальных организаций [Текст] / В.И. Франчук. – М.: МГСУ "Союз". – 2001. – 236 с.

363. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого я [Текст] / З. Фрейд. – М.: Эксмо. – 2016. – 96 с.

364. Фреско, Ж. Проектирование будущего [Электронный ресурс] / Ж. Фреско // Zeitgeistmovement. – 2007. – URL: http://www.zeitgeistmovement.ru (дата обращения: 08.05.2019).

365. Фреско, Ж., Медоуз Р. Все лучшее, что не купишь за деньги [Электронный ресурс] / Ж. Фреско // Zeitgeistmovement. – 2002. – URL: http://www.zeitgeistmovement.ru (дата обращения: 08.05.2019).

366. Фреско, Ж. Проект "Венера" [Электронный ресурс] / Ж. Фреско. – 2010. – URL:http://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=BmRp7WV8RQk (дата обращения: 08.05.2019).

367. Фролов, И.Т. Философский словарь. Изд-е 5е. [Текст] / И.Т. Фролов. – М.: Издательство политической литературы. – 1986. – 589 с.

368. Фролов, С.С. Социология организаций [Текст] / С.С. Фролов. – М.: Гардарики. – 2001. – 270 с.

369. Фромм, Э.З. Анатомия человеческой деструктивности. [Текст] / Э.З. Фромм. – М.: АСТ. – 2015. – 624 с.

370. Фрэзер, Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии [Текст] : пер. с английского М. К. Рыклина / Дж. Дж. Фрэзер. – М.: Политиздат. – 1980. – 831 с.

371. Фуко, М. Дискурс и истина [Текст] / М. Фуко // Логос. – 2008. – № 2(65). – С. 159-262.

372. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху [Текст] : пер. с французского И.К. Стаф / М. Фуко. – М.: АСТ. – 2010. – 698 с.

373. Фукуяма, Ф. Доверие. [Текст] / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ. – 2004. – 732 с.

374. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. [Текст] / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ. – 2010. – 584 с.

375. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции [Текст] / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ. – 2004. – 349 с.

376. Хайдеггер, М. Вопрос о технике [Текст] / М. Хайдеггер // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс. – 1986. – С. 450.

377. Хайек, Ф.А. Конкуренция как процедура открытия [Текст] / Ф.А. Хайек // Мировая экономика и международные. – 1989. – № 12. – С. 6–14.

378. Хайек, Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма [Текст] / Ф.А. Хайек. М.: Новости. – 1992. – 304 с.

379. Хакен, Г. Синергетика: Принципы и основы. Перспективы и приложения. Ч.1. [Текст] Пер. с англ. Под ред. и с предисл. Ю. Л. Климонтовича и С. М. Осовца. Изд. 2-е, доп. / Г. Хакен. – М.: УРСС: ЛЕНАНД. – 2015. – 448 с.

380. Халин, С.М. Описание [Текст] / С.М. Халин. – Тюмень: ТюмГУ. – 2003. – 90 с.

381. Халин, С.М. Метапознание. Некоторые методологические проблемы [Текст] / С.М. Халин. – Тюмень: ТюмГУ. – 2005. – 144 с.

382. Халин, С.М. Метапознание: Некоторые фундаментальные проблемы [Текст] / С.М. Халин. – Саарбрюкен: Lambert Academic Publishing. – 2012. – 144 с.

383. Халин, С.М. Познавательная культура как категория метапознания [Текст] / С.М. Халин // Сборник материалов Всероссийской науч. конф. «Культура как вид человеческого бытия и познания». – Ишим, 22-23 ноября 2013 г. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова. – 2013. – С. 60-66.

384. Халин, С.М. Предпринимательство. Труд. Общение [Текст] / С.М. Халин. – Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing. – 2015. – 320 с.

385. Халин, С.М. Составное исследование — базовая структурная единица научного познания как человеческой деятельности [Текст] / С.М. Халин // Сборник научных статей к 100-летию советского научного наследия: культурные традиции и современная практика. – 2017. – С. 26-42.

386. Халин, С.М. Культура. Образование. Метапознание [Текст] / С.М. Халин // X Кирилло-Мефодиевские чтения. – Ишим: Издательство ИПИ им. П.П. Ершова. – 2018. – С. 276-287.

387. Хан, А.В. Наука в информационном обществе [Текст] / А.В. Хан // На пути к обществам знаний. – СПб.: UNESCO. – 2004. – С. 22-26.

388. Хицкий, П.С. Проблема субъекта в философии М. Фуко [Текст] / П.С. Хицкий // Человек. Культура Общество: Тезисы докладов I Междунар. на-учн. конф. студентов и аспирантов. – Минск: БГУ. – 2004. – С. 44-46.

389. Холмогорова, А. Эмоциональные расстройства и современная культура (на примере соматоформных, депрессивных и тревожных расстройств) [Текст] /

А. Холмогорова, Н. Гаранян // Московский психотерапевтический журнал. – 1999. – С. 61- 86.

390. Хорган, Д. Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки [Текст] / Д. Хорган. – Амфора. – 2001. – 479 с.

391. Хоркаймер, М. Диалектика просвящения. Философские фрагменты [Текст] / М. Хоркаймер, Т. Адорно. – М.-СПб.: Медиум, Ювента. – 1997. – 312 с.

392. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени. Перевод с английского А. И. Фет [Текст] / К. Хорни. – Nykoping, Sweden: Philosophical arkiv. – 2016. – 304 с.

393. Худякова, Е.В. Формирование организационно-экономического механизма устойчивого развития малых и средних промышленных предприятий России в условиях внешнеэкономических санкций [Текст] / Е.В. Худякова // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2015. – №3(55). С. 332-338.

394. Хучек, М. Стратегия инновации на предприятии [Текст] / М. Хучек. – Москва: Луч. – 1992. – 147 с.

395. Чаянов, А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды [Текст] / А.В. Чаянов. – М.: Экономика. – 1989. – 492 с.

396. Черенкова, Д.А. Психометрическое обоснование методики диагностики корпоративной культуры [Текст] / Д.А. Черенкова, В.Е. Лёвкин // Сборник статей на основе лучших выпускных квалификационных работ: в 3 ч. Ч.3: Гуманитарное направление. – 2014. – С. 255-266.

397. Черникова, В.Е. Теория и практика общественного развития [Текст] / В.Е. Черникова // Философские науки. – 2015. – № 3. – С.141-144.

398. Чистякова, М.Г. От индустриализма к постиндустриализму: искусство как один из создателей «духа эпохи» [Текст] / Чистякова М.Г. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. – 2011. – № 10. – С. 159-165.

399. Шамардин, Н.Н. "Общество знаний": философско-методологическая критика понятий [Текст] / Н.Н. Шамардин // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. – 2015. – № 14. – С. 185-192.

400. Шараев, Ю.В. Теория экономического роста [Текст] / Ю.В. Шараев. – М.: ГУ ВШЭ. – 2006. – 252 с.

401. Шарапов, С.Ф. Россия будущего [Текст] / С.Ф. Шарапов. – М.: Институт русской цивилизации. – 2011. – 720 с.

402. Шатилов, Н.Ф. Моделирование расширенного воспроизводства [Текст] / Н.Ф. Шатилов. – М.: Экономика. – 1967. – 173 с.

403. Шевцова, Л. 2013-й – жизнь в interregnum или о том, как мир заблудился [Электронный ресурс] / Л. Шевцова // Ежедневный журнал. – 06.01.2014. – URL: http://www.qwas.ru/belarus/gramada/2013-i-zhizn-v-Interregnum-Ili-o-tom-kak-mir-zabludilsja (дата обращения: 08.05.2019).

404. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием [Текст] / Г. Шиллер. – М.: Мысль. – 1980. – 325 с.

405. Шиловская, Н. С. Гуманизм антропоцентризма и антропоцентризм без гуманизма / Н. С. Шиловская // Вестник Мининского университета. – 2014. – №1 (5). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gumanizm-antropotsentrizma-i-antropotsentrizm-bez-gumanizma (дата обращения: 08.05.2019).

406. Шпанн, О. Философия истории [Текст]: перевод П. С. Лощевского / О. Шпанн. – СПб: изд-во СПбГУ. – 2005. – 485 с.

407. Шумпетер, Й. История экономического анализа. Т.2. [Текст] / Й. Шумпетер. – СПб: Экономическая школа. – 2004. – 494 с.

408. Шумпетер, Й. Теория экономического развития [Текст] / Й. Шумпетер. – М.: Директмедиа Паблишинг. – 2008. – 401 с.

409. Щедровицкий, П.Г. Управление развитием: изменения сферы производства, обращения и использования знания [Электронный ресурс] / П.Г. Щедровицкий // Томские лекции об управлении (1998–2000 гг.). – Томск. –

2001. – URL: https://www.science-education.ru/pdf/2014/5/411.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

410. Щербинин, М.Н. Эстетическая антропология [Текст] / М.Н. Щербинин // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2005. – № 3. – С. 61-69.

411. Эллюль, Ж. Другая революция [Текст] / Ж. Эллюль // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс. – 1986. – 450 с.

412. Эрхард, Л. Благосостояние для всех [Текст] / Л. Эрхард. – М.: Дело. – 2001. – 352 с.

413. Юнг, К.Г. Психологические типы [Текст] / К.Г. Юнг. – СПб: Издательская фирма "Прогресс-Универс". – 1995. – 718 с.

414. Якушев, А.В. Американский прагматизм. Новаторство философии Джона Дьюи [Текст] / А.В. Якушев // Философия (конспект лекций). – М.: Приор-издат. – 2004. – 224 с.

415. Яркова, Е.Н. Постмодерн как культура межцивилизационной эпохи [Текст] / Е.Н. Яркова // Философия и культура. – 2014. – № 10(82) – С. 1495-1505.

416. Яркова, Е.Н. Философия и методология юридической науки [Текст] / Е.Н. Яркова. – М.: Юрлитинформ. – 2016. – 461 с.

417. Ясаи, Э. Государство [Текст] / Э. Ясаи. – М.: ИРИСЭН, Социум. – 2016. – 416 с.

418. Ясперс, К. Духовная ситуация времени [Текст] / К. Ясперс. – М.: АСТ. – 2013. – 288 с.

419. Ясперс, К. Смысл и назначение истории [Текст] / К. Ясперс. – М.: Политиздат. – 1991. 527 с.

420. d’Agnese, V. Undergoing, Mystery, and Half-Knowledge: John Dewey’s Disquieting Side / V. d’Agnese // Studies in philosophy and education. – 2016. – Vol. 35, № 2. – P. 195 -214.

421. About the sustainable development [Electronic resource] // Sustainable Development.Commission. – URL: http://www.sd-commission.org.uk/pages/what-is-sustainable-development.html (дата обращения: 08.05.2019).

422. A Framework for Performance Based Competency Standards for Global level 1 and 2 Project Managers [Electronic resource] // Global Alliance for Project Performance. Standards. – 2007. – URL: http://globalpmstandards.org (дата обращения: 08.05.2019).

423. A Guide to the project management body of knowledge (PMBOK Guide) – Fourth Edition [Electronic resource] // Project Management Institute. – 2008. – URL: www.pmi.org (дата обращения: 08.05.2019).

424. Ahlstrom, D. Innovation and Growth: How Business Contributes to Society [Text] / D. Ahlstrom // Academy of Management Perspectives. – 2010. Vol. 24, № 3. – P. 11-24.

425. Akerlof, D.A. The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism [Text] / D.A. Akerlof // The Quarterly Journal of Economics. – 1970. – Vol. 84. – P. 488 – 500.

426. Akerlof, G.A. Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy [Text] / D.A. Akerlof, J.R. Shiller. – Princeton and Oxford: Princeton University Press. – 2009. – 248 p.

427. Alderson, H. Carbon and environmental footprinting of low carbon UK electricity futures to 2050 [Text] / H. Alderson, G.R. Cranston, G.P. Hammond // Energy. – 2012. – Vol. 48. – № 1 – P. 96-107.

428. Andreev, A.L. The ISA 3rd Forum of Sociology «The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World» [Text] / A.L.Andreev // The Futures and the Past as Seen by the Russians. – Moscow-Vienna: Russian Society of Sociologists. – 2016. – P. 6-20.

429. Arrow, K. The Economic Implications of Learning by Doing [Text] / K. Arrow // The Review of Economic Studies. – 1962. – № 3. – P. 155-173.

430. Ashraf, N. No margin, no mission? A field experiment on incentives for public service delivery [Text] / N. Ashraf, O. Bandiera, K. Jack // Journal of Public Economics. – 2014. – № 120. – P. 1-17.

431. Ashwood, L. For-Profit Democracy: Why the Government Is Losing the Trust of Rural America [Text] / Yale: Yale University Press. – 2018. – 328 с.

432. Autio, E. Evaluation of RTD in regional system of innovation [Text] / E. Autio // European Planning Studies. – 1998. – Vol. 6, № 2. – P.131-140.

433. Barbier E. The Concept of Sustainable Economic Development // Environmental Conservation. – 1987. – Vol. 14. Iss. 2. – P. 101—110.

434. Barclay, L. Dynamic strategy-making: a real-time approach for the 21st century leader [Text] / L. Barclay // Business Communication Quarterly. – 2010. – Vol. 73 . – № 2. – P. 216-220.

435. Bartlett, B. Financialization as a Cause of Economic Malaise [Electronic resource] / B. Bartlett // NY Times. – 07.11.2003. – URL: http://economix.blogs.nytimes.com/2013/06/11/financialization-as-a-cause-of-economic-malaise (дата обращения: 08.05.2019).

436. Bauman, Z. Wasted lives. Modernity and its outcast [Text] / Z. Bauman. – Cambridge, UK: Polity. – 2003. – 153 p.

437. Beversdorf, T. The Essence Of Crony Capitalism. Dead-Weight Inefficiencies Owing To Economic Cannibalism [Electronic resource] / T. Beversdorf // Davidd Stockman's contra corner. – 02.08.2015. – URL: http://davidstockmanscontracorner.com/the-essence-of-crony-capitalism-dead-weight-inefficiencies-owing-to-economic-cannibalism (дата обращения: 08.05.2019).

438. Biehl, J. Politics of social ecology [Text] / J. Biehl. – Montreal: Black Rose Books. – 1997. – 204 p.

439. Bolman, L.G. Reframing organizations: Artisty, Choice and Leadership [Text] / L.G. Bolman, T.E. Deal. – San-Francisco: Jossey-Bass. – 1991. – 544 p.

440. Bonnet J. Amplifying Genetic Logic Gates [Text] / J. Bonnet, P. Yin, M. E. Ortiz, P. Subsoontorn, D. Endy // Science. – 2013. – Vol. 340. – Iss. 6132. – P. 599-603.

441. Bookchin, M. The Ecology of Freedom: The Emergence and Dissolution of Hierarchy [Text] / M. Bookchin. – Oakland: AK Press. – 2005. – 480 p.

442. Boserup, E. The conditions of agricultural growth: the economics of agrarian change under population pressure [Text] / E. Boserup. – New York: Aldine, New Yorks. – 2005. – 137 p.

443. Braczyk, H-J. Regional Innovation Systems: The role of governances in a globalized world [Text] / H-J. Braczyk, P. Cooke, M. Heidenreich. – Hove: Psychology Press. Hove: Psychology Press. – 2004. – 442 p.

444. Bregman, R. Utopia for Realists: The Case for a Universal Basic Income, Open Borders, and a 15-Hour Workweek [Text] / R. Bergman. – The Correspondent. – 2016. – 252 p.

445. Bryan, A.W. The Nature of Technology: What It Is and How It Evolves [Text] / A.W. Bryan. – Free Press. – 2009. – 246 p.

446. Bryan, A.W. The second economy [Electronic resource] / A.W. Bryan // McKinsey Quartely. – October 2011. – URL: https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/the-second-economy (дата обращения: 08.05.2019).

447. Bulow, J. An Economic Theory of Planned Obsolescence [Text] / J. Bulow // Quarterly Journal of Economics . – 1986. – Vol.101 . – Iss.4 – P. 729-749.

448. Butler, S.D. War is a Racket: The Antiwar Classic by America's Most Decorated Soldier [Text] / S.D. Butler. – CreateSpace Independent Publishing Platform. – 2014. – 58 p.

449. Buytendijk, F.J.J. O homem e o animal : ensaio de psicologia comparada [Text] / F.J.J. Buytendijk. – Lisboa: Livros do Brasil. – 1958. – 188 p.

450. Cameron, D.S. Organizational adaptation and higher education // ASHE Reader on Organization and Governance in Higher Education (4th ed.) [Text] / D.S. Cameron. – MA: Ginn Press. – 1991. – 1184 p.

451. Campa, R. Technological Growth and Unemployment: A Global Scenario Analysis [Text] / R. Campa // Journal of Evolution and Technology. – 2014. – Vol. 24 . – № 1. – P. 86-103.

452. Cass, D. Optimum Growth in an Aggregative Model of Capital Accumulation [Text] / D. Cass. – The Review of Economic Studies. – 1965. – Vol.32 . – № 3. – P. 233-240.

453. Castells, M. The Rise of the Network Society [Text] / M. Castells. – Wiley-Blackwell. – 2009. – 656 p.

454. Chaffee, E. The models of strategy [Text] / E. Chaffee // Acadamy of Management Review. – 1983. – Vol. 1, № 10. – P. 89-98.

455. Chesbrough, H.W. Organizing for Innovation: When Is Virtual Virtuous? [Text] / H.W. Chesbrough, D.J. Teece. – Harvard Business Review. – 2002. – Vol. 80, № 8. – P. 127-135.

456. Chong, M.L. The effects of nonfinancial and financial measures on employee motivation to participate in target setting [Text] / M.L. Chong, K. Roopnarain. – The British Accounting Review. – 2014. – Vol. 46 . – № 3. – P. 228-247.

457. Cialdini, R.B. Influence. Science and Practice, 4th ed. [Text] / R.B. Cialdini. – Boston: Allyn & Bacon. – 2001. – 272 p.

458. Claessen, H.J.M. State [Text] / H.J.M. Claessen // Encyclopedia of Cultural Anthropology. – Vol. IV. – Havertown: David Brown Book Company. – 1996. – 1486 p.

459. Cobb, C.W. A Theory of Production [Text] / C.W. Cobb, P.H. Douglas // American Economic Review. – 1928. – Vol. 18, № 1. P. 139-165.

460. Coccia, M. Classifications of Innovations: Survey and Future Directions [Text] / M. Coccia. – Ceris-Cnr Working Paper – 2006. – Vol. 2. – P. 1-22.

461. Coffey, B. The Four Companies That Control the 147 Companies That Own Everything [Electronic resource] / B. Coffy. – // Forbes. – 26.10.2011. – URL: http://www.forbes.com/sites/brendancoffey/2011/10/26/the-four-companies-that-control-the-147-companies-that-own-everything/#3e61ee447f3b (дата обращения: 08.05.2019).

462. Colgan, J.D. Petro-Aggression: When Oil Causes War [Text] / Colgan, J.D. New York: Cambridge University Press. – 2013. – 324 p.

463. Comparisson international. Learn the facts about poverty and how it affects children and families in need [Electronic resource]. – 2017. URL: https://www.compassion.com/poverty/poverty.htm.

464. Costanza, R. Natural Capital and Sustainable Development / R. Costanza, H.E. Daly // Conservation Biology. – 1992. – Vol. 6. – № 1. – P. 37—46 [Electronic resource]. Mode of access http://www.life.illinois.edu/ib/451/Costanza%20(1992).pdf (дата обращения: 08.05.2019).

465. Cook, K.S. Social and political trust [Text] / K.S. Cook, B.D. Cook // Routlege international handbook of contamporary social and political theory New-York: Routlege. – 2011. – P. 236-247.

466. Cooke, P. Regional Knowledge Capabilities and Open Innovation: Regional Innovation systems and Clusters in the Asymmetric Knowledge Economy [Text] / P. Cook // Clusters, Networks and Innovation Oxford: Oxford University Press. – 2005. – P. 80-106.

467. Creative Economy Report 2015/16 [Electronic resource] // British Council. – URL: http://creativeconomy.britishcouncil.org/media/uploads/files/BC012_TWKM_Interactive_110716.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

468. Creative economy. Official Statistics. Key Findings [Electronic resource] // UK Government. – URL: https://www.gov.uk/government/publications/creative-industries-2016-focus-on/key-findings (дата обращения: 08.05.2019).

469. Cummings, G. Improving Productivity and the Quality of Work Life [Text] / G. Cummings, E. Molloy. – Praeger Publishers Inc. – 1977. – 323 p.

470. Cushen, J. Financialization in the workplace: Hegemonic narratives, performative interventions and the angry knowledge worker [Text] / J. Cushen // Accounting, Organizations and Society. – 2013. – Vol.38. – № 4. – P. 314–331.

471. Daly, H.E. A Steady-State Economy [Electronic resource] / H.E. Daly // UK Sustainable Development Commission. – 23.07.2008. – URL: http://www.sd-commission.org.uk/publications.php?id=775 (дата обращения: 08.05.2019).

472. Dan, A. The Dissociation Between Monetary Assessment and Predicted Utility [Text] / A. Dan, O. Amir, Z. Carmon // Marketing Science. – 2008. – Vol. 6 . – № 27. – P. 1055–1064.

473. Davila, T. Making Innovation Work: How to Manage It, Measure It, and Profit from It, Updated Edition [Text] / T. Davila, M. Epstein, R.Shelton. – New Jersey: Pearson FT Press. – 2012. – 368 p.

474. Dawson, P. Organizational change: a processual approach [Text] / P. Dawson. – London: Paul Chapman. – 1994. – 211 p.

475. Deci, E.L. Effects of externally mediated rewards on intrinsic motivation. [Text] / E.L. Deci // Journal of personality and social psychology. – 1971. – Vol. 18 . – № 1. – P. 105–115.

476. Deleuze, G., Guattari F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia [Text] / G. Deleuze, F. Guattari. – Penguin Classics. – 2009. – 432 p.

477. Devitt, S. Combating information overload for your devel-oping leaders [Electronic resource] / S. Devitt, E. Friedman // Harvard Business Publishing. – 2011. – URL: www.harvardbusiness.org/corporate (дата обращения: 08.05.2019).

478. Dewey, J. Experience and nature [Text] / J. Dewey. – London: George Allen & Unwin. – 1929. – 480 p.

479. Dewey, J. How we think [Text] / J. Dewey. – Boston: Heath & Co. – 1910. – 234 p.

480. Dick J. The Network Society [Text] / J. Dick. – Newbury Park: SAGE Publications. – 2012. – 336 p.

481. Disruptive Civil Technologies. Six Technologies with Potential Impacts on US Interests out to 2025. – April 2008. – URL: https://fas.org/irp/nic/disruptive.pdf: National Intelligence Council (дата обращения: 08.05.2019).

482. Dóci, G. “Let′s do it ourselves” Individual motivations for investing in renewables at community level [Text] / G. Dóci, E. Vasileiadou // Renewable and Sustainable Energy Reviews. – 2015. – Vol. 49. – P. 41-50.

483. Dolgoff, S. Fragments: A Memoir [Text] / S. Dolgoff. – Cambridge: Refract Publications. – 1986. – 200 p.

484. Drabik, J. The Usury Civilization: The new world order of interest capitalism [Text] / J. Drabik. – Independently published. – 2017. – 734 p.

485. Drucker, P. Innovation and Entrepreneurship [Text] / P. Drucker. – New York: HarperBusiness. – 2006. – 288 p.

486. Duran, C.D. The Objectives of Sustainable Development - Ways to Achieve Welfare [Text] / C.D. Duran, A. Artene, L.M. Gogan, V. Duran // Procedia Economics and Finance. – 2005. – Vol. 26. – P. 812-817.

487. Dyllick T., Hockerts K. Beyond the Business Case for Corporate Sustainability // Business Strategy and the Environment. 2002. № 11. Pp. 130 – 141. Mode of access http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/bse.323/abstract.

488. Eagleton, T. Slow Death of the University [Electronic resource] / T. Eagleton // The chronocle of higher education. – 06.04.2015. – URL: http://www.chronicle.com/article/The-Slow-Death-of-the/228991 (дата обращения: 08.05.2019).

489. Edmunds, A. The problem of information overload in business organizations: a review of the literature [Text] / A. Edmunds, A. Morris. – 2000. – Vol. 20. – P. 17-28.

490. Edquist, C. Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations [Text] / C. Edquist. – London: Pinter. – 1997. – 446 p.

491. Edquist, C. Systems of Innovation: Perspectives and Challenges [Text] / C. Edquist. – Oxford: Oxford University Press. – 2004. – 208 p.

492. Engdahl, W.F. Myths, Lies and Oil Wars [Text] / W.F. Engdahl. – Wiesbaden: Gertrud Engdahl. – 2012. – 238 p.

493. Epstein, G. Financialization, Rentier Interests, and Central Bank Policy [Text] / G. Epstein. – Amherst: University of Massachusetts. – 2002. – 43 p.

494. Estimating illicit financial flows resulting from drug trafficking and other transnational organized crime [Electronic resource] // United Nation Office of Drugs and Crime. – 2011. – URL: http://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Studies/Illicit_financial_flows_2011_web.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

495. Faskhutdinov, A. Modernization of the Russian economy in terms of development [Text] / A. Faskhutdinov // Procedia - Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 210. – P. 188 – 192.

496. Fehrler, S. Pro-social missions and worker motivation: An experimental study [Text] / S. Fehrler, M. Kosfeld // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2014. – Vol. 100. – P. 99-110.

497. Figures at glance [Electronic resource] // The UN Refugee Agency. – URL: http://www.unhcr.org/figures-at-a-glance.html (дата обращения: 08.05.2019).

498. Forget, E.L. The Town with No Poverty: Health Effects of Guaranteed Annual Income [Electronic resource] / E.L. Forget // Policy Brief. – 2012. – Vol.1 . – № 3. – URL: http://ir.lib.uwo.ca/pclc_rpb/vol1/iss3 (дата обращения: 08.05.2019).

499. Frankl, V. …trotzdem Ja zum Leben sagen: Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager [Text] / V. Frankl. – Vienna, Austria Translated in English in 1959. Man's Search for Meaning. – United States. – 1946. – 368 p.

500. Freeman, C. Technological Infrastructure and International Competitive-ness. Reprint for the The First Globelics Conference 'Innovation Systems and Development Strategies for the Third Millennium' [Text] / C. Freeman. – Rio de Janeiro. – 2003. – 27 p.

501. Frey, C.B. Technology at work : The Future of Innovation and Employment [Text] / C.B. Frey, M. Osborne // Citi GPS: Global Perspectives & Solutions(February). – 2015. – URL: https://www.citivelocity.com/citigps/ReportSeries.action?recordId=35 (дата обращения: 08.05.2019).

502. Fuller, B. Critical Path [Text] / B. Fuller, K. Kuromiya – New York: St. Martin's Griffin. – 1982. – 512 p.

503. Fuller, B. Operating Manual for Spaceship Earth [Text] / B. Fuller, J. Snyder – Zurich: Lars Muller. – 2008. – 152 p.

504. Gantz, J. The Digital Universe in 2020: Big Data, Bigger Digital Shadows, and Biggest Growth in the Far East [Electronic resource] / J. Gantz, D. Reinsel // IDC. – December 2012. – URL: http://www.emc.com/collateral/analyst-reports/idc-the-digital-universe-in-2020.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

505. Gerom, G.G. The post-information age: new horizons for business and education [Electronic resource] / G.G. Gerom // Business Horizons [serial online]. – 2010. – URL: http://findarticles.com/p/articles/mi_m1038/is_n6_v36/ai_14931581 (дата обращения: 08.05.2019).

506. Giddens A. The Consequences of Modernity [Text] / A. Giddens. – Great Britain: T.J. Press (Padstow) Ltd. – 1993. – 186 p.

507. Gilfillan, S.C. Inventing the Ship [Text] / S.C. Gilfillan. – Chicago: Follett. – 1935. – 294 p.

508. Giroux, H.A. Zombie Politics and Culture in the Age of Casino Capitalism (Popular Culture and Everyday Life) [Text] / H.A. Giroux. – New York: Peter Lang Publishing; First printing edition. – 2010. – 168 p.

509. Global Water Grab. How corporations are planning to Take Control of Local Water Services. Polaris Institute. – 2003. – 12 p.

510. Global wealth report [Electronic resource] // Credit Swiss research institute. – 2016. – URL: https://www.credit-suisse.com/corporate/en/research/research-institute/global-wealth-report.html Global Water Grab. How corporations are planning to Take Control of Local Water Services. Polaris Institute.

511. Glucksberg, S. The influence of strength of drive on functional fixedness and perceptual recognition [Text] / S. Glucksberg // Journal of Experimental Psychology. – 1962. – Vol. 63. – P. 36–41.

512. Goltsov, V.A. Biosphere synergism and the humankind virtual path to the hydrogen civilization era [Text] / V.A. Goltsov, L.F. Goltsova // International Journal of Hydrogen Energy. – 2014. – Vol. 19. – P. 9931– 9942.

513. Gunasekaran, A. Knowledge management in 21st century manufacturing [Electronic resource] / A. Gunasekaran, F. Ngai // International Journal of Production

Research [serial online] – 2007. – Vol. 45 . – №11. – URL: http://www.tandfonline.com (дата обращения: 08.05.2019).

514. Gvozdeva, G.P. The ISA 3rd Forum of Sociology «The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World» [Text] / G.P.Gvozdeva, E.S. Gvozdeva /Labor Practices and Expectations of the Russian Young Scientists and Innovators. – 10 - 14 July, 2016. – P.163-169. – Moscow–Vienna: Russian Society of Sociologists.

515. Haber, S. Efficiency and Uplift [Text] / S. Haber. – Chicago: University of Chicago Press. – 1964. – 194 p.

516. Habermas, J. Toward a Rational Society [Text] / J. Habermas. – Boston: Beacon Press. – 1971. – 144 p.

517. Hacker, J.S. Prosperity economics: building economy for all [Text] / J.S. Hacker, N. Loewentheil. – Creative commons. – 2012. – 84 p.

518. Hall, R.H. Organizations: structures, processes and outcomes. London: Prentice-Hall International. – 2004. – 320 p.

519. Hammermann, A. The pric(z)e of hard work: Different incentive effects of non-monetary and monetary prizes [Text] / A. Hammermann, A. Mohnen // Journal of Economic Psychology. – 2014. – Vol. 43. – P. 1 – 15.

520. Hampson, R. E. Developing a hippocampal neural prosthetic to facilitate human memory encoding and recall [Electronic resourse] / R. E. Hampson, D. Song, B.S. Robinson, D. Fetterhoff, A. S. Dakos, B. M. Roeder, X. She, R. T. Wicks, M. R. Witcher, D. E. Couture, A. W. Laxton, H. Munger-Clary, G. Popli, M. J Sollman, C. T. Whitlow, V. Z. Marmarelis, T. W. Berger and S. A. Deadwyler // Neural Eng. – 2018 – Vol. 15 – № 3,URL: https://doi.org/10.1088/1741-2552/aaaed7 (дата обращения: 08.05.2019).

521. Hardin, G. The Tragedy of the Commons [Text] / G. Hardin. – Kessinger Publishing. – 2007. – 84 p.

522. Harrell, A.M. Comparing the impact of monetary and nonmonetary human asset measures on executive decision making [Text] / A.M. Harrell, H.D. Klick // Accounting, Organizations and Society. – 1980. – Vol. 5. – № 4. – P. 393-400.

523. Harrison, P. Inside the Inner City – Life under The Cutting Edge [Text] / P. Harrison. – Harmondsworth: Penguin Books Ltd. – 1992. – 427 p.

524. Harvey, D. The Enigma of Capital: And the Crises of Capitalism [Text] / D. Harvey. – Profile Books. – 2011. – 320 p.

525. Heller, M. The Tragedy of the Anticommons [Text] / M. Heller // Harvard Law Review. – 1998. – Vol. 111. – № 3. P. 621 – 688.

526. Hemp, P. Death by information overload [Electronic resource] / P. Hemp // Harvard Law Review. – 2009. – URL: https://hbr.org/2009/09/death-by-information-overload (дата обращения: 08.05.2019).

527. Herrmann-Pilath, C. Identity Economics and the Creative Economy, Old and New [Text] / C. Herrmann-Pilath // Cultural Science. – 2008. – Vol. 1. – № 1. – URL: http://www.cultural-science.org/journal/index.php/culturalscience/article/viewArticle/5/14 (дата обращения: 08.05.2019).

528. Herrnstein, R.J. The Bell Curve. Intellegence and Class Structure in American Life [Text] / R.J. Herrnstein, C. Murray. – Free Press. – 1996. – 912 p.

529. Heute, Z. Da sind Spuren wie von einer trampelnden Elefantenherde [Electronic resource] / Z. Heute // Der Tagesspiegel. – 2002. – URL: http://www.tagesspiegel.de/zeitung/da-sind-spuren-wie-von-einer-trampelnden-elefantenherde/283180.html (дата обращения: 08.05.2019).

530. Hill, C.M. Cannibal Capitalism: How Big Business and The Feds Are Ruining America [Text] / C.M. Hill. – Hoboken: Wiley. – 2011. – 256 p.

531. Hitt, M, Strategic leadership for the 21st centure [Text] / M. Hitt, K. Haynes, R. Serpa // Business Horizons. – 2010. – Vol. 53. – P. 437 – 444.

532. Hofstra, N. Eco-innovations characterized: a taxonomic classification of relationships between humans and nature [Text] / N. Hofstra, N., D. Huisingh // Journal of Cleaner Production. – 2014. – Vol. 66. – P. 459-468.

533. Homer-Dixon, T. The upside of down: catastrophe, creativity and the renewal of civilization. 2nd edition [Text] / T. Homer-Dixon. – Washington DC: Island press. – 2006. – 417 p.

534. Hudson, M. Financial Capitalism vs. Industrial Capitalism [Electronic resource] / M. Hudson // Michael Hudson on finance, real estate and the powers of neoliberalism. – 03.09.1998. – URL: http://michael-hudson.com/1998/09/financial-capitalism-v-industrial-capitalism (дата обращения: 08.05.2019).

535. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order [Text] / S.P. Huntington. – New-York: Simon & Schuster. – 2011. – 368 p.

536. Icke D. How cancer has been forced on the people since the 1950s [Electronic resource] / D. Icke // DavidIcke. – 07.10.2016. – URL: https://www.davidicke.com/article/388226/david-icke-cancer-forced-people-since-1950s (дата обращения: 08.05.2019).

537. International Workplace Productivity Survey [Electronic resource]. – 2010. – URL: http://www.lexisnexis.com/en-us/about-us/media/press-release.page?id=128751276114739#top (дата обращения: 08.05.2019).

538. Ivanko, E. Is evolution always "egolution": Discussion of evolutionary efficiency of altruistic energy exchange [Text] / E. Ivanko // Ecological complexity. – 2018. – Vol. 34. – P. 1 – 8.

539. Jackson, T. Prosperity without growth? The transition to a sustainable economy [Text] / T. Jackson. – Sustainable Development Commission. – 2009. – 136 p.

540. Jansen, J.J.P. Exploratory innovation, exploitative innovation, and performance: Effects of organizational antecedents and environmental moderators [Text] / J.J.P. Jansen, F.A.J. Van Den Bosch, H.W.Volberda // Management science. – 2006. – Vol. 52. – № 11. – P. 1661 – 1674.

541. Jensen, R. The dream society [Text] / R. Jensen. – McGraw-Hil. – 1999. – 242 p.

542. John, P.P. The Moral Economy [Text] / P.P. John. – Michigan: University of Michigan Press. – 2000. – 296 p.

543. Jones, C.I. Time Series Tests of Endogenous Growth Models [Text] / C.I. Jines. // Quarterly Journal of Economics. – 1995. – Vol. 110. – № 2. – P. 495-525.

544. Jowett, B. The politics of Aristotel (T. II Part I) [Text] / B. Jowett. – London: Oxford university press warehouse. – 1885. – 355 p.

545. Jozeph, P. The new human rights movement: reinventing the economy to end opression [Text] / P. Jozeph. – Dallas: BenBella Books. – 2017. – 448 p.

546. Judith, S. Anarchism, Utopias and Philosophy of Education [Text] / S. Judith // Journal of Philosophy of Education. – 2001. – Vol. 35. – № 4. – P. 627 – 646.

547. Kaninnen T. Crisis of Global Sustainability [Text] / T. Kaninnen. – New-York: Routledge. – 2012. – 208 p.

548. Kezar, A.J. Understanding and Facilitating Organizational Change in the 21st Century: Recent Research and Conceptualization. ASHE-ERIC Higher Education Report [Text] / A.J. Kezar // Jossey-Bass Higher and Adult Education Series. – 2011. – Vol. 28, № 4. – 120 p.

549. Kline, S.J. An overview of innovation [Text] / S.J. Kline, N. Rosenberg // The positive sum strategy: Harnessing technology for economic growth. – Washington: National Academy Press. – 1986. – P. 275-306.

550. Kodama, F. Emerging Patterns of Innovation: Sources of Japan's Technological Edge (Management of Innovation and Change) [Text] / F. Kodama. – Boston: Harvard Business School Press. – 1995. – 302 p.

551. Kohlberg, L. The Philosophy of Moral Development [Text] / L. Kohlberg. – New-York: Harper and Row. – 1981. – 441 p.

552. Kombarov, V. The futures we want: global sociology and the struggles for a better world [Electronic resource] / V. Kombariv // 3rd ISA forum of sociology. Rediscovering the «Subject» in Post-Foucauldian Era of Conceptualization – July 10-14. – 2016. – Vienna: Univ. Wien. – URL: https://isaconf.confex.com/isaconf/forum2016/webprogram/Paper72743.html (дата обращения: 08.05.2019).

553. Koopmans, T.C. On the concept of optimal economic growth [Text] / T.C. Koopmans. – Yale: Cowles Foundation for Research in Economics, Yale University. – 1963. – 39 p.

554. Kortum, S. Research, Patenting, and Technological Change [Text] / S. Kortum // Econometrica. – 1997. – Vol. 65. – № 6. – P. 1389 – 1419.

555. Laird, G. The Price of a Bargain: The Quest for Cheap and the Death of Globalization [Text] / G. Larid. – Toronto, Ontario: McClelland & Stuart. – 2010. – 334 p.

556. LaRouche, L.H. The science of christian economy [Text] / L.H. LaRouche. – – Schiller Inst. – 506 p.

557. Lawrence, H. Summers on the Economic Challenge of the Future: Jobs [Electronic resource] / H. Lawrence. – Wall street Journal. – 07.08.2014. – URL: http://www.wsj.com/articles/lawrence-h-summers-on-the-economic-challenge-of-the-future-jobs-1404762501 (дата обращения: 08.05.2019).

558. Leary, T. Interpersonal Diagnosis of Personality. A Functional Theory and Methodology for Personality Evaluation [Text] / T. Leary. – Eugene: Wipf and Stock Publishers. – 2004. – 538 p.

559. Lietar, B., Hallsmth G. Creating Wealth: Growing Local Economies with Local Currencies. New Society Publishers. – 2011. – 288 p.

560. Living Planet Report. // WWF. – 2014. – URL: https://www.worldwildlife.org/pages/living-planet-report-2014 (дата обращения: 08.05.2019).

561. Living Planet report // WWF. – 2016 – URL: http://awsassets.panda.org/downloads/lpr_living_planet_report_2016.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

562. Ljovkina, A.O. Humanistic Approach in Economic Anthropology: Modern Social and Cultural Context Reflection and Change [Text] / A.O. Ljovkina // Archaeology & Anthropology. – 2018. – URL: http://crimsonpublishers.com/aaoa/pdf/AAOA.000524.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

563. Ljovkina, A.O. Managing Innovation Resources in Accordance with Sustainable Development Ethics: Typological Analysis [Text] / A.O. Ljovkina, D.L. Dusseault, O.V. Zaharova, Y. Klochkov // Resources – 2019. – Vol. 8. – № 2. – P. 82.

564. Lundvall, B-A. I. National systems of innovation: towards a theory of innovation and interactive learning [Text] / B-A. I. Lundvall. – London: Pinter. – 1992. – 317 p.

565. Lundvall, B.-A. I. Innovation as an interactive process: From user-producer interaction to the National Innovation Systems [Text] / B-A. I. Lundvall // Dosi B.G.F. Technology and economic theory. – London: Pinter Publishers. – 1988. – P. 75 - 113.

566. Mair, J. Social entrepreneurship research: A source of explanation, prediction, and delight [Text] / J. Mair, I. Marti // Journal of world business. – 2006. – P. 36-44.

567. Mankiw, G. Contribution to the Empirics of Economic Growth [Electronic resource] / G. Mankiw, D. Romer, D. Weil // NBER Working Paper. – 1990. – URL: https://eml.berkeley.edu/~dromer/papers/MRW_QJE1992.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

568. Manyika, J. Can long-term global growth be saved? [Electronic resource] / J. Manyika, J. Woetzel, R. Dobbs R., J. Remes J. & etc.– 21.12.2016. – URL: http://www.mckinsey.com/insights/growth/can_long-term_global_growth_be_saved (дата обращения: 08.05.2019).

569. Marois, T. States, Banks and Crisis: Emerging Finance Capitalism in Mexico and Turkey [Text] / T. Marois. – Cheltenham Glos: Edward Elgar Publishing. 2012. – 263 p.

570. Marx, K. Capital [Text] / K. Marx. – Hamburg: Verlag von Otto Meissner. – 2013. – Wordsworth. – 1168 p.

571. Maslow, A. The Farther Reaches of Human Nature / A. Maslow //Journal of Transpersonal Psychology. – 1969. – № 1. – P. 1-9.

572. Masuda, Y. The information society as post – industrial society [Text] / Y. Masuda. – Washington: World Future Society. – 1980. – 419 p.

573. McGrath, M. Commercial ebola vaccine 'unlikely' say researchers [Electronic resource] / M. McGrath // BBC. – 2012. – URL: http://www.bbc.com/news/science-environment (дата обращения: 08.05.2019).

574. Meadows, D.H. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind [Text] / D.H. Meadows, D.L. Meadows, J. Randers. – New York: Universe Books. – 1972. – 203 p.

575. Meadows, D.H. Limits to Growth: The 30-Year Update [Text] / D.H. Meadows, D.L. Meadows, J. Randers. – Hartford: Chelsea Green Publishing Co. – 2004. – 338 p.

576. Merton, R. Social Theory and Social Structure [Text] / R. Merton. – NewYork: Free Press. – 1968. – 720 p.

577. Milczarek, M. European stress observatory report [Electronic resource] / M. Milczarek, E. Schneider, E.R. González // European Communities, Luxembourg. – 2009. – URL: https://osha.europa.eu/sl/node/6862 (дата обращения: 08.05.2019).

578. Missimer, M. A strategic approach to social sustainability – Part 2: a principle-based definition [Text] / M. Missimer, K. Robèrt, G. Broman // Journal of Cleaner Production. – 2017. – Vol. 140. – P. 42-52.

579. Morgan, G. Imaginization [Text] / G. Morgan. – San-Francisco: Berret-Koehler. – 1997. – 347 p.

580. Morison, E.E. Men, Machines, and Modern Times [Text] / E.E. Morison. – Cambridge: MIT Press. – 2016. – 344 p.

581. Naidoo, K. Boiling point: multiple crises and the democratic deficit. interview by allen white [Electronic resource] / K. Naidoo. // Great Transition Initiative. – Tellus Institute: http://www.greattransition.org/publication/boiling-point-multiple-crises-and-the-democratic-deficit (дата обращения: 08.05.2019).

582. Nelson, M.R. Downshifting Consumer = Upshift-ing Citizen? An Examination of a Local Freecycle Community [Text] / M.R. Nelson, M.A. Rademacher, H-J. Paek // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – 2007. – 611(1):141-156. – P. 141-156.

583. Nelson, R.R. National Innovation Systems: A Comparative Analysis [Text] / M.R. Nelson. – Oxford: Oxford University Press. – 1993. – 541 p.

584. Nes, L.S. Optimism, Motivation, and Mental Health. // Encyclopedia of Mental Health (Second Edition) [Text] / L.S. Nes, S.C. Segerstrom. – 2015 – P. 232-236.

585. Neuvonen, A. Low-carbon futures and sustainable lifestyles: A backcasting scenario approach [Text] / A. Neuvonen, T. Kaskinen, J. Leppänen, S. Lähteenoja S. & etc. // Futures. – 2014. – Vol. 58. – P. 66-76.

586. Nicholos, S. Moral Responsibility and Determinism: The Cognitive Science of Folk Intuitions [Text] / S. Nicholos, J. Knobe // Nous. – 2007. – Vol. 41, № 4. – P. 663–685.

587. Nikitina, Y. Innovative Behavioral Models as a Method for a Social System Adaptation in the Unstable External Environment [Text] / Y. Nikitina // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 166. – P. 135-141.

588. Ohmae, K. The End of the Nation State - How Region States Harness the Prosperity of the Global Economy [Text] / K. Ohmae. – New York: Touchstone. – 1996. – 224 p.

589. Palast, G. The Best Democracy Money Can Buy [Text] / G. Palast. – A Plume Book. – 2004. – 392 p.

590. Palley, T.I. Financialization: The Economics of Finance Capital Domination [Text] / T.I. Palley. – Palgrave Macmillan. – 2017. – 248 p.

591. Pelletiere, S. C. America's oil wars [Text] / S. Peletere. – Wesport: Praeger. – 2004. – 208 p.

592. Perkins, J. Confessions Of An Economic Hit Man [Text] / J. Perkins. – New York: First Plume Printing. – 2004. – 307 p.

593. Peter, A.V. Managing Without Growth: Slower by Design, Not Disaster [Text] / A.V. Peter. – Edward Elgar Publishing. – 2008. – 272 p.

594. Philippon, T. The future of the financial industry [Text] / T. Philippon // Stern on Finance. – 06.11.2008. – URL: http://w4.stern.nyu.edu/blogs/sternonfinance/2008/11/the-future-of-the-financial-in.html (дата обращения: 08.05.2019).

595. Pink, D. Drive – The Surprising Truth about what motivates us. Edinburgh [Text] / D. Pink. – London. New-York. Melbourne.: Canongate Books. – 2011. – 288 p.

596. Polanyi, K. Primitive, Archaic and Modern Economics: Essays of Karl Polanyi [Text] / K. Polanyi., G. Dalton –Garden City. New-York: Anchor Books. – 1968. – 346 p.

597. Porwol, L. An ontology for next generation e-Participation initiatives [Text] / L. Porwol, A. Ojo, J.G. Breslin // Government Information Quarterly. – 2016. – Vol. 33. – № 3. – P. 583–594.

598. Prahalad, C.K., The New Age of Innovation: Driving Cocreated Value Through Global Networks [Text] / C.K. Prahalad, M.S. Krishnan. – New York: McGraw-Hill Education. – 2008. – 304 p.

599. Puzzanghera J. Pfizer to pay $14 billion for Medivation, whose drug Xtandi was discovered by UCLA [Electronic resource] / J. Puzzanghera // Los-Angeles times. – 22.08.2016. – URL: http://www.latimes.com/business/la-fi-pfizer-medivation-acquisition-20160822-snap-story.html (дата обращения: 08.05.2019).

600. Quiggin J. The intensification of work and the polarisation of labor [Electronic resource] / J. Quiggin //Academy of the Social Sciences in Australia Workshop. Canberra. – 1996. – URL: http://www.uq.edu.au/economics/johnquiggin/Conference/intensification.html (дата обращения: 08.05.2019).

601. Quiggin, J. Zombie economics. [Text] / J. Quiggin. – Princeton and Oxford: Princeton University Press. – 2012 – 288 p.

602. Rahdari, A. Achieving sustainability through Schumpeterian social entrepreneurship: The role of social enterprises [Text] / A. Rahdari, S. Sepasi, M. Moradi // Journal of Cleaner Production. – 2016. – Vol. 137. – P. 347-360.

603. Ramsey, F.P. A mathematical theory of saving [Text] / F.P. Ramsey // The Economic Journal. – 1928. – December. – P. 543–559.

604. Randers, J. 2052: A Global Forecast for the Next Forty Years [Text] / Randers, J. – Chelsea Green Publishing. – 2012. – 416 p.

605. Register, R. Ecocity Berkeley: Building Cities for a Healthy Future [Text] / R. Register. – North Atlantic Books. – 1987. – 140 с.

606. Reinert, E.S. Production Capitalism vs. Financial Capitalism - Symbiosis and Parasitism. An Evolutionary Perspective and Bibliography [Electronic resource] / E.S. Reinert, A.M. Daastøl // Working papers in technology governance and economic dynamics. Tallin: Tallin University of Technology. – 2011. – URL: http://technologygovernance.eu/files/main/2012032710291818.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

607. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future [Electronic resource] // UN. – URL: http://www.un-documents.net/our-common-future (дата обращения: 08.05.2019).

608. Rifkin, D. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era [Text] / D. Riffkin. – New-York: G.P. Putnam's sons. – 1996. – 361 p.

609. Rifkin, J. The zero marginal cost society: the internet of things, the collaborative commons, and the eclipse of capitalism [Text] / D. Riffkin. – London: Palgrave. – 2015. – 448 p.

610. Rochat, C. Possible solutions to information overload [Electronic resource] / C. Rochat. – South African Journal of information management. – 2002. – Vol. 4 . – № 2. – URL: http://www.sajim.co.za/index.php/SAJIM/issue/view/16 (дата обращения: 08.05.2019).

611. Rohner, U. Global Wealth Report [Electronic resource] / U. Rohner // Credit Swiss Research Institute. – 2016. – URL: https://www.compassion.com/poverty/poverty.htm (дата обращения: 08.05.2019).

612. Romer, P.M. Increasing Returns and Long-Run Growth [Text] / P.M. Romer // The Journal of Political Economy. – 1986. – October. – P. 1002-1037.

613. Ross, G. An Interview with W. Brian Arthur [Electronic resource] / G. Ross // American scientist. – 2015. – URL: http://www.americanscientist.org/bookshelf/pub/an-interview-with-w-brian-arthur (дата обращения: 08.05.2019).

614. Rostow, W.W. Politics and the Stages of Growth [Text] / W.W. Rostov. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1971. – 428 p.

615. Rothkopf, D. Superclass: The Global Power Elite and the World They Are Making [Text] / D. Rothkopf. – New-York: Farrar, Straus and Giroux. – 2009. – 416 p.

616. Rothwell, R. Towards the fifth-generation innovation process [Text] / R. Rothwell // International Marketing Review. – 1994. – Vol. 11 . – № 1. – P. 7-31.

617. Sahal, D. Patterns of Technological Innovation [Text] / D. Sahal. – Addison-Wesley. – 1981. – 381 p.

618. Samans, R. The inclusive growth and development report [Electronic resource] / R. Samans, J. Blanke, G. Corrigan, M. Drzeniek // World Economic Forum. – 2015. – URL: https://www.futuribles.com/en/bibliographie/notice/the-inclusive-growth-and-development-report-2015 (дата обращения: 08.05.2019).

619. Schein, E. Organizational culture and leadership: A dynamic view [Text] / E. Shein. – San-Francisco: Jossey-Bass. – 2016. – 408 p.

620. Schmookler, J. Invention and Economic Growth Cambridge [Text] / J. Schmookler. – Harvard: Harvard University Pres. – 1966. – 348 p.

621. Schot J. Deep transitions: Emergence, acceleration, stabilization and directionality [Text] / J. Schot, L. Kanger // Research Policy. – 2018. – Vol. 47. – Iss. 6. – P. 1045 – 1059.

622. Schumpeter, I. Theory of economic development [Text] / J. Schumpeter. – New-York: Routledge. – 2017. – 244 p.

623. Schumpeter, J. History of Economic Analysis [Text] / J. Schumpeter. – New York: Oxford University Press. – 1996. – 1320 p.

624. Schumpeter, J.A. Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process [Text] / J. Schumpeter. – New York. Toronto. London: McGraw-Hill Book Company. – 1939. – 461 p.

625. Scott, H. History and Purpose of Technocracy [Text] / H. Scott. – Northwest Technocrat. – 1965. – July. – P. 7 – 23.

626. Senge, P. The fifth discpline: the art and practice of the learning organization [Text] / P. Shenge. – New-York: Doubleday. – 2006. – 445 p.

627. Sekliuckiene, J. Development of Social Entrepreneurship Initiatives: A Theoretical Framework [Text] / J. Sekliuckiene, E. Kisielius // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 213. – P. 1015 – 1019.

628. Shapiro, J. Divide and Deal: The Politics of Distribution in Democracies [Text] / J. Shapiro. – New-York: NYU Press. – 2008. – 368 p.

629. Sherer, F. Innovation and growth: Schumpeterian perspectives [Text] / F. Sherer. – Cambridge: MIT Press. – 1984. – 297 p.

630. Siqueira, R.P. Sustainability-oriented innovations: Can mindfulness make a difference? [Text] / R.P. Siqueira, C. Pitassi // Journal of Cleaner Production. – 2016. – Vol. 139. – P. 1181–1190.

631. Soddy, F. Wealth, Virtual Wealth and Debt: The Solution of the Economic Paradox [Text] / F. Soddy. – Dutton: Currency question. – 1926. 320 p.

632. Solow, R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth [Text] / R.M. Solow // The Quarterly Journal of Economics – 1956. – Vol. 70 . – № 1. – P. 65-94.

633. Sorokin, P.A. The Crisis of Our Age [Text] / P.A. Sorokin. – Oneworld Publications. – 1992. – 281 p.

634. Stabile, D. Prophets of order. The rise of the new class, technocracy and socialism in america [Text] / D. Stabile. – Boston: South end press. – 1984. – 220 p.

635. Steffy, L.C. Drowning in Oil: BP & the Reckless Pursuit of Profit [Text] / L.C. Steffy. – New York: McGraw-Hill Education. – 2010. – 305 p.

636. Stehr, N. Knowledge Societies [Text] / N. Stehrn. – London: SAGE Publications Ltd. – 1994 . – 304 p.

637. Stiglitz, J.E. Equilibrium in Product Markets with Imperfect Information [Text] / J.E. Stiglitz // American Economic Review. – 1979. – Vol. 69 . – № 2. – P. 339-345.

638. Swan, T.W. Economic growth and capital accumulation [Text] / T.W. Swan // Economic Record. – 1956. – Vol. 32 . – № 2. – p. 334–361.

639. Taton, R. Reason and Chance in Scientific Discovery [Text] / R. Taton. – New York: Philosophical Library. – 1958. – 171 p.

640. Taylor, J. NOAA Report Destroys Global Warming Link To Extreme Weather [Electronic resource] / J. Taylor. – Forbes. – 2014. – URL: http://www.forbes.com/sites/jamestaylor/2014/09/22/alarmists-respond-to-summer-freeze-with-global-warming-protest (дата обращения: 08.05.2019).

641. Tesla N. My Inventions The Autobiography of Nikola Tesla [Text] / N. Tesla. – Merchant Books. – 2013. – № 92 p.

642. The Global Innovation 1000: Comparison of R&D Spending by Regions and Industries 2005 – 2014. [Electronic resource] // Strategy. – 21.12.2016. – URL: http://www.strategyand.pwc.com/global/home/what-we-think/innovation1000/rd-intensity-vs-spend-2014 (дата обращения: 08.05.2019).

643. The Global Risks report 2016. 11th edition [Electronic resource] // World Economic Forum. – Geneva. – 2016. – URL: http://www3.weforum.org/docs/Media/TheGlobalRisksReport2016.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

644. The measurement of scientific and technological activities. Proposed guidelines for collecting and interpreting technological innovation data. Oslo manual [Electronic resource] // Organisation for Economic Co-operation and Development. – 2005. – URL: https://www.oecd.org/sti/inno/2367580.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

645. Thomas, A.H. The Paradox of Patent Assertion Entities [Electronic resource] / A.H. Thomas // American Enterprise Institute. – 2013. – URL: http://www.aei.org/publication/the-paradox-of-patent-assertion-entities (дата обращения: 08.05.2019).

646. Townsend, J. Dissertation on the Poor Law by a Well-Wisher of Mankind [Text] / J. Townsend // Los Angeles, London: Berkeley. – Gale ECCO. – 2010. – 108 p.

647. Trott, P. Innovation Management & New Product Development, 5th ed. [Text] / P. Trott. – Harlow: Trans-Atlantic Publications, Inc. – 2011. – 648 p.

648. Tucker, C.E. The Effect of Patent Litigation and Patent Assertion Entities on Entrepreneurial Activity [Electronic resource] / C.E. Tucker // arstechnica.com. –

15.05.2014. – URL: http://cdn.arstechnica.net/wp-content/uploads/2014/06/Tucker-Report-5.16.14.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

649. Turner, G. A. CSIRO working paper series. "The Limits to Growth" with Thirty Years of Reality [Electronic resource] / G.A. Turner. – Commonwealth Scientific and Industrial Research Organisation. – June 2008. – URL: http://ecohist.history.ox.ac.uk/readings/Technological_limits/limits-to-growth-simulated.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

650. Tushman, M.L. Technological Discontinuities and Organizational Environments [Text] / M.L. Tushman, P. Anderson // Administrative Science Quarterly. – 1986. – Vol. 31 . – № 3. – P. 439-465.

651. UNHCR Statistics [Electronic resource] // The UN Refugee Agency. – 19.12.2016. – URL: http://popstats.unhcr.org/en/overview (дата обращения: 08.05.2019).

652. Uzawa, H. Optimal Technical Change in an Aggregative Model of Economic Growth [Text] / H. Uzava // International Economic Review. – 1965. – Vol. 1. – P. 18-31.

653. Van de Ven, A.H. Explaining development and change in organizations [Text] / A.H. Van de Ven, M.S. Pool // Acdamy of Management review. – 1995. – Vol. 3 . – № 20. – P. 510-540.

654. van der Vleuten, E. Radical change and deep transitions: Lessons from Europe's infrastructure transition 1815-2015 [Electronic resourse] / E. van der Vleuten // Environmental Innovation and Societal Transitions. – 21.02.2018. – URL: https://doi.org/10.1016/j.eist.2017.12.004 (дата обращения: 08.05.2019).

655. van Dijk, T. A. Discourse and Context. A sociocognitive approach [Text] / T. A. van Dijk. – New York: Cambridge University Press. – 2008. – 267 p.

656. Veblen, T. The Engineers and the Price System [Text] / T. Veblen. – Kitchener: Batoche Books. – 2001. – 104 p.

657. Veblen, T. The Theory of the Leasure Class [Text] / T. Veblen. – Oxford: Oxford University Press. – 2007. – 300 p.

658. Vitali, S. The network of global corporate control. [Electronic resource] / S.Vitali, J.B.Glattfelder, S.Battiston // PLoS ONE. – 2011. – Vol. 10 . – № 6. – URL: https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0025995 (дата обращения: 08.05.2019).

659. Voices of the Hungry [Electronic resource] // Food and agrecultural organization of the United Nations. – 2016. – URL: http://www.fao.org/3/a-i5019e.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

660. von Weizsaecker, E.U. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet [Text] / E.U. von Weizsaecker, A. Wijkman. – Springer. – 2017. – 220 p.

661. Vveinhardt, J. Impact of Social Context on Strategic Philanthropy: Theoretical Insight [Text] / J. Vveinhardt, R. Zygmantaite // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 2014 – P. 1165 – 1173.

662. Vylegzhanina, A.O. Innovative methods of norms settings: new possibilities in management [Text] / A.O. Vylegzhanina, V.V. Barmenkova // Life quality of subject of modern education: scientific almanac. – 2013. – Aughust. – P. 29-52.

663. Wamsley, R. World prison population list. 11th edition [Electronic resource] / R. Wamsley // Institute for ctiminal policy research. – 2016. – URL: http://www.prisonstudies.org/sites/default/files/resources/downloads/world_prison_population_list_11th_edition_0.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

664. Weber, M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism [Text] / M. Weber. – Oxford University Press; Revised edition. – 448 p.

665. Williams, C.C. The Diverse and Contested Meaning of Sustainable Development [Text] / C.C. Williams, A.C. Millington // The Geographical Journal. – 2004. – Vol. 170. – № 2. – P. 99 – 104.

666. World employement social outlook [Electronic resource] // International Labour Office. – Geneva: 2017. – URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_541211.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

667. World Population Aging Report [Text] // New-York: UN. – 2015. – 141 p.

668. World Summit on Social Development 2005 [Electronic resource]. – URL: http://www.who.int/hiv/universalaccess2010/worldsummit.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

669. WWF Global Footprint Network [Electronic resource]. – 2011. – URL: http://www.footprintnetwork.org/en/index.php/GFN/page/footprint_data_and_results (дата обращения: 08.05.2019).